

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ

Электронный научный журнал

Главный редактор – Соромотина Владислава Алексеевна, заместитель главного редактора – Незнамова Юлия Николаевна.

Редакционная коллегия: Гаевская Екатерина Юрьевна, доцент кафедры земельного и экологического права, кандидат юридических наук; Глазырин Валерий Алексеевич – доцент кафедры философии и социологии, доктор социологических наук; Гончаров Максим Владимирович – доцент кафедры конституционного права, кандидат юридических наук; Григорьев Иван Владимирович – доцент кафедры трудового права, кандидат юридических наук; Дикусар Яна Сергеевна – доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук; Новикова Наталья Александровна – доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук; Сергеев Андрей Михайлович – доцент кафедры предпринимательского права, кандидат экономических наук; Файзрахманов Рафаил Андреевич – доцент кафедры теории государства и права; Шамсумова Эмма Файсаловна – доцент кафедры истории государства и права, кандидат юридических наук; Шерпаев Владимир Иванович – профессор кафедры теории государства и права, доктор политологических наук.

Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. с. 571

**Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-75805
ISSN: 2687-007X**

Адрес редакции:

ул. Колмогорова, д. 54, каб. 117А, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620034

Е-mail: iustitia.quastio@gmail.com

Тел. / факс: +7 (343) 367-40-91

Учредитель:

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

ул. Комсомольская, д. 21, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620137

Тел. / факс: +7 (343) 374-43-63.

Е-mail: rektorat@usla.ru

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в журнале «Вопросы российской юстиции», допускается только с разрешения редакции.

© Вопросы российской юстиции, 2023

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ
ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Галкин Олег Витальевич. **ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА КАК
СУБЪЕКТА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (1955-2007 ГГ.)**..... 7

Семенова Екатерина Александровна. **ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ВЕЯНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА: ВРЕМЕННАЯ МЕРА ИЛИ ДОЛГОСРОЧНЫЙ
ИНСТИТУТ?** 20

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

Котельников Дмитрий Александрович. **ОСНОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-
ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**... 32

Котовой Алексей Сергеевич. **ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРЕЗИДЕНТА РФ В
СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА**..... 43

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ
ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО, КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

Бандурина Дарья Александровна. **ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК
ОБЪЕКТ АВТОРСКИХ ПРАВ**..... 56

Грязева Милена Александровна. **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ПОСРЕДНИКОВ ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В СЕТИ
«ИНТЕРНЕТ»**..... 64

Кряжевских Ксения Александровна. **ВЛИЯНИЕ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО
СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЗЫСКАНИЯ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ
АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ**..... 71

Купцова Арина Сергеевна. **КАК ПРОВЕРИТЬ НА БЛАГОНАДЕЖНОСТЬ
КОНТРАГЕНТА ИЗ АРМЕНИИ ПЕРЕД ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ДОГОВОРА?** 77

Лапухов Владислав Русланович. **О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ИГР И ПАРИ** 85

Махмутова Альбина Зуфаровна. **NFT-ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ
ЦИФРОВОГО ИСКУССТВА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**
..... 94

Мирзоян Артем Гивиевич, Завязкина Анастасия Романовна. **ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРУШЕНИЯМ АНТИМОНОПОЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**..... 107

Орищенко Анастасия Сергеевна, Спицин Кирилл Олегович. **ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
НОРМ ОБ УЛУЧШЕНИЯХ АРЕНДОВАННОГО ИМУЩЕСТВА** 113

Пащук Елена Олеговна. СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 121

Сестров Павел Алексеевич. К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАСЛЕДОВАНИЯ БИЗНЕСА 128

Согоян Диана Паргевна. РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИНЦИП ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА КРЕДИТОРОВ..... 136

Тхай Виктория Рудольфовна. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 142

Тхай Виктория Рудольфовна, Чернигова София Андреевна. ИНСТИТУТ ОТЦОВСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 148

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО.

Изотова Мария Андреевна. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 157

Ловчикова Юлия Владимировна. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ НАЛОГОВОГО ПРАВА..... 171

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Лемехов Сергей Витальевич. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ..... 178

Руф Владислав Сергеевич. ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С РАБОТНИКОМ В СВЯЗИ С ПРИЗЫВОМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО МОБИЛИЗАЦИИ..... 184

Степанов Кирилл Алексеевич. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ НЕДОСТАТОК ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ 195

Степанов Кирилл Алексеевич, Кушнарев Александр Сергеевич. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ..... 209

Сурина Полина Дмитриевна. ПРАВО ПЕДАГОГА НА ОХРАНУ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 222

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Беренвальд Елизавета Петровна, Игнатов Михаил Дмитриевич. ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ЛЕСОВОССТАНОВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЛЕСОВ 235

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

Демидова Анна Владимировна. К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ КОНТРОЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СФЕРЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	243
Жамков Михаил Вячеславович. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО РЕЖИМА САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ	250
Комиссарова Анастасия Андреевна. ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ КАК ОБЪЕКТОВ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ	259
Осокин Александр Владиславович. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	264
Рассказов Александр Александрович. НАИЛУЧШИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОСНОВА ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА	281
Сидорова Екатерина Юрьевна. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЛЕСНЫМ НАСАЖДЕНИЯМ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	287
Смирнова Ирина Александровна. К ВОПРОСУ О «ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗНООБРАЗИИ» НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ В ИНСТИТУТЕ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ	297
Фарков Дмитрий Олегович. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОБЪЕКТОВ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	307
 УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА	
Бабаев Ибрагим Феликсович. АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	315
Батова Дарья Юрьевна, Зубков Георгий Евгеньевич. АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ - ИНСТИТУТ, КОТОРОГО НЕТ В УПК РФ	320
Буравов Илья Сергеевич. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ	329
Вострикова Анастасия Михайловна, Руф Владислав Сергеевич. КАТЕГОРИЯ НЕИЗГЛАДИМОГО ОБЕЗОБРАЖИВАНИЯ ЛИЦА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА УГОВНО-ПРАВОВУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ	337
Высоцкая Анастасия Михайловна, Чернышева Александра Сергеевна. К ВОПРОСУ О НАДЛЕЖАЩЕМ НОРМАТИВНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НЕРАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	346
Кульпин Алексей Андреевич. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПУБЛИЧНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 207.3 УК РФ	356
Незнамова Юлия Николаевна. К ВОПРОСУ О СОКРАЩЕНИИ УРОВНЯ ВИКТИМНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	365

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

Полуничев Артур Игоревич. **ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**
..... 373

Рыбакова Татьяна Игоревна. **ЯТРОГЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ**..... 385

Сироткина Ксения Дмитриевна. **ФОРМИРОВАНИЕ НАЧАЛ ДИСПОЗИТИВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: РОЛЬ ТРУДОВ С.С. АЛЕКСЕЕВА** 394

Соромотина Владислава Алексеевна, Титов Павел Михайлович. **ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ**..... 402

Сушков Олег Эдуардович. **СОГЛАСИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ** 410

Цветкова Анна Денисовна. **АКТУАЛЬНОСТЬ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ** 425

Чубукина Яна Ивановна. **РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПРИЧИНЫ И СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**..... 436

Юсупова Алсана Фанисовна. **КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО П. «Г» Ч. 3 СТ. 158 УК РФ** 444

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Кузнецов Артемий Александрович. **ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПРОКСИ-КОНФЛИКТОВ** 451

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Хованов Илья Сергеевич. **О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОКУРАТУРОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМУ В ИНТЕРНЕТЕ** 460

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Землянских Илья Сергеевич. **АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ПРОБЛЕМЫ СУТЯЖНИЧЕСТВА**..... 472

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Антошина Ирина Васильевна. **ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, ПРИ РАССМОТРЕНИИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ** 482

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

Бесельман Илона Владимировна. **ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ...**489

Гусейнов Тофик Азерович. **ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ ЦИФРОВОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....**499

Мирзоян Артем Гивиевич. **ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ**507

Пеленицына Марина Валентиновна, Пичугина София Владимировна. **РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДЕЛОВ РАССМОТРЕНИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ.....**518

Прокопенко Данил Романович. **РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ**528

Темникова Татьяна Николаевна. **ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**542

Яценко Анастасия Олеговна, Бесельман Илона Владимировна. **СВОЕВРЕМЕННОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**550

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Фам За Хюи, Фам Ньы Хан. **СБОР ЭЛЕКТРОННЫХ СЛЕДОВ С МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВО ВЬЕТНАМЕ**563

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА,
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 340.15

Галкин Олег Витальевич

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук

при Правительстве Республики Мордовия

Отдел истории

Россия, Саранск

galkinoleg1999@gmail.com

Galkin Oleg

Research Institute of the Humanities

by the Government of the Republic of Mordovia

Department of History

Russia, Saransk

**ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА КАК СУБЪЕКТА
ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (1955-2007 ГГ.)**

Аннотация: статья представляет собой историческое исследование правового статуса прокурора как субъекта доказывания в отечественном уголовном процессе. Автор отслеживает исторические трансформации полномочий прокурора в отношении доказательственной деятельности, а также доктринальные взгляды и оценки роли прокурора в доказывании. Автором выявляется основное противоречие между объективностью и независимостью прокурорского надзора за доказыванием и активным непосредственным участием прокурора в доказывании на протяжении всей его истории. В статье делается вывод, что исторический опыт должен быть основой для дальнейшего развития правового статуса прокурора как субъекта доказывания.

Ключевые слова: прокурор, история прокуратуры, субъект доказывания, уголовный процесс, история права, советское право

HISTORY OF LEGAL STATUS OF THE PROCURATOR AS A SUBJECT OF PROOF IN CRIMINAL PROCEDURE (1955-2007)

Annotation: the article is a historical study of the legal status of the procurator as a subject of proof in the Soviet and Russian criminal procedure. The author traces the historical transformations of the procurator's powers and functions in relation to various aspects of evidence-related activities, and the doctrinal views and evaluations of the prosecutor's role in proof. The author identifies the main contradiction between the objectivity and independence of the procuratorial supervision over proof and his active involvement in proof across its history. The article argues that the historical experience should inform the further development of the legal status of the prosecutor as a subject of proof.

Key words: procurator, history of procuracy, subject of proof, criminal process, legal history, Soviet law

Правовой статус прокурора, в отличии от прочих субъектов доказывания, претерпевал наибольшие изменения за свою историю. Несмотря на это, специальные исследования этого вопроса, которые бы затрагивали продолжительные исторические периоды отсутствуют. Между тем, и для определения полномочий прокурора в доказывании в действующем законодательстве необходимо изучать правовой статус прокурора в историческом контексте. Вопросы доказывания и, в частности, субъектов доказывания, здесь также играют важную роль исходя из их огромного значения в уголовном процессе.

1955-й год вынесен в заглавие темы статьи, поскольку этот год стал важным этапом в истории советской прокуратуры, с него наиболее правильно отсчитывать окончательное формирование советской модели прокурорского надзора в уголовном процессе. Примерно в это время появляются первые значимые теоретические работы, в которых раскрывается правовой статус

прокурора как субъекта доказывания. Так, в 1958 г. В.П. Резепов однозначно выделял прокурора как субъекта доказывания и подчеркивал, что в советском уголовном процессе прокурор в ходе предварительного расследования обязан принимать активное участие в доказывании виновности лица, совершившего преступное деяние, а также в установлении невиновности лица, ошибочно привлеченного к уголовной ответственности [11, с. 117]. В 1955 г. также вступает в силу новое положение о прокурорском надзоре [17], принятие которого связывают с восстановлением в своих правах и усилением прокурорского надзора [20, с. 65]. Кроме того, в нем, в отличие от предыдущего положения 1922 года, более детально закреплена правовая статус прокурора в уголовном процессе, позволяющий охарактеризовать его в том числе как субъекта доказывания. Так, в ст. 19 положения указывалось, что прокурор, осуществляя надзор за расследованием преступлений, вправе давать органам дознания и предварительного следствия указания о расследовании преступлений, участвовать в производстве предварительного следствия и дознания по уголовным делам и в необходимых случаях лично производить расследование по любому делу [17]. Заложенные в новом положении нормы получили дальнейшее развитие и конкретизацию в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 [8] г. и Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года (далее - УПК РСФСР) [15].

Так, ст. 70 и 71 УПК РСФСР закрепляли полномочия прокурора на собирание и оценку доказательств, ст. 167, 168, 174 и 188 устанавливали необходимость получения санкции на проведение выемки документов, содержащих государственную тайну, обыска (за исключением случаев, не терпящих отлагательств), выемки почтово-телеграфной корреспонденции и помещение в лечебно-психиатрическое учреждение обвиняемого или подозреваемого, не содержащегося под стражей для проведения необходимых экспертиз соответственно [15]. Однако наибольшую важность имели положения,

закрепленные в ст. 211 и ст. 212. Согласно первой из перечисленных, прокурор был вправе в необходимых случаях лично производить предварительное следствие или отдельные следственные действия по любому делу [15]. Следующая статья закрепляла обязательность указаний прокурора. Характерно, особо отмечаемое в научной литературе положение, что в случае дачи указаний не имеет значения ни характер дела, ни ведомственная принадлежность следователя или органа дознания, производящего расследование, указание может быть дано на любом этапе следствия или дознания, а также в связи с возбуждением дела [5, с. 354]. Важно также указать на ст. 20 УПК РСФСР 1960 г., которая предписывала прокурору, наряду с другими субъектами доказывания такими как суд, следователь и лицо, производящее дознание, принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства [15], что в доктрине советского уголовного процесса было выражено в том, что прокурор также считался субъектом, устанавливающим объективную истину по делу, а на практике приводило к активному вовлечению прокурора в процесс доказывания..

Таким образом, набор полномочий прокурора как субъекта доказывания включал в себя все полномочия следователя и дознавателя по собиранию доказательств. Помимо этого, на стадии предварительного следствия прокурор мог также участвовать в процессе доказывания косвенно, давая определенные указания о собирании доказательств. К косвенному участию в доказывании следует относить и санкционирование прокурором проведение ранее упомянутых некоторых следственных действий. Кроме того, прокурором санкционировалось и избрание мер пресечения связанных с изоляцией от общества. Как отмечал Н.В. Азарёнок, прокурор в советском уголовном процессе лично изучал собранные доказательства и формировал свое внутреннее

убеждение и о доказанности причастности к совершению преступления, лишь после чего санкционировал изоляцию лица от общества. [1, с. 314].

Следовательно, прокурор являлся основным субъектом доказывания в советском уголовном процессе, имея самый широкий набор полномочий в доказывании. Не только под его надзором, но и под непосредственным руководством осуществлялась деятельность следователя по собиранию и оценке доказательств, что не исключало возможности и личного участия прокурора в доказывании. Участие прокурора в доказывании осуществлялось и в форме его участия в санкционировании проведения отдельных следственных действий.

В этой связи, совершенно справедливы характеристики всего предварительного следствия как «прокурорского расследования» [1, с. 321-322; 2, с. 121], по словам С.Б. Россинского, с принятия УПК РСФСР следователь фактически превратился в «помощника» прокурора [12, с. 30]. Однако уже в советское время начинает обсуждаться несовместимость руководства следствием и надзором за ним. Так, одним из первых случаев обсуждения этого вопроса были дискуссии в 1956-1957 гг., одна из которых проходила во время научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции во Всесоюзном институте юридических наук (ВИЮН). Особенно показательным представляются реплики Г.Н. Александрова, представляющего Методический Совет Прокуратуры СССР. Он спрашивал: «почему на 34-м или 35-м году существования органов прокуратуры у нас поставлен вопрос, в состоянии ли прокурорские органы руководить следственным аппаратом, иметь его в своей системе? Что произошло?», отмечая при этом, что «...прокурорский надзор мыслится как активная форма надзора за законностью, выражающаяся в том числе и в руководстве следствием» [14, с. 173].

Кроме организационных и процессуальных изменений правового статуса прокурора, из которого вытекает его положение как субъекта доказывания

преимущественно на досудебных стадиях процесса, обсуждалось и изменение его статуса в судебных стадиях процесса. И.Л. Петрухин в 1972 г. обращал внимание, что прокурор как государственный обвинитель не в состоянии участвовать в доказывании одновременно и как защитник, и как обвинитель, . ему, органу надзора за законностью, иногда трудно подняться выше односторонних интересов обвинения, поскольку «он еще до начала судебного разбирательства убежден в виновности обвиняемого и предлагал проведение правового эксперимента, в ходе которого изменить процессуальное положение прокурора в суде, сделав его только органом надзора, независимым от функции обвинения [9, с. 173-174]. Однако в целом же, в советской доктрине уголовного процесса продолжало сохраняться положение о неразрывности прокурорского надзора и осуществления функции обвинения. Так указывалось, что даже участие прокурора в производстве отдельных следственных действий представляет собой один из методов осуществления прокурорского надзора. [5, с. 224]. Тем самым, на протяжении всего периода начиная с 1955 г. сохраняла актуальность высказанная еще в 1958 г. В.П. Резеповым мысль, что права и обязанности прокурора в отношении проводимого предварительного расследования органически вытекают из его основной функции — надзора за соблюдением социалистической законности, являясь ее неотъемлемой составной частью [11, с. 117].

Суммировала всю критику положения прокурора как субъекта доказывания за советский период принятая 24.10.1991 Концепция судебной реформы (далее - Концепция). В ней положение прокурора подверглось широкой критике, на примере множества полномочий прокурора в доказывании показывалось что законодательство во многих случаях отрицает функциональную дифференциацию внутри системы уголовной юстиции, что выражено в том числе соединении в лице одного субъекта прокурора - различных по юридической природе видов деятельности: надзора за расследованием,

процессуального (а в случаях со следователями прокуратуры и административного) руководства расследованием и непосредственной расследовательской деятельностью [10]. Тем самым, в Концепции уже четко обозначен разрыв с ранее господствующей идеей о единстве функции надзора и непосредственного участия в расследовании. Следователь прокуратуры, как указывалось в Концепции, не может быть никем иным, кроме как вспомогательным работником при прокуроре, и делался вывод, что при таком положении нельзя обеспечить ни качество расследования, ни надзор за его законностью. Предлагалось распределять полномочия прокурора в доказывании в пользу суда и следователя, вплоть до того, что «уже на первом этапе реформы судебный контроль заменит прокурорский надзор за расследованием». Однако, согласно указанной Концепции, прокурор сохранял право руководить процессом доказывания, а непосредственное собирание доказательств предусматривалось только по узкой категории дел (при уголовном преследовании сотрудников правоохранительных органов) [10]. Многие из положений Концепции в том или ином виде были реализованы в ходе последующих изменений правового статуса прокурора.

С принятием в 2001 году нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) прокурор окончательно был лишен прав санкционирования проведения следственных действий и избрания мер пресечения [16], что лишило его, в определенной степени, права косвенно участвовать в процессе доказывания, однако в целом сохранил свои широкие полномочия как субъект доказывания: мог собирать доказательства как самостоятельно, так и путем дачи обязательных указаний, проводил оценку доказательств, мог выносить постановления о признании доказательств недопустимыми. В 2004 г. И.В. Зверев писал, что осуществляя доказывание в рамках обеспечения функции уголовного преследования, следователь и дознаватель выступают в качестве своеобразного процессуального помощника

прокурора в формулировании и обосновании государственного обвинения [4, с. 92]

Однако наиболее серьезные изменения в правовом положении прокурора как субъекта доказывания произошли в связи с принятием Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" [18]. Прокурор полностью утратил право самостоятельно проводить следственные действия и руководить следствием, а его полномочия по надзору за ходом предварительного расследования оказались значительно сокращены. Непосредственно из прокуратуры был изъят следственный аппарат, был образован Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, который позднее будет преобразован в отдельный самостоятельный государственный орган. В юридической литературе произошедшую реформу оценивают как «смену эпохи всевластия прокурора эпохой сильного следствия» [цит. по 12, с. 42-43].

Высказывается мнение, что после этой реформы, прокурор фактически превратился в наблюдателя за доказыванием и более не является субъектом доказывания [6, с. 84]. Возражения против этого чаще всего связаны с тем, что нормативно правовой статус прокурора как субъекта доказывания во многом остался неизменным. Так, особо примечательно, что до настоящего момента многие из положений УПК РФ не согласованы с изменившимся правовым статусом прокурора как субъекта доказывания. Например, в ч. 1 ст. 86 УПК РФ, прокурор до настоящего времени указан как субъект собирания доказательств, тогда как ни одно другое положение действующего УПК не раскрывает это его правомочие [16].

Ряд авторов предлагает фактически вернуться в том или ином виде к положению прокурора до принятия данного 2007 года в целях повышения эффективности прокурорского участия в доказывании [3, с. 202; 7, с 196; 19, с.

157]. Эта позиция частично не лишена оснований. Так, А. Ю. Синдеев в своей диссертации изучил вопрос о вынесении постановлений о признании доказательств недопустимыми и обнаружил, что после последних изменений в правовом статусе прокурора как субъекта доказывания они выносятся при изучении уголовных дел для решения вопроса об утверждении обвинительного заключения и, тем самым, отсутствует упреждающий прокурорский надзор за ходом расследования [13, С. 137]. В результате, по его словам, если ранее данное процессуальное решение органично вписывалось в инструментарий прокурора и могло побуждать следователя собирать дополнительные доказательства, то сегодня оно используется редко и не так эффективно [13, С. 137-138].

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что положение прокурора как субъекта доказывания подвергалась на протяжении всей своей истории существенным трансформациям. Прокурор, который когда-то имел полное право считаться основным субъектом доказывания в уголовном процессе, по итогу реформы 2007 г. признается субъектом доказывания не всеми современными исследователями. Хотя во многом такие оценки являются следствием разницы в подходе понимания к доказыванию, раскрыть которые в рамках настоящей статьи не представляется возможным, следует признать что едва ли исключение прокурора из числа субъектов доказывания представляется целесообразным. Несмотря на существенное сокращение своих полномочий, прокурор сохранил за собой определенные полномочия, позволяющие ему осуществлять надзор за доказыванием. Кроме того, бесспорно положение прокурора как субъекта доказывания в судебных стадиях, в которых участие государственного обвинителя, в отличии от советского периода, значительно увеличилось.

На протяжении всего обозначенного в названии статьи периода вопросы о положении прокурора в уголовном процессе, из которого закономерно вытекают его полномочия как субъекта доказывания, оставались дискуссионными. Следует отметить общее противоречие между объективностью и

независимостью надзора за доказыванием и активной ролью прокурора в доказывании. Первое, как не без оснований предполагали многие как советские, так и постсоветские авторы, может ставиться под сомнение, если прокурор сам является руководителем и полноправным участником следствия. Однако в то же время нельзя не учитывать взаимосвязь между эффективностью надзора и степени участия в доказывании. Оказываясь отстраненным от непосредственного руководства расследованием, а следственно и отстраненным от процесса доказывания, на пути прокурора встают объективные препятствия в самой возможности обнаружения и устранения нарушений законности. Кроме того, встает вопрос о своевременности обнаружения такого рода нарушений.

От того, в каком виде законодателем и учеными-юристами осознается это объективное противоречие, во многом зависит и положение прокурора. В статье было продемонстрировано, что для большей части советского периода, хотя и не без возражений, характерен большой акцент на единство надзора за доказыванием. Противоположная точка зрения, о коренном различии этих составных частей была ярко выражена в концепции судебной реформы, принятой Верховным Советом РСФСР в 1991 году. Несовместимостью соединения надзора за доказыванием с личным в нем участием руководствовался во многом руководствовался и законодатель при реформе, начатой в 2007 году. Следовательно, во многом от того, как в конкретных исторических условиях понимают взаимосвязь и различие между противоречивыми полномочиями, которыми потенциально может обладать прокурор в доказывании, и зависит его правовой статус как субъекта доказывания в действующем праве. Таким образом, история трансформаций представлений о роли прокурора в доказывании не может рассматриваться в отрыве от истории изменений его правового статуса.

История развития уголовного процесса в России показывает, что определение правового статуса прокурора как субъекта доказывания является

одним из самых сложных и неоднозначных проблем. Необходимость совершенствования участия прокурора в доказывании и его нормативного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве сохраняется до сих пор и представляется важным учитывать при этом исторический опыт трансформации правового статуса прокурора.

Список литературы:

1. Азарёнок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис... докт. юрид. наук. – Екатеринбург. 2021. 547 с.
2. Божьев В. П., Трусев А. И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства : Труды Академии МВД СССР. – М., 1991. С. 118-124.
3. Захарян А. А. К вопросу о прокуроре как субъекте доказывания в досудебных стадиях отечественного уголовного процесса // Дни науки факультета права НИУ «Высшая школа экономики» : сборник докладов. – М. : Издательство "Знание-М", 2021. С. 196-201.
4. Зверев И. В. Субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005. 195 с.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекунова, А. К. Орлова. – М.: Юрид. лит., 1985. 688 с.
6. Конин В. В., Корсаков К.А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве : переоценка сложившихся взглядов// Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 2. С. 81-85
7. Левченко О. В. Прокурор как субъект доказывания по уголовному делу // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 02

апреля 2021 года. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021.
С. 190-196.

8. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

9. Петрухин И. Л. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе // Проблемы государства и права на современном этапе : Труды научных сотрудников и аспирантов. Вып. 5. – М., 1972. С. 167-179.

10. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». // «Ведомости СНД и ВС РСФСР». 1991. № 44. Ст. 1435.

11. Резепов В. П. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе // Вопросы государства и права. – Л.: Изд-во ЛГУ 1958. С. 110-123.

12. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу : сущность и способы собирания доказательств : монография. – М. : Норма, 2021. 408 с.

13. Синдеев А. Ю. Процессуальные решения прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и их юридические последствия : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. 259 с.

14. Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, 21-23 окт. 1957 г.: Вып. III: Секция уголовного права и уголовного процесса. – М., 1958, 191 с.

15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // «Ведомости ВС РСФСР», 1960, № 40, Ст. 592.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Рос. газ», 2001, 22 декабря.

17. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24.05.1955 “Положение о прокурорском надзоре в СССР” // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1955, № 9, Ст. 222.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

18. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" // «Рос. газ.», 2007, 8 июня.

19. Чич Ж. Т. Собрание прокурором доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 155-158.

20. Явич Л. С. Некоторые теоретические проблемы осуществления норм советского права: Труды юридического факультета // Ученые записки: Труды юридического факультета. Ученые записки Таджикского университета. – Сталинабад, 1956, Т. 11: Вып.: 4. С. 27-69.

УДК 347.97/.99

Семенова Екатерина Александровна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

juchok345@gmail.com

Semenova Ekaterina

Lomonosov Moscow State University

Law Faculty

Russia, Moscow

ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ВЕЯНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА: ВРЕМЕННАЯ МЕРА ИЛИ ДОЛГОСРОЧНЫЙ ИНСТИТУТ?

Аннотация: в статье рассматривается институт веб-конференции как новшество, предложенное Президиумом Верховного Суда в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Проведено различие между веб-конференцией и видео-конференц-связью. Исследовано развитие данного процессуального феномена и отмечено закрепление формы судебного заседания путем проведения веб-конференции в процессуальном законодательстве Российской Федерации. Сделаны выводы о дальнейших перспективах развития института в контексте последних новостей и информации о его использовании.

Ключевые слова: верховный Суд, веб-конференция, видео-конференц-связь, судебная статистика, гражданский процесс, административный процесс, уголовный процесс.

WEB CONFERENCE AS A PROCEDURAL TREND OF THE SUPREME COURT: A TEMPORARY MEASURE OR A LONG-TERM INSTITUTION?

Annotation: the article considers the institution of a web conference as an innovation proposed by the Presidium of the Supreme Court during the COVID-19 coronavirus pandemic. A distinction is made between a web conference and a video conference call. The development of this procedural phenomenon is investigated and the consolidation of the form of a court session by holding a web conference in the procedural legislation of the Russian Federation is noted. Conclusions are drawn about the future prospects of the institute's development in the context of the latest news and information about its use.

Key words: Supreme Court, web conference, video conferencing, judicial statistics, civil process, administrative process, criminal process.

В период коронавирусной инфекции Президиум Верховного Суда РФ и Президиум Совета судей РФ издавал постановление от 8 апреля 2020 года N 821, которое говорило о том, что судам рекомендуется проводить заседания путем использования веб-конференций [1]. На данный момент постановление утратило силу, однако интересным представляется сам феномен веб-конференции как нетрадиционный способ судопроизводства.

Для дальнейшего разговора необходимо отграничивать понятие веб-конференции от видеоконференции, так как последняя на момент пандемии уже была давно внедренным и используемым процессуальным институтом. Согласно информационной справке Верховного Суда, видео-конференц-связь - это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия трех и более удалённых абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеoinформацией в реальном времени, с учётом передачи управляющих данных в основном по гарантированным каналам связи, а веб-видео-конференц-связь - технология и инструментарий для организации онлайн-встреч и совместной работы в режиме реального времени через Интернет, а это не гарантированные каналы связи [2]. Таким образом, взаимодействие между

точками связи с типа «суд – суд» (при видео-конференц-связи) меняется на тип «суд - офис/дом» (при веб-конференции) [3, с. 307]. Иными словами, возможность участия в судебном заседании значительно упрощается – человек может подключиться откуда угодно, и для этого уже не нужна установка дополнительных каналов связи, зато нужен хороший и стабильный Интернет-сигнал и соответствующее устройство, через которое можно «присутствовать» в судебном заседании. Нет конкретного перечня платформ и систем, которыми может пользоваться суд, это может быть как Skype, так и Jitsi Meet.

Справка воодушевляет читателя и подробно описывает процесс подключения к такой веб-конференции: В назначенную дату судебного заседания участники судебного процесса подключаются к системе видео-конференц-связи с помощью личных средств вычислительной техники и связи, в целях подтверждения своей личности авторизуются на портале государственных и муниципальных услуг, их личность и полномочия проверяются судом, после чего они могут быть допущены к участию в судебном заседании [2].

Приводится в пример и конкретная система, через которую можно успешно рассматривать дела – это система «Винтео». В этом аспекте суд действительно не был голословен: 21 апреля 2020 года Верховный Суд Российской Федерации провел первые в стране онлайн-заседания по гражданским делам через веб-конференцию. За день было проведено 6 дел, в которых участвовало 9 человек в удаленном режиме [4].

Подхватили тенденцию и другие суды: широко известен казус Невьянского городского суда Свердловской области, рассмотревшего дело об административном правонарушении по WhatsApp'у. Тогда суд, сослался на другой документ Верховного Суда: пункт 3 постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2020 года, в котором говорится, что удам необходимо рассматривать дела с использованием систем

видеоконференцсвязи, если есть техническая возможность [5]. Здесь суд, правда, воспользовался терминологической аналогией и расценил звонок по мессенджеру как полноценную видеоконференцию с защищенным каналом видеосвязи, однако в нестабильных условиях карантина на такого рода формальности суды часто закрывали глаза. Некоторые суды вообще предлагали интересные сочетания: адвокату подключаться через Skype, а осужденному, сидящему в колонии строгого режима – через ВКС. К слову, этот адвокат (имя его – Владимир Беляев) о прошедшем в таком формате процессе отозвался так: «Это профанация правосудия. Официальная процедура ВКС организует, дисциплинирует суд. Условности, как этикет, понуждают судей к соблюдению правил – а тут какая-то формальность для галочки. Использование ненормативных инструментов, нарушение регламента – всё это расхолаживает судей» [6].

Были и те, кого такое правосудие в период пандемии устраивало. Другой адвокат, Максим Никонов, например, отмечал, что кассация по Skype прошла эффективно, однако для первой инстанции такой формат является критическим – так как производство допросов, заявление ходатайств и исследование доказательств требует личного присутствия, очной ставки, если можно так выразиться [6]. Действительно, можно отметить, что в некоторых ситуациях дистанционное правосудие бывает даже критическим: Ленинский районный суд города Кемерово 8 апреля рассматривал дело о принудительной госпитализации ребенка, и этот опыт, со слов адвоката и его доверителя, был весьма неудачен: отец ребенка принял адвоката за медэксперта, а у самого адвоката были постоянные перебои и помехи в связи [6]. Здесь мы видим очевидный недостаток веб-конференции именно с точки зрения рассмотрения дела в первой инстанции: нам видится (и это показывает конкретная практика) что в режиме онлайн что-то может быть упущено, и это что-то может впоследствии существенно повлиять на дальнейший ход дела – например, судья из-за плохой связи не расслышал

заявленное ходатайство, или упустил ключевые моменты из речи защитников, обвинителей, в конце концов, сторон по делу. Судопроизводство должно быть максимально открытым и понятным, должна быть обеспечена явка всех участников по делу, протокол должен вестись тщательно и во всех подробностях.

Кроме того, безусловно, несколько спорным видится и тот факт, что суды безоговорочно последовали постановлению Президиума, которое само по себе не является обязательным документом, а носит лишь общерекомендательный характер. На это же указал и Мосгорсуд: защитники Константина Котова ходатайствовали о допросе свидетеля Тимура Олевского через сервис видеосвязи – Skype, WhatsApp или иной по выбору суда. Они ссылались на недавнее постановление ВС, где судам рекомендовано «инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференцсвязи». Но Мосгорсуд, по словам защиты, назвал постановление «не законом» [7]. Таким образом, далеко не все суды в острый период пандемии были готовы следовать слову высшей судебной инстанции и в какой-то степени оставались верны букве закона. Это вполне объяснимо: техническая составляющая проведения заседания с помощью веб-конференции вызывала на тот период времени вопросы и с точки зрения требований, предъявляемых к лицам, которые собирались принять участие в заседании рассматриваемым способом. Так, на сайте Первого кассационного суда общей юрисдикции был упомянут следующий раз технических требований для подключения:

1. Персональный компьютер на базе операционной системы Windows или MacOS, подключенный к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

2. Веб-камера;

3. Гарнитура (или микрофон и колонки, встроенные или внешние);

4. Один из указанных ниже браузеров.

- Mozilla Firefox 94+ (webrtc),

- Google Chrome 71+ (webrtc),
- MS Edge (new) 89+.

<...>

5. Возможно использование специального программного обеспечения «VideoMost» [8, с. 36-37].

Здесь прослеживается очевидный недостаток вынужденного коронавирусного цифрового правосудия: далеко не у всех есть возможности подключения, потому что у многих людей, например, заклеены веб-камеры на компьютерах, может быть установлена старая операционная система, не поддерживающая современные платформы, и так далее. Разумеется, в таких условиях суду представляется очевидным, что вопрос о проведении заседания в формате веб-конференции ставить нет смысла.

Вернемся к вопросу о букве закона. Сенаторы Клишас и Русских примерно в тот же период времени, а именно 26 марта 2020 года направили законопроект о поправках в ГПК, АПК и КАС, который был призван закрепить использование веб-конференции на законодательном уровне в том числе во исполнение пункта 1.6 паспорта федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» программы "Цифровая экономика Российской Федерации» [9]. Соответствующие поправки были внесены в кодексы [10]. Это, во-первых, говорит о том, что в период коронавируса законодатель действовал оперативно и стремился подстраивать судебную систему под текущую обстановку, во-вторых, о том, что цифровизация, очень вовремя подхваченная как тенденция Верховным Судом, в действительности пошла дальше вышеуказанного постановления, что, в том числе, может свидетельствовать об уровне авторитетности высшего судебного органа и в контексте законодательной повестки, и имплементации новых процессуальных идей.

Суды очень быстро подхватили новую тенденцию и вскоре внедрили систему в свое судопроизводство. Например, Второй арбитражный

апелляционный суд разместил подробную инструкцию по участию в дистанционном заседании с использованием информационных систем «Мой арбитр» и «КАД» [11]. Не пренебрегают этим и суды общей юрисдикции, например, Верховный суд Республики Саха (Якутия) [12]. Однако насколько реализуются нормы 153.2 и 155.2 АПК и ГПК РФ, 142.1 КАС на практике, с учетом того, что веб-конференция – это право, а не обязанность, и суд может отклонить ходатайство о проведении последней в силу отсутствия технических возможностей (а под это понятие, как мы понимаем, можно подвести все что угодно – начиная от сломанного монитора и заканчивая отсутствием звука)?

Если мы обратимся к судебной статистике, размещаемой на сайте ВС РФ Судебным Департаментом, то мы увидим, что за последние 3 года дела рассматривались только по видеоконференцсвязи, но не по веб-конференции (напомним, что это разные понятия) [13]. Однако нам представляется, что правоприменитель в статистических сводках отождествляет эти понятия и не проводит разграничение между веб-и видеоконференцией. Такой вывод мы делаем исходя из реального наличия судебной практики, свидетельствующей о проведении судебных заседаний с использованием именно веб-конференции (так непосредственно говорится в самих текстах судебных решений):

«...По гражданскому делу судебное заседание было организовано в системе веб-конференции (в соответствии с нормами ст. 155.2 Гражданского процессуального кодекса РФ), однако, представитель ООО "Макарий-М" - П., заявившего об участии посредством веб-конференции, не обеспечил техническую возможность участия в системе веб-конференции (отсутствовал в виртуальном кабинете), выяснить причины отсутствия не представилось возможным, в связи с тем, что аппарат абонента занят...» [14].

Косвенно данный вывод может быть подтвержден и позицией Хисамова А. Х., который отмечает, что нередко ВКС и веб-конференцию воспринимают как одну и ту же технологию, просто под разными названиями [15]. Вероятно, и здесь

имеет место быть аналогичная ситуация. Радует, вместе с тем, что правоприменитель все-таки пользуется цифровым прогрессом и старается внедрять в процесс видеосвязь (пусть и в соотношении 10 тысяч дел к 500 тысячам – прогресс уже есть).

Правда, вместе с подтверждением использования веб-конференций в процессе подтверждается конкретными судебными делами, к сожалению, и отсутствие энтузиазма судов по вопросу использования веб-конференции. Так, например, Мосгорсуд в своем апелляционном определении отметил, что доводы, приведенные в апелляционной жалобе истца К. о необоснованном отказе суда в проведении судебного заседания посредством веб-конференции, судебной коллегией отклоняются, поскольку возможность участия стороны в судебном заседании путем использования веб-конференции, предусмотренная ст. 155.2 ГПК РФ, по смыслу закона, является правом, а не обязанностью суда, необходимость применения которой определяется судом, исходя из существа рассматриваемого дела [16]. Если очень долго развивать цепочку размышлений, то мы можем прийти к тому, что раз у суда нет технической возможности рассмотреть дело (допустим, компьютеры старые или не работают), а участник судебного заседания находится, скажем, в Калифорнии – в таком случае мы лишаем его конституционного права на защиту своих прав? Лишаем его права на судебное разбирательство? Вопрос спорный, ведь, в действительности, отсутствие возможности обеспечить соотношение биометрических данных, заложенных в базу, с пытающимся подключиться лицом, перебои в связи и другие упущенные моменты процесса, представляется, уже пойдут в убыток самому участнику, коль скоро он добьется своего права на дистанционное судопроизводство. И нужен ли такой суд человеку, будет ли он праведным и объективным? Однозначного ответа нет.

Не вдаваясь в дальнейшие дискуссии о проблемах идентификации биометрических данных, создания личных кабинетов, обеспечения цифровых

ячеек, которые неизменно сопровождают веб-судопроизводство – зададимся вопросом: получила ли «коронавирусная» идея Верховного Суда нужный выхлоп? Собирается ли дистанционное судопроизводство укрепляться в нашем законодательстве?

На наш взгляд, цифровизация судопроизводства «живет и крепнет». О том свидетельствует, например, недавнее выступление Председателя Высшей судебной инстанции Вячеслава Лебедева, который в своей речи на Конференции председателей Верховных судов стран Азиатско-Тихоокеанского Региона отмечал, что в реформаторской повестке стоит необходимость разрешить судам направлять в электронном виде распоряжения, требования, поручения, вызовы и обращения, так как подача документов в электронном виде только увеличивается (За 9 месяцев 2022 года в электронном виде в суды подано более 4,3 млн процессуальных документов, что на 42% больше, чем за аналогичный период прошлого года) [17], и, соответственно, доступность правосудия тоже должна расти – дистанционное судопроизводство может обеспечить эффективную защиту прав лиц, находящихся в других странах, или просто не имеющих возможности приехать в суд (если человек живет в регионе, от которого до ближайшей апелляции или кассации добраться невозможно). Нам представляется, что Верховный Суд, несмотря на спад пандемической обстановки, укрепился в своей парадигме цифровизации правосудия и собирается придерживаться ее и дальше.

Подтверждает этот факт и то, что дистанционными технологиями Верховный Суд пользуется и в повседневной деятельности: Пленум Верховного Суда проводит свои заседания дистанционно, на них рассматриваются проекты, касающиеся практики применения законодательства, а также вопросы судебной практики по различным уголовным делам [18].

Таким образом несмотря на то, что сама идея использования веб-конференцсвязи изначально представлялась как «необходимая паллиативная

мера» в условиях пандемии коронавируса [19], рекомендательный Подход Президиума ВС РФ и Совета Судей ВС РФ оказался на практике гораздо более устойчивым и актуальным, чем он изначально казался практикующим юристам и ученым. Дистанционный подход помог не только обеспечить рассмотрение дел в период пандемии и сократить отложение и затягивание процесса, но и дать экономическую выгоду от сокращения расходов, например, на транспорт до места судебного заседания, а также обеспечить возможности присутствия в заседании лиц с ограниченными возможностями. В целом концепция Верховного Суда оказалась работоспособной, и будем надеяться, что Высшая судебная инстанция и дальше будет радовать гражданское общество новшествами в сфере цифры и открывать новые возможности к простому, доступному и понятному судопроизводству, комфортному для каждого из нас.

Список литературы:

1. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 N 821 (ред. от 29.04.2020) <О приостановлении личного приема граждан в судах> // Справочная правовая система Консультант Плюс.
2. Информация Верховного Суда РФ от 20 апреля 2020 г. «Верховный Суд России внедряет новый вид судебного производства» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73820796/> (дата обращения: 24.04.2023)
3. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина и др.; отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2022. 448 с. С. 307.
4. Производитель ВКС Vinteo обеспечил проведение первых онлайн-заседаний Верховного Суда РФ через веб-конференцию // URL: <https://vinteo.com/ru/news/202-proizvoditel-vks-vinteo-obespechil-provedenie->

pervykh-onlajn-zasedaniy-verkhovnogo-suda-rf-cherez-veb-konferentsiyu (дата обращения: 24.04.2023); Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации // URL: http://supcourt.ru/press_center/news/28867/ (дата обращения: 24.04.2023).

5. Суд под Екатеринбургом впервые в России рассмотрел дело через WhatsApp // URL: <https://habr.com/ru/news/495122/> (дата обращения: 24.04.2023).

6. ВКС «По упрощёнке» // URL: <https://web.archive.org/web/20220710200642/https://advstreet.ru/article/vks-po-uproshchyenke/> (дата обращения: 24.04.2023).

7. Судебное истязание. Пересмотр дела Константина Котова вышел на финишную прямую // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4326303> (дата обращения: 24.04.2023).

8. Голубцов В.Г. «Инфраструктурные» обязательства государства по внедрению элементов электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2022. N 2. С. 31–46. С. 36-37.

9. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (дата обращения: 24.04.2023).

10. Федеральный закон от 30.12.2021 N 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

11. Проведение судебных заседаний с использованием системы веб-конференции. Второй арбитражный апелляционный суд // URL: <https://2aas.arbitr.ru/deloproizvodstvo/provedenie-sudebnyh-zasedaniy-s-ispolzovaniem-sistemy-veb-konferencii> (дата обращения: 24.04.2023).

12. Участвовать в судебном процессе теперь можно в режиме веб-конференции // URL: https://yakutia.info/article/206793__ (дата обращения: 24.04.2023).

13. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020-2022 годы // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 24.04.2023).

14. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2023 N 88–3170/2023 // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

15. Хисамов А.Х. Технологии видеоконференцсвязи и веб-конференции в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. N 4. С. 254–269. С. 261.

16. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.01.2023 N 33–2135/2023 2023 // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

17. Верховный суд предложил расширить применение электронных технологий в судах // URL: <https://www.interfax.ru/russia/872973> (дата обращения: 24.04.2023).

18. 7 июня 2022 года посредством веб-конференции состоялось заседание Пленума Верховного Суда РФ // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/7-iyunya-posredstvom-veb-konferentsii-sostoyalos-zasedanie-plenuma-verhovnogo-suda-rf> (дата обращения: 24.04.2023).

19. Васильева Алина Анатольевна Некоторые вопросы применения видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. №8 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-primeneniya-videokonferents-svyazi-i-veb-konferentsii-v-grazhdanskom-protsesse> (дата обращения: 24.04.2023).

УДК 342.511

Котельников Дмитрий Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
d.a.kotelnikov@mail.ru
Dmitry Kotelnikov
Saint Petersburg State University
Faculty of Law
Russia, Saint Petersburg

ОСНОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются действующие положения Конституции Российской Федерации, устанавливающие основания для отрешения от должности Президента Российской Федерации. Обращается внимание на их практическую неприменимость, правовую неопределённость и зависимость от содержания уголовного законодательства. Предлагается расширить набор оснований для отрешения от должности главы государства.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, импичмент, президент, отрешение от должности, основания для импичмента.

THE GROUNDS FOR CONSTITUTIONAL LAW LIABILITY OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: this article examines the current provisions of the Constitution of the Russian Federation establishing the grounds for impeachment of the President of the Russian Federation. Their practical non-applicability, legal uncertainty and

dependence on the criminal legislation are drawn attention to. Expanding of the complex of the grounds for impeachment is proposed.

Key words: constitutional law liability, impeachment, president, removal from office, the grounds for impeachment.

В современном демократическом государстве институт конституционно-правовой ответственности имеет неоспоримое значение. Его функционирование позволяет формировать ответственные публичные органы, предотвращать злоупотребление их полномочиями и узурпацию власти, а в ряде случаев поддерживать принцип формально-юридического равенства, не позволяя публично-правовым гарантиям, установленным для лиц, замещающих государственные должности, полностью исключать их ответственность за неправомерное поведение. В Российской Федерации с учетом особенностей конституционно-правового регулирования, построения системы разделения властей и разграничения полномочий между высшими органами государственной власти принципиальным представляется вопрос конституционно-правовой ответственности Президента Российской Федерации как особого политико-правового субъекта, наделенного широкими, в том числе дискреционными, полномочиями, не входящего в систему разделения властей, координирующего деятельность всех органов публичной власти и имеющего возможность самостоятельно привлекать их к конституционно-правовой ответственности. Как отмечает А. Н. Медушевский, институт президента в России соединяет символические и реальные властные функции, находится в центре публичной власти, возвышается над всей системой разделения властей, обеспечивая их согласованное функционирование, не несет прямой ответственности за их действия, поскольку не является непосредственно частью какой-либо из них [9, с. 44]. Лицо, занимающее такую должность, в правовом государстве не может безответственно осуществлять свои полномочия и

пользоваться конституционно гарантированной неприкосновенностью в случае совершения им деяний, несовместимых с пребыванием на посту главы государства.

Основной формой конституционно-правовой ответственности российского Президента является отрешение от должности, отражающее негативный аспект ответственности главы государства и предполагающее досрочное принудительное прекращение его полномочий. В российской конституционно-правовой науке сложилось мнение о том, что действующие положения Конституции России, устанавливающие основания для импичмента Президента, делают его практически невозможным [10, с. 92]. С такой позицией стоит согласиться в силу ряда причин.

Прежде всего, в Конституции России (ч. 1 ст. 93) в качестве оснований для отрешения Президента от должности используются исключительно уголовно-правовые предпосылки, сводящие противоправные деяния главы государства, за которые его полномочия могут быть досрочно прекращены, к совершению некоторых преступлений. Конституция не учитывает случаев, когда Президент Российской Федерации может нарушить конституционно-правовые процедуры, связанные с его статусом ограничения, выйти за пределы своих полномочий и при этом избежать привлечения к ответственности. Например, отказ Президента подписывать федеральный закон, который одобрен палатами Федерального Собрания и конституционность которого подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации (ч. 3 ст. 107 Конституции России), не образует состава преступления и не является основанием для импичмента, причем никаких альтернативных конституционно-правовых способов принудить Президента к подписанию закона не предусмотрено.

Отказ от реализации конституционно значимых полномочий Президента может поставить под угрозу функционирование важнейших элементов системы публичной власти. Помимо законодательного процесса это связано с активным

участием главы государства в формировании других органов. Ярким примером является внесение представления Президента о назначении на должность судьи Конституционного Суда, если в результате выбытия судьи число оставшихся окажется менее восьми. Законодатель традиционно отказался от использования формулировки, прямо обязывающей главу государства вносить такое представление, и указал, что оно вносится Президентом Российской Федерации в Совет Федерации не позднее месяца со дня открытия вакансии (ч. 4 ст. 9 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Однако невнесение этого представления, парализующее работу Суда в силу неправомерности его состава, не влечет для Президента никаких правовых последствий. Отсутствие резервного механизма, который компенсировал бы бездействие Президента, как, например, назначение выборов депутатов Государственной Думы Центральной избирательной комиссией (ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»), приводит к невозможности восстановить правомочный состав Суда, без которого невозможно не только рассмотрение жалоб на нарушение конституционных прав граждан, но и проведение процедуры импичмента. Вкупе с механизмом прекращения полномочий судьи Конституционного Суда Советом Федерации по представлению Президента такое пробельное регулирование позволяет последнему оказывать существенное влияние на процедуру своего же отрешения от должности.

Аналогичная ситуация возникает в случае несоблюдения Президентом требований антикоррупционного законодательства, а именно запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 81 Конституции России). По общему правилу нарушение этого запрета влечет досрочное прекращение полномочий, освобождение от

замещаемой (занимаемой) должности или увольнение в связи с утратой доверия в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами, определяющими правовой статус соответствующего лица (ч. 3 ст. 7.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», ст. 10 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»). Однако статус Президента определен Конституцией, а подобных законов в Российской Федерации не принято. Конечно, такое «молчание» законодателя обусловлено объективными причинами, поскольку иное вошло бы в противоречие с положениями Конституции России о неприкосновенности главы государства и об основаниях для отрешения его от должности (ст. 91, ч. 1 ст. 93). Таким образом, введенное в Конституцию в 2020 году негативное требование к Президенту Российской Федерации, закрепленное до этого в федеральном законодательстве, юридически нейтрализуется ограниченностью предусмотренных оснований конституционно-правовой ответственности главы государства.

Таким же необеспеченным оказывается конституционное требование об отсутствии у Президента России и кандидата на его должность иностранного гражданства и вида на жительство на территории иностранного государства (ч. 2 ст. 81 Конституции России). В частности, возможны ситуации как сокрытия факта наличия связи с иностранным государством кандидатом на пост Президента, так и ее возникновение у лица, занимающего должность главы государства. Закон предусматривает уголовную ответственность российских граждан, не сообщивших в установленном порядке о наличии у них гражданства (подданства) иностранного государства либо документа, подтверждающего право на постоянное проживание в иностранном государстве (ст. 330.2 УК РФ).

Однако это деяние относится к преступлениям небольшой тяжести, а значит, его совершение не может служить основанием для отрешения Президента от должности. Подобная ситуация противоречит самой идеи введения такого ограничения, как требование об отсутствии связи с иностранным государством: гарантия соблюдения гражданской верности главы государства, как обозначил это положение Конституционный Суд [6], практически не защищается конституционным правом, за исключением процедуры проверки Центральной избирательной комиссией соблюдения требований Конституции и закона при выдвижении кандидатов. Декларативность этого положения приводит к тому, что в случае его нарушения действующий президент продолжит исполнять свои полномочия, несмотря на несоответствие требованиям Конституции Российской Федерации.

Безусловно, сомнения вызывает и сама формулировка основания для импичмента, который может быть объявлен только в случае совершения Президентом «государственной измены или иного тяжкого преступления». У ряда исследователей закономерно возникает вопрос, допускает ли Конституция, что Президент де-юре не несет уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести [11, с. 52]. Именно этот вполне очевидный вывод следует из норм Конституции. Хотя обусловленная характером и степенью общественной опасности категория преступления, совершенного Президентом, определенным образом может повлиять на степень подрыва общественного доверия к нему, однако с учетом упоминавшихся особенностей статуса главы государства, его значения для всей системы публичной власти в Российской Федерации можно предположить, что лицо, занимающее этот пост, должно обладать безупречной репутацией и поддерживать ее во время исполнения своих полномочий, категорически не допуская поведения, угрожающего общественным отношениям и запрещенного уголовным законом. Сам факт совершения преступления, который может быть интерпретирован в качестве

нарушения конституционной обязанности Президента соблюдать законы, позволяет усомниться в его способности быть гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина. К слову, С. А. Авакьян, рассуждая о проблеме пребывания «уголовного преступника» на посту главы государства, предполагает, что «такого Президента все-таки заставят подать в отставку», но затем задает справедливый вопрос: «что делать, если такого не произойдет» [10, с. 92].

В связи с принятием в 1996 году нового Уголовного кодекса Российской Федерации, впервые введшего категорию особо тяжких преступлений, возникла правовая неопределенность в том, как соотносятся упомянутые в Конституции «государственная измена», «иные тяжкие преступления» и особо тяжкие преступления, на момент принятия Конституции неизвестные российскому уголовному законодательству. Остается неясным, что подразумевается под «тяжким» преступлением в качестве основания для импичмента Президента, особенно учитывая, что государственная измена (ст. 275 УК РФ) относится к особо тяжким преступлениям. Из буквального толкования статьи 93 Конституции России следует, что против Президента не может быть выдвинуто обвинение в совершении особо тяжкого преступления, а значит, лицо, занимающее должность Президента Российской Федерации, имеет возможность беспрепятственно совершать любые общественно опасные деяния, содержащие признаки особо тяжких преступлений, за исключением госизмены, и сохранять свои полномочия до окончания срока их исполнения, а также гарантированную Конституцией неприкосновенность. На практике такое предположение носит скорее абсурдный характер, однако явно демонстрирует дефектность рассматриваемого конституционно-правового положения. Стоит упомянуть и мнение, согласно которому государственная измена в статье 93 Конституции имеет системообразующий характер, а все «иные тяжкие преступления»

приравняются к ней по своей степени тяжести в качестве особо тяжких [7, с. 148].

С учетом вышесказанного юридико-технически верным и конституционно обоснованным решением представляется, во-первых, включение в комплекс оснований для импичмента Президента всех уголовно наказуемых деяний путем исключения из формулировки ч. 1 ст. 93 Конституции России слова «тяжких». Во-вторых, необходимо дополнить этот перечень таким деянием, как нарушение Конституции и присяги. Во избежание произвольного толкования такого основания оно должно быть легально закреплено в самой Конституции, например через указание на наступление тяжких последствий или создание угрозы основам конституционного строя. Альтернативным способом конкретизации этого понятия может стать перечисление деяний, которые несовместимы с замещением должности Президента: вмешательство в компетенцию других органов публичной власти, лиц, замещающих государственные должности, не предусмотренное Конституцией и законом приостановление или прекращение их деятельности, уклонение от исполнения конституционных обязанностей, несоблюдение установленного порядка принятия правовых актов Президента. Описание признаков конституционно-правового деликта, не образующего состав преступления, позволило бы и пересмотреть роль Конституционного Суда в процедуре импичмента, наделить его полномочиями по проверке материально-правовых оснований привлечения главы государства к ответственности. Расширение комплекса оснований для отрешения от должности позволит предотвратить криминализацию президентской власти, подрыв доверия к институту главы государства, а также ограничить воздействие Президента на независимые ветви власти и входящие в них органы, обеспечить исполнение им конституционно-правовых норм, касающихся его публично значимых обязанностей, в том числе в рамках законотворческих и иных конституционных процедур. Ответственность

Президента должна охватывать все случаи совершения им противоправных деяний, создающих угрозу для нормального функционирования и легитимности публичной власти. Набор оснований для импичмента в совокупности с его процедурой должен создавать практически реализуемый механизм сдерживания президентской власти и контроля за ней. Возможность досрочного прекращения полномочий главы государства является единственным способом установить соответствие между его формальной легитимностью, возникшей по итогам законно проведенных свободных выборов и презюмируемой до истечения предусмотренного Конституцией срока, и объективными критериями допустимости дальнейшего осуществления Президентом своих полномочий. Отсутствие надлежащего регулирования этого института, приводящее к невозможности его применения, противоречит демократическим принципам современного конституционного государства, в котором исключается существование и осуществление власти, не исходящей от народа, формируются ответственные органы власти, чьи полномочия легитимируются мандатом и доверием народа и реализуются прежде всего в его интересах, а гарантии неприкосновенности публичных должностных лиц не являются абсолютными. Утрата общественного доверия к Президенту Российской Федерации представляется существенным препятствием для осуществления его полномочий и должна приводить к их досрочному прекращению при наличии сформулированных в настоящей работе оснований.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. 1993. № 237.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6228 (часть I).

5. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами : федеральный закон от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2306.

6. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-3 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

7. Кондрашев, А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. Издательство Московского университета, 2011. 466 с.

9. Медушевский, А. Н. Переход России к конституционной диктатуре: размышления о значении реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. Т. 136. № 3. С. 33-50.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

10. Авакьян, С. А. Досрочное прекращение полномочий Президента России: проблемы, требующие юридических решений // Законодательство. 1999. № 3. С. 87-97.

11. Кондрашев, А. А., Антипенко Н. О. Отставка и отрешение от должности как основание досрочного прекращения полномочий Президента Российской Федерации // Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза. 2018. С. 50-53.

УДК 342.61

Котовой Алексей Сергеевич

Московский государственный юридический университет

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Институт прокуратуры

Россия, Москва

kotovoi@bk.ru

Kotovoy Aleksey

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Prosecution

Russia, Moscow

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРЕЗИДЕНТА РФ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА

Аннотация: в данной статье рассматривается политико-правовой статус Президента РФ после изменений Конституции РФ 2020 года. Автор приводит позиции известных ученых-правоведов, сравнивает их и делает самостоятельные выводы, учитывая новые положения Конституции РФ и иных нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: Президент РФ, Конституция, глава государства, исполнительная власть, президентская власть.

THE POLITICAL AND LEGAL STATUS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LIGHT OF THE CONSTITUTIONAL REFORM OF 2020

Annotation: this article examines the political and legal status of the President of the Russian Federation after the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. The author cites the positions of well-known legal scholars, compares them

and draws independent conclusions, taking into account the new provisions of the Constitution of the Russian Federation and other normative legal acts.

Key words: President of the Russian Federation, Constitution, Head of State, executive power, presidential power.

Глава государства в современном понимании представляет собой институт, способствующий государственному единству и преемственности, выступающий примирителем в повседневной деятельности государственных органов [16, с. 4-6]. Такой подход является достаточно оправданным, поскольку отражает те функции, которые возлагает на главу государства общество. Однако это является не единственной точкой зрения, так как существует достаточно много форм реализации данного института. В целом, глава государства в современных реалиях может рассматриваться как необходимый атрибут государства [22, с. 31]. Президент, как одна из форм главы государства, является лицом, получающим мандат от народа и действующий независимо от законодательной и судебной ветвей власти, обладающим множеством единоличных полномочий [8, с. 457]. В Российской Федерации данный институт является сравнительно новым, одновременно исторически преемственным, который играет значимую роль в управлении делами государства.

В 2020 году были приняты поправки [3] к Конституции РФ [1]. Их принятие сопряжено со многими причинами, некоторыми из которых являются потребность создания целостной концепции публичной власти в государстве [21, с. 20] и преодоления конституционного разрыва между государственным и муниципальным уровнем власти [20, с. 19]. Несмотря на то, что прошло уже 3 года с момента их принятия, обсуждение их значения не утихает до сих пор. Исследователи изучают как содержательный аспект поправок, так и технико-юридический [17, с. 104-110], поскольку возникает множество вопросов относительно целей новых положений и реализации новых норм. С.А. Авакьян

поднимал проблему закрепления всех ветвей публичной власти в Конституции и необходимости более четкой регламентации принципа разделения властей. Эти проблемы напрямую связаны с правовыми статусами органов государственной власти и государственных органов. При решении этих неточностей нельзя забывать о значимости Президента РФ во всей системе публичной власти [7, с. 10-12]. Поправками были изменены и дополнены многие положения основного документа, в том числе касательно системы органов власти в России и статуса Президента в ней. В связи со значимостью такого института как глава государства стоит рассмотреть какие именно изменения произошли в его политико-правовом статусе, и как эти новшества отразятся в будущем.

В первую очередь стоит рассмотреть статус Президента РФ через призму принципа разделения власти. Дискуссию порождает неоднозначность положений статей 10 и 11 Конституции РФ, которые закрепляют три классические ветви власти и органы, осуществляющие их. То есть при утверждении принципа разделения властей не определено место Президента как главы государства в системе разделения власти [10, с. 187]. В связи с этим возникли разные подходы к пониманию места Президента в этой системе.

М.В. Баглай исходит из четкой триады государственной власти и считает, что Президент, будучи главой государства не является представителем четвертой ветви власти, а сам термин «президентская власть» означает только особый статус Президента в системе трех властей, наличие у него некоторых собственных полномочий и комплексный характер его разнообразных прав и обязанностей во взаимодействии с другими властями, но в основном с исполнительной властью [8, с. 459].

Кутафин О.Е. поддерживал такой подход и характеризовал Президента как конституционный орган исполнительной власти, осуществляемой Президентом совместно с Правительством РФ и другими органами государственного управления [16, с. 321].

Известный специалист в области административного права, Конин Н.М. пишет, что «наибольшую прикосновенность вся деятельность Президента РФ имеет к исполнительной ветви власти, в системе и структуре которой он наделен весьма обширными и наиболее значимыми исполнительными управленческими полномочиями». Ученый полагает, что есть все основания утверждать, что Президент в рамках своего правового статуса главы государства и гаранта Конституции является также высшим носителем, организатором и руководителем системы государственной исполнительной власти в стране, которую он реализует как непосредственно и персонально, так и через Государственный совет РФ, являющийся совещательным органом, содействующим реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, а также и через различные структуры, создаваемые в формируемой им в соответствии со ст. 83 Конституции РФ Администрации Президента РФ и государственные органы правительственной исполнительной власти [14, с. 78].

О самостоятельном положении Президента РФ как главы государства, при котором он не входит ни в одну из ветвей власти, но способствует поддержанию устойчивости и единства системы публичной власти в стране пишут Т.Я. Хабриева [13, с. 43, 200] и В.И. Фадеев [15, с. 345].

С.А. Авакьян же, напротив, считает, что нормы статей 10 и 11 Конституции РФ позволяют утверждать, что Президент осуществляет государственную власть, но не какую-либо из ее форм, которые утверждены в классической триаде, а свою форму, которую называют президентской как одну из самостоятельных ветвей власти [6, с. 349].

Придерживаясь в целом подобной точки зрения, Е.И. Козлова отмечала, что признание Президента РФ главой государства означает занятие им особого места в системе органов государственной власти. Он не входит напрямую,

непосредственно ни в одну из трех ее ветвей. Однако это не дает основания «трактовать президентскую власть как стоящую над другими властями, зависящими от нее. Каждая из них осуществляет конституционно закрепленные за ней полномочия, функционирует во взаимодействии с другими, обеспечена определенными рычагами влияния на иные ветви власти и на Президента. Между ними нет отношений подчинения» [11, с. 362].

Одновременно, по ее мнению, «нельзя абсолютизировать концепцию разделения власти на три ветви и полагать, что, кроме этих органов власти, нет и не может быть других носителей властных полномочий. Есть и муниципальная власть, которая также является публичной властью. Можно говорить и о президентской власти как об определенной совокупности конституционных властных полномочий Президента РФ» [11, с. 362-363].

Совпадающую и достаточно интересную позицию занимает и В.Е. Чиркин, который при определении природы самостоятельной президентской власти рекомендует исходить «из взаимного проникновения различных ветвей известной триады: при несомненной доминанте в каждой ветви власти, определяющей ее сущность, в любой из них присутствуют какие-то, иногда мелкие, а нередко и значительные элементы, характерные в целом для другой ветви»; «природу президентской власти нельзя “жестко” привязывать лишь к одному из элементов триады разделения властей, особенно в условиях некоторых форм правления» [23, с. 16]. При этом он замечает, что конституции некоторых зарубежных стран, признавая принцип разделения властей, выделяют в качестве самостоятельных видов государственной власти также «избирательную власть, политическую власть, учредительную власть, контрольную власть» [23, с. 16].

Осавелюк А.М. высказывается против подхода, согласно которому Президент РФ «приближается» к исполнительной власти. Глава государства, по его мнению, наделен определенными признаками верховенства власти, которые

позволяют ему доминировать как по отношению к другим органам государственной власти, так и в сфере нормотворчества, принимать участие в формировании других органов государственной власти, в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти и в других вопросах [25, с. 289].

Бывший судья Конституционного суда РФ, член Центральной избирательной комиссии РФ, Б.С. Эбзеев утверждает, что Президент России остается вне традиционно вычленяемых ветвей единой государственной власти — законодательной, исполнительной, судебной. Но будучи наделен Конституцией значительными нормотворческими полномочиями, контролируя исполнительную власть и выполняя некоторые квазисудебные функции в качестве арбитра в спорах между органами государственной власти, он юридически и фактически «присутствует» во всех властях. От этого в огромной мере зависит эффективность и действенность всех институтов государственной власти в Российской Федерации [24, с. 562].

В.С. Нерсесянц еще в прошлом веке отмечал, что система разделения и взаимодействия властей в Российской Федерации является несимметричной и несбалансированной, в процессе реализации которой очевидное преимущество отдается полномочиям Президента и его главенствующей роли в решении государственных дел, с явными слабостями других ветвей власти [18, с. 552]. В связи с этим В.С. Нерсесянц делал вывод, что Российская Федерация относится к суперпрезидентским республикам, в которой, благодаря статусу президента, главе государства отводится особое место относительно других ветвей власти.

Таким образом, можно сделать вывод, что Конституция РФ не дает прямого и однозначного ответа на вопрос о том, к какой ветви государственной власти относится Президент [16, с. 321]. Это подтверждается и достаточным количеством научных позиций по данному вопросу. Ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению. Даже представители одной правовой школы

расходятся во взглядах относительно места Президента РФ в системе разделения властей. Это демонстрируется различными подходами Олега Емельяновича Кутафина и Алексея Михайловича Осавелюка относительно соотношения Президента РФ и исполнительной ветви власти, которые были продемонстрированы ранее.

Изменения Конституции РФ, произведенные в 2020 году, породили еще больше споров по этому вопросу. Некоторые ученые отметили возникновение новых возможностей для появления скрытых полномочий Президента РФ, возникающих из общих и неоднозначных формулировок текста Конституции РФ [12, с. 22-31].

Значимость института главы государства была отмечена выше, как и споры о его месте в российской правовой системе. Ввиду этого стоит изучить какие изменения произошли в 2020 году, и как они повлияли на современную действительность.

После принятия поправок изменился конституционно-правовой статус Председателя Правительства РФ и самого Правительства РФ, ставших более зависимыми от главы государства. Раньше Президент РФ лишь обладал правом председательствовать на заседаниях Правительства РФ. Теперь, в связи с изменениями, он осуществляет общее руководство Правительством РФ (п. «б» ст.83 Конституции РФ). Тем самым у Правительства номинально появилось два руководителя: один осуществляет общее руководство, другой определяет основные направления деятельности и организует работу высшего органа исполнительной власти (ч.1 ст.27 ФКЗ «О Правительстве РФ» [4]).

На ряду с этим, на основании положений статьи 113 Конституции РФ Председатель Правительства РФ лишился права определять основные направления деятельности Правительства РФ, что стало прерогативой Президента РФ, и он несет персональную ответственность перед Президентом РФ. Несмотря на усиление статуса главы государства при ослаблении

самостоятельности Председателя Правительства РФ и палат Федерального Собрания, некоторые ученые считают это созданием новой модели с триединством различных ветвей власти при сохранении консолидирующего и объединяющего центра в лице главы российского государства [19, с. 35-38].

Далее стоит отметить изменения в порядке формирования органов исполнительной власти, в частности Правительства РФ. Президент РФ назначает Председателя Правительства РФ после утверждения его кандидатуры Государственной Думой (ч.1 ст.111 Конституции РФ). После трехкратного отклонения представленных кандидатур Государственной Думой Президент РФ назначает Председателя Правительства РФ. В этом случае Президент РФ вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы (ч.4 ст.111 Конституции РФ). Стоит отметить в этой норме важно нововведение. Теперь Президент не обязан [2] распускать нижнюю палату парламента России, это его право. Норма Конституции из обязывающей превратилась в управомочивающую. Стоит отметить, что Конституционный суд РФ допускает возможность представления Президентом одного и того же лица в качестве кандидата на должность Председателя Правительства Российской Федерации дважды и даже трижды [5]. Таким образом, раньше глава государства, предлагая кандидатуры на пост Председателя Правительства РФ, должен был искать и находить согласие с Государственной Думой РФ.

Поправки также включали изменения, касаемые порядка назначения федеральных министров. Теперь Президент РФ назначает на должность после консультаций с Советом Федерации РФ и освобождает от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти силового блока и иностранных дел (включая федеральных министров) (п. «д.1» ст.83 Конституции РФ). Анализируя эту норму, становится ясно, что участие Председателя Правительства РФ в формировании органов исполнительной власти значительно сузилось. Достаточное количество министров стали непосредственно зависимы

от Президента РФ. Внимания стоит и полномочие главы государства по утверждению структуры федеральных органов исполнительной власти (п. «б.1» ст.83 Конституции РФ). Это осуществляется посредством указа Президента РФ, который содержит деление органов на две сферы: одними руководит Президент РФ, другими – Правительство РФ. Тем самым роль и возможности Президента в формировании и функционировании органов исполнительной власти возросли, что оказывает влияние и на систему публичной власти в целом.

Анализируя данные нововведения, можно сделать вывод, что Российская Федерация становится по форме правления президентской республикой с большим влиянием Президента на исполнительную ветвь власти или, вообще, суперпрезидентской республикой. Некоторые ученые отмечают, что данные поправки вывели Президента РФ *de jure* вне системы разделения властей и *de facto* над Правительство РФ [9, с. 7] и что такие положения по своему содержанию ведут к снижению принципа разделения властей и вступают в противоречие со ст.10 и 11 главы 1 Конституции РФ [17, с. 107].

Поправки 2020 года также породили ряд вопросов, относительно необходимости сохранения должности Председателя Правительства РФ. По мнению Козловой Е.И. и Кутафина О.Е. наиболее целесообразно, чтобы глава государства не являлся высшим должностным лицом, входящим в систему исполнительной власти, поскольку иное умаляло бы прерогативы представительного органа государственной власти РФ, ставило бы исполнительную власть над законодательной [11, с. 361-363]. Однако в текущих политико-правовых условиях глава государства России обладает значительными полномочиями, которые позволяют возглавлять ему Правительство. Но стоит иметь в виду, что Президент РФ обладает значительными полномочиями в отношении законодательной и судебной ветвей власти, что ограничивает возможность наделения его статусом Председателя Правительства РФ. В случае дальнейшего усиления влияния Президента РФ на исполнительную власть при

сохранении его полномочий в отношении судебной и законодательной ветвей власти достаточно вероятен серьезный политический кризис, схожий с тем, который возник в США в период президентства Дональда Трампа, который на протяжении всего срока своего правления придерживался курса борьбы за ведущее место Президента при принятии политических и управленческих решений. Стоит отметить, что существующая политическая система США уже имеет существенные отклонения от конституционных положений о соотношении трех ветвей власти [17, с. 107]. Некоторые ученые характеризуют такое положение дел, как «имперское президентство», определяющее попытки Президентов США выходить за рамки установленной компетенции [26].

Таким образом, Автор утверждает, что такие изменения норм Конституции РФ наделяют Президента РФ значительными полномочиями, что позволяет утверждать, что Российская Федерация на данный момент стоит на пути к суперпрезидентской республике. Окончить работу хочется словами древнекитайского философа Конфуция «Не дай Бог жить в эпоху великих перемен».

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).

3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и

функционирования публичной власти» // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

4. Федеральный конституционный закон "О Правительстве Российской Федерации" от 06.11.2020 № 4-ФКЗ // Российская газета. – 2020.

5. Постановление Конституционного Суда РФ "По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации" от 11.12.1998 № 28-П // Российская газета. - 1998 г. - № 247.

6. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 томах. Том 2 / С.А. Авакьян. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 936 с.

7. Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11 Право. 2023 № 1. - С. 3–21.

8. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. — 14-е изд., изм. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 704 с.

9. Безруков, А. В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России / А. В. Безруков // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 6. – С. 3-9.

10. Глава государства : монография / А. М. Будаев, С. С. Заикин, С. В. Кабышев и др. ; отв. ред. А. М. Осавелюк. — Москва : Проспект, 2021. — 400 с.

11. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2014. — 592 с.

12. Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 8. — С. 22—31. — DOI: 10.17803/1994- 1471.2020.117.8.022-031.

13. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля

2020 года / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский ; под ред. Т.Я. Хабриевой ; обращение к читателям В.В. Путина. — Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. — 368 с.

14. Конин Н.М. Правовой статус Президента Российской Федерации и его Администрации в системе исполнительной власти России // Вестник СГЮА. 2012. №3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-i-ego-administratsii-v-sisteme-ispolnitelnoy-vlasti-rossii> (дата обращения: 24.07.2023). – С. 77-80.

15. Конституционное право : учебник для бакалавров / М. В. Варлен, Е. Н. Дорошенко, С. А. Зенкин и др. ; отв. ред. В. И. Фадеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2017. — 592 с.

16. Кутафин О.Е. Глава государства : монография. — Москва : Проспект, 2015. – 560 с.

17. Музалевская Е.А. Поправки в Конституцию РФ 2020 года: технико-юридические и содержательные дефекты // Академия права. - 2023. - №1. - С. 104-110.

18. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА М, 1999. – С. 552.

19. Черепанов В.А. О необходимости и целесообразности конституционных изменений / В.А. Черепанов // Российская юстиция. 2020. № 8. - С. 35–38.

20. Чеботарев, Г. Н. Как укрепить единую систему публичной власти? / Г. Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 3. – С. 19-23.

21. Чиркин В.Е. Современность и публичная власть // Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения: сб.

материалов Междунар. науч. конф. / отв. ред. С.А. Авакьян. - М.: Юстицинформ, 2015. – С. 18-20.

22. Чиркин, В. Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование : монография / В. Е. Чиркин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. — 240 с.

23. Чиркин, В. Е. Президентская власть / В. Е. Чиркин // Государство и право. – 1997. – № 5. – С. 15-23.

24. Эбзеев Б.С. Конституционное право России : учебник. — Москва : Проспект, 2019. – 768 с.

25. Электоральная демократия: российский опыт / Под общей ред. Б.С. Эбзеева. – М.: РЦОИТ, 2017 – 724 с.

26. Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. М.: Юридическая литература, 1995. - 175 с.

УДК 347.78

Бандурина Дарья Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт государственного и международного права

Россия, Екатеринбург

bandurina2002@gmail.com

Bandurina Daria

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of State and International Law

Russia, Ekaterinburg

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКИХ ПРАВ

Аннотация: одним из объектов авторских прав является хореографическое произведение. При этом, поскольку в сознании большинства людей хореографическая постановка ассоциируется с тем, что человек исполняет набор движений в определенной последовательности под музыкальную композицию, фигура исполнителя зачастую затмевает фигуру хореографа. Однако «творцом» хореографического произведения выступает именно хореограф. В настоящей статье рассмотрено, что является объектом авторских прав в отношении хореографического произведения и кто в данном случае, выступает правообладателем.

Ключевые слова: хореографическое произведение, хореограф, исполнитель, объект авторских прав, танцевальная постановка.

CHOREOGRAPHIC COMPOSITION AS AN OBJECT OF COPYRIGHT

Annotation: one of the objects of copyright is a choreographic composition. At the same time, since in the minds of most people a choreographic production is associated with the fact that a person performs a set of movements in a certain sequence to a musical composition, the figure of the performer often overshadows the figure of the choreographer. However, it is the choreographer who acts as the "creator" of the choreographic work. This article examines what is the object of copyright in relation to a choreographic composition and who, in this case, acts as the copyright holder.

Key words: choreographic composition, choreographer, performer, copyright object, dance production.

В Гражданском Кодексе РФ закреплено, что объектом авторских прав может являться хореографическое произведение [1]. Однако оно может быть исполнено не только людьми, но и вымышленными персонажами. Если обратиться к киноиндустрии и рассмотреть, к примеру, «Космическую Одиссею» (научно-фантастический фильм «2001 год: Космическая Одиссея», режиссер Стэнли Кубрик, сценаристы Артур Кларк, Стэнли Кубрик, композитор Георгий Лигети), то можно увидеть танец, исполняемый космическими кораблями. В некоторых мультфильмах, например, «Делай ноги» (мультипликационный фильм «Делай ноги», режиссеры Уоррен Коулмэн, Джуди Моррис, Джордж Миллер, сценаристы Уоррен Коулмэн, Джуди Моррис, Джон Колли, оператор Дэвид Пирс, художники Дэвид Нельсон, Саймон Уайтели, Жан-Паскаль Лебланк), «Коты не танцуют» (мультипликационный фильм «Коты не танцуют», режиссер Марк Диндал, сценаристы Роберт Ганнавей, Клифф Руби, Элана Лессер и др., оператор Роб Мэйн, композиторы Стив Голдштейн, Рэнди Ньюман, художник Брайан МакЭнти) хореографические постановки исполняют мультипликационные персонажи – животные. Поскольку в приведенных примерах танец исполняют нарисованные персонажи, то речь здесь уже не может идти об исполнительском

искусстве: мультипликаторы лишь воплощают замысел хореографа. Представляется, что для того, чтобы в полной мере рассмотреть хореографическое произведение в качестве объекта авторских прав, необходимо отойти от фигуры исполнителя и рассматривать исключительно хореографию.

В сознании большинства людей хореографическая постановка ассоциируется с тем, что человек исполняет набор движений в определенной последовательности под музыкальную композицию. Однако, очевидно, танец может исполняться не только людьми, но и вымышленными персонажами. При этом зачастую фигура исполнителя затмевает фигуру хореографа, который является «творцом», автором хореографического произведения. Необходима идентификация того, что будет являться объектом авторских прав в отношении хореографического произведения и кто в данном случае, будет выступать правообладателем. Представляется очевидным, что объектом авторских прав в отношении хореографического произведения будет являться именно задумка автора, получающая свое воплощение в определенных движениях и рисунках танца, правообладателем же будет выступать хореограф, являющийся автором данной задумки.

Для того чтобы подтвердить это, обратимся к ГК РФ, где установлено, какими признаками должны обладать объекты авторских прав. В результате систематического толкования, можно выявить, что произведения, являющиеся объектом авторских прав, должны, во-первых, представлять собой результат творческой деятельности, во-вторых, быть выражены в объективной форме [1]. Следовательно, для того, чтобы сделать вывод о том, что является объектом авторских прав в отношении хореографического произведения, необходимо выявить, где лежит творческое начало и какой может быть объективная форма выражения.

Как указывает Верховный Суд РФ, объектом авторского права может быть только тот результат, который создан творческим трудом. Само по себе

отсутствие новизны, уникальности или оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторских прав [2]. То есть, критерием, определяющим охраноспособность объекта, будет являться не новизна, уникальность или оригинальность, а факт того, что объект является результатом творческой деятельности. «Оригинальность» относится к конечному продукту, а творческий труд — к самому процессу труда, а не к результату, который подлежит оценке [3, с. 25]. Логично предположить, что в таком случае творческое начало находит отражение в интеллектуальной деятельности хореографа, поскольку в процессе мышления складываются определенные образы, рисунки танца, конкретные движения, которые затем воспроизводятся в танцевальной постановке. Э. П. Гаврилов определяет творческую деятельность как «деятельность человеческого мозга, который способен создавать только идеальные образы, а не предметы материального мира» [4, с. 44]. С этой позиции и представляется, что творческое начало лежит как раз-таки в задумке хореографа. Также критерием оценки произведений искусства является очевидность созданного автором некоего образа, вызывающего эмоциональный отклик у зрителя и способного произвести изменения в его внутреннем мире [5, с. 16]. Создание и воспроизведение такого образа также можно считать результатом творческого труда автора хореографического произведения, который продумывал все образы, которые будут представлены в постановке. Так, творческий труд отражает результат интеллектуальной деятельности хореографа и реализуется в сюжете, рисунках танца, отдельных движениях. Творческое начало может выражаться и в отдельно взятых элементах танца. Например, лунную походку Майкла Джексона, не поднимая дискуссию относительно авторства, можно рассматривать как самостоятельный объект, поскольку она является результатом творческой деятельности ее создателя и, без сомнения, отвечает признаку оригинальности.

В некоторых случаях творческое начало может быть выражено в массовости хореографического произведения: для того, чтобы задействовать в постановке большое количество человек хореографу также необходимо детально продумать роль и образ каждого из них. Таким образом, творческим трудом может быть признан только результат интеллектуальной деятельности хореографа, его идея, задумка, находящие отражение в танцевальной постановке.

Объективная форма выражения – форма, доступная для восприятия произведения человеком. Пока задумка хореографа не выражена в объективной форме, она не способна быть объектом авторских прав. В юриспруденции не сложилось единого представления об объективной форме в отношении данных объектов. Хореографические произведения воплощаются в объективную форму, в частности, путем их публичного исполнения [6, с. 109]. Однако публичное исполнение без какой-либо дополнительной фиксации рассчитано на однократное восприятие. Следовательно, существует необходимость иным образом фиксировать исполнение хореографической постановки, например, путем осуществления видеозаписи. Также выполнить такую фиксацию можно путем записи хореографом подробного описания сюжета, образов, совокупности движений, рисунков танца или же путем лабанотации – системы записей движений человека. При помощи такого приема можно раскрыть идейное содержание танцевальной постановки, которое и отразит творческий процесс создания идеи хореографом. Сейчас существуют специальные компьютерные программы, фиксирующие всю лексику движений танца, что дает возможность воспроизвести хореографическое произведение в компьютерной версии.

Также для подтверждения позиции, заключающейся в том, что объектом авторских прав в отношении хореографических произведений является именно задумка хореографа, рассмотрим Определение Верховного Суда РФ от 2 сентября 2008 г. № 78-В08-20 [7]. Хореография знаменитого балетмейстера Вайнонена была использована при создании другого хореографического

произведения. Суды первой и кассационной инстанции сочли, что переработка части движений в третьем акте балета свидетельствует о том, что хореографы с опорой на балет Вайнонена создали новое хореографическое произведение, являющееся творческим и самостоятельным. Однако Верховный Суд РФ отменил данные решения, поскольку счел, что, если осуществляется лишь переработка танцевальных движений, при этом задумка автора (в данном случае Вайнонена) сохраняется, это будет являться нарушением авторских прав. Также Верховный Суд РФ отметил, что согласно статье 12 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» (действовавшего на момент рассмотрения данного дела) переводчикам и авторам других производных произведений принадлежит авторское право на осуществленные ими перевод, переделку, аранжировку или другую переработку [8]. Однако при этом важнейшим условием является то, что должны соблюдаться права автора произведения, подвергнутого переводу, переделке, аранжировке или другой переработке. Так, Верховный Суд РФ считает, что переработка движений в танцевальной постановке при сохранении задумки автора, чье произведение берется за основу, – нарушение авторских прав, из чего можно сделать вывод, что объектом авторских прав является непосредственно задумка автора.

Таким образом, можно сделать вывод, что объектом авторских прав в отношении хореографического произведения будет являться задумка хореографа, получающая свое воплощение в определенных движениях и рисунках танца, поскольку именно задумка соответствует признакам объекта авторских прав: отражает творческое начало и выражается в объективной форме. Данная точка зрения подтверждается не только позициями ученых-правоведов, но и судебной практикой, в частности правовой позицией Верховного Суда РФ. Представляется, что заявленная тема, без сомнений, требует разработки, поскольку хореографы, выступающие авторами хореографических произведений, и, следовательно, правообладателями, являющиеся, по сути,

«творцами», без которых произведение не могло быть создано, зачастую остаются незамеченными из-за фигуры исполнителя, что приводит к имущественному «унижению» правового положения хореографа.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского Кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/
3. Гаврилов Э. П. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с введением части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Хозяйство и право. 2009. № 10. С. 25.
4. Гаврилов Э. П. Комментарий к закону об авторском праве и смежных правах. Изд.: Экзамен. 2005. 384 с.
5. Мацкевич Ю.В. Определение понятия «произведение искусства» и обозначение критериев его оценки // Искусство и литература: науч. журн. 2012, № 3 (7). С. 13-16
6. Смирнова, В. М. Хореографическое произведение как объект авторского права / В. М. Смирнова // Журнал российского права. – 2011. – № 12(180). – С. 102-111.
7. Определение Верховного Суда РФ от 2 сентября 2008 г. № 78-В08-20 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71101778/>

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

8. Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 N 5351-

1 [Электронный ресурс] // URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2238/

Грязева Милена Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

milenagriazeva@gmail.com

Gryazeva Milena

Lomonosov Moscow State University

Law faculty

Russia, Moscow

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОСРЕДНИКОВ ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация: в статье анализируются актуальные вопросы, связанные с ответственностью информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав в сети «Интернет». Автор анализирует, когда информационный посредник может считаться осведомленным о нарушении и какими должны быть необходимые и достаточные меры по смыслу статьи закона. Автором рассматриваются вопросы о наличии статуса информационного посредника у администратора домена, регистратора и поисковой системы.

Ключевые слова: информационный посредник, виновная ответственность, администратор доменного имени, регистратор домена, поисковая система.

RESPONSIBILITY OF INFORMATION INTERMEDIARIES FOR VIOLATION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS ON THE INTERNET

Annotation: The article analyses topical issues related to the liability of information intermediaries for infringement of intellectual rights on the Internet. The author

analyses when an information intermediary may be deemed to be aware of infringement and what should be the necessary and sufficient measures within the meaning of the article of the law. The author examines the issues of the status of information intermediary for the domain administrator, registrar and search engine.

Key words: information intermediary, culpability, domain name administrator, domain registrar, search engine.

Активное развитие цифровых технологий в современном мире обуславливает необходимость трансформации традиционных механизмов защиты интеллектуальных прав с учетом специфики интернет-нарушений.

В связи с этим актуальна проблема надлежащего правового регулирования ответственности информационных посредников – профессиональных участников сети Интернет. Особенности ответственности информационных посредников посвящена статья 1253.1 Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ»).

Информационный посредник, являясь субъектом предпринимательской деятельности, отвечает на виновных началах, что является исключением из общего правила о безвиновной ответственности предпринимателей. Он освобождается от ответственности при наличии (соблюдении) указанных в ст. 1253.1 ГК РФ условий. При этом отметим, что формулировка данных условий в законе, как и относимость того или иного лица к информационным посредникам – вопросы неоднозначные, в связи с чем они будут рассмотрены в настоящей работе.

«Не знал и не должен был знать» (пп. 3 п. 3 и пп. 1 п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ).

Можно ли полагать, что посредник *узнаёт* о неправомерности использования объектов интеллектуальной собственности с момента размещения (передачи) им неправомерного материала в сети «Интернет»?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. На наш взгляд, справедливым является подход, в соответствии с которым информационный посредник считается знающим о нарушении с момента получения претензии.

Например, при рассмотрении дела, где ответчиком выступал известный маркетплейс «Вайлдберриз», признанный информационным посредником, Суд по интеллектуальным сделал вывод, что «за обществом «Вайлдберриз» не закреплена обязанность по проверке товаров, реализуемых продавцами, а равно обязанность по предварительной проверке (модерированию) размещаемой информации о товарах» [1]. Аналогичный вывод можно встретить и в зарубежной практике [2].

Действительно, информационный посредник чаще всего не имеет физической возможности отслеживать все материалы, размещаемые третьими лицами, на предмет правомерности использования в них объектов интеллектуальной собственности.

Таким образом, информационный посредник должен считаться осведомленным о нарушении только после получения претензии от правообладателя.

При этом важно отметить, что такая претензия должна содержать обоснование нарушения и доказательства наличия исключительных прав у обратившегося лица, особенно, если спор касается авторских прав, которые, в отличие от прав на товарные знаки, не удостоверяются регистрацией. Информационные посредники не компетентны в вопросах по установлению авторства, и не могут заменять собой судебные органы.

«Принял необходимые и достаточные меры» (пп. 2 п.3 ст. 1253.1 ГК РФ).

По мнению Н.А. Непомнящей, необходимыми и достаточными действиями посредника являются: уведомление лица, разместившего материал, о поступившем заявлении правообладателя; требование такому лицу

урегулировать во внесудебном порядке отношения о спорном объекте; уведомление правообладателя о принятых мерах [3, с. 61].

Однако автор не учитывает, что лицо, разместившее материал может проигнорировать уведомление посредника. Думается, что необходимой мерой в таком случае будет приостановление услуг предоставления хостинга (при наличии такой технической возможности), чтобы стороны смогли обратиться в суд. Упущенную выгоду администратор домена, в случае признания судом отсутствия нарушения с его стороны, сможет взыскать с истца.

Справедливой представляется точка зрения А.С. Ворожевич, которая указывает, что в ситуации очевидного нарушения информационный посредник должен заблокировать владельца сайта [4, с. 138]. Однако в спорах об авторских правах ситуация, при которой нарушение для информационного посредника будет очевидно - исключение, и достоверно определить правомерность использования материала может только суд.

Целесообразным видится установление на уровне разъяснений высших судебных инстанций многофакторного теста, на который будут опираться суды при вынесении решений с учетом конкретной ситуации.

Подпадает ли администратор домена под категорию информационных посредников?

Относительно того, является ли администратор домена информационным посредником, отсутствует единое мнение как в доктрине, так и в судебной практике.

Так, по мнению С.А. Копылова, администратор домена не является информационным посредником, поскольку он адресует на сайт своей волей и в своем интересе, и должен нести полную ответственность за нарушения [5, с. 16]. В тоже время А.Г. Серго не исключает, что в ряде случаев администратор доменного имени может быть признан информационным посредником [6, с. 25].

Верной видится позиция Суда по интеллектуальным правам в Постановлении от 12.10.2020 N C01-1130/2020 [7], где суд отметил, что решение вопросов об отнесении лиц к категории информационных посредников зависит от характера осуществляемой ими деятельности.

По мнению суда, в случае неправомерного использования объектов интеллектуальной собственности только на сайте непосредственным нарушителем является владелец сайта и/или пользователь, неправомерно разместивший материал. Администратор домена может быть привлечен к ответственности лишь в исключительных случаях, «в частности, если он осознанно предоставил возможность использования домена для совершения действий, являющихся нарушением, или получал доход от неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации». Данный подход должен быть воспринят судебной практикой.

Подпадает ли регистратор под категорию информационных посредников?

Практика судов по вопросу о возможности признания регистратора домена информационным посредником также разнится [8].

Как отмечается в литературе, «в отличие от столь неоднозначного подхода судов к вопросу о возможности привлечения регистраторов доменных имен к ответственности по ст. 1253.1 ГК РФ при осуществлении только функции регистрации, суды выработали устоявшийся подход о том, что регистратор, одновременно являющийся хостинг-провайдером, относится к информационным посредникам» [9, с. 37].

На наш взгляд, вопрос об ответственности регистратора следует решать в зависимости от того, имеет ли регистратор техническую возможность ограничить доступ к материалу, использование которого представляет собой нарушение интеллектуальных прав.

Подпадает ли поисковая система под категорию информационных посредников?

Принцип действия поисковой системы основан на автоматическом индексировании общедоступной информации с ресурсов, принадлежащих другим лицам [10, с. 31].

В литературе можно встретить мнение, что поисковые системы являются информационным посредником третьего типа (предоставляющим доступ к материалам) [11, с. 72].

С такой точкой зрения сложно согласиться с учетом изложенного принципа действия поисковых систем, поскольку условия доступа к сайту во всех случаях устанавливаются без участия таких систем владельцем сайта.

Поисковые системы не участвуют в размещении материалов на сайтах и не имеют к их работе никакого отношения, а лишь предоставляют сведения о размещении таких объектов, в связи с чем признавать их информационным посредником неверно.

Таким образом, регулирование ответственности информационных посредников нуждается в совершенствовании. Отсутствие единства подходов препятствует надлежащей защите прав правообладателей и приводит к нарушению прав самих информационных посредников.

Список литературы:

1. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14.04.2022 по делу № А41-73925/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Scarlet Extended SA v. Société belge des auteurs, compositeurs et éditeurs SCRL (SABAM) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62010CJ0070>.

3. Непомнящая Н. А. Гражданско-правовое регулирование деятельности информационных посредников: специальность 12.00.03 «Гражданское право;

предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: дис. ... канд. юрид. наук / Непомнящая Наталья Анатольевна; Российская государственная академия интеллектуальной собственности. — Москва, 2019. — 179 с. — Библиогр.: с. 163-179.

4. Ворожевич А.С. Споры по нарушениям исключительных прав на товарные знаки в маркетплейсах. Журнал Суда по интеллектуальным правам", № 2 (32), июнь 2021 г., с. 133-141.

5. Протокол № 16 Заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам 28 апреля 2017 г. //Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 16, июнь 2017 г., с 13-29.

6. Серго А.Г. Статья: Администратор домена как информационный посредник в спорах о защите интеллектуальных прав // // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. N 11. с. 23 – 26.

7. Постановление от 12.10.2020 N C01-1130/2020 по делу N A40-271412/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.10.2020 N 09АП-23841/2020 по делу N A40-225499/2019; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.09.2018 N C01-581/2018 по делу N A40-91339/2017 // СПС «Консультант Плюс».

9. Клементьева М.И. Ответственность регистратора доменных имен в качестве информационного посредника: российский и зарубежный опыт // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020 № 2 (28). с. 36-46

10. Егелев К.М. и Калашников С.С. Поисковые системы и информационные посредники// Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 16. с 30 -35.

11. Мухгалин А.Р. Некоторые проблемы применения статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 26. с. 68-74.

Кряжевских Ксения Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

zvezda5361@mail.ru

Kryazhevskikh Ksenia

Ural State Law University

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

**ВЛИЯНИЕ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЗЫСКАНИЯ
КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ
АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ**

Аннотация: автором анализируются вопросы, связанные с правовым значением решений Конституционного суда РФ в области взыскания компенсации за нарушение исключительных авторских и смежных прав. Рассматриваются вопросы изменения судебной практики в связи с принятием Постановлений Конституционного суда РФ.

Ключевые слова: компенсация, исключительные авторские и смежные права, Конституционный суд Российской Федерации, судебная практика, юридическая ответственность, возмещение убытков.

**INFLUENCE OF THE POSITIONS OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL
COURT ON THE CHANGE OF THE JUDICIAL PRACTICE OF
RECOVERY OF COMPENSATION FOR VIOLATION OF EXCLUSIVE
COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS**

Annotation: the author analyzes issues related to the legal significance of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of recovery of compensation for violation of exclusive copyright and related rights. The issues of changing judicial practice in connection with the adoption of the Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation are considered.

Key words: compensation, exclusive copyright and related rights, the Constitutional Court of the Russian Federation, jurisprudence, legal liability, damages.

Компенсация является самостоятельным способом защиты исключительных авторских и смежных прав. Статьи 1252, 1301, 1311, 1515 ГК РФ закрепляют положения, регулирующие порядок взыскания компенсации за нарушение исключительных авторских и смежных прав. По мнению А.П. Сергеева, компенсация является заимствованным из англо-американского права упрощённым способом возмещения убытков, при этом, потерпевший освобождается от обязанности доказывать размер убытков [1]. С точки зрения законодателя, автор является более слабой стороной, а значит, ему должна быть предоставлена повышенная защита [2]. В юридической литературе отмечается, что сами по себе нормы ГК РФ, посвященные компенсации, в силу своей правовой неопределенности вызывают произвольность их применения в судебной практике [3].

В судебной практике преобладает позиция, что компенсация преследует две цели. С одной стороны, компенсация имеет штрафной характер [4, 5]. В то же время компенсация преследует восстановительную цель и направлена, прежде всего, на восстановление положения правообладателя. Именно поэтому, при определении размера компенсации судами делается вывод о недопустимости превышения компенсацией размера убытков, поскольку размер компенсации должен быть соразмерен последствиям правонарушения [6]. Это отвечает важнейшему принципу соразмерности юридической ответственности. Так,

например, еще в 2009 году в п. 43.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 было указано, что суд не лишен права взыскать сумму компенсации в меньшем размере по сравнению с заявленным требованием, но не ниже низшего предела [7]. Таким образом, суды могли снизить размер компенсации, который был заявлен в исковом заявлении, но не ниже низшего предела, установленного законом.

В 2016 году Конституционный Суд РФ выносит Постановление № 28-П, в котором обращает внимание на общие принципы юридической ответственности: ограничения не должны быть чрезмерными, необходимо дифференцировать ответственность в зависимости от тяжести, размера и характера ущерба, учета вины правонарушителя.

Конституционный суд РФ делает вывод, что в случае нарушения одним действием прав на несколько объектов интеллектуальной собственности при определении размера компенсации суды должны иметь возможность снизить общий размер компенсации ниже установленного законом предела [8].

Для этого, как указывает Конституционный суд РФ, необходимо несколько критериев:

- 1) во-первых, многократность превышения размера компенсации над размером причиненных правообладателю убытков. При этом, такое превышение необходимо доказать ответчику;
- 2) правонарушение совершено впервые;
- 3) использование объектов интеллектуальной собственности не являлось существенной частью предпринимательской деятельности и не имело грубый характер.

До 2016 года суды могли снизить размер компенсации только до низшего предела, установленного законом (10 тыс. руб.). После принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П у судов появилась такая возможность. Однако, с принятием данного постановления у

правоприменителей возникла следующая неопределенность: данная правовая позиция Конституционного суда РФ подлежит применению только в отношении индивидуальных предпринимателей или и к физическим, и к юридическим лицам тоже? Как отмечал Суд по интеллектуальным правам, данная правовая позиция действовала лишь в отношении индивидуальных предпринимателей [9]. Верховный суд РФ сделал вывод, что данная позиция может быть применена и к индивидуальным предпринимателям, и к физическим и юридическим лицам [10]. Кроме того, возникала проблема размытости данных критериев: с одной стороны, суды отмечали, что недопустимо снижение уровня защиты правообладателей исключительных прав, с другой стороны, обращали внимание на достаточно высокий размер взыскиваемой компенсации [11, 12].

В продолжение данной правовой позиции, Конституционный Суд в Постановлении № 40-П указал, что возможно снижение размера компенсации с учетом обстоятельств конкретного дела. Суды не могут быть лишены возможности учесть все значимые для дела обстоятельства. При этом, Конституционный суд РФ закрепил, что размер компенсации может быть снижен судом не более чем вдвое. В данном случае Конституционный суд попытался найти баланс между защитой правообладателя исключительных авторских и смежных прав и недопустимостью произвольного размера компенсации для правонарушителя.

Таким образом, возможность снизить размер компенсации отвечает критерию справедливости и соразмерности юридической ответственности. Правовые позиции, выработанные Конституционным судом РФ, обеспечивают единство судебной практики в области взыскания компенсации исключительных авторских и смежных прав. Суды при обосновании размера компенсации ссылаются на правовые позиции Конституционного суда РФ. Судами тщательно анализируются обстоятельства дела на предмет возможности снижения размера компенсации, данный механизм не имеет произвольный характер [13].

Список литературы:

1. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. - М.: Проспект, 2001. 750 с.
2. Лукьянчикова Е. Двойная передача исключительных прав: действительность договора об отчуждении и ответственность // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2012. № 2. С. 20–27.
3. Гаджиев Г., Калятин В., и др. Компенсация за нарушение исключительных прав: вопросы квалификации // Закон. 2016. № 12. С. 16–28.
4. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей. М., 2003. 227 с.
5. Еременко, В. И. Ответственность за нарушения в сфере авторских и смежных прав в России / В. И. Еременко // Биржа интеллектуальной собственности. 2011. Т. 10, № 6. С. 1-12.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 02.04.2013 № 16449/12 по делу № А40-8033/12-5-74 // URL: <https://www.consultant.ru/>.
7. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 70, 22.04.2009.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // «Российская газета», № 292, 23.12.2016.
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 марта 2017 г. № С01-140/2017 по делу № А56-22501/2016 // URL: <https://www.consultant.ru/>.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

10. Определение Верховного Суда РФ от 25.04.2017 № 305-ЭС16-13233 по делу № А40-131931/2014 // URL: <https://www.consultant.ru/>.

11. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29.12.2016 № 08АП-13744/2016 по делу № А75-9187/2016 // URL: <https://www.consultant.ru/>.

12. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 марта 2017 г. № С01-140/2017 по делу № А56 22501/2016 // URL: <https://www.consultant.ru/>.

13. Кондратьева Е. А. Об определении размера компенсации за нарушение интеллектуальных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. № 6. С. 67-72.

УДК 341.9

Купцова Арина Сергеевна

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Высшая школа права

Россия, Москва

ASKupcova@yandex.ru

Kupcova Arina

Plekhanov Russian University of Economics

Higher School of Law

Russia, Moscow

КАК ПРОВЕРИТЬ НА БЛАГОНАДЕЖНОСТЬ КОНТРАГЕНТА ИЗ АРМЕНИИ ПЕРЕД ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ДОГОВОРА?

Аннотация: в научной работе раскрывается механизм проверки юридического лица Республики Армения перед заключением договора с российским юридическим лицом. Данная работа актуальна не только с теоретической точки зрения, но и с практической, поскольку изложенный материал может использоваться в деятельности компаний при проверке контрагентов на благонадежность.

Ключевые слова: ЕАЭС, заключение договора, проверка юридического лица Армении, юридические риски, экономические риски.

HOW TO CHECK THE RELIABILITY OF A COUNTERPARTY FROM ARMENIA BEFORE CONCLUDING A CONTRACT?

Annotation: the scientific work reveals the mechanism of verification of a legal entity of the Republic of Armenia before concluding an agreement with a Russian legal entity. This work is relevant not only from a theoretical point of view, but also from a practical

one, since the material presented can be used in the activities of companies when checking counterparties for reliability.

Key words: The EAEU, the conclusion of the contract, the verification of the legal entity of Armenia, legal and economic risks.

Будучи российским юридическим или физическим лицом до заключения того или иного договора с контрагентом важно убедиться, что он является не только действующим юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, но и располагает достаточными ресурсами для исполнения обязательств по соответствующему договору. Такая проверка актуальна не только для заключения договоров и совершения иных сделок между резидентами Российской Федерации, но и в случаях, если речь идет о договорах, заключаемых, между юридическим лицом России и контрагентом из другого государства. Далее в данной работе будет рассмотрен алгоритм проверки юридического лица и индивидуального предпринимателя из Республики Армения.

В целом правовые системы и принципы их функционирования в России и Армении довольно близки, как и между другими государствами-членами ЕАЭС [1]. Схоже и законодательство в области правового регулирования создания и деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Основным законом Армении в этой области является Закон Республики Армения «О государственной регистрации юридических лиц» [2]. Данный Закон схож с российским Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [3]. Юридическое лицо Армении должно иметь минимальный пакет документов, чтобы его зарегистрировали: заявление учредителя/уполномоченного им лица; протокол собрания учредителей (если в состав учредителей входит другое юридическое лицо, то предоставляется соответствующее решение органа управления такого

юридического лица); устав; квитанция об оплате госпошлины. Для индивидуальных предпринимателей перечень документов для регистрации в Армении выглядит следующим образом: заявление о регистрации; копия паспорта; фотокарточка; квитанция об уплате госпошлины.

Какие документы необходимо запросить у компании из Армении до заключения договора? Прежде всего это устав, в данном учредительном документе мы проверяем основные моменты: полномочия директора (генерального директора) на заключение договора, срок его полномочий; ограничения по заключаемым сделкам (это могут быть сделки, которые требуют одобрения коллегиального органа юридического лица в зависимости от определенной суммы или, к примеру, единоличный исполнительный орган вовсе не обладает полномочиями по заключению определенных видов договоров и т.д.) – эти три ключевые момента являются наиболее важными, но помимо них также следует обратить внимание и на иные специфические положения устава компании Республики Армения.

Следующим документом является УНН (учетный номер налогоплательщика) - аналог ИНН российского юридического лица. Данный номер имеет также свою структуру и позволяет удостовериться в том, что компания состоит на налоговом учете.

Необходимо запросить решение (протокол) о назначении директора (генерального директора) юридического лица Армении, а в случае, если данное лицо не является учредителем, то приказ о его вступлении в должность или иной документ, позволяющий идентифицировать подпись директора в указанном документе с подписью в заключенном договоре во избежание возможной подделки подписи.

Еще одним документом является выписка из торгового реестра Армении – это официальный документ, который выдается Агентством Государственного Регистра Юридических лиц Министерства Юстиции Республики Армения и

содержит общедоступные сведения о юридических лицах различных организационно-правовых форм. При этом по данной выписке можно также проследить изменения в сведениях и учредительных документах компании. Для того, чтобы удостовериться в наличии банковских счетов контрагента можно помимо карточки с банковскими реквизитами запросить справку о наличии банковских счетов.

Если предполагается сотрудничество с индивидуальным предпринимателем Армении, то перечень запрашиваемых документов ограничивается УНН, паспортом, справкой о наличии банковских счетов, карточкой с реквизитами контрагента.

Таким образом, указанный выше перечень документов позволит полагать о реальности существования и деятельности контрагента. Это позволит снизить риск мошеннических действий, потери денежных средств, прибыли компании, передачи товаров и (или) оказания услуг несуществующему в действительности контрагенту.

Вторым этапом проверки контрагента из Армении является поиск информации о нем в общедоступных источниках и базах данных. В данном случае есть большая вероятность столкнуться со сложностями, связанными с доступностью российским пользователям и удобством использования ряда источников информации о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях рассматриваемого государства.

Одним из доступных сервисов проверки контрагента Армении является Электронный регистр (официальный реестр компаний) [4]. Он функционирует как на этапе регистрации юридических лиц при подаче документов, так и на этапе поиска компании среди зарегистрированных по УНН или иным данным компании. Помимо основной информации о юридическом лице здесь можно получить Декларацию о реальных владельцах компании, в которой содержатся

их личные данные (имя, фамилия, гражданство), а также процент участия и дата приобретения доли.

Информацию о постановке контрагента на налоговый учет можно получить на сайте Налоговой службы республики Армения [5]. В данном случае также достаточно УНН организации. С помощью названного сервиса можно получить информацию об организационно-правовой форме, юридическом адресе, видах деятельности, дате регистрации, а также статусе юридического лица (действующее или недействующее) и режиме налогообложения.

По проверке контрагента из Армении на предмет его участия в качестве ответчика и (или) истца в судебных процессах по разным категориям дел будет полезен сервис по поиску судебных дел – он, как и другие сервисы в области судебной системы Армении, находится на едином официальном сайте судебной власти республики [6]. С помощью данного источника можно получить информацию об участии контрагента в гражданских, уголовных, административных делах, а также проверить наличие возбужденных в отношении него дел о банкротстве.

На сегодняшний день многие компании, активно занимающиеся предпринимательской деятельностью, имеют собственные сайты, страницы в социальных сетях – это также характеризует статус компании и позволяет определить вовлеченность контрагента в бизнес-процессы.

Как видно по изложенному выше, несмотря на то, что и Армения, и Россия довольно близки в правовом и экономическом устройстве, на сегодняшний день существуют определенные сложности, затрудняющие полную и качественную проверку компании из Армении, чтобы минимизировать возможные риски и отрицательные последствия от сотрудничества.

Однако государствами-членами ЕАЭС принимаются активные меры по развитию и укреплению интеграционных процессов в рамках союза [7]. Основной целью в данной области является создание единого экономического

пространства. С данной целью связаны планируемые меры по сокращению административных барьеров, изъятий и ограничений на внутреннем рынке ЕАЭС; обеспечение межгосударственного информационного обмена; обеспечение гармонизации национальных законодательств государств-членов ЕАЭС; обеспечение единообразия таможенного администрирования, единые условия перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС и др. [8].

Во исполнение мер по укреплению интеграционных процессов осуществляется разработка соглашений и иных документов в данной области [9]. Например, актуальным в рамках настоящей работы документом является разработанный проект Соглашения о единой системе идентификации участников внешнеэкономической деятельности в рамках Евразийского экономического союза [10]. Одной из целей разработки данного Соглашения является упрощение взаимодействия участников внешнеэкономической деятельности с государственными органами и организациями государств-членов при осуществлении внешнеэкономической деятельности. В соответствии с данным проектом каждому участнику внешнеэкономической деятельности присваивается уникальный идентификационный номер, который также содержится в соответствующем реестре. Сбор, хранение и обработка всех данных будет осуществляться в электронном виде.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о наличии препятствий во взаимодействии государств-членов ЕАЭС, одним из них является отсутствие доступных ресурсов по проверке контрагентов государств-членов ЕАЭС до заключения договоров. Указанное препятствие представляется возможным устранить путем усиления интеграционных процессов в данной области, создания (обеспечения доступа к созданным) общедоступных сервисов.

Список литературы:

1. Минасян Г.М. Вступление Армении в ЕАЭС и новые векторы сотрудничества на евразийском пространстве // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 1. С. 67-68.
2. Закон Республики Армения от «03» апреля 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц» // СДЗ РА 2001 г. том 5.
3. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.
4. Электронный Регистр. Правительство Республики Армения [Электронный ресурс] // URL: <https://www.e-register.am/ru/search> (дата обращения: 07.08.2023 г.).
5. Налоговая служба Республики Армения [Электронный ресурс] // URL: https://www.petekamutner.am/tsOS_Taxpayers.aspx (дата обращения: 07.08.2023 г.).
6. Судебная власть Республики Армения [Электронный ресурс] // URL: <https://court.am/hy/monitoring> (дата обращения: 07.08.2023 г.).
7. Алтунян А.Г., Согомонян Х.Т. Перспективы интеграции Армении в ЕАЭС // Экономика и управление. 2015. № 2. С. 24-25.
8. Постановление Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации № 427-СФ от 23.06.2021 г. «О перспективах интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации: <http://council.gov.ru/activity/documents/128320/>
9. Ибрагимов А.Г. ЕАЭС: проблемы и перспективы // Постсоветские исследования. 2018. № 8. С. 757-758.
10. Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20.01.2020 г. № 11 «О проекте Соглашения о единой системе идентификации

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

участников внешнеэкономической деятельности в рамках Евразийского экономического союза» (Вместе с проектом «Перечня сведений, содержащихся в общем реестре уникальных идентификационных номеров») // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://eaeunion.org/>, 22.01.2020 г.

Лапухов Владислав Русланович
Уральский юридический институт МВД России
Факультет подготовки следователей
Россия, Екатеринбург
vlad.lapuhov@yandex.ru

Vladislav Lapuhov
Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia
Faculty of Investigator Training
Russia, Ekaterinburg

О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ИГР И ПАРИ

Аннотация: в данной статье были проанализированы актуальные проблемы института игр и пари, рассмотрены некоторые правовые положения регламентации данного вида правоотношений, а также выдвинуты возможные способы решения поставленных проблем.

Ключевые слова: Игры, пари, алеаторная сделка, рискованная сделка, особенности правового регулирования.

ABOUT THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF OBLIGATIONS ARISING FROM GAMES AND BETTING

Annotation: in this article, the actual problems of the institute of games and betting were analyzed, some legal provisions of the regulation of this type of legal relations were considered, and possible ways of solving the problems posed were put forward.

Key words: Games, betting, aleatory transaction, risky transaction, features of legal regulation.

Исходя из законодательного определения азартная игра – это основанное на риске, соглашение о выигрыше, что свидетельствует об их алеаторной природе. Римские юристы древности первоначально относили к алеаторным видам договоров игры и пари. Ещё тогда отношение к данному виду отношений было резко негативным, они признавали безнравственными, дурными и порочными и, в связи с этим, не подлежали судебной защите [1, с. 133].

Азартные игры основываются на различных случайных факторах, таких как розыгрыш карт, рулетки, бросок костей или шарика, остановка вращающихся барабанов в слот-машинах и т.д. Никакие умения или знания не могут гарантировать успех в таких играх, что делает их зависимыми от чистого везения.

Стоит отметить, что подобная позиция была перенята российским законодательством. В связи с этим, до введения в действие второй части Гражданского Кодекса Российской Федерации азартные игры признавались сделками ничтожными, а участие в подобного рода правоотношений образовали состав административного правонарушения.

В настоящее же время институт игр и пари становится все более и более популярным. Причиной этому стала возможность перехода данного рода правоотношений в информационно-телекоммуникационной сети «интернет», что в разы увеличивает доступность данной сферы.

С вступлением России в новое для страны время и признанием капитализма как необходимой меры развития государственности, перед новой властью встала сложная задача – регулирование тех сфер общественной жизни, которые в период СССР особого поощрения не получили. Легкость возможного выигрыша и азарт сделал данную отрасль весьма привлекательной как для обычных граждан, так и для злоумышленников, желающих заработать на азарте жертв. В связи с этим, не желая повторить негативный опыт девяностых, действующая власть постепенно, хоть и с большой неохотой, но все большее

внимание уделяет регулированию правоотношений, вытекающих из игр и пари. С этой целью в нашей стране были созданы так называемые игорные зоны. Решение же о создании подобного рода зон было принято с целью сужения контролируемого поля игорных заведений. Всего в нашей стране существует 4 игорных зоны: 1) «Сибирская монета», расположенная в Алтайском крае 2) «Янтарная», расположенная в Калининградской области 3) «Красная поляна», расположенная в Краснодарском крае 4) Игорная зона «Приморье» [2]. Иными словами, создание игорного заведения, находящегося вне пределов игорной зоны, за исключением букмекерских контор и тотализаторов, запрещено. В рамках Российского законодательства ответственность за подобную деятельность предусмотрена в рамках статьи 171.2 Уголовного Кодекса и статьи 14.1.1 КоАП РФ.

Необходимость законодательного регулирования данной сферы крайне важна как для нормализации работы её отдельных институтов, так и государства в целом. Прежде всего, на наш взгляд, решение основных проблем данной отрасли права позволит защитить граждан от преступных посягательств, представляющих опасность для большой прослойки населения. Так, по данным исследования ARKA Agency, 4,5% россиян в возрасте от 18 до 70 хоть раз делали ставки на спорт за 2018 год [3]. Также, это может поспособствовать экономическому развитию страны, ведь вся незаконная деятельность по проведению игр и пари, циркулирующая в нашем правовом поле, в случае её узаконивания, могла бы обеспечить федеральный бюджет соответствующими налоговыми выплатами. Так, по данным (ФНС) за 2019 год легальные игорные заведения должны выплатить в федеральный бюджет 2,06 миллиарда рублей.

Наиболее защищенной отраслью данных правоотношений являются лотереи. Первое отражение институт лотерей получил ещё при Петре Первом. Законодательное определение лотереи дается в Федеральном законе от 11.11.2003 № 138-ФЗ «О лотереях». Так, лотерея – это игра, которая проводится

в соответствии с договором и в которой одна сторона (оператор лотереи) проводит розыгрыш призового фонда лотереи, а вторая сторона (участник лотереи) получает право на выигрыш, если она будет признана выигравшей в соответствии с условиями лотереи. В настоящее время регулированию проведения лотереи посвящена статья 1063 Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии с пунктом 1 данной нормы отношения между организаторами тотализаторов (взаимных пари) и других основанных на риске игр и участниками таких игр, а также между операторами лотерей и участниками лотерей, регулируются законами и основаны на договоре.

Одной из наиболее насущных проблем данной отрасли права является создание нелегальных букмекерских контор. Обход процедуры обязательной регистрации дает для создателей букмекерской конторы множество возможностей по обману людей. В связи с этим возникает вопрос, как возможно отличить легальную и нелегальную букмекерскую контору. Легальный букмекер должен отвечать 4 критериям: 1) наличие лицензии, полученной в установленном законом порядке. 2) являться членом саморегулируемой организации «Ассоциация букмекерских контор» 3) иметь официальный сайт в доменной зоне России 4) быть подключенным к центру учета и перевода интерактивных ставок (ЦУПИС). Нелегальные же букмекеры не несут никакой ответственности перед клиентом за выплату ему выигрыша, но несмотря на это, услугами нелегальных букмекеров пользовались 43 % игроков. В любой момент без объяснения причин возможна блокировка учетной записи.

Ярким примером незаконной деятельности букмекерских контор является возможность регистрации несовершеннолетних для участия в данной деятельности, что запрещено законом. Данную норму законодатель вводит в связи с финансовой незащищенностью этой группы населения. Большинство нелегальных букмекеров не требуют идентификацию личности при регистрации, что допускает возможность участия несовершеннолетних.

Статья 1062 ГК подразумевает, что игры и пари являются юридическими фактами, влекущими возникновение правоотношений, обязывающих, в случае выигрыша уплатить ему сумму выигрыша. Но, исходя из смысла статьи мы понимаем, что по общему правилу судебной защите данные правоотношения не подлежат. Законом прямо предусмотрены случаи, когда возможность защиты своих прав предусмотрена. Судебной защите подлежат: 1) требования лиц, участвующих в играх и пари под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором игр или пари 2) требования лиц, по выплате им выигрыша и возмещении им убытков в случае нарушения договора со стороны организатора игр и пари 3) требования по рисковым сделкам с участием биржевых игроков, банков и профессиональных участников рынка ценных бумаг. На наш взгляд подобная позиция законодателя является правильной, в связи с тем, что государство прежде всего обязано обеспечить защиту граждан и стабильность их жизни. Игры и пари же подразумевают азарт и риски, которые могут привести гражданина к крайне нестабильному финансовому положению. В связи с общественной опасностью участия в играх и пари законодатель, в случае психической зависимости (причастия) гражданина к азартным играм, допускает возможность ограничения его дееспособности [4].

Однако, несмотря на предоставленную законодателем возможность защиты прав в судебном порядке большинство обращений граждан о защите остаются без рассмотрения в связи с фактической сложностью установления события преступления и привлечения злоумышленников к ответственности. В последние годы, в связи с ужесточением надзора за контролем игровой деятельности, наиболее частым проявлением её стало компьютерная вариация игровых автоматов или же, иными словами, онлайн-казино и букмекерские конторы.

Если же обратиться к опыту зарубежных стран относительно регулирования игр и пари, то стоит отметить, что существует несколько подходов к налогообложению игровой деятельности. В большинстве развитых стран (Франция, Германия, Канада и пр.) объектом налогообложения выступает либо доход, либо прибыль от ведения игорного бизнес. В России же объектом налогообложения является налог на игорное оборудование, что, на наш взгляд, является неправильным. Поскольку, в зарубежных странах налоги от игорного бизнеса являются важной статьей федерального бюджета, что нельзя сказать о России. Так, Доходы букмекерских контор в 2020-м году выросли. По крайней мере, если говорить о совокупной цифре. Если выручка БК в 2019-м составила около 208 млрд, то спустя год – почти 238 млрд, что составляет рост на 14,5%.

Проблема регулирования подобных правоотношений заключается в том, что контроль за появлением подобных сайтов практически не осуществляется. И даже в тех случаях, когда процесс блокировки произошел, у создателей подобных сайтов существует множество способов обхода блокировок. К таким способам, например, относятся: 1) создание сайтов-зеркал 2) использование сторонних VPN-сервисов 3) использование PROXY-серверов 4) создание отдельного ПО для использования услуг букмекера. В связи с этим представляется, что борьба с нелегальным проведением азартных игр и пари в информационно-телекоммуникационной сети «интернет» посредством блокировки доступа к сайтам, предлагающим такие услуги, является крайне неэффективным, поскольку данная мера носит больше «имиджевый» эффект [5, с. 91]. После объявления ресурса незаконным и его блокировки последний не перестает функционировать. Для продолжения работы владельцам сайта будет необходимо выполнить несколько простейших действий для обхода блокировки.

В подтверждение этому по информации СК в период с января по декабрь 2020 года количество преступлений, совершенных в сети «Интернет» возросло на 91,3% [6], а в лидирующие позиции среди незаконной деятельности в сети

вошла организация и проведение азартных игр. В связи с чем, для регулирования как данной сферы правоотношений, так и других представляется возможным сотрудничество Роспотребнадзора – главного надзорного органа в России, и представителей лидирующих поисковых систем посредством внесения нелегальных букмекерских контор в так называемые черные списки (safebrowsing). В случае попадания, в которые информация о внесенном сайте не показывается при запросе в соответствующей поисковой системе. Данный способ хорош тем, что в случае такого попадания интернет-ресурс теряет один из основных каналов продвижения, что значительно сказывается на популярности и доходах незаконной конторы.

Также, статьей 5.1 Федерального закона «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр» с целью ограничения работы незаконных букмекерских контор законодателем предусмотрен запрет переводов и приёма платежей у организаций, внесенных в перечень на сайте ФНС. Однако, исходя из анализа правоприменительной практики можно сделать вывод, что положения данной статьи в должной мере не соблюдается. Так, перечень запрещенных для транзакций организаций не редактировался с 15 августа 2019 года [7]. Стоит отметить, что и ограничение транзакций для организаций, входящих в данный список, не представляется возможным. Вызвано это тем, что в самом перечне ФНС находятся не конкретные сайты, а наименования запрещенных организаций с местом нахождения, что не дает банкам возможности отслеживание пути транзакции. К тому же, незаконные букмекеры, с целью обхода запретов используют компании посредники. Так, все финансовые операции между нелегальными букмекерами и российскими банками осуществляются через посредников, что, формально, не нарушает российское законодательство. С целью решения данной проблемы представляется необходимым: 1) внести правки в перечень ФНС с добавлением URL-адресов 2) обязать ФНС обновлять перечень периодичностью раз в квартал

3) создать орган, контролирующий транзакции между банками и незаконными букмекерами.

Подводя итог, следует сказать, что последние годы игорный бизнес в России претерпевает значительные изменения, однако, многие проблемы правоприменительной практики до сих пор остаются без разрешения и не соответствуют формирующимся запросам общества. На наш взгляд более императивные методы регулирования данной деятельности положительно бы сказались на развитии института игр и пари. Государство должно с большим вниманием относиться к развитию данного направления

В связи с этим, на наш взгляд, считается необходимым внесения ряда изменений в существующее законодательство, а также выработки действенной стратегии регулирования данной отрасли. Видится, что в случае более системного подхода к законодательной регламентации института игр и пари законодатель сможет оказать существенное влияние на незаконную игорную деятельность. При этом только оперативное реагирование на возникающие проблемы сможет способствовать позитивному развитию данного института. При этом, какой бы путь решения не выбрал законодатель, нельзя отрицать экономическую значимость для государства института игр и пари.

Список литературы:

1. Омельченко О.А. Римское право: Учебник. Издание второе, исправленное и дополненное. — М.: ТОН — Остожье, 2000. С. 133.
2. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>.
3. «4,5% россиян от 18 до 70 делают ставки на спорт – исследование» // URL: <https://www.interfax.ru/presscenter/651191>

4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015. № 25. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>.

5. Гузинец, К. В. Нелегальный игорный бизнес как угроза экономической безопасности государства / К. В. Гузинец // Экономика и предпринимательство. 2014. № 5-2 (46). С. 90-93.

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2020 года. // URL: «<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184>»

7. Перечень лиц, в отношении которых имеются сведения об осуществлении ими деятельности по организации и проведению азартных игр с нарушением законодательства Российской Федерации. // URL: «<https://www.nalog.ru>»

Махмутова Альбина Зуфаровна

Уральский государственный экономический университет

Институт государственного, муниципального управления и права

Россия, Екатеринбург

albina2003makhmutova@gmail.com

Makhmutova Albina

Ural State University of Economics

Institute of State Municipal Administration and Law

Russia, Ekaterinburg

NFT-ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ЦИФРОВОГО

ИСКУССТВА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация: в данной статье автор проводит анализ новых технологичных способов защиты объектов авторского права при помощи технологии блокчейн и NFT. В частности, раскрывается роль современных технологий в рамках защиты авторских прав, анализируется понятие системы распределенных реестров и феномена NFT, выявляются способы внедрения данных технологий в качестве механизмов защиты авторства, а также обозначаются перспективы развития законодательства об NFT в российском праве. В заключении автор приходит к выводу о необходимости разработки специального модельного закона для регулирования оборота произведений искусства в киберпространстве.

Ключевые слова: цифровое искусство, NFT, блокчейн, смарт-контракт, авторское право.

NFT WORKS AS DIGITAL ART TOOLS: A CIVIL LAW PERSPECTIVE

Annotation: In this article the author analyzes new technological methods of copyright protection using blockchain technology and NFT. In particular, the author reveals the

role of modern technologies in the framework of copyright protection, analyzes the concept of distributed registry system and the phenomenon of NFT, identifies ways of introducing these technologies as mechanisms of copyright protection, and outlines the prospects for the development of legislation on NFT in Russian law. The author concludes that it is necessary to develop a special model law to regulate the turnover of works of art in cyberspace.

Key words: digital art, NFT, token, blockchain, copyright.

В современных реалиях технологический процесс способствует переходу художественного рынка в цифровое пространство и развитию NFT-искусства, благодаря чему все больше крупных компаний и предпринимателей инвестируют в данную сферу человеческой деятельности. Кроме того, NFT позволяет отследить аутентичность произведения и выступает универсальным решением многих проблем, например, таких, как: борьба с мошенничеством; подделками; возможность создания произведения из любой точки мира, что является несомненным преимуществом такой технологии.

Плод творческой деятельности, который становится доступным для всеобщего обозрения путем его трансляции в информационную среду, называется цифровым искусством (digital art). Несмотря на активное развитие технологий на современном арт-рынке, дефиниция понятия цифрового искусства отсутствует на сегодняшний день, как и законодательство, регламентирующее данную сферу деятельности. Между тем технология блокчейн открыла новые возможности для работы с цифровым искусством, а появление NFT сделало актуальным разрешение множества дискуссионных вопросов в современной юриспруденции.

Некоторые авторы под цифровым искусством понимают творческую деятельность субъекта в информационной среде, где создаются объекты духовной культуры, не имеющие физического аналога. Так, А.Д. Григорьев,

Т.Ю. Захарченко рассматривают цифровое искусство как современную область творческой деятельности человека в информационном пространстве, в которой в результате использования специальных компьютерных программ создаются объекты, имеющие художественную ценность, без какого-либо их физического воплощения в реальном мире [8, с.11]. По мнению Е.И. Кириченко, под данной категорией следует понимать существующие в киберпространстве объекты, обладающие культурной ценностью, доступные потребителям посредством использования технических устройств [13, с. 97]. Таким образом, термин «цифровое искусство», можно рассматривать с нескольких сторон, но с точки зрения гражданского права данную категорию следует признавать, как результат творческой деятельности лица.

Особенность продажи цифровых произведений искусства в NFT заключается в том, что объектом таких сделок является не само произведение искусства, а его уникальный цифровой код – токен, в который цифровое произведение искусства было предварительно преобразовано (например, картина, видеозапись или другой цифровой файл).

Т.е. NFT – это своего рода запись уникальных данных, которые невозможно скопировать или фальсифицировать, находящиеся при этом в распределенном реестре – блокчейн. Распределенный реестр позволяет покупателю отслеживать историю транзакций в отношении приобретаемого объекта. Эта информация о цифровом активе одновременно хранится на множестве компьютеров по всему миру, что делает невозможным изменение или удаление введенных данных. Таким образом, создается надежный способ совершения сделок с объектами или их частями, благодаря открытости и достоверности информации о них.

Говоря об уникальности объектов на NFT-рынках, мы имеем ввиду, что произведения цифрового искусства являются единственными в своем роде, неповторимыми, не тождественными другим, поскольку существует актуальная

проблема, связанная со средствами обеспечения и подтверждения данного качества произведений digital art.

Обратимся к судебной практике для определения значения понятия «уникальности», поскольку в российском законодательстве содержание данного термина не раскрывается.

Так, в Постановлении от 19 июля 2021 г. идет речь о следующем [6]: истец составил каталог изображений произведений искусства «Ми-ми-мишки», в котором были собраны самые разнообразные изображения произведений искусства. При этом каждое из собранных изображений уникально и непохоже на другое.

Также существует Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 г №10 [5], в котором уникальность рассматривается в качестве презумпции творческого характера объектов авторских прав. Суть данного акта заключается в том, что отсутствие новизны, уникальности и/или оригинальности результатов интеллектуальной деятельности не означает, что эти результаты не являются результатом творческого труда и, следовательно, не являются объектами авторского права.

Также весной 2021 года Государственный Эрмитаж начал развивать направление NFT в России, запустив аукционную программу «Ваш токен хранится в Эрмитаже» [11]. В рамках этого мероприятия были проданы цифровые копии картин из коллекции этого учреждения на общую сумму 32 млн руб. Данная сделка стала возможной благодаря достижениям в области токенизации. Государственный Эрмитаж использовал токены NFT для создания уникальных копий своих предметов. При этом перед продажей были созданы две цифровые копии каждого предмета искусства, одна из которых передавалась покупателю, а вторая оставалась в музее.

Сегодня художники могут публиковать свои работы на таких онлайн-платформах, как Super Rare, Foundation, OpenSea, Origin, Rare, Known, NiVy

Gateway и других. Процесс покупки криптоискусства происходит следующим образом: художники должны сначала загрузить свои работы в галереи на этих платформах, затем создать транзакцию на блокчейне, которая генерирует невзаимозаменяемые токены (NFT), связанные с работами, и переводит их на криптовалютный кошелек художника. Затем художник ставит цифровую подпись под транзакцией, используя асимметричную криптографию для подтверждения уникальности произведения искусства. Таким образом, токены напрямую связаны с производением искусства и становятся единственным способом подтвердить право собственности на лежащую в его основе интеллектуальную собственность.

Покупатели могут приобрести произведение искусства, которое затем может быть обменено, продано или стать собственностью коллекционера. Обычно произведения искусства продаются через аукцион: участники делают ставки, а текущий владелец актива имеет возможность принять предложение. После продажи актива соответствующий токен поступает непосредственно в кошелек покупателя, а соответствующая цена оплачивается в Ethereum – криптовалюта, используемая в блокчейне.

Краеугольным камнем использования NFT в России является *отсутствие специального правового регулирования* данной сферы.

На данный момент в Российской Федерации действуют Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ [4] и Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ 346 (далее – Закон о краудфандинге) [3], где раскрывается содержание таких понятий, как цифровые валюты, цифровые финансовые инструменты и

утилитарные цифровые права, однако термин «невзаимозаменяемый токен@» в российском законодательстве отсутствует.

Закон «О краудфандинге» дает нам представление о существовании отчасти схожей категории прав, которыми может быть наделено лицо, приобретающее NFT. С одной стороны, к утилитарным цифровым правам, о которых идет речь в ст. 8 Закона «О краудфандинге», относятся такие права правообладателя, как право требовать передачи вещей и/или исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также права на использование результатов интеллектуальной деятельности. С другой стороны, было бы неверно утверждать, что предусмотренные российским законодательством утилитарные цифровые права отражают правовую сущность NFT и позволяют регулировать данный объект как самостоятельную категорию права, поскольку выпуск невзаимозаменяемого токена не всегда связан с инвестиционной деятельностью в смысле Закона «О краудфандинге».

Для определения правового статуса NFT обратим внимание на расшифровку аббревиатуры данного термина – non-fungible token – невзаимозаменяемый блокчейн токен. Так, в российском законодательстве термины взаимозаменяемости и невзаимозаменяемости применяются к вещам: индивидуально-определенные вещи, например, это ст. 398 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] (последствия неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь) и вещи, определяемые родовыми признаками – ст. 807 ГК РФ [2] (предметом договора займа могут быть деньги или вещи, определенные родовыми признаками).

Безусловно, такой вещи (в буквальном значении), как NFT не существует. Однако, отталкиваясь от того, что свойства NFT аналогичны признакам индивидуально-определенных вещей, место невзаимозаменяемого токена в предмете гражданского права имеет смысл быть.

Так, NFT, как и любая другая индивидуально-определенная вещь: не может быть заменен другим NFT без существенного изменения его качества; в отличие от других цифровых активов, NFT неделимы и невозпроизводимы; в случае передачи NFT прежний владелец безвозвратно его утрачивает после осуществления передачи.

Статья 128 ГК РФ прямо называет «иное имущество» среди объектов гражданских прав, и этот перечень является открытым. Кроме того, в статье 128 ГК РФ к «иному имуществу» отнесены цифровые права (ст. 141.1 ГК РФ). Вследствие этого можно сделать вывод, что на цифровые активы, прямо не включенные законодателем в состав цифровых прав, могут распространяться положения ст. 128 ГК РФ об «ином имуществе». Дополнительно можно применять положения ст. 6 ГК РФ, где идет речь о движимых индивидуально-определенных вещах. В случае с NFT, которые также выполняют утилитарную функцию, нормы о цифровых правах (ст. 141.1 ГК РФ) могут быть применены, но только по юридической аналогии, поскольку сделки, связанные с NFT, происходят исключительно на блокчейне и не требуют обращения на инвестиционных платформах.

Важно отметить, что NFT не являются интеллектуальной собственностью. Как было сказано выше, NFT – это лишь цифровой сертификат, средство подтверждения права собственности на уникальную версию цифрового объекта [9, с.316]. Объектом интеллектуальной собственности является токенизированное произведение (например, изображение или музыкальное исполнение), право собственности на уникальную версию которого зафиксировано в NFT.

Поэтому, по мнению юристов, положения о цифровых правах, содержащиеся в ст.ст. 128 и 141.1 ГК РФ, а также положения об объекте и обороте интеллектуальных прав должны применяться к NFT до тех пор, пока в

законодательстве РФ не будет четкого определения NFT и механизмов его регулирования.

Также российское законодательство не содержит императива относительно передачи исключительных прав на цифровое искусство, поэтому весь механизм регулирования NFT базируется на положениях договорных конструкций, используемых субъектами этого рынка.

NFT для объекта цифрового искусства создается на специальной площадке, позволяющей токенизировать такой объект. В связи с этим можно предположить, что между создателем криптоискусства и площадкой существует пользовательское соглашение. Его положения могут включать в себя признаки лицензионного договора об отчуждении автором произведения своих исключительных прав в пользу будущих покупателей.

В этой связи можно рассмотреть пример договора на цифровую картину «Everydays: the First 5000 Days» Майка Винкельмана (Beeple), проданную аукционным домом Christie's за 69,3 млн долл. в марте 2021 года, который демонстрирует отсутствие передачи покупателям исключительных прав на нее. Анализ правил пользования данным сайтом [15] показывает, что сервис получает лицензию на загруженный материал, и объект может быть продан одним пользователем другому, однако передача исключительных прав на токенизированный арт-объект в данном акте не упоминается.

Также изучение правил использования платформы OpenSea [16] показало, что данный ресурс предоставляет безвозмездную неисключительную лицензию с правом заключения sublicензионных соглашений на загружаемые материалы. При этом права создателя данным соглашением не ограничиваются, а платформа не получает права на продажу пользовательских активов. Правила использования площадки OpenSea аналогичны вышеуказанным другим сайтам, на которых в настоящее время происходит конвертация криптоискусства.

В связи с этим, покупатели цифрового искусства сегодня не обладают юридическим правом на использование приобретенных ими предметов искусства. Они не вправе извлекать прибыль, например, создавая товары с их изображением для продажи на коммерческом рынке или выставляя их в специальных галереях за вознаграждение. На наш взгляд, это существенно нарушает интересы субъектов арт-рынка, что требует внесения в правовое поле представлений о правовом статусе NFT как технологии, способной удостоверить права на объекты в цифровой среде.

Стоит также отметить, что в настоящее время сделки с криптоискусством не получили правового регулирования с точки зрения прав интеллектуальной собственности. Продажа таких объектов на специально созданных сайтах происходит без передачи исключительных прав на них. Таким образом, покупатель приобретает цифровую копию арт-объекта, а точнее, его цифровой сертификат (NFT), однако он не получает статуса правообладателя и комплекса прав на этот результат творческой деятельности. Поэтому рынок цифрового искусства защищен с точки зрения информационной безопасности за счет использования блокчейна и невзаимозаменяемых токенов, однако интересы правообладателей находятся под угрозой нарушения.

В правовом поле используется несколько концепций, призванных узаконить оборот прав на интеллектуальную собственность, связанную с NFT.

Во-первых, условия передачи интеллектуальных прав могут быть включены в смарт-контракт [10, с.49]. Дж. Голдман отмечает, что, не являясь традиционным контрактом с юридической точки зрения, смарт-контракт также может предусматривать судьбу интеллектуальной собственности как относящейся к невзаимозаменяемому токену [14]. Данная технология может рассматриваться как самостоятельный способ заключения сделок с такими объектами. Однако для того, чтобы эта система заработала в полной мере,

необходимо закрепить понятие «смарт-контракт» на законодательном уровне, как это сделали в Республике Беларусь [12, с.50].

Во-вторых, еще одним способом легитимизации оборота прав интеллектуальной собственности на объект искусства при заключении сделок с NFT, по мнению Ю. В. Брисова и А. А. Победкина является подписание сторонами лицензионного договора или договора об отчуждении исключительных прав [7, с.65]. Создание самостоятельного документа и волеизъявление сторон в виде отдельного акта, с одной стороны, снижает привлекательную автономность сделок, обусловленную потенциалом блокчейн-технологий, с другой стороны, позволят создать четкие правовые условия для их реализации. В то же время стоит учитывать, что лицензионный договор или договор об отчуждении исключительных прав связан с поиском оптимальной юрисдикции для участников трансакции, адаптацией отношений к конкретным правовым нормам.

К сожалению, в действующем российском законодательстве до сих пор отсутствуют правовые инструменты для борьбы с нарушением авторских прав в цифровом пространстве. Сделки с NFT никак не регулируются, и даже художники не имеют базовых прав на интеллектуальную собственность, таких как запрет на использование их произведений третьими лицами. В результате многие художники до сих пор вынуждены полагаться на аукционы NFT или на защитные механизмы платформ, на которых изначально были опубликованы их произведения.

Но невзаимозаменяемые токены уже глубоко вошли в нашу жизнь, поэтому потенциальное развитие технологии блокчейн неизбежно приведет к возникновению споров о правах собственности в будущем. По этой причине представляется актуальным создать закон, регулирующий оборот произведения искусства в киберпространстве. Так, на основе синтеза зарубежного опыта можно создать *универсальный модельный закон*, регулирующий правоотношения

в области digital art. Кодекс Италии позволит наполнить эти правоотношения содержанием [17], а Модельный закон СНГ конкретизирует форму таких правоотношений [18].

Таким образом, потенциал невзаимозаменяемых токенов выступает не только способом реализации различного рода активов, но и эффективным средством защиты прав интеллектуальной собственности. Необходимо совершенствовать российское законодательство в данной сфере для грамотного правового регулирования цифрового искусства и его инструментов, и механизмов.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 28 июня 2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (часть вторая) от 26 января 1996 года N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // «Собрание законодательства РФ», 1996, N 5, ст. 410.
3. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. ст. 4418.
4. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022)// СПС КонсультантПлюс // [Электронный ресурс]// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753 / (дата обращения: 05.08.2023 года).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации"// [Электронный ресурс] //URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ee07ed989eace60044215bd4b9b812f99a2f6919/ (дата обращения: 04.08.2023).

6. Постановление от 19 июля 2021 г. по делу № А56-96623/2020// [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/yXmQPySyB0gk/> (дата обращения: 04.08.2023).

7. Брисов, Ю. В. Правовой режим NFT (non-fungible token) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? / Ю. В. Брисов, А. А. Победкин // Цифровое право. – 2022. – Т. 3, № 1. – С. 44-66. – DOI 10.38044/2686-9136-2022-3-1-44-66.

8. Григорьев, А. Д. Развитие концепций цифрового искусства / А. Д. Григорьев, Т. Ю. Захарченко // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 5(180). – С. 11-17.

9. Мартиросян, Р. М. NFT - как новый цифровой формат в искусстве / Р. М. Мартиросян // Новое в науке и образовании : Материалы Международной ежегодной научно-практической конференции, Москва, 04 апреля 2023 года / Отв. редактор Е.В. Дмитриев, сост. Э.Н. Замега. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Манускрипт", 2023. – С. 315-320.

10. Сеницын, С. А. Смарт-контракты в цифровой экономике: договорное регулирование и разрешение споров / С. А. Сеницын, М. О. Дьяконова, Т. И. Чурсина // Цифровое право. – 2021. – Т. 2, № 4. – С. 40-50. – DOI 10.38044/2686-9136-2021-2-4-40-50.

11. Теткин М. Эрмитаж продал NFT-токены картин из своей коллекции на 32 млн рублей/М. Теткин//Подробнее на РБК, NFT 07.09.2021. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/61376bd99a7947185cd5d967> (дата обращения 04.08.2023).

12. Щелкунов, Д. В. Проблемы NFT в современном искусстве / Д. В. Щелкунов // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ XVI МЕЖДУНАРОДНОЙ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (шифр -МКРНП), Москва, 15 февраля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство АЛЕФ", 2023. – С. 46-51.

13. Glowka, Karolina. "Artistic imagery in advertising: experiencing advertisements through art" *Multimodal Communication*, vol. 10, no. 2, 2021, pp. 93-109. <https://doi.org/10.1515/mc-2020-0018>.

14. Goldman, J. (2021, March 11). A primer on NFTs and intellectual property. Frankfurt Kurnit Klein + Selz. [Электронный ресурс] // URL: <https://ipandmedialaw.fkks.com/post/102gt4b/a-primer-on-nfts-and-intellectual-property> (дата обращения: 05.08.2023).

15. Официальный сайт аукционного дома [Электронный ресурс] // URL: <https://www.christies.com/en/> (дата обращения: 06.08.2023).

16. Торговая площадка для невзаимозаменяемых токенов [Электронный ресурс] // URL: <https://nftsea.biz/> (дата обращения: 06.08.2023).

17. Кодекс культурного имущества и природных пейзажей Италии [Электронный ресурс] // URL: http://www.beniculturali.it/mibac/multimedia/MiBAC/documents/1240240310779_codice2008.pdf (дата обращения: 06.08.2023).

18. Об электронной торговле : модел. закон СНГ : [принят на 31-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ 25 нояб. 2008 г. № 31–12]. [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902157685> (дата обращения: 06.08.2023).

Мирзоян Артем Гивиевич
Завязкина Анастасия Романовна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

mirzoian.law@gmail.com

zavyazkina.anastasiya@yandex.ru

Mirzoian Artem

Zavyazkina Anastasiya

Lomonosov Moscow State University

Law Faculty

Russia, Moscow

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРУШЕНИЯМ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: число различных нарушений антимонопольного законодательства, несмотря на активную и продолжительную борьбу с ними антимонопольных органов, все так же велико. В связи с этим становится очевидно, что репрессивных мер для борьбы недостаточно. В настоящем исследовании рассматриваются функции, которые выполняет антимонопольный комплаенс, его преимущества. Кроме того, отстаивается позиция о том, что внедрение комплаенс-системы должно оставаться правом хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: антимонопольный комплаенс, превентивные меры, функции антимонопольного комплаенса, комплаенс-система, конкуренция.

PREVENTIVE MEASURES TO COUNTERACT VIOLATIONS OF ANTIMONOPOLY LEGISLATION

Annotation: the number of various violations of the antimonopoly legislation, despite the active and prolonged fight against them by the antimonopoly authorities, is still large. In this regard, it becomes obvious that repressive measures are not enough to fight. This study examines the functions performed by antimonopoly compliance, its advantages. In addition, the position is defended that the implementation of a compliance system should remain the right of an economic entity.

Key words: antimonopoly compliance, preventive measures, functions of antimonopoly compliance, compliance system, competition.

Как отмечают исследователи, центральным элементом системы предупреждения «антимонопольных» нарушений (помимо привлечения к ответственности) выступает система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (далее – **антимонопольный комплаенс**). Определение антимонопольного комплаенса закреплено в пункте 24 статьи 4 Закона о защите конкуренции [1].

Антимонопольному комплаенсу посвящено также Разъяснение ФАС России от 02.07.2021 №20 [2], которое содержит:

- принципы, которыми должен руководствоваться хозяйствующий субъект при организации антимонопольного комплаенса;
- порядок установления ФАС России соответствия антимонопольного комплаенса требованиям антимонопольного законодательства;
- рекомендации по организации антимонопольного комплаенса;
- и др.

Значение и положительные эффекты от внедрения хозяйствующими субъектами антимонопольного комплаенса велики. Антимонопольный комплаенс выполняет несколько функций [1]:

- **превентивную.** Главная цель антимонопольного комплаенса – предупреждение совершения хозяйствующим субъектом нарушений

антимонопольного законодательства, в том числе, заключения антиконкурентных соглашений, злоупотребления доминирующим положением и др.

- **образовательную.** Наличие такой системы способствует повышению уровня правовой культуры. Некоторые хозяйствующие субъекты ввиду незнания могут полагать, что «сотрудничество» с конкурентами или иными субъектами не может являться нарушением. Могут полагать, что, например, создание препятствий доступу на товарный рынок выступает правомерным способом конкурентной борьбы. Внедрение антимонопольного комплаенса требует постоянного повышения квалификации сотрудников хозяйствующего субъекта, постоянного анализа принимаемых решений и деятельности в целом на предмет нарушения антимонопольного законодательства.

- **контрольную.** Благодаря антимонопольному комплаенсу в организации реализуется система внутреннего контроля за соответствием деятельности, принимаемых решений требованиям законодательства о защите конкуренции.

- **функцию экономии бюджетных средств.** Применение репрессивных мер не поможет возместить причиненный экономике ущерб таким образом, чтобы восстановить нарушенные правоотношения в первоначальную форму. Более того, проведение проверок, рассмотрение дела требует БОЛЬШИХ государственных ресурсов (материальных, временных), чем принятие превентивных мер.

Данные функции помогают увидеть преимущества комплаенс-системы. Помимо упомянутого, к положительным эффектам антимонопольного комплаенса можно отнести:

1. увеличение длительности периодов между проведением ФАС России плановых проверок или непроведение таких проверок в отношении хозяйствующего субъекта [2].

2. наличие у организации квалифицированного в области антимонопольного законодательства персонала и руководства. Это способствует принятию более перспективных решений, развитию компании.

3. повышение степени доверия к хозяйствующему субъекту со стороны деловых партнеров, как действующих, так и потенциальных; повышение инвестиционной привлекательности компании;

4. подтверждение добросовестности хозяйствующего субъекта перед государственными органами.

В настоящее время внедрение антимонопольного комплаенса является правом хозяйствующего субъекта. В связи с этим в научной литературе, при публичных обсуждениях нередко возникают дискуссии по поводу целесообразности закрепления в законе обязанности применять указанную систему.

В числе аргументов «за» приводят [3]:

1. возможность избежать потери бюджетных средств [4];

2. государственные корпорации регулярно совершают единообразные антимонопольные правонарушения, не считая санкции ФАС существенными. В связи с этим необходимо принуждать их применять антимонопольный комплаенс [5].

3. для крупных хозяйствующих субъектов со значительной выручкой и высоким риском нарушения антимонопольных требований внедрение антимонопольного комплаенса будет менее затратно, чем выплата, например, «оборотных» штрафов [6].

Однако несмотря на это, представляется, что установление обязанности внедрять антимонопольный комплаенс было бы ошибочным решением, так как эффективность данной системы напрямую зависит от добровольности, полной готовности действовать в соответствии с разработанными положениями. Принуждение в данном случае может привести к формальному выполнению

требований, непониманию преимуществ комплаенс-системы [7], стремлению обойти запреты. В результате хозяйствующему субъекту будут предоставлены необоснованные послабления при оценке деятельности.

Важно также учитывать, что разработка системы, проведение обучающих мероприятий для сотрудников может требовать слишком обременительных затрат для, например, субъектов малого и среднего предпринимательства.

Подход, предполагающий закрепление права, а не обязанности разработки комплаенса, поддерживается и зарубежными странами (Сингапур, Австралия, Бразилия и др [8].).

Важно также отметить, что внедрение антимонопольного комплаенса особенно актуально в настоящее время в связи с недавним подписанием Президентом РФ «Пятого антимонопольного пакета» (вступит в силу 1 сентября 2023 года). Существенные изменения коснутся, например, операторов цифровых платформ в части признания их доминирующими, сторон сделок экономической концентрации [9]. Работникам фирм необходимо иметь в виду принятые правки, понимать, к каким последствиям они приведут, чтобы правильно и правомерно организовать профессиональную деятельность.

Антимонопольный комплаенс является действенным механизмом предупреждения нарушений антимонопольного законодательства. Однако необходимо, чтобы хозяйствующие субъекты добросовестно и ответственно, а не формально подходили к разработке, внедрению этой системы, следованию правил, закрепленных в ней.

Список литературы

1. Филимонов А.А., Щерба Т.Е. Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент предупреждения картелей // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой

экономики: Монография (отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Разъяснение ФАС России от 02.07.2021 №20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 02.07.2021 №4) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Ашфа Д.М. Система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства: право или обязанность хозяйствующих субъектов? // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя. 2018.

4. Бодрягина О. О добровольности, принудительности и сокровенных знаниях международных практик // Конкуренция и право. 2016. № 6. С. 22 - 25.

5. Интервью заместителя руководителя ФАС России М.А. Овчинникова: «Когда представители госкорпораций заявляют, что в их компетенцию не входит развитие конкуренции, это абсурд» // Закон. 2017. № 12.

6. Горшкова Е., Войченко С., Радченко Т., Мартемьянов В., Гаврилов А. Формула «скидки» за комплаенс // Конкуренция и право. 2016. № 2. С. 41 - 46.

7. Хохлов Е.С. Меры предупредительного воздействия на хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение // Закон. 2017. № 4. С. 132 - 140.

8. Аналитический доклад Управления по конкурентной политике Аналитического центра при Правительстве РФ «Антимонопольный комплаенс: текущая практика и перспективы развития». 2015 // URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/7838.pdf>.

9. Федеральный закон от 10.07.2023 №301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // URL: pravo.gov.ru.

УДК 347.453

Орищенко Анастасия Сергеевна

Спицин Кирилл Олегович

Саратовская государственная юридическая академия

Институт прокуратуры

Россия, Саратов

kirr-2001@inbox.ru

anastasiyaorishchenko@yandex.ru

Orishchenko Anastasia

Spitsin Kirill

Saratov State Law Academy

Institute of Prosecutor's

Russia, Saratov

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ УЛУЧШЕНИЯХ АРЕНДОВАННОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация: в статье рассматривается проблема квалификации улучшений, произведенных арендатором в отношении переданного ему по договору аренды имущества, как отдельных или неотделимых. Авторы анализируют сложившиеся подходы к определению улучшений и формулируют вывод об их основном признаке, а также о критерии разграничения между двумя категориями улучшений арендованного имущества. Также указывается на то, что действующее законодательство и судебная практика не учитывают интересы арендодателя при квалификации улучшений в качестве отдельных при возможности устранения вреда, причиненного арендованному имуществу, восстановительным ремонтом.

Ключевые слова: договор аренды, улучшения арендованного имущества, отдельные улучшения, неотделимые улучшения, судебная практика.

PROBLEMS OF APPLICATION OF NORMS ON IMPROVEMENTS OF LEASED PROPERTY

Annotation: The article deals with the problem of qualification of improvements made by the lessee in relation to the property transferred to him under the lease agreement as separable or inseparable. The authors analyze the existing approaches to the definition of improvements and formulate a conclusion about their main feature, as well as about the criteria for distinguishing between two categories of improvements of leased property. It is also pointed out that the current legislation and judicial practice do not take into account the interests of the lessor when qualifying improvements as separable if it is possible to eliminate the damage caused to the leased property by restoration repairs.

Key words: lease agreement, improvements of leased property, separable improvements, inseparable improvements, judicial practice.

В ходе пользования арендованным имуществом в него неизбежно могут вноситься различные изменения, производиться ремонт или привноситься улучшения, а потому актуализируется вопрос об отличии отделимых и неотделимых улучшений не только друг от друга, но и от иных изменений арендованного имущества, в частности, текущего или капитального ремонта. Так, Гражданский кодекс РФ определяет только неотделимые улучшения посредством описания их как улучшений, не отделимых без вреда для имущества, отделимые улучшения, в свою очередь, трактуются от обратного, то есть отделимые без вреда для арендованного имущества.

Однако стоит также упомянуть, что в целом понимают под улучшениями в доктрине и правоприменительной практике. Так, под улучшением арендованного имущества понимаются работы различного характера (от капитальных работ до косметических), которые изменяют (как в лучшую, так и

в худшую сторону) характеристики объекта аренды [1]. Данному подходу к определению улучшений арендованного имущества следует противопоставить подход, в соответствии с которым любые улучшения арендованного имущества направлены на усовершенствование объекта аренды, то есть изменение его характеристик таким образом, чтобы обеспечить его максимально эффективное использование по назначению [2]. Думается, что второй подход является аутентичным сущности улучшений, поскольку обратное, а именно изменение характеристик объекта аренды в худшую сторону, вызывает обоснованные сомнения в том, что в таком случае имеют место улучшения. При таких обстоятельствах следует вести речь о причинении вреда объекту аренды и применении института гражданско-правовой ответственности (ст. 15, 393, 616, 622 ГК РФ).

Судебная практика свидетельствует о сложившемся подходе судов к пониманию улучшений арендованного имущества как положительных изменений характеристик объекта аренды. Так, ФАС Восточно-Сибирского округа указал, что под улучшениями понимаются работы капитального характера, которые повышают (изменяют) качественные характеристики объекта, то есть улучшения связаны с модернизацией, реконструкцией, достройкой, дооборудованием основного средства [3]. Аналогичный подход также находит выражение в более поздней судебной практике [4]. Таким образом, можно сделать вывод, что улучшения арендованного имущества в любом случае представляют собой работы, произведенные арендатором или за его счет и направленные на качественное изменение свойств объекта договора аренды с целью повышения эффективности его использования. При этом важно осознавать, что улучшения всё-таки выражены в виде результата по итогу произведенных работ.

В свою очередь в судебной практике сложился подход к отграничению улучшений от ремонта. Так, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в

качестве основного различия названных категорий указал, что текущий и капитальный ремонт осуществляется с целью поддержания основных средств и иного имущества (объекта аренды) в исправном (актуальном) состоянии, а улучшения направлены на его модернизацию [5]. Министерство финансов РФ для целей налогообложения разъяснило, что в отличие от ремонта (в том числе капитального), который необходим для поддержания имущества в рабочем состоянии, улучшения арендованного имущества повышают его качественные характеристики и ценность [6]. Приведенное разграничение ремонта и улучшений арендованного имущества представляется верным и обоснованным.

Говоря об отдельных улучшениях, следует отметить, что они являются собственностью арендатора, а потому он вправе требовать их отделения либо при согласовании с арендодателем возмещения их стоимости, что, в соответствии со статьей 623 ГК РФ, может быть предусмотрено в договоре либо оформлено после прекращения арендных отношений. Однако нельзя забывать, что улучшения (как отдельные, так и неотделимые) могут быть отнесены к собственности арендодателя тогда, когда они произведены за счет амортизационных отчислений от арендованного имущества, под которыми понимают средства в виде денег, направляемых на ремонт или строительство, изготовление новых основных средств [7]. Это связано с тем, что амортизационные отчисления формируются в ходе использования имущества, принадлежащего на праве собственности арендодателю, и направлены на его ремонт или улучшение, а потому арендатор не может претендовать на такие средства.

Отделимые улучшения, как указывалось выше, могут быть отделены без вреда для арендуемого имущества. При этом в судебной практике имеется подход, согласно которому и при причинении вреда при отделении улучшений они могут быть признаны отдельными. Так, ФАС Северо-Западного округа отмечает: «если после демонтажа имущества помещение можно восстановить

небольшим ремонтом за счет арендатора, то улучшения признаются отделимыми» [8]. Такой подход представляется целесообразным, поскольку позволяет арендатору без значительных рисков вернуть свое имущество, которое, в соответствии с п. 1 ст. 623 ГК РФ, по общему правилу, является его собственностью, и не нести излишних издержек. В свою очередь, учитываются также и интересы арендодателя, поскольку бремя по восстановлению арендованного имущества после отделения возлагается на арендатора.

Однако в рамках данной ситуации, принимая во внимание то, что на производство отделимых улучшений арендованного имущества не требуется согласия арендодателя, можно усмотреть несправедливость, поскольку недопустимо возлагать на арендодателя несение убытков в период восстановления его имущества после отделения улучшений. Это может быть обусловлено невозможностью на этот период использовать или распоряжаться своим имуществом. Тем самым, для баланса интересов также важно предусмотреть и возмещение убытков либо уплату арендной платы за период, когда отделение отделимых улучшений препятствует использованию и распоряжению имуществом. Думается, что удовлетворение иска о возмещении убытков, определяемых в упрощенном порядке, исходя из размера арендной платы, должно являться положительной практикой. При этом стороны могут в договоре определить порядок не только возврата арендованного имущества, но и отделения улучшений наряду со сроком, предусмотрев за его нарушение штрафные санкции, а также установить сохранение платы на соответствующий период.

Кроме того, необходимо отметить, что арендатору в случае спора потребуется доказать, что улучшения можно отделить без вреда для арендованного имущества, соответственно, при отсутствии доказательств вернуть улучшения не удастся. Так, в Определении ВС РФ был рассмотрен спор, в котором после окончания срока аренды арендатор потребовал вернуть

установленные им кондиционеры и офисные перегородки, считая их своим движимым имуществом. Однако, по мнению судов, истец не представил доказательств того, что спорное имущество является движимым и может быть демонтировано без вреда для арендованных помещений. Арендодатель доказал, что спорное имущество представляло собой встроенные сплит-системы кондиционирования воздуха и перегородки, жестко прикрепленные к полу и потолку помещения. То есть демонтаж улучшений мог причинить вред имуществу в виде следов от креплений, повреждений потолочного и полового покрытия в местах прилегания перегородок, отверстий в местах прокладки воздуховодов, посадочных мест внешних и внутренних частей системы кондиционирования. Поэтому спорное имущество было отнесено к неотделимым улучшениям [9]. На основании данной позиции в доктрине также делается вывод об ошибочности отнесения улучшений к отделимым, если имеется возможность использовать их обособленно от арендованного имущества [10]. Зачастую в целях определения отделимости улучшений назначается экспертиза, которая учитывается судом наряду с иными обстоятельствами спора [11].

Также важно понимать, что возможность физического отделения улучшений не свидетельствует об их отделимости. Так, в Постановлении АС Северо-Кавказского округа отмечено, что неотделимые улучшения нельзя использовать отдельно от объекта аренды. Суд указал, что окна, двери, системы отопления и освещения не могут иметь самостоятельного хозяйственного назначения, вне помещений в которых они установлены, и поэтому являются не самостоятельными объектами, а частью таких помещений [12].

Таким образом, можно сделать вывод, что отнесение улучшений к категории отделимых нередко выступает предметом спора, разрешение которого происходит посредством доказывания не причинения вреда объекту аренды вследствие отделения таких улучшений либо возможностью устранения вреда

восстановительным ремонтом, который производится за счет арендатора. При этом судами разграничиваются ремонтные работы и улучшения в зависимости от целеполагания при их производстве. Также действующее правовое регулирование отдельных улучшений в смысле, придаваемом ему правоприменительной практикой, в ряде случаев упускает из виду интересы арендодателя, например, при отделении отдельных улучшений и производстве восстановительного ремонта.

Список литературы:

1. Анташов М.А., Якимова Е.С. Улучшения арендованного имущества: судьба и расходы на их производство // Образование и право. 2020. №10. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uluchsheniya-arendovannogo-imuschestva-sudba-i-rashody-na-ih-proizvedenie-1> (дата обращения: 21.07.2023).
2. Жданова А.А. К вопросу об улучшении арендованного имущества // Отечественная юриспруденция. 2016. №7 (9). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uluchshenii-arendovannogo-imuschestva> (дата обращения: 21.07.2023).
3. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 25.06.2009 №А19-14583/08-15-Ф02-2863/09 по делу №А19-14583/08-15 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.08.2021 №Ф09-5006/21 по делу №А50-11329/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Семнадцатого арбитражного Апелляционного суда от 23 декабря 2015 №17АП-16095/2015-АК // Электронное правосудие. // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/48949231-3e8c-4048-adbd-293a2e801a0c/f922dc7b-45b6-4b32-8e4f-df8cf1727678/A60-21463-2015_20151223_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 22.07.2023).

6. Письмо Минфина РФ от 12.10.2011 № 03-03-06/1/663 «О начислении амортизации капитальных вложений в арендованное основное средство в форме неотделимых улучшений» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12090692/> (дата обращения 22.07.2023).

7. Григорьев А.П. Амортизационные отчисления и амортизационный фонд // Экономический анализ: теория и практика. 2018. №8 (479). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amortizatsionnye-otchisleniya-i-amortizatsionnyu-fond> (дата обращения: 23.07.2023).

8. Стюфеева И.В. Улучшения арендованного имущества: споры // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Верховного Суда РФ от 10.04.2017 №309-ЭС17-2544 по делу №А60-5892/2016 // СПС «КонсультантПлюс». // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=496771#sKjqZ4TCUi2panl01> (дата обращения 23.07.2023).

10. Степанов С.Н. Отделимые и неотделимые улучшения арендованного имущества: споры // Журнал «Руководитель бюджетной организации». №6. 2017. // URL: <https://www.audit-it.ru/articles/account/contracts/a69/913721.html#anchor> (дата обращения 23.07.2023).

11. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 28.03.2013 по делу №А42-7628/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SKVvrixLnprW/> (дата обращения 24.07.2023).

12. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.08.2016 №Ф08-5982/2016 // Электронное правосудие. // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/76e4607f-c950-46ea-a5ed-8d16a2bed2d0> (дата обращения 24.07.2023).

Пащук Елена Олеговна

Уральский государственный экономический университет

Институт государственного, муниципального управления и права

Россия, Екатеринбург

elenaand807@gmail.com

Paschuk Elena

Ural State University of Economics

Institute of State Municipal Administration and Law

Russia, Yekaterinburg

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ
РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ:
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Аннотация: в данной работе рассмотрено социальное предпринимательство в качестве инструмента для достижения целей концепции устойчивого развития. Проанализировано развитие социального предпринимательства в Российской Федерации. Рассмотрены результаты исследований по развитию социального предпринимательства и опыт зарубежного государства. Изучен теоретический аспект социального предпринимательства. Выявлены проблемы правового характера по регулированию вопросов социального предпринимательства и предложены варианты их решения.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, устойчивое развитие, социальное предпринимательство, правовое регулирование, ESG-принципы, корпоративное право.

**SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE CONTEXT OF THE
IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT: LEGAL ASPECT**

Annotation: in this paper, social entrepreneurship is considered as a tool for achieving the goals of the concept of sustainable development. The development of social entrepreneurship in the Russian Federation is analyzed. The results of research on the development of social entrepreneurship and the experience of a foreign state are considered. The theoretical aspect of social entrepreneurship is studied. The problems of a legal nature on the regulation of social entrepreneurship issues are identified and options for their solution are proposed.

Key words: concept of sustainable development, sustainable development, social entrepreneurship, legal regulation, ESG principles, corporate law.

Концепция устойчивого развития – это комплекс мероприятий по успешному изменению государства с учетом экономических, социальных и экологических факторов. Данная программа включает в себя 17 целей, достижение которых имеет огромное значения в реализации рассматриваемой концепции и в решении глобальных проб. Цели рассматриваемой концепции довольно разнообразны и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического.

Согласно статистической информации, озвученной на Политическом форуме высокого уровня при ООН в 2020 г. Российская Федерация успешно движется к выполнению всех целей концепции устойчивого развития. Однако постоянные изменения, происходившие как в социальной, так и в экономической сфере, а также глобальные вызовы последних лет показали неустойчивость экономической системы и обострили ранее не существовавшие проблемы [2]. Практика по реализации плана концепции наглядно показала необходимость

использования возможностей не только государства, но и всех общественных институтов.

В данном случае социальное предпринимательство – это тот инструмент, который будет способствовать достижению целей устойчивого развития. В соответствии с п. 7 ст. 3 федерального закона от 24.07.2007 N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее ФЗ РФ N 209) к задачам социального предпринимательства относится достижение общественно полезных целей, способствующих решению глобальных социальных проблем [6]. То есть социальный предприниматель ведет деятельность, направленную не только на достижение коммерческого успеха, но и на помощь уязвимым категориям граждан и на решение острых социальных вопросов. Социальное предпринимательство существует практически во всех сферах, что способствует осуществлению помощи гражданам по разным направлениям.

Все больше компаний стали задумываться не только о получении прибыли, но и о своем социальном воздействии. Важно понимать, что социальное предпринимательство не только способствует решению реальных социальных проблем посредством инновационных методов, но и выступает инновацией в социальной сфере модифицируя всю общественную систему [7].

Важным отражением уровня социальной активности компаний выступает такой критерий как корпоративная социальная ответственность. Уже сейчас корпоративная социальная ответственность стала неотъемлемой чертой любого крупного и авторитетного бизнеса. Компании не просто вкладывают денежные средства в благотворительность, а сами выступают организаторами важных социальных проектов. При этом способствуя решению важных проблем и реализации вектора устойчивого развития государства компании также и приобретают для себя бизнес-преимущества. В первую очередь высокий уровень корпоративной социальной ответственности подчеркивает авторитет и статус

самой компании. Кроме того, помощь в реализации социальных проектов способствует укреплению отношений с государственными органами и формированию благоприятной социальной среды вокруг производства. Потребители также высоко оценивают организации, решающие задачи социального характера. Согласно исследованию, проведенного благотворительным фондом КАФ в 2020 г. 75% респондентов считают, что отечественный бизнес должен поддерживать местные сообщества, выполняющие социальную функцию [5]. Кроме того, 58% опрошенных отметили, что более склонны приобретать товары или услуги у компаний, с высоким показателем корпоративной социальной ответственности. На данный критерий обращают внимание и сами инвесторы. С помощью специального ESG-рейтинга потенциальные инвесторы выявляют риски, определяют возможности и перспективы развития того или иного субъекта бизнеса.

В последнее время социальное предпринимательство становится все более востребованным феноменом, как в обществе, так и в бизнесе. По состоянию на январь 2023 г. в Реестре социальных предпринимателей зарегистрировано более 8 тыс. бизнесменов, что превышает показатель предыдущего года на 27%. Несмотря на то, что количество социальных предпринимателей в Российской Федерации неуклонно возрастает, существуют проблемы препятствующие развитию данного процесса. К таким аспектам относится наличие лагун и противоречий в современном законодательстве. Так в нормативно-правовых актах РФ отсутствуют четкие и единые критерии, позволяющие отнести предприятие к субъектам социального предпринимательства. Кроме того, многие специалисты неоднократно обращали внимание на то, что понятие социального предпринимательства является довольно узким и не отражает в полной мере предмет социально-предпринимательских отношений. Положительным аспектом в части регулирования социального предпринимательства является принятие в 2007 г. ФЗ РФ N 209. Стоит отметить,

что в данный законодательный акт неоднократно были внесены поправки, отвечающие современным вызовам. Однако, по мнению многих ученых, правоведов и экономистов, наблюдаются определенные разногласия в разграничении правового регулирования и государственной поддержки деятельности социальных предприятий, как коммерческих организаций, так и социально ориентированных некоммерческих организаций [1].

Представляется возможным внесение комплексных поправок в действующие законодательные акты Российской Федерации с целью полного урегулирования вопросов, связанных с социальным предпринимательством и устранения противоречий, так как развитие такого вида деятельности возможно только под эгидой единых стандартов. Также необходимо принятие мер с целью популяризации социального предпринимательства, в том числе и среди молодежи. Молодежное социальное предпринимательство, выступая драйвером экономического и социального прогресса современного общества, способствует решению глобальных проблем в контексте осуществления программы по устойчивому развитию государства [4]. Важно понимать, что для достижения целей устойчивого развития недостаточно мер, исходящих только от одного государства необходимо осуществление международного сотрудничества. Например, на техническом уровне такая проблема может быть решена путем создания специального мобильного приложения для сотрудничества социальных предпринимателей из стран-участниц ЕАЭС.

Социальное предпринимательство широко распространено и востребовано не только в Российской Федерации, но и во многих зарубежных странах. В качестве примера можно привести Республику Беларусь, в которой социальное предпринимательство является довольно перспективным направлением среди бизнесменов разной возрастной категории [3].

Подводя итоги, необходимо заметить, что концепция устойчивого развития – это путь к обеспечению сбалансированного развития государства и

общества во всех сферах. Социальное предпринимательство выступает инструментом способным обеспечить поиск проблемных аспектов и их решение в рамках ESG-факторов в процессе реализации концепции устойчивого развития. Социальное предпринимательство охватывает все сферы общественной жизни, что может способствовать достижению таких целей как ликвидация нищеты и голода, качественное образование, квалифицированная медицинская помощь и т. д. Приведённые выше положения обуславливают важность социального предпринимательства в части достижения целей концепции устойчивого развития. Решение обозначенных проблем будет способствовать росту социальных предпринимателей в Российской Федерации. Важно отметить, именно социальное предпринимательство является важным фактором, способствующих не только решению глобальных проблем и устойчивому развитию государства во всех сферах, но и способствующих укреплению экономики государства в целом.

Список литературы

1. Васильева, К. В. Социальное предпринимательство узаконено: что дальше? / К. В. Васильева // Безопасность бизнеса. – 2020. – № 1. – С. 20-24.
2. Кадол, Н. Ф. Социальное предпринимательство как инструмент ESG-трансформации в контексте устойчивого развития / Н. Ф. Кадол // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 4. – С. 203-207.
3. Кучко, Е. Е. Современные практики в области социального предпринимательства: опыт Беларуси / Е. Е. Кучко, И. В. Левицкая, Н. П. Веремеева // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2017. – № 3. – С. 102-110.

4. Масленникова, А. Ю. Молодежное предпринимательство как драйвер экономического роста / А. Ю. Масленникова, Д. Ю. Масленников // Муниципалитет: экономика и управление. – 2022. – № 1(38). – С. 87-94.

5. Российские компании вкладывают миллионы в корпоративную социальную ответственность [электронный ресурс] // URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/416541-zachem-rossiyskie-kompanii-vkladyvayut-milliony-v-korporativnuyu-socialnuyu/>.

6. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/.

7. Хазуев, И. А. Социальное предпринимательство в контексте теории социального происхождения / И. А. Хазуев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 152-154.

Сестров Павел Алексеевич
Российский государственный университет правосудия
Восточно-Сибирский филиал
Россия, Иркутск
sestrov@gmail.com
Sestrov Pavel
Russian State University of Justice
East Siberian Branch
Russia, Irkutsk

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАСЛЕДОВАНИЯ БИЗНЕСА

Аннотация: в представленной работе рассмотрены способы предотвращения недобросовестных действий и злоупотребления правами партнеров и контрагентов покойного наследодателя в ходе хозяйственного наследования, т.е. наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, долей в акционерных обществах и просто имущества, которое используется в хозяйственной деятельности. Применительно к стандартной процедуре наследования бизнеса и защите прав участников таких отношений, российская система правоприменения отличается своим формальным характером, поскольку опирается на официальные документы и сложившуюся практику, которую необходимо усовершенствовать.

Ключевые слова: бизнес, наследство, организация, наследники, законодатель, управление.

TO THE QUESTION OF SOME PROBLEMS OF BUSINESS INHERITANCE

Annotation: in the presented work, ways to prevent dishonest actions and abuse of the rights of partners and counterparties of the deceased testator in the course of economic inheritance, i.e. inheritance of a share in the authorized capital of a limited liability company, shares in joint-stock companies and simply property that is used in economic activities. With regard to the standard procedure for inheriting a business and protecting the rights of participants in such relations, the Russian system of law enforcement is distinguished by its formal nature, since it relies on official documents and established practices that need to be improved.

Key words: business, inheritance, organization, heirs, legislator, management.

В настоящее время проблемам наследования в бизнесе посвящено множество вопросов, связанных с тем, как их предотвратить законным путем и какими способами. Так, процедура наследования может не удовлетворять интересы собственников компаний и их партнеров, из-за того, что не все наследники обладают необходимыми качествами для успешного предпринимательства, поскольку при наследовании по закону все имущество распределяется поровну между наследниками, которые вызываются к наследованию в порядке очередности. Так, согласно части 3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) законодатель выделил три вида наследования: по закону, по завещанию, а также по наследственному договору.

По закону, при отсутствии завещания имущество умершего переходит к другим лицам в порядке очередности, установленном ГК РФ.

По завещанию, когда наследование имущества осуществляется теми наследниками и в тех долях, которые наследодатель указал в завещании перед своей смертью. Круг наследников установлен статьей 1116 ГК РФ, согласно которой ими являются граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства [1]. А также к наследованию по завещанию могут

призываться и юридические лица, существующие на день открытия наследства. Так, согласно поправкам, внесенным в ГК РФ Федеральным законом от 29.07.2027 года №259 – ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», с 1 сентября 2018 года круг потенциальных наследников пополняется наследственными фондами [2].

В силу своей организационно-правовой формы рассматриваемый фонд является юридическим лицом, обладающим всеми признаками субъекта правоотношений и его деятельность не направлена на получение прибыли. Исходя из особенностей его правовой природы, специфика состоит в том, что, при создании наследственного фонда, происходит преобразование имущественных прав в обязательственные и таким образом, наследники не становятся собственниками предприятия. В условиях такой ситуации, наследственное правопреемство в отношении предприятия как имущественного комплекса осуществляется наследственным фондом, а наследники в данном случае обязаны принимать участие в управлении наследственным фондом или же иметь возможность выкупить имущество у фонда [11]. По словам Гезгиева М.А.: «создание такого института, как наследственный фонд, согласуется со сложившимся в российской науке и практике постулатом, в соответствии с которым завещательное распоряжение носит персонифицированный характер, поскольку в соответствии с волей наследодателя передаваемое в наследство имущество переходит только один раз и к указанному правопреемнику».

1 июня 2019 года Федеральным законом "О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации" от 19.07.2018 № 217-ФЗ в статью 1140.1 ГК РФ, введен договор наследования, который определяет круг наследников и порядок перехода прав на имущество, а также активов наследодателя после его смерти [3]. Для того, чтобы получить наследство необходимо соблюдать определенные требования, предусмотренные договорами для наследников к примеру, уход за наследодателем [7]. С.Л.

Будылин и Е.Ю. Петров считают, что новое правовое регулирование, позволяющее заключать наследственный договор под условием, "по-видимому... переводит в разряд бесспорных вопрос о допустимости аналогичных условий в завещании". Такой вывод подтверждается и Методическими рекомендациями по удостоверению завещаний и наследственных договоров, которые изложены в п. 3.12 и определяются, как право завещателя поставить наследование всеми или кем-либо из наследников под определенное условие, предполагающее наступление обстоятельств, относительно которых неизвестно, наступят они или нет [4].

Если рассматривать проблемы наследования, то управление в компании, где один из учредителей является генеральным директором, невозможно. Согласно действующему законодательству, нотариус может создать управление и назначить доверительного управляющего, но доверительный управляющий может быть назначен, в том случае, если все наследники согласны с его кандидатурой. [8, с. 245]. В этом случае, если возникнут проблемы с управлением компанией в случае смерти генерального директора, то организация может установить правила, определяющие, как бизнес будет функционировать в такой ситуации, а также определить передачу полномочий партнерам.

Другой проблемой является вопрос вступления наследника доли в капитал компании-наследодателя, так как наследники могут стать участниками ООО или непубличного акционерного общества (далее – АО) в случае, если уставом не установлен запрет на передачу доли или акций по наследству. В этом случае наследники не имеют права выбора, они обязаны принять наследство став участником общества, что также дает возможность отказа от доли в бизнесе и выплаты фактической стоимости доли [10]. Если рассматривать судебную практику, то она указывает на то, что общество не вправе приобретать доли в его уставном капитале, за исключением случаев, прямо предусмотренных (п. 1 ст. 23

закона об ООО). Так, в Постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от 10.10.2006 № А74-1679/06-Ф02-5236/06-С2 после смерти партнера компании, владевшего пакетом акций уставного капитала, в компанию обратился наследник умершего партнера с заявлением об отказе от вступления в компанию и потребовал выплаты фактической суммы своей доли [5]. Компания объяснила наследнице, что она должна сначала стать партнером компании, а затем, заявить о своем выходе и потребовать выплаты фактической стоимости доли или продать долю другому участнику. Посчитав такой ответ отказом, наследница обратилась в суд и потребовала выплаты реальной стоимости доли. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований, но Кассационный суд отменил это решение и направил дело на новое рассмотрение. Установлено, что устав компании предусматривает отказ наследника вступить в компанию, что является отказом принять долю умершего и влечет за собой переход его доли компании. Таким образом, суд пришел к выводу, что такая договоренность противоречит закону об ООО.

Проблемой для акционерных обществ является пакет акций, который не может быть распределен между наследниками без остатка. Во избежание конфликтов между наследниками наследодатель должен указать, кому и какой пакет акций принадлежит. Если наследодатель не выполнил эти действия и возникла проблема, то наследник может подать иск о компенсации к другим владельцам [11].

В таких ситуациях, согласно закону, наследник может отказаться от наследства в течение срока, указанного для вступления в наследство, а также после того, как он уже принял наследство (п.2 ст.1157 УК РФ). Случается, так, когда наследник получает наследство по нескольким основаниям, например, по завещанию и закону или в результате открытия наследства. Тогда он имеет право причитающегося ему наследства по одному из этих оснований, по нескольким из них или по всем основаниям (пункт 3 статьи 1158 ГК РФ; Постановление

Пленума Верховного Суда Российской Федерации своим постановлением от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснил (абзац 2 пункта 35) [6].

Таким образом, исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что законодательство предусматривает три способа передачи бизнеса после смерти одного из партнеров, каждый из которых имеет свои особенности и варианты их решения, которые уже были рассмотрены в работе. Сам отказ наследника от наследства, позволяет учредителям свободно управлять бизнесом, и только наследодатель может значительно упростить наследование бизнеса своим наследникам, т.е. внести наиболее точные формулировки в уставные документы тех организаций, в которых он имеет доли и владеет акциями; а также изучить законодательство тех юрисдикций, в которых находится потенциальная наследственная масса и составить завещание с точной формулировкой, гарантирующей защиту прав будущих владельцев долей или акций, то есть наследников.

В число правовых инструментов, защищающих интересы наследников при наследовании бизнеса входят методы защиты, характерные для гражданско-правовых отношений, которые не всегда эффективны в особых видах правоотношений. Для того чтобы они были эффективными, законодателю необходимо разработать определенные требования, в соответствии с которыми будут исчерпаны все нюансы. Примером может служить завещательный договор, который является относительно новым институтом наследственного права и поднимает ряд вопросов, ответы на которые может дать практика, но в силу специфики этих отношений она сформируется не скоро.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — ст. 4552.
2. Федеральный закон "О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации" от 29.07.2017 N 259-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный источник] / URL: http://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221221/ (дата обращения 29.05.23).
3. Федеральный закон "О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации" от 19.07.2018 N 217-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный источник] / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302862/ (дата обращения 30.05.23).
4. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утвержденные решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 2 марта 2021 года (Протокол N 03/21).
5. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 10.10.2006 № А74-1679/06-Ф02-5236/06-С2.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 7.
7. Что такое наследственный договор и чем он лучше завещания? // Рамблер/финансы. — URL: <https://finance.rambler.ru/other/44670911-chto-takoe-nasledstvennyu-dogovor-i-chem-on-luchshe-zaveschaniya/> (дата обращения: 30.05.2023).
8. Белов, В. А. Наследственное право: учебник для вузов / М. С. Абраменков, А. Г. Сараев; ответственный редактор В. А. Белов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: изд. Юрайт, 2020. — 346 с.

9. Гусейнова А. И./ Понятие и правовая природа наследственного договора/ Закон и право/ 2020 г./ С.54–55/ [Электронный источник] / URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения 30.05.23).

10. Гезгиев М.А. Особенности наследования предприятия наследственным фондом // "Наследственное право", 2022, N 3

11. Корнеева, И. Л. Наследственное право: учебник и практикум для вузов / И. Л. Корнеева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 331 с.

12. Парунова, Е. А. Особенности наследования по завещанию / Е. А. Парунова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 14 (356). — С. 252-254. — URL: <https://moluch.ru/archive/356/79697/> (дата обращения: 30.05.2023).

Согоян Диана Паргевна

Московский государственный юридический университет

имени О.Е. Кутафина

Институт аспирантуры и докторантуры

Россия, Москва

sogoyan99@yandex.ru

Sogoyan Diana

Kutafin Moscow State Law University

The Institute of Postgraduate and Doctoral Studies

Russia, Moscow

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИНЦИП ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА КРЕДИТОРОВ

Аннотация: в силу действующего законодательства одним из принципов деятельности комитета кредиторов является принцип репрезентативности – представительства интересов всех кредиторов. Однако данный принцип не работает в достаточную силу, поскольку комитет кредиторов зачастую формируется представителями одного (мажоритарного) кредитора. В статье ставятся вопросы о правомерности данной практики, анализируются позиции правоприменителей, а также российских и зарубежных исследователей. Даются предложения по совершенствованию действующего законодательства о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство, комитет кредиторов, принцип репрезентативности, кумулятивное голосование, представительство кредиторов.

REPRESENTATIVENESS AS A KEY PRINCIPLE FOR THE FORMATION AND ACTIVITIES OF THE CREDITORS' COMMITTEE

Annotation: due to the current legislation, one of the principles of the creditors' committee is the principle of representativeness – representation of the interests of all creditors. However, this principle does not work in sufficient force, since the creditors' committee is often formed by representatives of one (majority) creditor. The article raises questions about the legality of this practice, analyzes the positions of law enforcement officers, as well as russian and foreign researchers. Proposals are made to improve the current legislation on bankruptcy.

Key words: bankruptcy, creditors' committee, the principle of representativeness, cumulative voting, representation of creditors.

Конкурсный процесс всегда предполагает участие кредиторов в деле о банкротстве [4, с. 34]. В связи с этим действующим законодательством допускается несколько способов обеспечения кредиторской активности в деле о банкротстве: собрание и комитет кредиторов.

При этом если собрание кредиторов гарантирует каждому кредитору возможность прямого участия в деле о банкротстве (непосредственное участие), то комитет кредиторов транслирует волю кредиторов, которая фактически конструируется представителями не всех, а лишь нескольких кредиторов (опосредованное участие). Осознавая всю небеспочвенность такого постулирования, законодатель указывает, что задача комитета кредиторов – это представлять интересы конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в деле о банкротстве.

Все это дает весомые основания полагать, что в отличие от собрания кредиторов, одним из стержневых принципов деятельности комитета кредиторов является принцип репрезентативности – представительства интересов кредиторов. Причем по смыслу положений ст. 17 Федерального закона от

26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) речь идет о представительстве интересов всех кредиторов (кредиторского сообщества в целом) без проявления какого-то выборочного подхода по отношению к некоторым из них.

Стоит заметить, что в настоящее время принцип репрезентативности не работает в достаточную силу во многом из-за недостатков действующего правового регулирования порядка формирования комитета кредиторов. Как следует из положений ст. 18 Закона о банкротстве выборы комитета кредиторов осуществляются кумулятивным голосованием. Иными словами, при избрании членов комитета кредиторов каждый кредитор обладает числом голосов, равным размеру его требования в рублях, умноженному на число членов комитета. Следовательно, при формировании комитета кредиторов количество голосов каждого кредитора ставится в зависимость от размера его требования: соответственно, чем больше размер требования, тем больше голосов, и, наоборот.

Как видно, данный порядок формирования комитета кредиторов не обеспечивает представительство интересов всех кредиторов. В любом случае владелец большего количества голосов в гораздо большей степени имеет возможность «наполнить» комитет кредиторов дружественными ему лицами и, как верно отметила Юлова Е.С., единолично решать все возникающие, в том числе судьбоносные для должника, вопросы, не считаясь с мнением остальных кредиторов и нередко лишь в своих интересах [5, с. 143]. Следует согласиться с Габовым А.В. который указал, что, говоря о кумулятивном голосовании, нельзя в полной мере говорить об обеспечении пропорционального представительства, ведь пропорциональное представительство возможно только для относительно крупных участников корпорации [1, с. 209].

Аналогичная ситуация происходит и при создании комитета кредиторов: кумулятивное голосование зачастую приводит к тому, что комитет наполняется

представителями лишь одного лица – мажоритарного кредитора. Отсутствие в законе прямого запрета на формирование комитета кредиторов «в одном лице» традиционно истолковывается на практике как предоставление права образовывать комитет именно таким образом (ведь Закон о банкротстве якобы не предполагает представительства в комитете кредиторов интересов каждого кредитора [3, с. 85]), чем искажается сущность самого комитета кредиторов и нарушается лежащий в основе его деятельности наиболее ключевой принцип – принцип репрезентативности.

При анализе вопроса о правомерности формирования комитета кредиторов, состоящего из представителей одного лица, в настоящее время можно говорить об отсутствии единообразия судебной-арбитражной практики: суды занимают диаметрально противоположную позицию.

Некоторые суды делают суждения о том, что образование комитета кредиторов, членами которого являются представители одного кредитора, не лишает остальных кредиторов полномочий по реализации предоставленных им законом прав, возможности осуществлять контроль над процедурой банкротства и за деятельностью конкурсного управляющего [6].

Другие усматривают нарушение принципа репрезентативности комитета кредиторов и, в связи с этим утверждают, что в ситуации, при которой членами комитета кредиторов являются лишь представители мажоритарного кредитора, нивелируется значение комитета кредиторов как такового, поскольку в любом случае все решения на комитете кредиторов будут приняты фактически представителями мажоритарного кредитора [7], происходит смещение сбалансированного положения конкурсных кредиторов (в том числе миноритарных) по вопросам контроля за процедурой банкротства и деятельностью конкурсного управляющего [8].

На наш взгляд, при разрешении вопроса о правомерности создания комитета кредиторов «в одном лице» подлежит учету, прежде всего, сущность

самого комитета кредиторов как субъекта отношений несостоятельности (абстрагируясь при этом от существующей полемики по вопросу о правовой природе комитета кредиторов), основной задачей которого является представительство законных интересов кредиторов в процедурах банкротства [2, с. 13]. Не видится при этом никакой разумной и добросовестной цели для избрания комитета кредиторов в условиях, когда этот комитет будет контролировать один кредитор.

Данный подход представляется верным и некоторым зарубежным исследователям. Так, например, Michelle M. Harner, Jamie Marincic в своей работе обращают внимание, что «a more constructive approach is to strengthen the committee structure going back to a role where committees represent the various classes of creditors» [9, с. 762], что в переводе с английского означает, что работа комитета кредиторов будет более эффективной, если комитет будет представлять интересы разных кредиторов.

С учетом всего изложенного, в целях обеспечения эффективной работы принципа репрезентативности и, как следствие, функционирования комитета кредиторов представляется необходимым внести изменения в действующее законодательство, прямо установив запрет на создание комитета кредиторов, состоящего исключительно из представителей одного лица, и предусмотрев возможность его избрания при условии наличия в деле о банкротстве не менее пятидесяти кредиторов (что соответствует позиции законодателя, отраженной в п. 2 ст. 17 Закона о банкротстве), в состав которого в обязательном порядке подлежат включению представители не менее пяти кредиторов с наибольшим размером требований.

Список литературы:

1. Габов А.В. Институт кумулятивного голосования в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2. С. 186-224.

2. Говоруха М.А. Собрание кредиторов и комитет кредиторов как коллективные субъекты конкурсного права // Современное право. 2008. № 1. С. 11-15.
3. Касьянов А.С. Вопросы выбора способа распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности при рассмотрении заявления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 79-85.
4. Поваров Ю.С. Особенности комитета кредиторов как гражданско-правового сообщества // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4. С. 33-40.
5. Юлова Е.С. Злоупотребление правом при формировании комитета кредиторов: к вопросу о гражданско-правовой ответственности кредиторов при банкротстве // Образование и право. 2016. № 6. С. 142-151.
6. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2023 по делу № А41-98550/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 01.11.2022 по делу № А69-2932/2021к102 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.08.2022 № Ф09-4791/22 по делу № А07-31976/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Michelle M. Harner, Jamie Marincic. Committee capture? An empirical analysis of the role of creditors' committees in business reorganizations // U of Maryland Legal Studies Research Paper. 2010. No. 2010-47. P. 749-810

Тхай Виктория Рудольфовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт государственного и международного права

Россия, Екатеринбург

thai.vika2002@gmail.com

Thai Victoria

Ural State Law University

Institute of the Institute of State and International Law

Russia, Ekaterinburg

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЖИВОТНЫХ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: в данной статье рассмотрен правовой статус животных и их особенности как объектов гражданских прав. Автором выделены и исследованы основные проблемы современного российского законодательства по правовому регулированию домашних и диких животных. Также в работе проанализированы судебная практика и мнения ученых-юристов по рассматриваемым вопросам.

Ключевые слова: животные, объект гражданского права, домашние животные, дикие животные, животные в системе объектов, особенности правового статуса животных.

**ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ANIMALS AS
OBJECTS OF CIVIL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation: This article examines the legal status of animals and their features as objects of civil rights. The author identifies and studies the main problems of modern Russian legislation on the legal regulation of domestic and wild animals. The paper

also analyzes judicial practice and the opinions of legal scholars on the issues under consideration.

Key words: animals, object of civil law, pets, wild animals, animals in the system of objects, features of the legal status of animals.

Вопрос о правовом статусе животных является одним из самых актуальных в гражданском праве на данный момент, так как действующее законодательство, несмотря его на постоянное развитие, не дает четкого определения животных, как объектов гражданских прав и не указывает прямо, какого именно рода объектом права они являются.

На протяжении долгого времени люди рассматривали животных лишь в качестве части экосистемы, однако с развитием юриспруденции, в частности гражданского права, их стали еще воспринимать как объекты гражданских прав. Согласно статье 137 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], общие правила об имуществе распространяют свое действие на животных, так как иного не уставлено в других нормативно-правовых актов, а при осуществлении прав необходимо соблюдать принцип гуманности и не допускать жестокого обращения с животными. В соответствии с законодательством они могут быть объектом права собственности, и в отношении них субъекты имеют право совершать любые действия в рамках, определенных законом, не нарушая при этом права и законные интересы третьих лиц.

Если рассматривать мнения ученых, то можно столкнуться с различными вариациями определения животных в гражданском праве [2, с. 95]. Так, например, Пузевич А. Н., сравнивая животных с другими традиционными объектами прав, выделяет их основные особенности. Во-первых, животные – это одушевленные объекты, которые могут передвигаться, питаться и размножаться. Во-вторых, животные имеют свои индивидуальные имена (клички), чего нет у иных объектов прав. В-третьих, нельзя отрицать тот факт, что животные умеют

проявлять разные чувства к окружающим и проявлять свою волю, что, безусловно, делает их особенными как в биологическом плане, так и в юридическом. Пузевич А. Н. определяет животных больше в биологическом контексте, считая, что в первую очередь, они являются живыми существами, имеющими схожие функции, как у человека [3, с. 78].

Захаров Д. Е. изучал животных больше в юридическом плане, определяя их как движимые, неделимые, неупотребляемые вещи, имеющие качество товарности в гражданском обороте и характеризующиеся такими физиологическими способностями, как испытывать боль и переходить из одного качественного состояния в другое [4].

Анализируя и иные мнения, можно сделать вывод о том, что часть ученых, беря во внимание вышеперечисленные особенности животных, не относят их к вещам, обращая внимание больше на их биологическую составляющую и значимость для окружающей природы. При этом другие рассматривают фауну как самостоятельный объект прав [5, с. 286]. Есть, конечно же, и те, кто придерживается обратной точки зрения, придавая животным статус вещи и обращая больше внимания на их оборотоспособность.

Однако, как установлено по смыслу норм законодателя и сложившейся правоприменительной практике, животные, наряду с иными вещами, могут быть как индивидуально-определенными, так и определяемыми родовыми (видовыми) признаками [6].

Помимо отсутствия конкретного определения животных в гражданском праве, выделяют также проблему, связанную с их разделением на два вида: домашние и дикие животные. На данный момент есть различные точки зрения по данному поводу: первые придерживаются того, что быть объектом гражданских прав могут только те животные, которые находятся в собственности у человека, то есть домашние, вторые считают, что диких животных тоже необходимо относить к объектам прав, но с некоторыми

оговорками, касающимися естественной среды обитания живых существ [2, с. 96]. Признавая животных дикими, необходимо понимать, что они являются обитателями окружающей среды и находятся в состоянии естественной природы.

По мнению С. В. Тычинина и Е. В. Королёвой, на данный момент в отношении диких животных действует достаточно развитая правовая база, что не скажешь такого о животных, изъятых из естественной среды обитания. Подтверждая свою позицию, авторы перечислили те виды животных, которых используют в разных сферах гражданского оборота и государственных нужд, в частности: домашние, сельскохозяйственные, племенные, лабораторные, служебные, животные, используемые в культурно-зрелищных мероприятиях и безнадзорные. С. В. Тычинин и Е. В. Королёва отмечают, что нормативная база, регулирующая правовой режим перечисленных видов животных достаточно разрознена и нуждается в кардинальном усовершенствовании [7, с. 83-84].

К числу правовых источников норм, регулирующих взаимодействие человека с животными разных видов, можно отнести Федеральный закон «О животном мире» от 24.04.1995 № 52-ФЗ, Федеральный закон "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 27.12.2018 № 498-ФЗ, Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 "О ветеринарии", Федеральный закон "О племенном животноводстве" от 03.08.1995 № 123-ФЗ и другие.

Немало важно обратить внимание на еще одну особенность рассматриваемого объекта гражданских прав. Как показывает судебная практика, животные могут признаваться источником повышенной опасности. В статье 1079 ГК РФ перечислены такие источники, в перечень которых не упоминаются животные. Однако этот перечень не является закрытым. В силу данной нормы, устанавливая все обстоятельства дела (наличие ущерба и его

размер, причинно-следственная связь, а также факт нахождения животного в чьей-либо собственности), суды зачастую удовлетворяют иски о возмещении ущерба. В этом случае в суде необходимо доказать факт причинения вреда животным, принадлежащим именно ответчику.

Исходя из специфики животных как объектов гражданских прав, стоит отметить, что на данный момент законодателю нужно дать единое определение понятию «животное» и закрепить более подробное регулирование правового статуса животных. Их огромное разнообразие требует соответствующей большой нормативной регламентации, где были бы учтены все особенности данного объекта прав. Также необходимым дополнением как для теории, так и для практики, является законодательное закрепление единой классификации животных, которая бы была полезна для их определения в качестве индивидуально-определенных объектов, и которая давала бы четкое разграничение видов животных, имеющих возможность быть предметом разного рода сделок. Пробелы в действующем законодательстве не только осложняют правоприменительную практику, но и мешают реализации мер по надлежащей защите животных.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Лепенкина М. В., Лапшина О. С. Состояние правового регулирования и доктрины в части признания животных как объектов гражданских прав // Молодой ученый. №31 (321). 2020. С. 94 – 98.
3. Пузевич, А. Н. Понятие и признаки животных как объекта гражданского права // Юридическая наука. 2011. № 4. С. 74–79.

4. Захаров, Д. Е. Животные как объекты гражданских прав: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
5. Кириллова К.Р. Проблемы определения понятия «животные» как объекты гражданского права в российском гражданском праве / К.Р. Кириллова, Л.К. Аракелян // Аллея науки. 2017. Т. 4. № 16. С. 285-287.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 07.10.2015 г. № Ф08-6914/15 по делу А22-366/2011 [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/57591508/#block_1.
7. Тычинин С.В., Королёва Е.В. Животные в системе объектов гражданских прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 81–85.

УДК 347.6

Тхай Виктория Рудольфовна

Чернигова София Андреевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт государственного и международного права

Россия, Екатеринбург

thai.vika2002@gmail.com

sofia_chernigova@mail.ru

Thai Victoria

Chernigova Sofia

Ural State Law University

Institute of the Institute of State and International Law

Russia, Ekaterinburg

ИНСТИТУТ ОТЦОВСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: в данной статье рассмотрены понятие отцовства и основные положения действующего законодательства Российской Федерации, регулирующие данный институт семейного права. Авторами проанализирован правовой статус отца в процессе воспитания детей, а также судебная практика и различные точки зрения по вопросам, касающимся проблем защиты прав и интересов отцов и способов их решения. Предложены пути по усовершенствованию законодательства в рассматриваемых вопросах.

Ключевые слова: отец, отцовство, семья, семейное законодательство, институт отцовства, права отцов.

THE INSTITUTION OF FATHERHOOD IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation: this article discusses the concept of paternity and the main provisions of the current legislation of the Russian Federation regulating the institution of paternity in family law. The authors analyzed the legal status of the father in the process of raising children, as well as judicial practice and various points of view on issues related to the problems of protecting the rights and interests of fathers and ways to solve them. Ways to improve legislation in the issues under consideration are proposed.

Key words: father, fatherhood, family, family law, the institution of fatherhood, the rights of fathers.

В современное время развитие такого социального института, как семья, набирает все больше актуальную значимость, так как с постоянно протекающей в обществе эволюцией данного института происходит смена приоритетов семейных ценностей и появляются новые взгляды и общественные представления о современной семье. На данный момент можно сказать, что давняя традиционная семейная иерархия из строго патриархальной постепенно приняла эгалитарное положение. Такие изменения непосредственно влияют не только на общественное мировоззрение, но и, конечно же, на процесс трансформации нормативно-правовой базы семейного права.

Одним из важных принципов семейного права, составляющим основу правоотношений мужчины и женщины в браке, является равноправие между супругами. Данный принцип, отдельно закрепленный в статье 18 Семейного Кодекса Российской Федерации [1], означает, что ни один из супругов не имеет никаких преимуществ в личных и имущественных правах по отношению друг к другу, а также, какой бы то ни было, приоритет в решении вопросов по воспитанию и содержанию детей.

Необходимо обратить внимание, что институт отцовства достаточно мало изучен по сравнению с материнством, детством и семьей, которые были объектами правовых исследований множественное количество раз.

Законодательно понятие «отцовство» не закреплено ни в одном из нормативно-правовых актов России. Оно упоминается в части 2 статьи 7 Конституции РФ и статье 1 Семейного Кодекса РФ, как объект государственной поддержки, в пункте «ж» части 1 статьи 72, как предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [1].

В статье 38 Основного закона Российской федерации [2] говорится о том, что забота о детях и их воспитание является равным правом и обязанностью родителей, а государство, в свою очередь, защищает и поддерживает материнство, и детство, как и семью в целом. Однако можно заметить, что в этой норме не упоминается отцовство. Многие ученые и юристы по-разному комментируют данное положение: одни отмечают, что другие нормы в Конституции дополняют этот пробел, другие ссылаются на то, что формулировка статьи во многом происходит из Конституции СССР 1977 года, и на тот период времени идеология не предусматривала роль отца, в связи с чем отсутствует упоминание об отцовстве [3, с. 68]; [4, с. 8, 13-14], третьи считают, такое положение усугубляет неравенство родителей и необходимо на законодательном уровне закреплять понятие «родительство» и в первую очередь в самой Конституции РФ [5, с. 27].

Если рассматривать Семейный Кодекс РФ, то в нем утверждены равенство отца и матери, у которых одинаковые родительские права и обязанности: права по воспитанию и образованию детей, права по защите прав и интересов детей (ст. 63, 64 СК РФ), обязанность обеспечивать и защищать права интересы своих детей, обеспечить детям получение общего образования (ст. 64, 65 СК РФ), содержать своих несовершеннолетних детей (ст. 80), заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей (ст. 63) и другие [1].

Однако стоит отметить, что все же есть некоторые отступления от принципа равенства между супругами или родителями. Так, в статье 17

Семейного Кодекса РФ установлены ограничения права мужа на развод: без согласия жены он не может возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка.

В соответствии со статьей 89 Семейного Кодекса РФ муж обязан предоставлять содержание (выплачивать алименты) жене в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка. Статья 90 Семейного Кодекса РФ содержит аналогичную норму об обязанности мужчины и по отношению к его бывшей жене в случае развода [1].

Однако 31 июля 2023 года был подписан и опубликован Федеральный закон № 403-ФЗ "О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации", в котором закрепили положение о праве отца, фактически осуществляющего уход за общим ребенком в течение трех лет со дня его рождения, требовать предоставления алиментов в судебном порядке от матери (бывшей супруги), обладающей необходимыми для этого средствами. При этом ранее указанным правом обладала только жена или бывшая супруга без указания на осуществление ею фактического ухода за ребенком. Также внесли изменения о праве требования предоставить алименты в судебном порядке от другого супруга (бывшего супруга): бывшей жены в период беременности, только в случае, если беременность наступила в период брака; нуждающегося супруга (бывшего супруга), осуществляющего уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста 18 лет или за общим ребенком - инвалидом с детства I группы, только если такой супруг (бывший супруг) осуществляет фактический уход [6].

Однако несмотря на то, что в России имеется большое количество социальных государственных программ, большая часть из них направлена на поддержку и помощь матерям и детям. Но в тоже время в последние годы наблюдается тенденция предоставления материальной поддержки отцам. Согласно изменениям за 2020-2022 годы в статье 3 Федерального закона от

29.12.2006 N 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей", расширился круг лиц, а именно мужчин, имеющих право на материнский капитал [7].

28 июля 2023 года Совет Федерации РФ одобрил законопроект «О внесении изменений в статьи 7 и 12 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», согласно которому все лица, имеющие право на дополнительные меры государственной поддержки, смогут направлять средства материнского капитала на формирование накопительной пенсии [8]. Данные положения также улучшают правовой статус отцов-одиночек.

Для полного анализа института отцовства, необходимо также проанализировать и судебную практику по вопросам защиты прав и интересов отцов. Так, при рассмотрении дел о расторжении брака и определения места жительства ребенка, суды опираются в первую очередь на его возраст и привязанность к каждому из родителей, их влияние на психологическое здоровье и нравственное развитие ребенка, наличие материальных возможностей для обеспечения достойной жизни и поддержания его физического здоровья. Суды руководствуются и мнением самого ребенка, с кем из родителей он хотел бы жить вместе [9]. Однако как известно, зачастую после развода суд определяет детей по месту жительства матери, а не отца несмотря на то, что все материальные условия могут быть одинаковыми у обоих, в том числе степень привязанности между ребенком и родителем, если дело касается ребенка, не достигшего 10-летнего возраста. Не стоит забывать и об органах опеки и попечительстве, мнение которых тоже важно для суда, ведь именно эти органы дают оценку условиям жизни для ребенка у каждого из родителей. Во многом органы опеки и суды исходят из того, что малолетнему ребенку необходима, больше мать, которая была бы полностью дееспособна, здорова и материально обеспечена [10]. Считается, что у матери и ребенка в малом возрасте имеется

более крепкая привязанность, нежели с отцом, что, несомненно, ставит его в невыгодное положение [11]. Однако если выясняется, что отец проявляет больше заботы и внимания к детям и что именно он может обеспечить лучшие условия для их воспитания, то суд с большей вероятностью может оставить детей с отцом.

Отдельно хотелось бы отметить тот факт, что многие женщины после развода не дают отцам своих детей видиться с ними, нарушая их права на участие в воспитании ребенка. При этом не существует такого внесудебного механизма, который бы мог полностью гарантировать родителю право на общение с ребенком после развода с его матерью. На данный момент более действенным и более оптимальным по времени способом защиты прав и интересов отца в этом случае является обращение в судебный орган [12, с. 225].

Отдельного внимания заслуживает вопрос установления отцовства. Решающее значение в этом вопросе имеет зарегистрированный брак и кровное родство. Здесь действует лишь одна презумпция - отцовства мужа матери ребенка, рожденного в браке, а также бывшего мужа матери, если ребенок рожден в течение 300 дней после прекращения брака. Но немало проблем возникает из-за отсутствия в семейном законодательстве четкого регулирования вопроса о том, как определить отцовство при конкуренции презумпций, когда мать ребенка вступает в повторный брак с другим мужчиной. По данному поводу некоторые ученые-юристы считают, что разумнее в таких ситуациях придерживаться презумпции – отцовства мужа матери ребенка [13]. Однако эта тема все же остается довольно дискуссионной для юристов, и в настоящее время нет единого мнения по решению этого вопроса.

С учетом вышеизложенного можно увидеть, что защита института отцовства на законодательном уровне активно развивается. Однако для реализации существующих законов и социальных программ, а также эффективного воспитательного воздействия одинокий отец должен иметь, во-

первых, достаточное материальное обеспечение, во-вторых, определенный уровень образования, и в-третьих, обладать некоторыми педагогическими, а также психологическими и медицинскими знаниями. Именно поэтому представляется целесообразным создание единого психолого-педагогического центра помощи данной категории населения на федеральном уровне, курирующего региональные отделения. На данный момент в Российской Федерации такие центры помощи носят частный характер. Также мы считаем необходимым создание центров обучения специалистов по работе с неполными семьями на базе высших учебных заведений, которые могли бы оказать квалифицированную помощь и поддержку не только одиноким отцам, но и семье в целом.

Стоит отметить, что для решения проблем, связанных с сохранением семейных ценностей в Государственной Думе Российской Федерации существует специальный комитет. Однако для установления равноправия между мужчинами и женщинами его следует переименовать из «Комитета по делам семьи, материнства и детства» в «Комитет по делам семьи и детства», с соответствующим представительством депутатов в нем – 50% мужчин и 50% женщин.

Таким образом, можно сказать, что эффективность реализации семейной политики, а именно поддержки отцовства, зависит не только от государственной поддержки данного института и принятия мер в этих целях, но и от осознания родителями того, что при реализации своих прав и выполнении обязанностей в первую очередь они должны ориентироваться на приоритет интересов ребенка.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, N 1, 01.01.1996, ст.16.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 4, 26.01.2009.

3. Бархатова Е .Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: с учетом изменений, внесенных в Конституцию РФ Федеральными конституционными законами N 7-ФКЗ, 2-ФКЗ, 11-ФКЗ. М.: Проспект, 2015. 268 с.

4. Деревянко П. А. Конституционно-правовой институт отцовства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Деревянко П. А. – Белгород, 2012. – 24 с. – URL: <http://www.lawtech.ru/document/2012avtoref739> (дата обращения: 31.07.2023).

5. Шахова Е .С. К вопросу о реформировании частноправовых и публичных начал защиты и охраны родительства и детства // Семейное и жилищное право. 2016. N 4. С. 25–29.

6. Федеральный закон от 31.07.2023 № 403-ФЗ "О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации" – Текст: электронный. // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307310017>(дата обращения: 31.07.2023).

7. Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" // Собрание законодательства Российской Федерации, N 1 (ч. I), 01.01.2007, ст.19

8. Проект Федерального закона N 222349-8 "О внесении изменений в статьи 7 и 12 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" – Текст: электронный. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/222349-8> (дата обращения: 31.07.2023).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 N 10 "О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с

воспитанием детей" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1998 г., N 7.

10. Решение Химкинского городского суда Московской области от 23.01.2019 по делу № 2–7566/2018. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/w6wNs7VShULN/> (дата обращения: 02.08.2023)

11. Очеретько Е. А., Власенко М. С. Правовые вопросы оставления ребенка с одним из родителей при расторжении брака между супругами // Аграрное и земельное право. 2020. №10 (190). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-voprosy-ostavleniya-rebenka-s-odnim-iz-roditeley-pri-rastorzhenii-braka-mezhdu-suprugami> (дата обращения: 02.08.2023).

12. Шахназарян К. Э. Проблема защиты отцовства как объекта прав в российском законодательстве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 24–26.

13. Худякова О.Ю. Установление происхождения детей по законодательству РФ и США: сравнительное исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009.

**ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО.
УДК 351.72**

Изотова Мария Андреевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита (факультет)

Россия, Москва

p002-izotova@yandex.ru

Izotova Maria

Lomonosov Moscow State University

High School of State Audit (faculty)

Russia, Moscow

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИНАНСОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ПУТИ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Аннотация: в статье рассмотрены основные технологические ресурсы, применяемые бюджетными учреждениями в процессе осуществления финансовой деятельности: ГИИС «Электронный бюджет», единая информационная система в сфере закупок (ЕИС) и система электронного документооборота. Автором проанализирован порядок практического использования таких ресурсов, сделан вывод об их преимущественном правовом регулировании с помощью подзаконных нормативных правовых актов, сформулированы предложения с целью его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: бюджетное учреждение, информационная система, ГИИС «Электронный бюджет», единая информационная система в сфере закупок (ЕИС), система электронного документооборота.

**INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE FINANCIAL ACTIVITIES OF
BUDGETARY INSTITUTIONS: LEGAL REGULATION, PRACTICAL USE
AND WAYS OF IMPROVEMENT**

Abstract: the article considers the main technological resources used by budgetary institutions in the process of financial activity: the SIIS «Electronic Budget», the electronic document management system and the unified information system in the field of procurement (UIS). The author analyzes the order of practical use of such resources, makes a conclusion about their preferential legal regulation with the help of bylaws, formulates proposals for its further improvement.

Keywords: budgetary institution, information system, SIIS «Electronic budget», unified information system in the field of procurement (UIS), electronic document management system.

С каждым годом роль информационных технологий в жизни общества становится все значительнее. Вследствие их развития у человека появилась возможность работать и учиться из любой точки мира, оплачивать покупки «одним взглядом» (с использованием биометрических данных), оперативно получать необходимую информацию благодаря наличию компактного смартфона с доступом к сети «Интернет». Однако очевидно, что бенефициарами технологического развития являются не только отдельные индивиды, но и крупные социальные образования, такие как государства. Сегодня государства заинтересованы во внедрении технологических новшеств в процессы управления с целью повышения их эффективности. Одной из приоритетных для цифровизации сфер стала экономика.

Так, в России разработана национальная программа «Цифровая экономика», в рамках которой предусмотрена реализация проекта «Цифровое государственное управление». Этот проект является элементом цифровой

трансформации – одной из целей, поставленных Президентом Российской Федерации перед государственным механизмом [5, п. 1].

Основной задачей упомянутого проекта является совершенствование процесса предоставления государственных услуг населению. Стоит отметить, что значительный объем таких услуг оказывается не государственными органами непосредственно, а их подведомственными учреждениями, наиболее массовыми из которых являются бюджетные учреждения [10, с. 3]. Под бюджетным учреждением понимают некоммерческую организацию, которая создается Российской Федерацией, ее субъектом или муниципальным образованием для оказания государственных услуг в ряде общественно значимых сфер, в частности, в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты и других [2, ст. 9.2].

Объективную возможность оказывать услуги в перечисленных областях обеспечивают финансы. Бюджетные учреждения получают субсидии на выполнение государственного задания, а также на иные цели [1, ст. 78.1]. Сам факт наличия бюджетных средств в системе доходов предполагает сложные процессы планирования и формирования бюджета, а также направления бюджетных средств органом-учредителем учреждению. Помимо прочего, бюджетные учреждения уполномочены на осуществление приносящей доход деятельности; доходы, получаемые в результате ее осуществления, считаются внебюджетными. В связи с дифференциацией источника доходов расходы таких учреждений также имеют свою специфику. Например, от источника средств зависит процедура и правовая основа закупок, осуществляемых учреждением.

В целях оптимизации и структурирования процессов формирования доходов и осуществления расходов, упрощения коммуникации участников этих процессов при их осуществлении бюджетные учреждения используют особые электронные ресурсы – информационные системы, одной из ключевых среди

которых является государственная интегрированная информационная система «Электронный бюджет» (далее – ГИИС «Электронный бюджет»).

1. ГИИС «Электронный бюджет»

Мировой практике известны два основных подхода к разработке систем, позволяющих осуществлять процессы в области управления государственными финансами: централизованный и децентрализованный. Системы, созданные в соответствии с первым подходом, отличаются интегрированностью, наличием унифицированных процедур. Централизация информационного обмена позволяет достичь полноты учета данных и высокого уровня их достоверности. Такие системы позволяют снизить расходы на инфраструктуру, однако отличаются низкой адаптивностью. В то же время системы, созданные в соответствии со вторым подходом, локальны, поэтому они характеризуются большей гибкостью и открытостью к изменениям, однако такие изменения требуют, как правило, значительных затрат. ГИИС «Электронный бюджет» содержит в себе признаки обоих подходов [12, с. 158].

Развитие данной системы началось в 2011 г., когда Правительством РФ была принята соответствующая концепция [8, п. 1]. ГИИС «Электронный бюджет» был разработан в целях цифровизации и упорядочивания процессов создания и передачи финансовой документации на всех этапах бюджетного процесса, а также обеспечения большей открытости финансовой деятельности государственных органов и учреждений. На сегодняшний день наиболее детальное описание сущности данной системы дано в ее Положении, утвержденном постановлением Правительства РФ от 30.06.2015 № 658 [6, п. 1].

Перед ГИИС «Электронный бюджет» стоят задачи по:

обеспечению возможности осуществления процедур бюджетного планирования, исполнения бюджетов и контроля результатов оказания государственных услуг;

размещению в открытом доступе информации о финансовых результатах государственных структур для повышения прозрачности их деятельности и обеспечения доступности таких данных для населения;

интеграции бюджетного процесса и закупочной деятельности.

Иными словами, ГИИС «Электронный бюджет», с одной стороны, позволяет государственным образованиям осуществлять процедуры бюджетного процесса в электронной форме, с другой – является источником информации о состоянии публичных финансов для граждан.

Система состоит из нескольких структурных частей: единого портала бюджетной системы Российской Федерации (далее – Единый портал), а также централизованных и сервисных подсистем, которые, в свою очередь, включают в себя подсистемы бюджетного планирования, управления доходами и расходами, долгом и закупками и др.

Единый портал состоит из двух частей. Открытая часть, доступная гражданам и организациям для ознакомления, содержит нормативную основу управления публичными финансами, аналитические и статистические данные, общую информацию о бюджетной политике государства, сведения о государственных программах. Закрытая же часть доступна для непосредственных участников бюджетных процедур. Она включает в себя личные кабинеты, в которых уполномоченные лица осуществляют функции по планированию, формированию и исполнению бюджетов.

Что касается бюджетных учреждений, они обладают статусом участников системы, поэтому информация об их финансовой деятельности также вносится в нее. Бюджетные учреждения работают в трех основных подсистемах ГИИС «Электронный бюджет»: одна из них нацелена на бюджетное планирование, вторая – на управление закупочным процессом, третья предназначена для учета и формирования отчетной документации.

Основными финансовыми документами бюджетных учреждений, операции с которыми осуществляются в ГИИС «Электронный бюджет», являются:

1. Соглашения на получение бюджетной субсидии;
2. Государственное задание;
3. План финансово-хозяйственной деятельности (далее – план ФХД);
4. Бухгалтерская отчетность;
5. Отчет о результатах деятельности.

Для получения бюджетной субсидии бюджетному учреждению необходимо заключить с органом-учредителем соответствующее **соглашение**. Если такое соглашение не включает в себя информацию, квалифицируемую согласно действующему законодательству как государственная тайна, то его формирование и подписание осуществляется в ГИИС «Электронный бюджет». Однако стоит отметить, что роль учреждений в непосредственном формировании соглашений невелика. Она заключается в их согласовании и подписании.

Государственное задание – документ, утверждающий виды, объем и сроки работ (услуг), которые учреждение обязано выполнить (оказать) в текущем финансовом году и плановом периоде – также формируется в системе [11, с. 23]. Оно составляется и утверждается органом-учредителем, однако бюджетные учреждения уполномочены на внесение предложений в части содержания задания с учетом реальной потребности в тех или иных работах и услугах. В остальном их полномочия относительно данного документа заключаются лишь в ознакомлении с ним. В то же время обязанность по составлению отчетности о выполнении задания лежит на самих учреждениях, которым необходимо сформировать, утвердить и направить учредителю отчет в электронной форме.

План ФХД, в отличие от государственного задания, формируется учреждением самостоятельно. В целях единообразия и превенции ошибок система автоматически вносит в план ФХД показатели, содержащиеся в государственном задании и соглашениях. Однако и учредитель играет в данном процессе определенную роль – именно он устанавливает форму будущего плана.

Обязанность бюджетных учреждений формировать **бухгалтерскую отчетность** в ГИИС «Электронный бюджет» появилась только в 2017 г. Такая новелла обеспечила органам-учредителям возможности в части проведения более оперативных проверок финансового состояния подведомственных организаций.

Отчет о результатах деятельности также формируется самим бюджетным учреждением, а рассматривается и утверждается его органом-учредителем. В таком отчете отражаются общие итоги деятельности учреждения за соответствующий период (в том числе сведения о выполнении государственного задания, открытых в кредитных организациях счетах учреждения, кредиторской задолженности и др.), сведения об использовании закрепленного за учреждением имущества, а также дается общая оценка эффективности деятельности.

Таким образом, функции бюджетных учреждений в ГИИС «Электронный бюджет» состоят в утверждении плановых документов, направляемых им органом-учредителем, и в самостоятельном формировании отчетности. Рассмотренная система позволяет консолидировать ключевые финансовые данные учреждений, обеспечивает их централизованные потоки и позволяет избежать ввода ошибочных данных вследствие влияния человеческого фактора благодаря наличию функции автозаполнения.

В то же время, несмотря на плюсы ГИИС «Электронный бюджет», работа в данной системе на сегодняшний день представляется весьма сложной в силу объемности заполняемых форм. Многие операции, осуществляемые, например,

при бюджетном планировании или составлении отчетности о выполнении государственного задания, многоэтапны и требуют подробных инструкций с учетом специфики деятельности того учреждения, бюджет или отчетность которого формируется. В связи с этим считаем необходимым разработку соответствующих подробных инструкций (рекомендаций) органом-учредителем для ответственных за выполнение в системе той или иной функции пользователей с одновременным указанием в нормативных правовых актах на соответствующую обязанность по утверждению таких инструкций на местах.

2. Единая информационная система в сфере закупок

Не менее значимой информационной системой для регулирования финансовой деятельности бюджетных учреждений является единая информационная система в сфере закупок (далее – ЕИС).

Бюджетные учреждения уполномочены на осуществление закупок в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ) (если закупка осуществляется за счет бюджетной субсидии) и Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ (далее – Федеральный закон № 223-ФЗ) (при осуществлении учреждением закупок за счет собственных доходов) [4, ст. 15].

Независимо от правовой основы, бюджетное учреждение проводит закупки с помощью возможностей ЕИС. Согласно Постановлению Правительства РФ от 27.01.2022 № 60, данная система предоставляет участникам закупок возможности по формированию и размещению закупочной документации, обмену данными [7, п. 7]. Также в ней формируются и размещаются реестры: заключенных контрактов, договоров, недобросовестных поставщиков, независимых гарантий, жалоб и проверок, единственных поставщиков, – которые, с одной стороны, являются полезным информационным ресурсом для заказчиков и поставщиков, а с другой стороны, упрощают процесс государственного контроля в сфере закупок.

Бюджетные учреждения публикуют в системе план-график и план закупок, закупочную документацию, контракты (при осуществлении закупки в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ) и договоры (при осуществлении закупки в соответствии с Федеральным законом № 223-ФЗ), а с 1 января 2022 г. также осуществляют электронное активирование, то есть реализуют процедуру сдачи-приемки товара (работы, услуги) в электронной форме. Они также могут использовать данные, содержащиеся в реестрах ЕИС, для предварительной проверки контрагентов.

3. Система электронного документооборота

Третьей значимой информационной системой, применяемой современными бюджетными учреждениями в повседневной деятельности, которая будет рассмотрена в данной статье, является система электронного документооборота (далее – СЭД). Из самого названия данной системы становится ясно, что ее применение не ограничивается лишь финансовыми вопросами – СЭД применяется для информационного обеспечения деятельности организации в целом. В то же время и при работе с финансовой документацией она играет важную роль.

В бюджетных учреждениях регулярно формируется множество документов. К ним относятся письма, направляемые в рамках учреждения или в другие ведомства и организации, административная документация (приказы, распоряжения), устанавливающая правовой порядок деятельности, запросы от вышестоящих или правоохранительных органов и многие другие. Формирование документа, его согласование с ответственными лицами, направление адресату представляют собой совокупность процедур, осуществление которых «на бумаге» является весьма длительным. Ежегодно возрастающий объем документации в совокупности с развивающимися технологиями побудили государство внедрить в свою деятельность электронный документооборот.

На сегодняшний день возможности СЭД весьма обширны. Они частично перечислены в приказе Федерального архивного агентства от 11.04.2018 № 44, являющемся едва ли не единственным нормативным правовым актом, регулирующим элементы рассматриваемой системы [9].

В первую очередь, СЭД обеспечивает пользователей возможностью создавать документы. Учреждение может разработать бланки типовых документов в целях унификации документооборота. Как правило, разрабатываются бланки докладных записок, писем, приказов и распоряжений. Они содержат эмблему, реквизиты учреждения и базовые неотъемлемые элементы, которые отличаются в зависимости от вида документа (например, обращение к адресату «Уважаемый (Имя, Отчество)!» в письме или обязательное использование слова «приказываю» в приказе) и благодаря наличию которых лицу, составляющему документ, остается лишь «заполнить пробелы». В случае дублирования некоторых документов на бумажных носителях бланки электронных и бумажных версий должны совпадать. Их идентичность может обеспечиваться наличием в учреждении утвержденной инструкции по делопроизводству, которой устанавливаются все необходимые требования к документации (включая размеры полей, кегль, шрифт, интерлиньяж и др.).

Отметим, что сам факт развития СЭД не отменяет существования в организации «бумажной» документации, использование которой может быть более удобным в ряде случаев, например, на совещаниях. Также учреждение может счесть более правильным согласование некоторых особо важных документов «живой подписью». Для таких случаев в СЭД предусмотрена возможность загрузки в систему электронных образов документов, согласованных на бумажном носителе.

Однако согласование может осуществляться и в самом СЭД. Для этого в системе, как правило, есть возможность выбора из предложенного перечня лиц, являющихся работниками учреждения, которые могут виртуально подписать

документ с использованием электронной подписи. При наличии замечаний такие лица могут оставлять комментарии к документам и отказывать в согласовании. Например, при согласовании контракта на осуществление закупки может быть задействовано несколько разнонаправленных структурных подразделений (отделов) учреждения: финансовый (фиксирующий денежные потоки), закупочный (непосредственно осуществляющий закупочные процедуры в ЕИС), юридический (обеспечивающий соответствие содержания контракта или договора законодательным нормам). Согласование такого документа в бумажном виде требует значительных временных затрат и усложняет коммуникацию между отделами в том случае, если они рассматривают его по отдельности, а не в рамках беседы. СЭД же позволяет каждому из ответственных лиц в режиме реального времени отслеживать позицию иного структурного подразделения, что позволяет ускорить процесс согласования.

СЭД также предусматривает функцию по направлению поручений и контролю их исполнения. Например, в случае направления каким-либо министерством в подведомственное учреждение письма на имя руководителя с требованием сформировать бухгалтерскую отчетность учреждения такой руководитель может с помощью возможностей системы направить данное задание квалифицированным в соответствующей области сотрудникам с установкой контрольной даты.

В силу того, что в СЭД формируется подавляющее большинство документов учреждения, он представляет собой структурированный архив данных, в котором, благодаря системе поиска, можно найти необходимый документ. Иными словами, система обеспечивает сохранность данных и значительно снижает риски потери документов.

Таким образом, роль СЭД в финансовой деятельности бюджетных учреждений заключается, в основном, в подготовке и согласовании документов,

содержащих данные о финансах (например, отчетности о выполнении государственного задания или плана закупок на соответствующий год).

Одна из практических проблем, связанных с СЭД, заключается в отсутствии доступа к системе у значительного числа работников учреждения. В бюджетных учреждениях нередко можно столкнуться с наличием всего одного компьютера с доступом к СЭД в том или ином отделе при наличии необходимости работать в данной системе сразу у нескольких работников отдела. В связи с этим считаем необходимым проводить в учреждениях политику по обеспечению штата необходимым оборудованием и программным обеспечением с учетом реальной потребности и трудовых обязанностей.

Выводы

Безусловно, рассмотренные информационные системы являются лишь составной частью того массива программного обеспечения, который используется современными бюджетными учреждениями. Однако, на наш взгляд, ГИИС «Электронный бюджет», ЕИС и СЭД являются основными, базовыми программами, удовлетворяющими потребности учреждений в части электронного обеспечения финансовой деятельности.

Подводя итог изучению указанных выше систем, можем сделать следующие выводы:

1. Данные системы покрывают широкий массив задач бюджетных учреждений в области финансов: планирование и формирование бюджета, его утверждение, а также контроль финансовых результатов;

2. Основа правового регулирования изученных информационных систем – подзаконные нормативные правовые акты (приказы, постановления), так как именно в них относительно детально прописаны не только сущность, цели и задачи систем, но и особенности осуществления конкретных процессов в них;

3. Правовую основу данных систем нельзя считать достаточной для оперативного и эффективного выполнения в них рабочих функций. В связи с

этим требуется дополнительное регулирование на местах в виде принятия в учреждениях локальных нормативных актов – инструкций по работе в соответствующих системах;

4. При установке информационных систем, особенно тех, которые обеспечивают выполнение задач не только в области финансов (например, СЭД), стоит учитывать реальную потребность работников бюджетных учреждений в них в соответствии с их трудовыми обязанностями. Следовательно, при определении количества рабочих компьютеров с доступом к той или иной системе, необходимо руководствоваться принципом достаточности.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
3. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1–2). Ст. 4571.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
5. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.
6. Постановление Правительства РФ от 30.06.2015 № 658 «О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» // СЗ РФ. 2015. № 28. Ст. 4228.

7. Постановление Правительства РФ от 27.01.2022 № 60 «О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по организации в ней документооборота, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 6. Ст. 872.

8. Распоряжение Правительства РФ от 20.07.2011 № 1275-р «О Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет» // СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4773.

9. Приказ Федерального архивного агентства от 11.04.2018 № 44 «Об утверждении Примерной инструкции по делопроизводству в государственных организациях» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] / <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808200001> (дата обращения: 15.05.2023).

10. Финансы бюджетных организаций : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Финансы и кредит» / под ред. Г. Б. Поляка. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 463 с.

11. Федорова О. А. Финансы бюджетных учреждений : учебное пособие для вузов / О. А. Федорова, Л. В. Давыдова, Ю. О. Скорлупина. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 138 с.

12. Захарова Н.М. Интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет»: значение и тенденции развития // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 155–165.

Ловчикова Юлия Владимировна
Российский государственный университет правосудия
Юридический факультет
Россия, Москва
ylovchikovau@mail.ru
Lovchikova Yulia
Russian State University of Justice
Law Faculty
Russia, Moscow

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ НАЛОГОВОГО ПРАВА

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные начала налогового права – его принципы. Отдельно автор раскрывает с учетом позиций конституционного суда следующие принципы: равенство; справедливость; установление всех элементов налогообложения; обеспечение единого экономического пространства России; все неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика. В процессе изложения материала автор приходит к выводу, что одним из значений принципов налогового права является обеспечение баланса частных и публичных интересов при построении системы налогов и сборов.

Ключевые слова: принципы налогового права, конституционное значение, обязанность, равенство, элементы налогообложения, баланс частных и публичных интересов.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL SIGNIFICANCE OF THE PRINCIPLES OF TAX LAW

Annotation: this article discusses the basic principles of tax law - its principles. Separately, the author reveals the following principles, taking into account the positions of the constitutional court: equality; justice; establishment of all elements of taxation; ensuring a single economic space of Russia; all ambiguities in acts of legislation on taxes and fees shall be interpreted in favor of the taxpayer. In the process of presenting the material, the author comes to the conclusion that one of the meanings of the principles of tax law is to ensure the balance of private and public interests when building a system of taxes and fees.

Key words: consideration of tax law, constitutional significance, obligation, equality, elements of accounting, general and public interests.

Основой любой отрасли права являются ее принципы, которые составляют, по Монтескье, ее «дух» [1, с. 337]. Основные начала современного налогообложения содержатся в статье 3 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ). Именно они представляют собой руководящие идеи, которые формируют не только институты налогового права, но и ложатся в основу отдельных статей НК РФ.

Принципам налогового права уделяется особое внимание со стороны органов публичной власти. В данной статье более подробно хотелось бы остановиться именно на позициях Конституционного суда Российской Федерации (далее – Конституционный суд) по данной теме, поскольку данный суд не просто комментирует проблемные вопросы законодательства, но и раскрывает правовую природу. Так Конституционный суд отмечал, что принципы налогообложения обеспечивают реализацию и соблюдение основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина [2]. Поскольку объемы научной статьи не позволяют проанализировать все принципы налогового права, далее будут рассмотрены и прокомментированы лишь некоторые из них.

Принцип равенства. Что есть равенство в праве? Многие ошибочно полагают, что равенство означает одинаковый «набор» прав и обязанностей у всех субъектов права. Однако поставить всех в одинаковое положение невозможно, поэтому в налогообложении равенство понимается прежде всего, как одинаковое налоговое бремя.

Согласно статье 57 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Более того налоги и сборы не могут носить дискриминационный характер, т.е. различно применяться в зависимости от ряда обстоятельств, в частности, от имущественного положения плательщика налогов и сборов.

Важно уточнить, что налоговое бремя тесно связано с принципом справедливости. Поэтому в ситуациях, когда определенная категория налогоплательщиков попадает в иные по сравнению с другими налогоплательщиками условия, хотя между ними нет существенных различий, которые оправдывали бы неравное правовое регулирование, равенство налогового бремени нарушается [3].

Таким образом, принцип равенства позволяет учесть фактическую способность налогоплательщика к уплате налога [4, с. 28], что, в свою очередь, подтверждает, что Российская Федерация гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина (статья 19 Конституции), но учитывает категории налогоплательщиков и их экономические результаты.

Принцип справедливости. Что есть справедливость? Данный вопрос является дискуссионным и по большей части касается морали. Тем не менее, право и справедливость не отделимы друг от друга, поскольку любое правонарушение требует справедливого наказания.

Примечательно, что в статье 3 НК РФ прямо не указан принцип справедливости, тем не менее на практике он выделяется. Так в Особом мнении М.В. Баглая пояснено, что при выборе формы налогообложения любой

законодатель обязан исходить из принципа добра и справедливости, закрепленного во введении к Конституции [5].

Интересна также позиция экономиста А. Вагнера, который утверждал, что принцип справедливости включает в себя принципы всеобщности и равномерности. С этим утверждением нельзя не согласиться, поскольку все обязаны платить налоги, но не все имеют равные возможности для выполнения данной обязанности. На мой взгляд, справедливость в налоговом праве означает: «Равенство не означает равные возможности». По этой причине ряд налогов и имеют адвалорные ставки (НДФЛ, налог на прибыль организаций и др.), которые позволяют взимать одинаковый процент с каждого, но с учетом доходов.

Установление всех элементов налогообложения. Российская Федерация является правовым государством, т.е. любое действие как со стороны государства, так и со стороны граждан подчиняется нормам права. Для того, чтобы это «правило» работало, законодательство должно содержать четкие и понятные нормы. Именно поэтому НК РФ предписывает, что обязательные элементы налогообложения должны быть сформулированы так, чтобы каждый точно знал, какие налоги, когда и в каком порядке он обязан платить. Поскольку любой обязанности корреспондирует право, данной обязанности корреспондирует право не быть принужденным к уплате налогов и сборов, не отвечающих вышеуказанным критериям [6].

Следовательно, при установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения, что гарантирует справедливость по отношению к налогоплательщику и обеспечивает реализацию им своих прав.

Обеспечение единого экономического пространства России. Единство экономического пространства подразумевает свободу движения товаров и услуг на территории Российской Федерации, т.е. пересекая границы субъектов или муниципальных образований объекты торговли не должны облагаться дополнительными налогами.

Суть данного принципа заключается именно в запрете введения региональных налогов, которые могут не только ограничивать свободное перемещение товаров и услуг в пределах единого экономического пространства, но и позволяют формировать бюджеты одних территорий за счет налоговых доходов либо налогоплательщиков других территорий [7].

Все неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика. Законодательную базу создают люди, отсюда и вытекает одно из последствий - наличие полностью или не до конца урегулированных отдельных правоотношений. Такие ситуации встречаются довольно часто, в том числе в налоговом праве. Данное правовое явление принято называть «пробел в законодательстве». Одним из способов решения такого пробела являются принципы права, которые по применению являются «более гибкими» по сравнению с нормами права, поскольку учитывают не конкретные правоотношения, а именно «дух» самого права.

Вышеуказанный принцип является одним из примеров того, как решаются пробелы в налоговом законодательстве. Именно благодаря наличию данного принципа в НК РФ, возможен институт защиты прав и законных интересов налогоплательщиков, в рамках которого разрешаются спорные ситуации, вытекающие из налоговых правоотношений. В целом, стоит отметить, что данный принцип обеспечивает не только экономические гарантии конституционализма [8, с. 506], но и поддерживает баланс частных и публичных интересов в государстве.

На основе представленного материала, можно сделать однозначный вывод, что, принципы налогового права обеспечивают единообразное формулирование и применение норм налогового права, непосредственно воздействуя на возникновение и стабильное существование всех налоговых институтов. Само наличие принципов в налоговом праве позволяет не только обеспечить процесс пополнения государственного бюджета (собственно, это одна из функций

налогов), но учесть интересы слабой стороны – налогоплательщика, что еще раз доказывает, что в Российской Федерации действительно признаются, соблюдаются и защищаются права и свободы человека и гражданина (статья 2 Конституции).

Список литературы:

1. Монтескье Ш. Избранные произведения. – Москва: Госполитиздат, 1955. – 803 с.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 817-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якимова Федора Федоровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 3 и абзаца второго пункта 1 статьи 38 Налогового кодекса Российской Федерации». ЮИС «Легалакт» // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26032019-n-817-o/>
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.03.2008 № 5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова, В.П. Козлова и Т.Н. Козловой». СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75642/
4. Налоговое право: учебник / отв. ред. Е.Ю. Грачева, О.В. Болтинова. – 3-е издание, перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2023. – 304 с.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы». СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10033/

6. Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2019 г. № 3531-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «ЗИС» на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 1, 3, 4 и 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации». ИПП «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/73395273/>

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.1997 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13876/

8. Ловчикова Ю.В. Конституционно-правовое значение бюджета Российской Федерации // Финансовое право в парадигме конституционной реформы: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 26 ноября 2021 г. — Москва: РГУП, 2022. — С. 504-506.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.2

Лемехов Сергей Витальевич

Университета прокуратуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Россия, Санкт-Петербург

lemekhov.serzh@rambler.ru

Lemekhov Sergey

University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation

Saint-Petersburg law institute (branch)

Russia, Saint Petersburg

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ НОРМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Аннотация: в статье анализируются актуальные проблемы правоприменения и толкования норм международного права в сфере трудовых правоотношений. Автор анализирует доктринальные позиции исследователей, в том числе диссертационные исследования. На основании изучения указанных источников сделаны соответствующие выводы и приведены возможные пути разрешения указанных проблем.

Ключевые слова: источники трудового права, правовое регулирование трудовых отношений, трудовое законодательство, международно-правовые нормы, Конституция РФ.

**SOME ISSUES OF APPLICATION AND INTERPRETATION OF THE
NORMS OF INTERNATIONAL LAW IN THE REGULATION OF LABOR
RELATIONS**

Annotation: The article analyzes the actual problems of law enforcement and interpretation of the norms of international law in the field of labor relations. The author analyzes the doctrinal positions of researchers, including dissertation research. Based on the study of these sources, the relevant conclusions are drawn and possible ways of solving these problems are given.

Key words: sources of labor law, legal regulation of labor relations, labor legislation, international legal norms, the Constitution of the Russian Federation.

Нормы международного права являются одним из ключевых источников правового регулирования правоотношений. В соответствии с ч.4 ст. 15 международно-правовые нормы являются составной частью правовой системы нашего государства. Также, в данной норме указано, что в случае коллизии

внутригосударственного и международного права применяются международно-правовые нормы [1].

Аналогичная позиция сформулирована и в ст. 10 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) [2].

Как может казаться на первый взгляд, положение норм международного права при регулировании трудовых правоотношений выглядит вполне однозначным – они имеют приоритет над нормами внутригосударственного права. Однако после внесения изменений в Конституцию РФ – роль норм международного права, в том числе в сфере регулирования трудовых правоотношений – изменилась.

В силу ст. 79 Конституции РФ, решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции, не подлежат исполнению [1]. Аналогичная позиция сформулирована в ст. 10 ТК РФ [2].

Таким образом, нормы международного права в сфере регулирования трудовых правоотношений имеют определенный приоритет над нормами внутригосударственного права. Однако, данные нормы должны быть имплементированы в правовую систему нашего государства. Тем не менее, решения межгосударственных организаций, основанные на признанных и применяемых в России нормах международного права, в случаях если они противоречат Конституции РФ – не могут и не должны применяться и исполняться на территории Российской Федерации.

Следовательно, правовое значение норм международного права и результата их толкования со стороны международных организаций нельзя признать однозначным. Обратимся к доктринальным позициям исследователей.

Так, Д.В. Трескин и С.А. Акишева замечают, что нормы международного права, распространяющие свое действие на правоотношения в сфере труда, имеют прямое воздействие на формирование и развитие отечественного

законодательства о труде, которое производится следующими способами: непосредственное действие ратифицированных международных актов; формирование вновь принимаемых нормативных актов либо тех, в которые вносятся изменения с учетом положений международных норм в тексте нормативных правовых актов; реализация положений ратифицированных и нератифицированных международных актов путем формирования соответствующих актов законодательства конкретного государства [6, с. 100-101].

В своем диссертационном исследовании К.Л. Томашевский обращает внимание на то, что среди современных российских ученых высказывались различные суждения относительно юридической силы общепризнанных принципов международного права: от полного приоритета их для других элементов системы международного права, и для системы национальных источников права» (А. Л. Шведов) до отсутствия верховенства принципов и норм международного права в правовой системе Российской Федерации в отношении друг к другу (С. Г. Восканов) [5, с. 284].

Как замечает А.С. Лада, сторонники приоритета Конституции РФ над нормами международного договора, в первую очередь, приводили позицию КС РФ, изложенную в постановлении от 14.07.2015 №21-П, о том, что нормы международных договоров не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции. Тем не менее, на законодательном уровне данный вопрос не был решен. И только внесенными поправками в ст. 79 Конституции РФ был установлен приоритет перед международными договорами. Однако, остался не решенным вопрос о соотношении федеральных конституционных законов и международных договоров. С одной стороны, федеральные конституционные законы имеют особый правовой статус, с другой стороны, прямо не указано об

их приоритете над международными договорами РФ. Большинство ученых придерживается мнения о приоритете международного договора над федеральным конституционным законом. В качестве аргумента они приводят позицию Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 №6-П, в котором федеральному законодателю предписана обязанность приведения нормы федерального конституционного закона в соответствие с действующим международным договором, что свидетельствует о приоритете норм международного права [3].

Анализируя указанные доктринальные позиции, допустимо сделать вывод, что положение норм международного права относительно их юридического статуса в качестве источников правового регулирования трудовых отношений неоднозначно.

Как считает Р.Р. Назметдинов, несмотря на отсутствие в российском законодательстве положений об обязательности разъяснений высших судов РФ, для нижестоящих судов они носят обязательный характер и должны быть учтены при вынесении решений по соответствующим спорам [4]. Однако их нельзя признать источниками правового регулирования трудовых отношений. Следовательно, для определения пределов правоприменения норм международного права необходимо руководствоваться положениями внутригосударственного законодательства.

В соответствии со ст. ст. 15 и 79 Конституции РФ и ст. 10 ТК РФ, нормы международного права имеют важное положение в системе источников правового регулирования трудовых правоотношений. Однако решения межгосударственных организаций, основанные на применении норм международного права в истолковании, противоречащем Конституции РФ, не должны использоваться при регулировании трудовых правоотношений.

В заключение необходимо сказать, что систему источников правового регулирования трудовых правоотношений следует изложить следующим

образом. Прежде всего, правовое регулирование трудовых правоотношений осуществляется нормами конституционного права. В дальнейшем применению подлежат нормы международного права и решения межгосударственных организаций, которые, по своему содержанию, соответствуют Конституции РФ. Следующая ступень иерархии источников правового регулирования трудовых отношений состоит из норм федерального и регионального законодательства. С нашей точки зрения, формирование системы источников по приведенной концепции в наибольшей мере соответствует действующему законодательству.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 20 марта 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 20 марта 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Лада А. С. К вопросу о соотношении по юридической силе отдельных видов источников трудового права // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 1(193). – С. 271-273.
4. Назметдинов Р.Р. Роль судебной практики в регулировании трудовых отношений // Правосудие. 2019. №1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sudebnoy-praktiki-v-regulirovanii-trudovyh-otnosheniy> (дата обращения: 30.03.2023).
5. Томашевский К.Л. Система источников трудового права государственных членов ЕАЭС: теория и практика: специальность 12.00.05 «трудовое право; право социального обеспечения»: дис. ... д-р. юрид. наук / Томашевский Кирилл Леонидович; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина. — Москва, 2019. — 509 с.
6. Трескин Д. В., Акишева С. А. Международно-правовое регулирование труда: понятие, значение, основные этапы развития // Научное пространство:

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник научных трудов по материалам XXXVII Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 18 декабря 2021 г.). – Анапа, 2021. – С. 98-106.

Руф Владислав Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

ruf.vlad-1988@yandex.ru

Ruf Vladislav

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of the Prosecutor's

Ekaterinburg, Russia

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С РАБОТНИКОМ В СВЯЗИ С ПРИЗЫВОМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО МОБИЛИЗАЦИИ

Аннотация: в статье поднимается проблематика приостановления трудового права в отечественной доктрине трудового права. Приведено определение понятия приостановления трудового договора и его признаки. Представлена характеристика приостановления трудового договора с работником в связи с призывом на военную службу по мобилизации в сравнении и схожими нормами трудового права. Сделаны выводы о юридической природе новой трудово-правовой конструкции.

Ключевые слова: юридический факт, трудовой договор, мобилизация, приостановление трудового договора, приостановление исполнения трудового договора.

SUSPENSION OF AN EMPLOYMENT CONTRACT WITH AN EMPLOYEE IN CONNECTION WITH CONSCRIPTION FOR MILITARY SERVICE ON MOBILIZATION

Annotation: the article raises the issue of suspension of labor law in the domestic doctrine of labor law. The definition of the concept of suspension of an employment contract and its signs are given. The characteristic of the suspension of an employment contract with an employee in connection with conscription for military service on mobilization in comparison and similar labor law norms is presented. Conclusions are drawn about the legal nature of the new labor-legal structure.

Key words: legal fact, employment contract, mobilization, suspension of an employment contract, suspension of performance of an employment contract.

Приостановление трудового договора впервые нашло свое юридическое признание в отечественном трудовом законодательстве в 2008 году с введением в ТК РФ статьи 384.4, предусматривающей норму, позволяющую приостановить действие первоначально заключенного трудового договора со спортсменом на период его временного перевода к другому работодателю. Однако на сегодняшний день отсутствует законодательное закрепление приостановления трудового договора как самостоятельной стадии развития трудовых правоотношений, в частности ввиду того, что в научной среде приостановление трудового договора преимущественно рассматривается как составная часть его прекращения [7, с. 38]. При этом рассматривая приостановление трудового договора как «основания изменения трудового договора ... правоизменяющего факта» [8, с. 87] в рамках других стадии в динамике трудового договора, так или иначе необходимо заключить о важности его законодательного закрепления. Это объясняется, в частности, особенностью самого юридического факта трудового права, информация о котором и его юридических последствиях должна четко отражаться в сознании субъектов ввиду их отражения в нормах трудового права [2, с. 26].

С другой стороны, по мнению ряда исследователей, приостановление трудового договора является самостоятельным под-институтом трудового права,

и, следовательно, еще одной стадией в динамике любых трудовых договоров наряду с их заключением, изменением и расторжением [3, с. 112-113]. Такая позиция, в свою очередь, наталкивает на мысль уже о необходимости разработки и законодательном закреплении перечня юридических фактов (конкретных жизненных ситуаций, действий сторон трудовых правоотношений и их последствий), которые бы влекли за собой изменение трудовых правоотношений, выраженное в переходе к новой стадии трудового договора.

Помимо этого, введение четкой терминологии, в том числе, и определение понятия приостановление трудового договора является важной информационной составляющей отрасли трудового права, так как отсутствие термина или его неточность приводит к неверному пониманию сути правовой нормы, искажению первоначального замысла законодателя, потере целевого предназначения того или иного правила, а потенциально и целого института трудового права [6, с. 53].

Недосказанность со стороны законодателя о юридической сущности конструкции приостановления трудового договора повлекла за собой причисление в научной литературе огромного количества юридических фактов и явлений трудового права к форме приостановления трудового договора: приостановление работы по причине отстранения от нее (ст. 76 ТК РФ), приостановление работы в связи с отпуском без сохранения заработной платы (ст. 128 ТК РФ), приостановление работы до выплаты задержанной суммы заработной платы (ст. 142 ТК РФ), привлечение работника к исполнению государственных или общественных обязанностей (ст. 170 ТК РФ), предоставление отпуска ранее 6 месяцев работнику, работающему по совместительству (ст. 286 ТК РФ). Также к категории приостановления трудового договора может быть отнес и перевод работника на другую работу к другому работодателю, который хоть в научной литературе и рассматривается как изменяющий трудовую функцию юридический факт [1, с. 50].

Данный перечень является открытым и включает в себя как некоторые виды отпусков, которые подразумевают неисполнение ряда обязанностей со стороны работника и работодателя, так и отстранение от работы, так как норма, предусмотренная статьей 76 ТК РФ, предполагает неисполнение трудовой функции работником при наступлении соответствующих обстоятельств и неуплату работодателем заработной платы работнику за период его отстранения.

В Федеральном законе от 07.10.2022 №376-ФЗ перечень случаев приостановления трудового договора в отечественном трудовом законодательстве был дополнен приостановлением трудового договора в связи призывом работника на военную службу по мобилизации или заключения им контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации [10]. В таком случае работнику достаточно написать заявления и приложить к ней копии соответствующих подтверждающих документов для приостановления трудового договора с работодателем.

Видится необходимым обратиться к правовой природе приостановления трудового договора для того, чтобы разграничить приостановление трудового договора от смежных правовых конструкций в трудовом праве. По причине непосредственной зависимой связи между трудовым договором и вытекающими из него трудовыми правоотношениями, приостановление договора неизбежно влечет за собой невозможность реализации значительного комплекса прав и обязанностей сторон, в том числе, по выполнению работником трудовой функции и обеспечению работодателем работника работой. Однако, в таком случае, трудовые правоотношения нельзя назвать прекратившимися, так как отдельные права и обязанности сторон, вытекающие из факта заключения трудового договора или него самого продолжают действовать (например, обязанность работника не разглашать коммерческую тайну, материальная

ответственность сторон). Такая природа отношений при приостановлении трудового договора закономерно влечет за собой ряд гарантий для работников на весь его период: сохранение места работы по должности, включение периода приостановления в стаж, невозможность увольнения работника по инициативе работодателя, за исключением случаев, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ [5, с. 139-140]. Более того, приостановление трудового договора подразумевает право работника возобновить свою трудовую деятельность, в то время как работодатель обязан такую возможность предоставить при прекращении обстоятельств, в связи с которыми лицо не могло выполнять свою трудовую функцию, или в силу закона. Таким образом, приостановление трудового договора можно охарактеризовать как «временное приостановление обязанности работодателя обеспечивать работника работой (как входящей в трудовую функцию работника, так и любой другой) в силу причин, указанных в законодательстве, по своей инициативе, или по инициативе работника, или по инициативе третьих лиц» [4, с. 149].

Рассматривая приостановление трудового договора в таком ключе, необходимо отметить, что приостановление трудового договора в связи с призывом работника на военную службу по мобилизации полностью соответствует перечисленным критериям. В частности, ключевой критерии, приостановление обязанности работодателя по предоставлению работы, отражен в ч. 3 ст. 351.7 ТК РФ, в которой прописано, что абсолютно все права и обязанности работника и работодателя, предусмотренные законом, иными нормативными правовыми актами, локальными нормативными актами, коллективными договорами или соглашениями, в отношении друг друга приостанавливаются. В ч. 6 и 7 указанной статьи предусмотрены гарантии, которые соответствуют конструкции приостановления трудового договора, в частности сохранение социально-страховых гарантий работника, полученных до

призыва, учет трудового стажа работника, а также стажа работы по специальности.

На наш взгляд, приостановление трудового договора, хоть и вбирает в себя широкий ряд юридических категорий, является для них лишь родовым. В связи с этим, видится возможной систематизация и классификация различных форм приостановления трудового договора, которые предусмотрены в отечественном трудовом законодательстве, однако не получили соответствующего оформления в рамках единого понятия. Так, Кичигин С. В. высказывал позицию о том, что приостановление трудового договора необходимо отличать от приостановления исполнения трудового договора. Главным отличительным критерием при таком делении является волевой аспект. Приостановление трудового договора как конструкция, впервые введенная в ТК РФ, именно статьей 348.4 подразумевает наличие встречного согласованного волеизъявления сторон, в то время как при остальных видах приостановления трудового договора, отмеченных ранее, такое волеизъявление отсутствует. Исследователем закрепление в норме двустороннего волеизъявления рассматривается как позитивный сдвиг отечественного трудового законодательства от жесткой регламентации и ожидания от государства максимально патерналистского поведения в отношении защиты прав работника к расширению сферы договорного регулирования трудовых отношений, когда обе стороны, действуя своей волей и в своем интересе, осознанно принимают решения [9, с. 93-94]. Но в таком ключе приостановление трудового договора с работников, призванным на военную службу по мобилизации, по причине волеизъявления только одной стороны, работника (как это указано в ч. 2 статьи 351.7 ТК РФ) будет являться приостановлением именно исполнения трудового договора, что, исходя с приведенного критерия, выступает уже известной науке трудовой конструкции.

Однако приостановление трудового договора в связи с мобилизацией работника обладает рядом специфических уникальных черт, которые требуют

детального рассмотрения. В частности, особый интерес вызывает ч. 5 ст. 351.7 ТК РФ, которая предусматривает обязанность работодателя перед днем приостановления действия трудового договора выплатить работнику заработную плату и все причитающиеся ему выплаты в полном объеме за отработанное время. Схожая формулировка предусмотрена статьей 140 ТК РФ, которая регулирует сроки расчета с работником при увольнении. Толкуя данное положение во взаимосвязи с нормами об исчислении отпусков, можно предположить, что рабочий год в рамках, которого работник имеет право на ежегодный основной оплачиваемый отпуск прерывается без дальнейшего возобновления, так как формально действия, совершаемые работодателем по выплате всех причитающихся сумм, подразумевают прекращение их дальнейшего исчисления в рамках уже начатого отчетного периода. Так, можно заключить, что приостановление трудового договора в связи с призывом работника на военную службу по мобилизации в аспекте исчисления отпусков представляет собой прекращение данных трудовых отношений и возобновление их вновь уже в новой форме, схожей с заключением трудового договора. Существенной особенностью в таком случае будет являться отсутствие необходимости в фактическом расторжении старого трудового договора и заключения нового. Такое изменение прав и обязанностей сторон трудового договора при приостановлении его действия с мобилизованным работником позволяют судить о самом приостановлении как о правоизменяющем юридическом факте.

Данное суждение может быть подтверждено ч. 9 ст. 351.7 ТК РФ, в соответствии с которой работник после возобновления действия трудового договора может воспользоваться правом на ежегодный оплачиваемый отпуск в удобное для него время независимо от стажа работы у работодателя. Оговорка о стаже, вполне возможно, была сделана для того, чтобы новая норма не вступала в противоречие с ч. 2 ст. 122 ТК РФ, предусматривающей перечень лиц,

обладающих правом на предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска до истечения шести месяцев непрерывной работы, так как часть 1 статьи 121 ТК РФ была дополнена новым периодом, при котором стаж работы, дающий право на ежегодный оплачиваемый отпуск идет в учет, – периодом приостановления трудового договора в соответствии со статьей 351.7 ТК РФ. В противном случае мобилизованный работник, возобновивший действие трудового договора мог бы воспользоваться правом на ежегодный оплачиваемый отпуск только по истечении шести месяцев нахождения на военной службе и (или) непрерывной работы.

В силу указанного императивного предписания в ч. 9 ст. 351.7 ТК РФ работодатель должен обеспечить возможность работника реализовать свой отпуск независимо от того, сколько времени он отсутствовал на работе по причине призыва на военную службу, что в исключительном случае создает возможность выйти в два ежегодных оплачиваемых отпуска в кратчайшие сроки, что, в свою очередь, возможно только в период незадолго до и после начала нового рабочего года, коим рубежом и является приостановление трудового договора с работником, призванным на военную службу по мобилизации.

Нововведение было включено в главу 55 ТК РФ «Особенности регулирования труда других категорий работников». Законодатель, предусматривая специальное регулирование в отношении мобилизованных работников и указывая ее в соответствующей главе, создает новую категорию работников – работник, призванный на военную службу по мобилизации. Вполне возможно, эта норма предусмотрена как дополнительная социальная гарантия для данной категории работников, что, на наш взгляд, является справедливым решением отечественного законодателя. Стоит отметить, что формулировка ч. 9 ст. 351.7 ТК РФ по своему характеру предоставления отпуска схожа с положениями статьи 260 ТК РФ, что лишний раз доказывает стремление

законодателя защитить работника путем предоставления дополнительного времени на физическое и психическое восстановление.

Нельзя не отметить определенное сходство новой нормы со статьями 170 ТК РФ. И при выполнении государственных или общественных обязанностей, и при призыве работника на военную службу по мобилизации работодатель обязан освободить работника от работы и сохранить за ним место работы и должность. Сходство можно проследить и в причинах освобождения. Работник привлекается к выполнению возложенных на него законом, общественным долгом обязанностей: привлечение в качестве свидетеля по уголовному делу, привлечение в качестве эксперта при проведении государственного или муниципального контроля, а также призыв на военную службу по мобилизации. То есть исходя из телеологического толкования, можно предположить, что норма, предусмотренная статьей 351.7 ТК РФ, является специальным регулированием по отношению к статье 170 ТК РФ, которая также преследует в качестве основной цели создание гарантий для лиц, выполняющих конституционные обязанности и общественный долг гражданина. В таком контексте норма, предусмотренная статьей 351.7 ТК РФ, на наш взгляд, вполне органично вписывается в концепцию приостановления трудового договора по инициативе третьих лиц, которая описывалась Л. Ю. Бугровым, так как общая для нее норма регулирует одну из форм приостановления трудового договора, выделенных исследователем [3, с. 121].

Таким образом, приостановление трудового договора в связи с призывом работника на военную службу по мобилизации является совершенно новой по своей технико-юридической конструкции, вбирающей в себя элементы различных самостоятельных норм трудового права и регулирующей трудовые правоотношения с категорией работников, призванных на военную службу по мобилизации, формой приостановления действия трудового договора по инициативе третьих лиц.

Список литературы:

1. Балицкий, К. С. Развитие трудовправовой конструкции перевода работника на другую работу / К. С. Балицкий // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2015. № 5. С. 50-58.
2. Бондарев, А. И. Функциональное назначение юридических фактов трудового права / А. И. Бондарев // За права трудящихся! Приоритетные направления развития законодательства о труде и социальном обеспечении: материалы седьмой Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 16–17 декабря 2021 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2021. С. 26-27.
3. Бугров Л. Ю. Приостановление трудового договора / Л. Ю. Бугров // Российский юридический журнал. 2009. № 1(64). С. 112-124.
4. Вишнякова М. А. Статика и динамика трудовых правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6 (55). С. 145-150.
5. Вишнякова, М. А. Приостановление трудового договора: правовая сущность и перспективы правоприменения / М. А. Вишнякова // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 4. С. 137-143.
6. Головина, С. Ю. Терминологическая неопределенность в трудовом праве: причины возникновения и пути устранения / С. Ю. Головина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2(289). С. 53-62.
7. Игбаева Г. Р., Шакирова З. Р. Признаки приостановления трудового договора как его стадии / Г. Р. Игбаева, З. Р. Шакирова // Евразийская адвокатура. 2016. №4 (23). С. 38-40.
8. Избиенова Т. А., Целищев А. А. Приостановление трудового договора как механизм обеспечения «стабильности» трудовых отношений // Трудовое право. 2009. №8. С. 86.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

9. Кичигин, С. В. Приостановление действия и приостановление исполнения трудового договора / С. В. Кичигин // Актуальные проблемы российского права. – 2020. Т. 15. № 4(113). С. 91-98.

10. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон №376-ФЗ от 07.10.2022 // Собрание законодательства РФ, N 41, 10.10.2022, ст.6938.

УДК 349.3

Степанов Кирилл Алексеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

minerality@yandex.ru

Stepanov Kirill

Ural State Law University

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПОНЯТИЙНОГО
АППАРАТА ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ:
ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ НЕДОСТАТОК
ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ**

Аннотация: в настоящей работе проводится анализ понятийного аппарата отдельных институтов права социального обеспечения. В ходе исследования особое внимание уделяется проблеме излишнего терминологического разнообразия понятийного аппарата, рассматриваются коллизии, вытекающие из данной проблемы. Указываются выявленные терминологические и правоприменительные проблемы на основании которых автором делается вывод о состоянии и проблемах социально-обеспечительного законодательства.

Ключевые слова: право социального обеспечения, понятийный аппарат, пособие, межотраслевое взаимодействие, компенсации, терминология.

**TERMINOLOGICAL DIVERSITY OF THE CONCEPTUAL APPARATUS
OF SOCIAL SECURITY LAW: OBJECTIVE NECESSITY OR LACK OF
LEGAL TECHNIQUE**

Annotation: this paper analyzes the conceptual apparatus of individual institutions of social security law. In the course of the study, special attention is paid to the problem of excessive terminological diversity of the conceptual apparatus, the collisions arising from this problem are considered. The identified terminological and law enforcement problems are indicated, on the basis of which the author draws a conclusion about the state and problems of social security legislation.

Key words: social security law, conceptual framework, allowance, intersectoral interaction, compensation, terminology.

В процессе анализа действующего законодательства о социальном обеспечении можно выявить тенденцию достаточно частых изменений, которые характеризуются хаотичностью и бессистемностью, что проистекает, прежде всего, из нарушения логической связи между некоторыми правовыми категориями, которые могут совершенно по-разному использоваться и толковаться законодателем. Область социальных выплат также подвержена данной негативной тенденции, которая получила наибольшее распространение в рамках понятийного аппарата. В результате множественных расхождений в понятийном аппарате мы можем наблюдать общее падение качества нормативно-правового регулирования, законодательной и правоприменительной деятельности в целом.

Целью настоящей работы является наиболее полно и широко рассмотреть проблему недостаточной терминологической проработки понятийного аппарата и предложить пути ее разрешения.

Следует сказать, что проблема недостаточной терминологической проработки, отсутствия терминологического единства охватывает не только рассматриваемую нами в настоящей работе отрасль права. Но, несмотря на системность рассматриваемой проблемы, в последнее время отмечаются

положительные изменения в российской законодательной и правоприменительной деятельности [1, с. 215].

Возвращаясь к более подробному рассмотрению «терминологических коллизий», можно выделить основную проблему, которая является актуальной для действующего в настоящий момент правового регулирования — обозначение схожих или одинаковых явлений различными словосочетаниями, что, безусловно, нарушает принцип терминологического единства. Данной «коллизии» подвержено и законодательство о социально-обеспечительных мерах, в котором наблюдается отсутствие точности и ясности в применяемых определениях, что порождает множественное толкование некоторых положений.

Определяя важность полноты и точности терминологической проработки, следует помнить об одном из главных свойств понятийного аппарата — системности. «Понятийный аппарат не просто набор терминов и их определений, а совокупность взаимоувязанных, согласованных и соподчиненных понятий, каждое из которых имеет свои место и назначение. При этом он обладает системообразующими признаками, т.е. представляет собой структурно упорядоченное целостное единство отдельных элементов — понятий, категорий и терминов» [2, с. 72]. Данная позиция поддерживается Е. А. Силкиной, которая в своей работе делает вывод о важности учета исторической традиции использования устоявшихся терминов [3, с. 58].

Следует также подчеркнуть и то, что понятийный аппарат — это логически связанная система понятий, которые являются взаимно определяющими, зависимыми друг от друга. При этом, при интерпретации определенного понятия, прочие накладывают на него некоторые ограничения [4, с. 72].

К сожалению, понятийный аппарат, используемый законодателем в настоящее время применительно к социальным выплатам, характеризуется бессистемностью [5, с. 198].

В рамках отраслевых принципов права социального обеспечения традиционно выделяется принцип единства и дифференциации, который в полной мере можно отнести и к дифференциации видов социального обеспечения, ее особенности также отмечались исследователями [6, с. 8-12; 7, с. 138-140].

Увеличение видов социального обеспечения, а вместе с ним и объема понятийного аппарата, взяло своё начало с середины 1990-х годов. Появление в праве таких видов социального обеспечения, как компенсаций и страховых выплат, а позже, субсидий и материнского семейного капитала, безусловно, явилось толчком к развитию «терминологических коллизий» ввиду того, что многие из понятий, появившихся в вышеназванный период, можно было отнести к новым лишь формально, многие из них обозначали традиционные виды социального обеспечения, что, в некоторой мере, заложило основу отсутствия терминологического единства в данной отрасли права.

Отсутствие единообразия используемых терминов, понятий, необходимых определений, общее «размывание» базисных понятий, путём введения новых аналогичных или даже дублирующих терминов – все эти недостатки понятийного аппарата, характерные, как уже говорилось ранее, для отрасли в целом и для обозначения видов социального обеспечения, в частности, неоднократно поднимались и рассматривались в литературе [8, с. 130-131]. Тем не менее, значительных изменений в данном аспекте не отмечается и на настоящий момент [9, с. 154, 157].

Рассматривая конкретные недостатки понятийного аппарата, следует, прежде всего, обратить внимание на отсутствие в нормативных правовых актах легального определения понятия «пособие». В федеральном законодательстве особое место занимают статьи, определяющие дефиниции используемых в акте понятий. Стоит отметить, что в большинстве нормативных актов права социального обеспечения дается лишь перечисление видов пособий: по

временной нетрудоспособности, ежемесячное пособие по уходу за ребенком и др., но не дается их нормативное определение. Как следует из части 2 статьи 1.2 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. №255-ФЗ (с изм. на 26 мая 2021 г.) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», в иных актах термин «пособие» может применяться «в том значении, в каком он используется в других законодательных актах Российской Федерации», однако, в российском законодательстве наблюдается отсутствие единого понимания данного термина, что порождает рассматриваемую в настоящей работе проблему.

Между тем, в ст. 1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. №178-ФЗ (с изм. на 8 марта 2022 г.) «О государственной социальной помощи» содержится дефиниция «социального пособия», как разновидности государственной социальной помощи, тем не менее и в данном нормативном правовом акте также не определено общее понятие «пособия».

В науке имеется и расширительный подход, при котором социальные пособия могут рассматриваться не только в рамках государственной социальной помощи. Так, например, некоторые ученые выделяют социальные и страховые пособия, относя к первым пособия, выплачиваемые из бюджетных средств, а ко вторым, пособия, выплачиваемые за счёт средств внебюджетных фондов [10, с. 65]. Существует и иная точка зрения, называя эти две категории «бюджетными» и «страховыми», оставляя за ними то же содержание, что и предлагалось в вышеназванном исследовании.

Легальное определение понятия «пособие», тем не менее, не приводится ни в одном из имеющихся нормативных правовых актах в сфере социального обеспечения. Несмотря на это, учеными выделяется ряд признаков, характерных для пособий:

- денежная форма;

- периодичность предоставления выплаты (единовременно, ежемесячно, периодически);
- целью является поддержание прежнего материального положения лица (возмещение утраченного заработка и др.).

Прежде всего, формированию и введению дефиниции «пособия» в социально-обеспечительное законодательство мешает постоянное пополнение понятийного аппарата новыми терминами, которые, зачастую, не учитывают уже существующие положения и дефиниции, сформировавшиеся в науке социального обеспечения. Так, например, в Указе Президента РФ от 26 декабря 2006 г. №1455 (с изм. на 31 декабря 2014 г.) «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами», встречается терминология «компенсационных выплат», а в Указе Президента РФ от 26 февраля 2013 г. №175 (с изм. на 7 марта 2019 г.) «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы», используется понятие «ежемесячные выплаты». В данных актах приведенные термины дублируют уже существующее регулирование, порождая излишнее терминологическое разнообразие, не несущее за собой никакой правоприменительной или научной пользы, а лишь выявляя недостаток юридической техники, что, безусловно, негативно сказывается на качестве понятийного аппарата отрасли права социального обеспечения в целом.

Обратившись же к более поздним актам, следует сказать, что ситуация не улучшилась. Выплаты получают описательные, но, увы, не содержательные названия. Подобную практику мы можем наблюдать в Указе Президента РФ от 20 марта 2020 г. №199 (с изм. на 10 марта 2021 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и Указе Президента РФ от 7 апреля 2020 г. №249 (с изм. на 11 мая 2020 г.) «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». Очевидно, что в названии данных указов характеристика мер поддержки терминами «социальная» и

«государственная» носит лишь описательный характер, с целью устранения «дублирования» названий нормативных правовых актов, но не отражает общей сущности принятых актов.

Также, рядом нормативных правовых актов, в частности: Федеральным законом от 28 декабря 2017 г. №418-ФЗ (с изм. на 29 декабря 2020 г.) «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», Указом Президента РФ от 20 марта 2020 г. №199 (с изм. на 10 марта 2021 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», Указом Президента РФ от 10 марта 2021 г. №140 «О некоторых вопросах, связанных с осуществлением ежемесячной денежной выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. №199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» была введена новая форма выплат, названная «денежными выплатами». В результате анализа можно сделать вывод о том, что по ряду признаков данные выплаты можно отнести к категории пособий. То есть, мы опять же можем наблюдать ничем не обоснованное увеличение понятийного аппарата, несущего в себе больше «эстетическую», чем практическую функцию.

В результате анализа вышеназванных актов можно прийти к выводу о том, что все упомянутые в них выплаты можно отнести к пособиям. Прежде всего, на основе характерных для последних черт, выделяемых учеными в доктринальных определениях. При этом, важно отметить, что характер источника правового регулирования не является основанием для обособления данных видов социального обеспечения, предоставляемых в денежной форме, в особую подгруппу.

Продолжая тему излишнего дублирования в понятийном аппарате, следует рассмотреть случай неверного толкования и употребления терминологии. Так, в статьях 19 и 20 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. №157-ФЗ (с изменениями на 2 июля 2021 г.) «Об иммунопрофилактике инфекционных

болезней» закреплено следующее: «при возникновении поствакцинального осложнения, с учетом тяжести его последствий, гражданину предоставляются денежные выплаты», при этом, одна из которых, единовременная, названа «пособием», а другая, ежемесячная, – «компенсацией». В данном случае толкование термина «компенсация» видится отличным доктринального и скорее относится к «цивилистическому», т.е. толкуется как выплата, направленная на восстановление имущественной сферы при посягательствах на нематериальные блага [11, с. 107].

Обращаясь же к доктринальному пониманию компенсационных выплат, следует отметить, что оно сформировалось под влиянием положений трудового права и понимается как выплаты, возмещающие затраты, фактически понесенные лицом, взамен социального обеспечения в натуральной форме [12, с. 28]. Именно в таком значении данное понятие употребляется, например, в статье 11 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. №181-ФЗ (с изменениями на 28 июня 2021 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: «...если инвалид приобрел соответствующее техническое средство реабилитации и (или) оплатил услугу за собственный счет, ему выплачивается компенсация в размере стоимости приобретенного, но не выше установленного законом лимита». Там же указано, что отказ инвалида от реализации индивидуальной программы не дает ему права на получение компенсации в размере стоимости реабилитационных мероприятий, предоставляемых бесплатно.

Продолжая рассматривать доктринальное понятие «компенсации», следует сказать и о производном характере компенсационного правоотношения. Так, немного отходя от излишне широкого понимания «первичного» правоотношения, видится разумным в роли объекта компенсации рассматривать непосредственно натуральную форму социального обеспечения, вместо реального предоставления которого она выплачивается.

Таким образом, проанализировав доктринальные положения можно выделить некоторые признаки компенсаций и компенсационных выплат, как разновидности денежных выплат в рамках социального обеспечения. К таковым относятся:

1) Направленность компенсационных выплат на полное или частичное возмещение фактически понесенных расходов. Как правило, данные расходы должны подтверждаться, но есть и некоторые исключения.

2) Компенсационные выплаты предоставляются взамен натурального вида обеспечения. При этом, важно отметить, что получатель выплаты должен обладать правом на натуральный вид обеспечения.

Важно отметить, что данные признаки нельзя назвать бесспорными. Так, компенсации могут выступать в качестве замены утраченного заработка или же, например, возмещать гипотетические траты за утраченное здоровье. Примером возмещения таких затрат может выступать ряд компенсаций, предоставляемых лицам, которые были подвержены воздействию радиации при определенных обстоятельствах, означенных в нормативных правовых актах.

Обращаясь к исключительным случаям, когда закон не требует подтверждать фактически произведенных расходов, стоит отметить, что такая практика несколько нивелирует различия между компенсациями и пособиями, частично исключая отличительный признак компенсационной выплаты. В качестве примера такого исключения может быть приведена норма Федерального закона от 24 ноября 1995 г. №181-ФЗ (с изменениями на 28 июня 2021 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Так, часть 16 статьи 11.1 устанавливает ежегодную денежную компенсацию расходов на содержание и обслуживание собак-проводников. В данной части следует отметить тот факт, что закон презюмирует, затраты на собаку-проводника, признает их неизбежность. Исходя из этих фактов и была установлена периодически индексируемая сумма возмещения. Тем не менее, данная выплата

является отличной от пособия по тому основанию, что она входит в федеральный перечень реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, который утвержден Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2005 г. № 2347-р.

Таким образом, следует сказать, что законодательство о социальном обеспечении в некоторых нормативных правовых актах достаточно полно и последовательно использует понятийный аппарат, в частности, термин «компенсация» в Федеральном законе от 24 ноября 1995 г. №181-ФЗ (с изменениями на 28 июня 2021 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», рассматриваемом выше, был употреблен и раскрыт правильно, в соответствии с доктринальным его толкованием. Но, к сожалению, данная характеристика не относится к социально-обеспечительному законодательству в целом, как было указано ранее, в Федеральном законе от 17 сентября 1998 г. №157-ФЗ (с изменениями на 2 июля 2021 г.) «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» термин «компенсация» употребляется неуместно, в отличном от доктринального понимании.

Ещё одним подобным примером ошибочного терминологического толкования является применение в Федеральном законе от 12 января 1996 г. №8-ФЗ (ред. с 1 января 2022 года) «О погребении и похоронном деле» наименования «пособия» к денежной выплате, направленной на возмещение расходов, фактически понесенных лицом, не воспользовавшимся услугами по погребению, оказание которых гарантируется на безвозмездной основе.

Учитывая все вышеописанные недостатки действующего законодательства о социальном обеспечении следует сказать о том, что, на настоящий момент, оно не позволяет выделить определения понятий «пособие» и «компенсация», а равно не способно в полной мере выделить критерии, которые позволяют дифференцировать данные понятия от иных видов социального обеспечения в денежной форме.

В научной литературе отмечается, что многие авторы и специалисты не в состоянии предложить юридически значимые критерии, которые можно было бы выявить, исходя из анализа действующих правовых норм [13, с. 12]. Большинство авторов относят к наиболее ярким чертам компенсации, следующие:

1) Характер источника правового регулирования, оперативно реагирующего на появление нового социального риска [14, с. 24-45]. Тут следует также отметить, что состоятельность данной позиции была поставлена под сомнение ранее, при рассмотрении понятийного аппарата, используемого при издании соответствующих указов Президента.

2) Незначительный размер компенсационных выплат [15, с. 159].

Все вышеперечисленное приводит к тому, что в учебной литературе перестают выделяться разделы о видах социального обеспечения [16, с. 225-232], также исчезают какие-либо критерии дифференциации денежных выплат, которые предоставляются в рамках социального обеспечения. Между тем, ряд авторов отмечает значение видов социального обеспечения как института общей части права, а также как основания для классификации подразделений особенной части права социального обеспечения [17, с. 49-59]. Всё это позволяет прийти к выводу, что описываемая в статье проблема является важной для отрасли права в целом.

Подводя итоги работы, следует сказать, что в социально-обеспечительном законодательстве на данный момент наблюдается необоснованное расширение терминологии в части социальных выплат. Эти «законодательные нововведения» нельзя рассматривать как продиктованные «объективной необходимостью», а скорее следует трактовать как недостаток юридической техники со стороны законодателей. Данный вывод следует из того обстоятельства, что «под разнообразием юридических терминов, зачастую скрывается единая правовая природа, что порождает бесчисленное

дублирование одного и того же понятия», что, конечно, негативно сказывается на нормативно-правовом регулировании и на правоприменении в целом.

Каждый элемент системы может существовать лишь в том случае, если он специализирован, выполняет особые функции, которые необходимы для функционирования всей системы [18, с. 37]. Введение же законодателем «новых» терминов в отрасль права социального обеспечения не согласуется с его внутренней структурой, не учитывает существующие и устоявшиеся доктринальные положения права, тем самым препятствуя системному регулированию аппарата социально-обеспечительных выплат.

Список литературы:

1. Маматказин И. Р. Юридические конструкции компенсационных правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 212-217.
2. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 180 с.
3. Силкина Е. А. Вопросы терминологии в праве социального обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 205 с.
4. Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 120 с.
5. Бабина А. И. Социальное обеспечение детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, а также семей с такими детьми // За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения: материалы Шестой Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 09–10 декабря 2020 года / Под общей ред. Ю.В. Иванчиной, Е.А. Истоминой. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2021. С. 197-199.

6. Антипьева Н. В. Единство и дифференциация правового регулирования как принцип социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. №3 (21). С. 8-16.
7. Евстигнеева Л. А. Принципы права социального обеспечения: в преддверии кодификации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. №2 (16). С. 138-144.
8. Гусева Т. С. Использование российским законодателем новой терминологии для обозначения социальных выплат: объективная необходимость или недостаток юридической техники // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1. С. 126-132.
9. Миронова Т. К. Новации в понятийном аппарате права социального обеспечения и их влияние на предмет отрасли // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9(82). С. 153-162.
10. Смирнова Н. Л. Пособия по временной нетрудоспособности как вид страхового обеспечения по праву социального обеспечения современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 222 с.
11. Краснова С. А. Проявления компенсационного воздействия в гражданском праве и праве социального обеспечения: сравнительно-правовой анализ // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сборник статей всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. С. 103-109.
12. Адриановская Т. Л. Компенсации в праве социального обеспечения и в трудовом праве // Социальное и пенсионное право. 2014. № 4. С. 27-30.
13. Гусева Т. С. Правовая природа компенсационных выплат в праве социального обеспечения России // Социальное и пенсионное право. 2011. № 3. С. 11-13.

14. Институт социальных пособий и компенсаций в Российской Федерации: генезис правового регулирования: научно-практическое пособие / отв. ред. Н. В. Антонова. Москва: Проспект, 2021. 192 с.
15. Цветков С. Б. Право социального обеспечения: учеб. пособие. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2009. 199 с.
16. Право социального обеспечения: учебник для вузов. / Е. Е. Мачульская. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 441 с.
17. Право социального обеспечения: учебник и практикум для вузов. / И. В. Григорьев, В. Ш. Шайхатдинов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022. 428 с.
18. Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М.: Мысль, 1976. 188 с.

УДК 349.2

Степанов Кирилл Алексеевич

Кушнарев Александр Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

minerality@yandex.ru

kushnarev-02@list.ru

Stepanov Kirill

Kushnarev Alexander

Ural State Law University

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: в данной работе автором рассматриваются основные вопросы, связанные с все большим распространением искусственного интеллекта во всех сферах нашей жизни, а также влияние данного явления на сферу труда. Изучаются особенности имплементации искусственного интеллекта в современное право, анализируются позиции отечественных и зарубежных исследователей по данному вопросу. Рассмотрены перспективы и проблемы реализации корректировки нормативных правовых актов в сфере использования искусственного интеллекта в трудовых и иных, непосредственно связанных с ними, отношениях.

Ключевые слова: трудовое право, цифровизация, дистанционная работа, искусственный интеллект, трудовые отношения.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF LABOR: TRENDS, PROBLEMS, DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation: in this paper, the author examines the main issues related to the increasing spread of artificial intelligence in all spheres of our life, as well as the impact of this phenomenon on the sphere of work. The features of the implementation of artificial intelligence in modern law are studied, the positions of domestic and foreign researchers on this issue are analyzed. The prospects and problems of implementing the adjustment of regulatory legal acts in the field of the use of artificial intelligence in labor and other relations directly related to them are considered.

Key words: labor law, digitalization, remote work, artificial intelligence, labor relations.

Искусственный интеллект (далее - ИИ) является актуальной сферой, которая, в настоящий момент, стремительно занимает руководящие, приоритетные направления в жизни современного общества. Следует сказать, что такое стремительное развитие, безусловно, новой для права сферы, несёт за собой и множество правовых казусов. Например, актуально рассмотрение вопросов о правовом статусе ИИ, возможностях в различных отношениях, этических ограничений и прочих вопросов, которые возникают параллельно с внедрением в нашу жизнь данного субъекта.

Все эти вопросы можно с уверенностью назвать актуальными и для отрасли трудового права. Известно, что в обществе уже давно идут обсуждения о возможном вытеснении работников ряда отраслей искусственным интеллектом, наложении на работников излишних этических ограничений или появлении новых систем, обучение работе с которыми может занять достаточно большой промежуток времени и создать риски повышения безработицы на рынке труда. Стоит отметить и вопрос достаточно «размытой» правовой регламентации данного субъекта.

Проанализировав события 2020 и 2021 годов, следует сказать, что вызовы, с которыми столкнулось общество, ощутимо повлияли на все общественные отношения. Пандемия дала толчок усиленному развитию и массовому использованию цифровых технологий, перевела рабочую деятельность в дистанционную форму, также было введено достаточно много законодательных норм, которые урегулировали цифровые аспекты труда и связанные с этим технологии.

Для работодателей данная ситуация стала поводом для углубления в процесс цифровизации. В частности, особое внимание обращалось на тот факт, что ИИ в последние годы получил широкое распространение, успешно проводились испытания ИИ в различных сферах. Данная политика развития получила своё закрепление и в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» где в качестве одной из национальных целей указана цифровая трансформация общества. Всё это, безусловно, можно назвать положительным моментом в развитии цифровизации российского общества. Между тем, стоит помнить о проблеме недостаточной правовой регламентации данной сферы.

Рассматривая вопрос о сферах применения искусственного интеллекта, следует отметить, что они весьма разнообразны.

Так, 8 мая 2020 г. Министерство экономического развития России поддержало тестирование беспилотных автомобилей без водителя для подстраховки. Уже в ближайшее время возможно разрешить коммерческую эксплуатацию на российских дорогах общего пользования беспилотных автомобилей без водителя за рулем, а также их тестирование без присутствия инженера в салоне на ограниченных территориях. Использование цифровых технологий в области транспорта и особенно грузоперевозок позволяет экономить более 150 млрд долл. в год благодаря внедрению роботизированного управления техникой [1, с. 31].

Юриспруденция также перенимает тенденцию и успешно входит в процесс цифровизации, в частности, можно наблюдать развитие системы электронного правосудия с 2015 года, а Сбербанк России, и вовсе, внедрил в свою работу ИИ, который способен самостоятельно разрешать правовые вопросы, в частности, составлять исковые заявления. А в медицинской сфере применение ИИ возможно при отслеживании и дальнейшем анализе состояния пациента, выполнении ряда операций или диагностических процедур. В целом, как отмечалось ранее, развитие цифровых технологий и ИИ, в частности, будет способствовать автоматизации практически всех процессов, повышению качества оказываемых услуг, производимых товаров и выполняемых работ.

Что же касается правовой регламентации, то согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ» под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. При этом отдельно отмечается, что имитация включает самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма.

Следует отметить, что выделяются отличные от позиции российского законодателя точки зрения. В частности, в Европейском Парламенте придерживаются иного мнения, считая, что термина «искусственный интеллект» не существует на данный момент как на техническом, так и на правовом уровне. Обосновано данное суждение тем, что искусственный интеллект не обладает полной автономией воли, сознания и т.п., что по мнению специалистов делает применение данного термина преждевременным, достаточно широко определяющим обозначаемый субъект. Более корректным видится выделение лишь некоторых признаков, которые характерны для отнесения того или иного устройства к ИИ:

- 1) получение автономии при помощи датчиков, которые позволяют обмениваться опытом с окружающей средой;
- 2) самообучение;
- 3) минимальная физическая поддержка;
- 4) отсутствие признаков жизни, характерных для биологических систем.

Не теряет своей актуальности и вопрос о том, чем же является ИИ – субъектом или объектом трудовых правоотношений? Следует сказать, что существует два подхода к данному вопросу:

1) ИИ должен быть объектом трудовых отношений. Ответственность за их труд должна возлагаться на работодателя, в интересах которого выполнялась работа. Достаточно интересное исследование было проведено одним из профессоров университета Льежа Н. Пети, в котором он приходит к выводу, что искусственный интеллект, несомненно, должен быть объектом правоотношений. Одним из оснований, приведенным в исследовании, являлась ликвидация возможной дискриминации роботами-работниками работников-людей [2, с. 78-80].

2) ИИ должен выступать как субъект трудовых правоотношений. Данной точки зрения, к примеру, придерживается профессор Оксфордского университета Хорст Айденмюллер. В своём исследовании он делает вывод о том, что если ИИ - прототип человека, то он и должен быть субъектом правоотношения и должен иметь все те права и обязанности, что и обычный работник-человек [3, с. 5].

Также, на одном из заседаний Европейского Парламента было предложено наделить ИИ особым правовым статусом «электронное лицо» с целью возложения на него ответственности за труд [4, с. 38].

Автор настоящей статьи придерживается позиции Хорста Айденмюллера и также считает ИИ субъектом правоотношения. Несмотря на то, что в настоящий момент он не обладает полной автономией воли, сознания и прочими

«субъектными» признаками, тем не менее, уровень развития технологий в настоящий момент позволяет говорить о том, что появление у ИИ данных признаков в ближайшем будущем возможно, а значит, необходимо будет соответствующее регулирование.

Не менее актуальным является вопрос, касающийся рисков появления ИИ в трудовом праве. Следует отметить, что по данному вопросу было проведено множество исследований. Так, физические риски, связанные с роботизацией производства, были подробно рассмотрены в технических стандартах ISO, а отчет Европейского агентства по безопасности и гигиене труда «Прогноз новых и возникающих рисков для безопасности и гигиены труда, связанных с цифровизацией, к 2025 году» показывает, что роботы помогут человеку освободиться от тяжёлого физического и вредного труда.

Следует отметить, что на данный момент психосоциальные риски, которые могут возникнуть при появлении ИИ в трудовых правоотношениях, не урегулированы. Например, к таковым можно отнести опасность несчастного случая и риск насилия на рабочем месте, неравное обращение, издевательства и притеснение на работе; работа, не соответствующая способностям работника, а также прочие факторы, связанные с управлением, рабочим режимом и рабочей средой, которые могут повлиять на психическое и физическое здоровье работника, а также вызвать рабочий стресс. Безусловно, данные риски следует дифференцировать не только по отношению к человеку, но и к ИИ. При урегулировании данных рисков следует помнить о важности сохранения в конструкции норм их гибкости и специального характера правового регулирования [5, с. 669]. Работа в данном направлении ведётся и имеются основания предполагать, что в скором времени мы увидим результаты этих исследований и принятые в соответствии с ними документы.

Выдвигаются и некоторые научные проблемы, которые предстоит решить в процессе внедрения искусственного интеллекта в нашу жизнь. В частности,

одной из таких проблем является создание «сильного» (универсального по своей сути) ИИ, который будет способен выполнять все задачи, подобно человеку.

В сфере трудового права такой «сильный» ИИ может рассматриваться как фактор возникновения безработицы, ввиду его повсеместного применения, связанной с высокой производительностью труда. Следует также отметить, что особой проблемой будет являться определение места ИИ среди субъектов трудового права. Рассмотрим данные вопросы несколько подробнее.

Вопросы наделения роботов, которые оснащены ИИ, статусом, который был бы близок статусу человека уже давно обсуждаются в научном сообществе. Следует отметить, что в настоящее время подобные вопросы обретают всё большую актуальность.

Так, в 2016 г. миру был представлен человекоподобный робот София, способный имитировать около 60 выражений лица. София могла поддерживать зрительный контакт, давать интервью. В 2017 г. она была награждена гражданством страны Саудовская Аравия [6].

Продолжая рассматривать различные точки зрения, касающиеся вопроса регулирования статуса ИИ, следует более подробно рассмотреть отдельные аспекты каждого из предлагаемых «статусов».

Если рассматривать наделение роботов статусом физического лица, то в таком случае они должны обладать волевым компонентом. Некоторые авторы приходят к выводу о том, что ИИ обладает волей в гражданско-правовом смысле. Даже если предположить, что ИИ обладает волей, интеллектом и автономностью, то, всё же, достаточно сложно признать за искусственным интеллектом деликтоспособность физического лица, поэтому многие ученые сближают его статус со статусом юридического лица и предлагают использовать по аналогии или слегка трансформировать законодательство о юридических лицах применительно к роботам [7, с. 165].

Есть и иная точка зрения по данному вопросу. В частности, некоторые ученые-правоведы рассматривают возможность введения для такого субъекта права специальной конструкции электронного лица, что в 2016 г. и было предложено Европарламентом. Следует сказать, что данный статус должен применяться только к роботам, которые оснащены «сильным» ИИ, а также, взаимодействуют с третьими лицами независимо, без какого-либо контроля со стороны операторов и иных лиц. Также, согласно отчёту, который был представлен Европарламентом, такие роботы должны обладать способностями к самообучению, адаптации к активно изменяющейся обстановке и обмену данными с окружающей их средой [8, с. 3].

Вторую концепцию поддерживает и профессор Х. Айденмюллер, считая, что введение в законодательство института электронного лица позволяет возложить на роботов ответственность за причиненный вред, да и в целом наделить роботов правосубъектностью.

Также, уместно привести пример подобной инициативы от отечественного законодателя. В частности, так называемый законопроект Гришина предлагал введение в российское законодательство такого субъекта как «робот-агент», который бы нес ответственность за свои действия и даже мог бы обладать обособленным имуществом.

Вопрос ответственности такого субъекта приобретает актуальность ввиду участившихся случаев причинения ущерба имуществу, жизни и здоровью в результате применения таких технологий [9, с. 28-29]. В пример можно привести ДТП с участием автомобиля Tesla, который управлялся ИИ. В результате неверной оценки рисков автопилотом была допущена ошибка ценой за которую стала жизнь водителя. Количество подобных случаев, к сожалению, возрастает, поэтому особенно важно регламентировать вопрос об ответственности подобных субъектов.

По мнению автора, ответственность ИИ за какие-либо действия возможна лишь при достижении таким субъектом определенного уровня развития, наличия автономия сознания, воли и иных факторов, присущим субъектам правоотношений. На данный же момент, институт ответственности для ИИ видится преждевременным.

Перенося вопрос об ответственности на сферу трудового права, можно прийти к интересному вопросу о распределении ответственности между работником и работодателем, непосредственным руководителем робота и самим ИИ (роботом) [10].

Обратимся к действующему законодательству, чтобы выявить некоторые проблемы и коллизии, которые возникают при рассмотрении такого «особого» субъекта права. Одним из главных признаков трудовых отношений является личное выполнение работником трудовой функции. Именно из данного фундаментального принципа следует ряд принципов трудового права, которые призваны защитить работника, который является «слабой стороной» правоотношений. Наделение же, например, умного робота подобным статусом, в соответствии с действующим отечественным законодательством, создаст множество противоречий. Например, в нашей стране, некоторые права и льготы обусловлены именно личным характером труда. Безусловно, роботы не могут быть получателями подобных льгот, да и, к тому же, даже если рассматривать вытеснение некоторых профессии ИИ, то не следует забывать, что останется персонал, необходимый для контроля за исправностью ИИ и прочие сотрудники, что, несомненно, не способно исключить принцип личного характера прав и обязанностей работника, а также, каким либо образом применить его к роботу, обладающему ИИ.

Следующим вопросом, который возникает при рассмотрении перспектив применения ИИ в сфере труда – вопрос потенциальной масштабной безработицы. По мнению автора, данная проблема несколько

гиперболизирована, представляется, что, как и в результате промышленных революций, которые освободили работников от части изнурительного и тяжелого физического труда, так и внедрение ИИ освободит часть работников от монотонной (рутинной) неинтеллектуальной работы. Данный факт также подтверждается исследованиями и прогнозами крупных аналитиков. Так, например, к 2030 году прогнозируется, что от 2 млн. до 2 млрд. человек могут потерять работу из-за того, что их функции будут выполняться при помощи цифровых технологий [11].

Следует также сказать, что выделяется несколько возможных уровней вовлеченности ИИ в сферу труда:

- 1) облегчение
- 2) автоматизация
- 3) расширение возможностей работника
- 4) полная замена работника

Для примера можно взять работника, который профессионально занимается переводом текстов. При уровне «облегчения» ИИ произведет автоматизацию рутинной работы (например, редактирование формата и пр.), при уровне «автоматизация» большая часть работы по переводу исходного текста выполняется ИИ, а переводчик лишь вносит коррективы, при уровне «расширения возможностей работника» ИИ будет предлагать несколько вариантов фразы при переводе того или иного отрывка текста, но, тем не менее не выполнять работу за переводчика. Уровень «полной замены работника», как представляется, не требует подробного описания, в этом случае актуально использование «сильного» ИИ, который способен к самообучению и быстрой адаптации.

В каждой профессии работодатели вправе сами выбирать уровень применения цифровых технологий, но, следует помнить и о том, что с применением таких технологий придётся выработать требования, которые

будут предъявляться к новым «цифровым» работникам. В свете этого, следует предвидеть трансформацию требований к работникам, которые будут взаимодействовать с ИИ. В частности, актуальным будет знание английского языка, ситуационная адаптивность, навыки командной работы, развитая интуиция, быстрая обучаемость и эмоциональный интеллект.

Безусловно, расширение сферы применения ИИ повлечет за собой сокращение потребности работодателя в привлечении в качестве работников физических лиц (людей). В свете этого важно, чтобы государство уже на данный момент формировало стратегию для решения проблем, которые может повлечь за собой введение широкого применения ИИ в сфере труда. Опираясь же при создании подобной стратегии можно на рекомендации Международной ассоциации юристов по стабилизации трудовых отношений в связи с вышеобозначенными проблемами. Так, предлагается создать список работ, осуществляемых исключительно людьми; определить правила построения взаимоотношений людей и роботов для совместного труда; установить квоты на рабочие места, занимаемые людьми [12, с. 66]. Отмечается, что Российская Федерация соблюдает данные рекомендации, так в п. 19 Стратегии одним из принципов развития и использования ИИ указывается принцип обеспечения права на труд.

Подводя итоги исследования, следует сказать, что все развитые государства осознают, что цифровизация несёт в себе новый уклад жизни, является новой основой для государственного управления, экономики, социальной сферы. Внедрение ее во все сферы — это неизбежный процесс, который пройдут все страны.

В Российской Федерации, на настоящий момент, вопрос применения искусственного интеллекта урегулирован законодательством в неполном объеме. Следует сказать, что в отличие от многих зарубежных стран, где регулирование ИИ выходит на уровень правоприменительной деятельности, в

Российской Федерации обсуждение вопросов внедрения ИИ в данный момент в основном находится на стадии научной дискуссии, а не широкого внедрения в практику, при этом, осуществляется постепенный переход к его полной правовой регламентации и активной законотворческой деятельности по данному направлению.

Список литературы:

1. Филипова И. А. Правовое регулирование труда - 2020: смена парадигмы как следствие цифровизации экономики // Юрист. 2018. № 11. С. 31-35.
2. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 2 (54). С. 75-85.
3. Eidenmueller H. The Rise of Robots and the Law of Humans // Oxford Legal Studies Research Paper. 2017. № 27.
4. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36-55.
5. Степанов К. А. «Белые пятна» института охраны труда на примере микроповреждений (микротравм) // Эволюция российского права: Материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 28–29 апреля 2022 года. 2022. С. 668-673.
6. Vincent J. Pretending to Give a Robot Citizenship Helps No One // The Verge. 2017. October 30. // URL: <https://www.theverge.com/2017/10/30/16552006/robot-rights-citizenship-saudi-arabia-sophia> (дата обращения: 23.12.2021).
7. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157-170.

8. Stefano V. de. «Negotiating the Algorithm»: Automation, Artificial Intelligence and Labour Protection (May 16, 2018) // Comparative Labor Law & Policy Journal. 2019. Vol. 41. № 1.
9. Михалева Е. С., Шубина Е. А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 26-35.
10. Sayarer J. You're Hired - Taking on Robots as Employees. 2017 // URL: http://www.faa.unisg.ch/files/cto_layout/downloads/presse/LexisNexis_You%27re%20hired%20-%20taking%20on%20robots%20as%20employees.pdf (дата обращения: 23.12.2021).
11. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? 2013. September, 17 // URL: https://robo-hunter.com/pdf/The_Future_of_Employment.pdf (дата обращения: 23.12.2021).
12. Филипова И. А. Искусственный интеллект и трудовые отношения: социальные перспективы и тенденции правового регулирования // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 65-67.

Сурина Полина Дмитриевна

Российский государственный университет правосудия

Северо-Западный филиал

Россия, Санкт-Петербург

polina.surina.99@mail.ru

Surina Polina

Russian State University of Justice

Northwest Branch

Russia, Saint Petersburg

ПРАВО ПЕДАГОГА НА ОХРАНУ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается механизм защиты достоинства личности педагога в период трудовой деятельности, анализируются проблемы применения к педагогу дисциплинарного взыскания в виде увольнения за совершение аморального проступка. Законодательством не предусмотрены конкретные критерии для определения аморальности проступка, в связи с чем работодатель опирается на собственные представления о морали при привлечении работника к ответственности. Автором предлагается механизм защиты достоинства педагога при привлечении его к дисциплинарной ответственности за совершение проступка, расцениваемого работодателем как аморальный.

Ключевые слова: аморальный проступок, достоинство личности педагога, место совершения аморального проступка, критерии аморального проступка, защита достоинства в трудовой деятельности.

THE RIGHT OF A TEACHER TO PROTECT THE DIGNITY OF THE PERSONALITY DURING THE LABOR ACTIVITY

Annotation: the article examines the mechanism of protecting the dignity of the teacher's personality during the period of work, highlights the application of disciplinary punishment to the teacher in the form of dismissal for committing immoral misconduct. The legislation does not provide specific criteria for recognizing a particular offense as immoral, in connection with which the employer relies on his own ideas about morality when holding an employee accountable. The author suggests a mechanism for protecting the dignity of a teacher for committing an immoral offense.

Key words: immoral misconduct, protecting the dignity of the teacher's personality, the place of committing an immoral offense, criterion for immoral misconduct, protecting the dignity of the teacher's personality during the period of work.

В соответствии со ст. 21 Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством. [1]. Статья 2 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) в развитие названных конституционных положений закрепляет в качестве одного из основных принципов правового регулирования труда «обеспечение права работника на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности». Соответственно, принцип обеспечения права работника на защиту достоинства следует относить к основополагающим началам трудового права.

Однако законодатель не закрепляет определения данного принципа, не раскрывает его содержания, что свидетельствует исключительно о провозглашении необходимости обеспечения данного права [2, с. 107-114], а также не закрепляет понятие «достоинство личности». По этой причине искать содержательную составляющую данных понятий следует в научной литературе. Так, Красавчикова Л.О. полагает, что «достоинство – самооценка личности своих моральных, деловых и иных социальных качеств» [3, с. 186].

Хашем Т.А. обоснованно обращает внимание на то, что достоинство личности сопряжено, в том числе, с восприятием личностью себя «как

представителя определенной социальной группы или общности, ценности самой этой общности» [4].

Таким образом, достоинство личности можно определить как оценку собственной личности, а также, моральных и деловых качеств, самоуважение этих качеств.

В науке также отсутствует единообразное определение понятия «достоинство личности» и содержание по-разному трактуется наполнение данного принципа.

А.Б. Жерукова в содержании данного принципа выделяет ряд юридически значимых обстоятельств: 1) за работником признается право на собственное достоинство и его защиту в период осуществления трудовой деятельности; 2) у работодателя возникает обязанность по соблюдению достоинства каждого работника; 3) у государства возникает обязанность по обеспечению права работника на защиту своего достоинства [5, с. 70].

О.В. Щербакова рассматривает данный принцип в нескольких аспектах: 1) как юридическую самостоятельность работника и необходимость его подчинения только правилам внутреннего трудового распорядка, 2) как ценность самой личности человека, а не работника как средства достижения работодателем своих целей, 3) как неотъемлемое и принадлежащее каждому право на защиту своего достоинства, не зависящее от трудовых достижений [6, с. 125].

В настоящее время есть ряд профессий, для которых достоинство как совокупность моральных и деловых качеств имеет особое значение именно с точки зрения осуществления своей трудовой функции. К категории работников, к которым предъявляются особые требования как на стадии трудоустройства, так и в период осуществления трудовой деятельности относятся педагоги.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), провозглашающий

академические права и свободы, в ч. 4 ст. 47 специально оговаривает, что они должны осуществляться с соблюдением прав и свобод других участников образовательных отношений и норм профессиональной этики, закрепленных в локальных нормативных актах. При этом п. 2 ч. 1 ст. 48 данного Закона еще раз подчеркивает обязанность педагогов работниками «соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики» [7].

Мы видим, что законодатель закрепил повышенные требования к педагогам, указав на обязанность образовательных учреждений разрабатывать локальные акты, содержащие нормы этики и морали, а педагогическим работникам соблюдать положения таких актов. Эти требования обуславливают и существование такого основания привлечения педагога к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения, как совершение аморального проступка, причем вне зависимости от места его совершения – на работе или в быту.

В связи с тем, что увольнение за совершение аморального проступка означает испорченную репутацию и фактическое ограничение доступа к профессии, то возникает вопрос: где тонкая грань между оценкой поведения педагога как допустимого и признанием его аморальным?

Моральные принципы вырабатываются в результате социального взаимодействия и отражают опыт поколений, признаются таковыми обществом в целом, при этом возникают и принципы отдельных социальных групп. В результате общество создает требования к своим членам, одобряет или порицает их поведение. Действенность таких принципов зависит от того, насколько субъект воспринимает их как необходимый ориентир при совершении поступков, взаимодействии с иными членами социума. Оценка собственного поведения, внутренний самоконтроль – важнейшая составляющая моральных норм [8, с. 75-82]. Нормы морали становятся, наряду с нормами права, регулятором общественных отношений и даже пересекаются при регулировании

отдельных видов этих отношений, дополняя друг друга, как это имеет место в сфере образования.

Нормы морали, в отличие от правовых норм, характеризуются неопределенностью содержания и подвижностью границ и именно поэтому ни в одном нормативном правовом акте не содержится понятия аморального проступка, то есть можно сделать вывод, что работодатели самостоятельно решают, какое поведение работника содержит признаки аморальности. Тем не менее такое основание увольнения педагогов за совершение аморального проступка достаточно широко распространено на практике часто встречаются случаи такого увольнения педагогов.

Так, к примеру, был уволен преподавателя вуза за совершение аморального проступка: при общении со студентами и аспирантами он употреблял ненормативную лексику и распивал спиртные напитки [9]. Данный проступок с большинство членов общества расценят в качестве аморального. Но не всегда оценка поведения педагогического работника будет так однозначна.

Известно множество историй, когда обвинение педагога в совершении аморальных проступков вызвало общественный резонанс поскольку значительная часть общества не расценивала то или иное поведение педагога как противоречащее нормам морали. Примером может служить увольнение учителя русского языка и литературы. Педагог, которая, пропагандируя здоровый образ жизни путем закаливания организма выложила в социальные сети фото с соревнований, на которых она была в купальнике. Один из родителей обучающихся посчитал указанный поступок учителя неприемлемым, в связи с чем обратился с жалобой на педагога к руководству образовательного учреждения. Руководство приняло решение об увольнении работника за совершение поступка, противоречащего морально-нравственным нормам. Однако, когда ситуация получило широкую огласку в средствах массовой информации, педагога восстановили на работе, но в течение нескольких недель

ее уроки контролировались руководством школы и вышестоящими инстанциями. Женщина была вынуждена написать заявление об увольнении по собственному желанию в связи с невозможностью продолжать работать в таких тяжелых с моральной точки зрения условиях [10, с. 166].

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что даже при неопределенности и изменчивость моральных норм, есть очевидные и понятные большому кругу людей вещи, а есть такие, которые нельзя оценить однозначно. При этом само определение аморального проступка мы находим только в теории – законодатель его никак не формулирует. Приведем некоторые из них.

М.Ю. Беликова полагает, что «аморальный проступок представляет собой морально-нравственную оценку деяния работника, хотя в трудовых отношениях оценка поведения работника происходит по правовому критерию» [11, с. 12]. Ситникова Е.Г. и Сенаторова Н.В. предлагают под аморальным проступком понимать «деяние лица, нарушающее нравственные нормы, нормы морали, правила поведения в обществе как в целом, так и в конкретном коллективе» [12, с. 176]. К.Н. Гусов считает, что «аморальный проступок - виновное, противоправное действие или бездействие, нарушающее основные моральные нормы общества и противоречащее содержанию трудовых обязанностей и тем самым дискредитирующее служебно-воспитательные, должностные полномочия соответствующих работников» [13, с. 56].

Исходя из подходов, сложившихся по данной тематике в научной литературе за последние несколько лет, можно сделать вывод о том, что сложность квалификации того или иного поступка через призму аморального вызвана умолчанием законодателя относительно понятия «аморальность». И это вполне объяснимо, ведь, как мы показали выше, мораль – понятие подвижное, меняющееся, нормам ее не присуще качество определенности (в отличие от норм права), поэтому и представитель работодателя, и судья при принятии решения о признании действий работника нарушающими нормы морали опираются лишь

на собственные убеждения и представления о допустимом поведении. Неопределенность, размытость понятия аморальности приводит к тому, что репутация педагога, обвиненного в недостойном поведении, в глазах учеников и родителей может быть испорчена без достаточных на то оснований, и это может сломать карьеру. По этой причине при решении подобных вопросов всегда следует помнить об относительности норм морали, а также не оценивать проступок изолированно от иных обстоятельств, таких как психологическое состояние работника в момент совершения проступка, отношение к возлагаемым на него обязанностям до его совершения; выяснение сложившейся ситуации в личной жизни (например, развод, смерть, тяжелая болезнь родственника и т.п.) [14, с. 67-72].

Стоит отметить, что на международном уровне мы находим конкретизацию понятия «аморальный проступок». Так, Рекомендация о статусе преподавательских кадров высших учебных заведений от 11 ноября 1997 г. содержит указание на возможность увольнения педагогов за аморальное поведение только по веским причинам, к которым предложено относить как недостойное поведение в отношении учащихся или коллег (такое как сексуальные домогательства или сексуальные услуги, высказывание серьезных угроз в их адрес, извлечение противоправной выгоды путем фальсификации свидетельств, дипломов и степеней за денежное вознаграждение), так и серьезные осуждаемые проступки, касающиеся исследовательской этики или финансовых операций (такие как фальсификация результатов научных исследований, серьезные финансовые нарушения) [15].

Соответственно, у нашего законодателя есть ориентир для уточнения понятия «аморальный поступок», а также признаки и критерии оценивания аморальности. В связи с чем, на наш взгляд, законодателю необходимо конкретизировать понятие аморального проступка, ориентируясь на приведенные Рекомендации.

Описанная выше проблема не является единственной. Статьей 81 ТК РФ закрепляется положение о том, что для увольнения за совершение аморального проступка неважно, где он был совершен: на работе, в нерабочее время или за пределами образовательной организации, наблюдали ли обучающиеся его совершение. Проступок, совершенный на работе и в связи с работой, расценивается законодателем как дисциплинарный, а иные проступки таковыми законодателем не рассматриваются, в связи с чем процедура привлечения к дисциплинарной ответственности, содержащаяся в ст. 193 ТК РФ, в таких ситуациях не применяется. Соответственно, у работника не истребуется объяснение, не исследуются обстоятельства, сопутствующие такому поведению, что лишает работника возможности объяснить свое поведение, привести доводы в защиту своего права на оставление на работе. Кроме того, такое увольнение может быть совершено в течение года с момента совершения проступка, тогда как для дисциплинарных проступков предусмотрен более короткий пресекательный срок – шесть месяцев.

На наш взгляд, для охраны достоинства педагога и защиты его прав необходимо законодательно признать совершение аморального проступка вне места работы и вне связи с работой дисциплинарным проступком, так как работник, который выполняет воспитательную функцию, при трудоустройстве принимает на себя в том числе определенные запреты и моральные обязательства, которые распространяются на все его поведение. В таком аспекте проступок, совершенный вне места работы, следует рассматривать как дисциплинарный, а также использовать установленный законом порядок применения дисциплинарного взыскания.

Кроме того, при оценивании аморальности совершенного проступка, вне зависимости от места и времени его совершения, необходимо дать возможность педагогическому работнику объяснить мотивы и цели своего поведения, а работодатель должен установить признаки негативного влияния на выполнение

воспитательной функции, вероятность повторного совершения проступка, а также насколько аморальное поведение педагога скажется на воспитанниках. При таком закреплённом в законодательстве подходе педагогу может быть гарантирована охрана достоинства личности.

Еще одним чувствительным моментом в профессиональной деятельности педагога является законодательное ограничение допуска к работе лиц, имеющих или имевших судимость (привлекавшихся к уголовной ответственности) за определенные преступления, указанные в ст. 331 ТК РФ.

Для тех же лиц, кто был осужден за преступления, не попадающие под прямой запрет, существует определенная процедура оценки их морально-нравственных качеств с точки зрения возможности обучать и воспитывать детей.

В развитие положения ТК РФ принято Постановление Правительства РФ от 05.08.2015 № 796, которое позволяет такому лицу реализовать свое право на труд [16], т.е. государство предусмотрело механизм защиты лица с судимостью, претендующего на вакансию педагогического работника, посредством принятия комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав решения о разрешении или отказе в трудоустройстве педагогом осужденных лиц. Предусмотренное правовое регулирование, на наш взгляд, может служить основанием для охраны достоинства личности, создавая условия для трудоустройства без предвзятости к тому, кто однажды совершил ошибку.

Но так ли часто комиссии принимают решения в пользу педагогов? Изучив практику ряда субъектов Российской Федерации о принятии решений комиссиями по делам несовершеннолетних, мы приходим к выводу, что механизм защиты охраны достоинства педагога в данном аспекте работает. За период с 2017 г. по настоящее время решение о допуске педагога к преподавательской деятельности комиссией по делам несовершеннолетних Республики Алтай принято в отношении 108 претендентов, отказано 36 [17].

Комиссией Краснодарского края принято 344, отказано 59 [18], при этом часть отказов обосновывается несоблюдением процедуры подачи заявления.

Учитывая изложенное, наличие судимости за те преступления, с которыми работник имеет право реализовать себя в качестве педагога, не лишает возможности соискателя трудоустроиться через комиссию по делам несовершеннолетних, что говорит о том, что механизм защиты достоинства лица, однажды оступившегося, работает и позволяет не допустить умаления чести и достоинства работника.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что педагогические работники остаются примером для подражания, субъектом пристального внимания со стороны руководства, родителей и обучающихся. К ним проявляют серьезные моральные, нравственные и правовые требования, при нарушении которых могут быть последствия в виде увольнения, а в некоторых случаях и вовсе запрет на педагогическую деятельность. В связи с этим необходимо тщательно анализировать причины и условия совершения возможного аморального проступка педагогом. Кроме того, следует разработать унифицированный механизм привлечения педагога к ответственности за совершение аморального проступка независимо от места его совершения. При решении же комиссиями по делам несовершеннолетних вопроса о допуске лица к осуществлению преподавательской деятельности следует досконально изучать предоставленные кандидатами документы и без предвзятого мнения рассматривать каждое заявление соискателя для того, чтобы механизм охраны достоинства личности при реализации права на выбор рода деятельности работал.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета от 04.07.2020 № 144 (8198) // СПС «КонсультантПлюс»

2. Кириллова Л.С. О личных неимущественных правах работника // Вестник ВУиТ. - 2022. - №2 (101). — С. 107-114.
3. Хашем Т.А. Защита человеческого достоинства в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ. Автореф. Дис. канд. юрид. наук. М., 2010.
4. Барабанова С.В., Крайсман Н.В., Шагиева Р.В. Право и мораль. // Вестник РУДН. // № 4. 2014. С. 75-82 // URL: <https://journals.rudn.ru/law/article/viewFile/5597/5050> (дата обращения: 18.04.2023).
5. Жерукова А.Б. Обеспечение права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности: дисс. ... канд.юрид. наук: 12.00.05. – М., 2011.- 180 с.
6. Щербакова О.В. Принцип обеспечения права работника на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности// Российский юридический журнал. - 2019. - № 1 (124). - С. 124-129. - С. 125.
7. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
8. Гражданское право. Учебник для вузов. Часть первая / Под общ. ред. Т.И. Илларионовой и др. М., 1998, С. 186.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.05.2019 № 33-21897/2019.
10. М.Г. Кусова. Мониторинг активности педагогических работников в социальных сетях как одна из превентивных мер по предупреждению аморальных поступков // Вопросы студенческой науки. – № 1 (53) – 2021 – С. 166 // НЭБ // URL:https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44679498_57196938.pdf (дата обращения: 22.04.2023).
11. Беликова М.Ю. Аморальный проступок как основание расторжения трудового договора // Научный вестник Государственного автономного

образовательного учреждения высшего профессионального образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». - 2015. - Т. 3. - С. 12.

12. Ситникова Е.Г., Сенаторова Н.В. Дисциплина труда: что нужно знать работнику и работодателю. - М.: Библиотека «Российской газеты». - 2015. - Вып. 13. - 176 с.

13. Гусов К.Н. Основания прекращения трудового договора. М., 1982. С. 56.

14. Иванов А.А., Кандрашов Ю.А. Аморальный проступок педагогического работника: понятие и практика применения // Вестник Поволжского института управления. – № 3(20) – 2020 – 67-72. // URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/amoralnyu-prostupok-pedagogicheskogo-rabotnika-ponyatie-i-praktika-primeneniya> (дата обращения: 21.04.2023)

15. Рекомендация о статусе преподавательских кадров учреждений высшего образования. Париж, 11 ноября 1997 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901839542> (дата обращения: 18.04.2023).

16. Постановление Правительства РФ от 05.08.2015 № 796 «Об утверждении Правил принятия комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, созданной высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации и осуществляющей деятельность на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, решения о допуске или недопуске лиц, имевших судимость, к педагогической деятельности, к предпринимательской деятельности и (или) трудовой деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, а также формы этого решения».

17. Решения о допуске / недопуске лиц, имевших судимость граждан к трудовой деятельности с участием несовершеннолетних, Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Республики Алтай // URL: <https://www.altai-republic.ru/activity/komissiya-po-delam-nesovershenoletnikh/informatsiya-o-dopuske-ili-nedopuske-lits.php> (дата обращения: 30.04.2023).

18. Решения комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав о допуске к трудовой деятельности лиц с судимостью // URL: <https://kdn-krd.ru/dopusk-k-trudovoy-deyatelnosti-lits-s-sudimostyu/resheniya-komissii/> (дата обращения: 30.04.2023).

Беренвальд Елизавета Петровна

Игнатов Михаил Дмитриевич

Саратовская государственная юридическая академия

Институт прокуратуры

Россия, Саратов

liza.beren@icloud.com

md.ignatov@yandex.ru

Berenvald Elizaveta

Ignatov Mikhail

Saratov State Law Academy

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Saratov

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ЛЕСОВОССТАНОВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЛЕСОВ

Аннотация: в статье, исходя из важности и актуальности сохранения леса, дается анализ состояния процессов восстановления лесов в РФ и мер по организации и обеспечению этих процессов. Выявлена и обоснована проблема отсутствия системности при реализации мер ухода: отсутствует последовательность и предметность их реализации в зависимости от конкретных факторов. На основе проведенного исследования авторами предлагается возможный вариант решения проблемы.

Ключевые слова: лесовосстановление, Национальный проект «Экология», лесовосстановительные мероприятия, комплексный подход, лесовоспроизводство.

LEGAL PROBLEMS OF REFORESTATION IN RUSSIA

Abstract: based on the importance and relevance of forest conservation, the article analyzes the state of forest restoration processes in the Russian Federation and measures to organize and ensure these processes. The problem of lack of consistency in the implementation of care measures is identified and justified: there is no consistency and objectivity of their implementation depending on specific factors. Based on the conducted research, the authors propose a possible solution to the problem.

Key words: reforestation, National project «Ecology», reforestation measures, integrated approach, forest reproduction.

Практически четверть от общей площади лесов в мире располагаются на обширных территориях России, чья лесистость, по разным оценкам, составляет от 45 до 50 %. Отсюда возникает вопрос: насколько актуальна проблема лесовосстановления для России?

В данном контексте интересен отчет Счетной Палаты РФ [1, с. 9], результаты которого показывают, что за 5 лет площадь покрытых лесом земель лесного фонда сократилась на 0,5 %. Общий запас древесины за 2016–2020 годы уменьшился на 0,5 %, при этом хвойных пород – на 0,9 %. В целом на 1 января 2021 года накопленная площадь невосстановленных лесов в России составила 3,1 % от площади лесного фонда.

Рациональное использование лесов и их эффективное воспроизводство два необходимых условия для сохранения леса как ценного ресурса. В данном аспекте важен не просто количественный, но и качественный критерий лесовосстановления. Государству необходим высокопродуктивный и устойчивый лес целевого породного состава как в экономических, так и экологических целях. Отсюда вытекает и особая значимость городских лесов, поскольку большая часть населения России проживает на территориях населенных пунктов.

Городские леса выделяются как одна из категорий защитных лесов (пункт 2 статьи 111 Лесного Кодекса Российской Федерации (Далее – ЛК РФ). Особая роль в данном контексте отводится лесничествам (а также участковым лесничествам, которые могут создаваться в составе лесничеств), выступающими основными территориальными единицами управления в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов (пункт 1 статьи 23 ЛК РФ).

Исходя из Приказа Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 5 августа 2020 г. N 564 «Об утверждении Особенности использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях населенных пунктов», (Далее – Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ N 564) требования к рубке лесных насаждений в городских лесах регулируются Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 1 декабря 2020 г. № 993 «Об утверждении Правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, указанных в статье 23 Лесного кодекса Российской Федерации», устанавливающим, в том числе, особенности проведения работ по лесовосстановлению после таких рубок.

Для начала необходимо оговориться, что лесовосстановление представляет из себя комплекс мероприятий по восстановлению лесов на вырубках, гарях, пустырях, прогалинах и иных бывших под лесом площадях [2, с. 91] и, исходя из статьи 61 ЛК РФ, включается в состав воспроизводства лесов.

Основополагающим нормативно-правовым актом, регламентирующим процесс лесовосстановления, является Приказ Минприроды России от 29.12.2021 N 1024 «Об утверждении Правил лесовосстановления, формы, состава, порядка согласования проекта лесовосстановления, оснований для отказа в его согласовании, а также требований к формату в электронной форме проекта лесовосстановления» (Далее – Правила лесовосстановления). В нем, в частности, устанавливается, что проект лесовосстановления составляется на срок отнесения земель, предназначенных для лесовосстановления, к землям, на

которых расположены леса. Для такого отнесения необходимо соответствие результатов лесовосстановления требованиям и критериям, указанным в лесохозяйственных регламентах лесничеств, а по основным лесобразующим породам в самых распространенных лесорастительных условиях – в самих Правилах лесовосстановления. При этом определяется максимальный срок лесовосстановления (в зависимости от лесного района, лесорастительных условий и древесных пород), который, как правило, составляет от 7 до 10 лет. В соотношении указанных положений, на наш взгляд, и содержится одна из проблем лесовосстановления: для получения качественного по своим характеристикам леса из хозяйственно-ценных пород требуется около 15-20 лет постоянного ухода. В частности, на протяжении этого времени необходимо проведение так называемых «некоммерческих» рубок: например, убирать конкурирующую, нежелательную растительность (высокая трава, кустарники) и быстрорастущую поросль (осинник, березняк), иначе возникает риск гибели молодняка от затемнения [3, с. 56]. Однако после завершения лесовосстановления количество таких рубок сокращается в разы, а сам уход проводится по «коридорному» принципу (вблизи рядов высаженных деревьев), из-за чего эффект лесовосстановления хозяйственно-необходимыми породами деревьев со временем просто исчезает.

Кроме этого, анализ и сопоставление Приказа Минприроды России от 30.07.2020 N 534 «Об утверждении Правил ухода за лесами» (Далее – Правила ухода за лесами) с Правилами лесовосстановления показывает, что законодателем так и не был решен вопрос системности мер ухода: отсутствует последовательность и предметность их реализации в зависимости от конкретных факторов (как природных условий и видового состава леса) [4, с. 30]. Однако это важный момент, поскольку между ними существует прямая корреляция: так, на глинястых почвах требуется использование большего количества приемов ухода, поскольку необходимо формирование сомкнутого молодого яруса хозяйственно-

ценных пород деревьев оптимальной высоты, который не будет позволять произрастать осинового поросли. Иначе говоря, чем богаче и продуктивнее почва, тем большего ухода требуют ценные породы деревьев [5, с. 34-35]. Но после завершения лесовосстановления как количественный, так и качественный фактор подобных мероприятий снижается, что приводит к ухудшению характеристик леса и появлению малопродуктивного с хозяйственной точки зрения леса.

Далее, законодатель предусматривает три способа лесовосстановления: естественный, искусственный и комбинированный (статья 62 ЛК РФ). В свою очередь, как показывает статистика, естественный способ выступает в роли преобладающего. Согласно данным Росстата на его долю приходится 78 % всего лесовосстановления в России за 2021 год, тогда как на искусственный способ 19 %, а комбинированный и вовсе 1 % [6, с. 67].

При этом основная масса естественного лесовосстановления связана с природными процессами: используется метод «самозасева», при котором лишь создаются условия, в которых лес вырастает сам, после чего его дальнейшая судьба не отслеживается [7, С. 21-22]. Главный недостаток подобного метода – высокие риски замещения качественных (как хвойных и широколиственных) лесов малопродуктивными (в основном мягколиственными).

Помимо прочего, Правилами лесовосстановления предусмотрено, что после 01.03.2025 года не менее 30 % (в настоящее время не менее 20 %) площадей искусственного и комбинированного лесовосстановления будет выполняться посадкой сеянцев и (или) саженцев с закрытой корневой системой. Данная мера кажется малоэффективной, поскольку при отсутствии должного последующего ухода посадочный материал будет просто гибнуть. Нужный результат в этом случае достигнут не будет, а затраты на посадочный материал (и как следствие само лесовосстановление) возрастут в разы.

Таким образом, декларируемые законодателем «правовые» цели лесовосстановления (восстановление вырубленных, погибших, поврежденных лесов, а также сохранения полезных функций лесов, их биологического разнообразия) могут быть достигнуты, однако хозяйственно-производственные, при отсутствии долговременного должного ухода, нет. В конечном итоге это может привести к дефициту той древесины, которая нужна лесопромышленному комплексу. В свою очередь это приведет к расширению рубки на новые, ранее нетронутые территории высокой биологической и социальной ценности, в дикие леса. Это подтверждает и приведенная в начале работы статистика.

Национальный проект «Экология» ставит своей целью обеспечение баланса выбытия и воспроизводства лесов. При этом данные о воспроизводстве лесов основываются на показателях лесовосстановления и лесоразведения. В свою очередь лесовосстановительные мероприятия прекращаются после отнесения земель, предназначенных для лесовосстановления, к землям, на которых расположены леса, и из-за прекращения дальнейшего долговременного ухода нарушается сам цикл воспроизводства хозяйственно-ценного леса. Без последующего ухода высаженные ценные деревья в подавляющем большинстве случаев отстают в росте и гибнут, уступая место так называемым «пионерным» деревьям (чаще всего березе и осине) и крупным кустарникам, которыми вырубки заросли бы естественным образом, без всякого лесовосстановления.

Изложенные проблемы распространяются и на территории городских лесов, поскольку, в соответствии с Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ N 564, воспроизводство лесов на землях населенных пунктов осуществляется путем лесовосстановления в соответствии с Правилами лесовосстановления, установленными для искусственного лесовосстановления (пункт 3 статьи 62 ЛК РФ), и ухода за лесами в соответствии с Правилами ухода за лесами.

Необходим комплексный подход законодателя ко всему процессу лесовоспроизводства, включая модернизацию системы ухода за лесами после процесса лесовосстановления [8, с. 20]. На наш взгляд, оптимальным решением станет систематизация мер ухода (в первую очередь определение требований и порядка их реализации) в зависимости от конкретных условий, в которых проводятся лесовосстановительные мероприятия. Также считаем необходимым выстроить логичный и взаимосвязанный цикл всего лесовыращивания, начальным этапом которого и является лесовосстановление. Каждый новый этап должен вытекать из предыдущего и основываться на его результатах, выстраиваясь в целостную систему.

Список литературы:

1. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности мер по воспроизводству лесов в Российской Федерации за период 2019–2020 годов и истекший период 2021 года» [Электронный ресурс] URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d84/lep1oo5r147glml900t15ddtgog0gjtg.pdf> (Дата обращения: 04.04.2023).
2. Салимова Г.А., Хасрудиков Р.М. Оценка воспроизводства лесных ресурсов в Российской Федерации // Известия ОГАУ. 2018. №2 (70).
3. Залесова Е. С., Бабушкина Л. Г., Бережнов В. А., Герц Э. Ф., Крюк В. И., Луганский Н. А. Высокоинтенсивные рубки ухода в производных молодняках // АБУ. 2012. №1 (93).
4. Белоусова С.В. Российские проблемы лесовосстановления (на примере Иркутской области) // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2021. №4.
5. Краснов В.Г. Эколого-ресурсный потенциал лесов Среднего Поволжья и его воспроизводство лесокультурными методами: Автореф. Дис. докт. юрид. наук. М., 2022.

6. Статистический сборник «Охрана окружающей среды в России»

[Электронный ресурс] URL:
https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ochrana_okruj_sredi_2022.pdf (Дата обращения: 04.04.2023).

7. Гагарин Ю.Н. Научный комментарий к стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года // Вопросы лесной науки. 2021. №4.

8. Романов Е.М. Воспроизводство лесов в новой стратегии перехода к устойчивому развитию лесного сектора России // Вестник ПГТУ. Серия: Лес. Экология. Природопользование. 2021. №1 (49).

УДК 349.41

Демидова Анна Владимировна

Московский государственный юридический университет

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Институт Прокуратуры

Россия, Москва

annademidova2002964@mail.ru

Demidova Anna

Moscow State Law University (MSAL)

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Moscow

**К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ КОНТРОЛЬНЫХ
МЕРОПРИЯТИЯХ В СФЕРЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: при рассмотрении земельных участков как правовой категории следует обратить внимание на их охрану, которая обеспечивается путём функционирования органов контроля (надзора), одними из которых являются органы муниципального земельного контроля. В механизме муниципального управления контроль – один из важнейших элементов, занимающий определённое место в системе реализации власти органами местного самоуправления. Муниципальный контроль предусмотрен отраслевыми федеральными законами, законами субъектов РФ, что приводит к возникновению правовых пробелов на практике, что напрямую затрагивает интересы юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, а также граждан.

Ключевые слова: земельное право, муниципальный земельный контроль, механизм муниципального земельного контроля, орган местного самоуправления, контроль (надзор).

**TO THE QUESTION OF THE PRACTICE OF APPLICATION OF
CONTROL MEASURES IN THE SPHERE OF LAND USE IN
MUNICIPALITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation: when considering land plots as a legal category, attention should be paid to their protection, which is ensured by the functioning of control (supervision) bodies, one of which is the municipal land control bodies. In the mechanism of municipal management, control is one of the most important elements that occupies a certain place in the system of implementation of power by local self-government bodies. Municipal control is provided for by sectoral federal laws, laws of the subjects of the Russian Federation, which leads to legal gaps in practice, which directly affects the interests of legal entities, individual entrepreneurs, as well as citizens.

Key words: land law, municipal land control, mechanism of municipal land control, local self-government body, control (supervision).

В пп. 3 п.1 ст. 1 Земельного кодекса РФ (далее - ЗК РФ) установлен принцип земельного законодательства о приоритете охраны жизни и здоровья человека заключается в принятии юридически значимых решений и осуществлении деятельности по использованию и охране земель, которые позволили бы обеспечить сохранение жизни человека или предотвратить негативное (вредное) воздействие на здоровье человека, даже если необходимо будет произвести существенные затраты. Непосредственная реализация принципа проявляется в действиях органов местного самоуправления, уполномоченных на осуществление муниципального земельного контроля в соответствии со ст. 72 ЗК РФ.

Правовое регулирование данного вида деятельности составляют: ЗК РФ, ФЗ от 31.07.2020 N 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации", ФЗ от 26.12.2008 N 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" а также нормативные правовые акты субъекта РФ и акты представительного органа муниципального образования и иные акты. Таким образом, система нормативно-правового регулирования механизма осуществления муниципального земельного контроля является многоуровневой, что в рамках правоприменительной деятельности зачастую приводит к возникновению противоречий между правовыми нормами и, следовательно, к их неверной интерпретации уполномоченным субъектом.

Исходя из анализа нормативных правовых актов, муниципальный земельный контроль - деятельность органов местного самоуправления, предметом которой является соблюдение юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, гражданами обязательных требований земельного законодательства в отношении объектов земельных отношений путём проведения профилактических и контрольных мероприятий.

В науке муниципальный земельный контроль определяют, как совокупность действий должностных лиц, наделенных полномочиями по осуществлению проверки соблюдения юридическими и физическими лицами требований земельного законодательства на территории муниципального образования и закреплением результатов проверки в форме акта соблюдения земельного законодательства и приложений к нему [1, с.48].

В рамках своей компетенции органы местного самоуправления осуществляют контрольные и профилактические мероприятия, последние из которых являются более приоритетными.

Для муниципального земельного контроля обязательны такие профилактические мероприятия как: информирование, консультирование, обобщение правоприменительной практики, профилактический визит, объявление предостережений о недопустимости нарушения обязательных требований [2].

К контрольным (надзорным) мероприятиям, проводимым в рамках муниципального земельного контроля, относятся: инспекционный визит, рейдовый осмотр, документарная проверка, выездная проверка, наблюдение за соблюдением обязательных требований, выездное обследование [3].

Однако на практике у должностных лиц, уполномоченных на реализацию вышеназванных мероприятий, зачастую возникают проблемы в рамках правоприменительной деятельности.

Так, основными проблемами реализации земельного муниципального надзора являются:

1. непринятие гражданами мер к устранению выявленных в ходе осуществления муниципального земельного контроля нарушений земельного законодательства в связи с отсутствием у органов муниципального земельного контроля в отличие от государственных органов земельного контроля полномочий по выдаче обязательных для исполнения предписаний [4].

Так, подтверждающим неэффективность земельных контрольных мероприятий органами местного самоуправления, является деятельность соответствующих органов в г. Калуга, площадь территории данного городского округа составляет 37420 га. При этом за 2021 год отделом по контролю за землепользованием проведено всего 65 проверок по соблюдению требований земельного законодательства, только 2 из которых - плановые [5].

2. Ещё одной проблемой, выделяемой в рамках муниципального земельного контроля, является низкий уровень регламентации в муниципальных правовых актах, что препятствует обеспечению законности и служит основанием

для принятия правоохранительных мер, в частности мер прокурорского реагирования [6, с.38].

Обобщение и анализ практики прокурорского надзора позволяют выделить типичные нарушения в действиях (бездействии) органов муниципального земельного контроля:

а) отсутствие на сайте органа контроля в информационно-телекоммуникационной сети Интернет ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [7];

б) несоблюдение срока и установленного порядка уведомления подконтрольных субъектов о предстоящей проверке, форма акта о проведении проверки не соответствует требованиям федерального законодательства;

в) проведение внеплановых выездных проверок с нарушением законодательства: без законных оснований;

г) несоблюдение порядка оформления результатов проверки;

д) ненадлежащее исполнение требований федерального законодательства при оформлении результатов проверок и др.;

3. На мой взгляд, существенной проблемой в рамках рассматриваемой темы является отсутствие в большинстве муниципальных образований (особенно в городских и сельских поселениях, муниципальных районах) органов (например, отделов по землепользованию) и должностных лиц, уполномоченных на проведение контрольных земельных мероприятий. Так, согласно данным государственного доклада об использовании и охране земель в Российской Федерации за 2021 год, органами муниципального земельного контроля было направлено в Росреестр 31 183 материала проверок соблюдения земельного законодательства, в то время как органами государственного земельного контроля (надзора) в этот же временной промежуток было проведено в четыре раз больше контрольно-надзорных мероприятий, а именно 125 323 [8, с. 127, 142]. Данные статистических исследований позволяют сделать вывод о

необходимости создания органов земельного контроля в рамках муниципального образования или хотя бы ввести соответствующую должность в местной администрации.

При этом, несмотря на наличие в местных администрациях структурных подразделений в виде отделов сельского хозяйства или аграрной политики и развития сельских территорий, уровень проведения проверочных как плановых, так и внеплановых мероприятий, очень низок: например, на территории муниципального района «г. Людиново и Людиновский район» за 2020 год по результатам обобщения практики проведения муниципального земельного контроля должностными лицами было осуществлено 24 проверки, из которых только 3 – плановые (12,5 % от общего числа проверок) [9].

Таким образом, для решения соответствующих проблем предлагаю:

1. законодательно конкретизировать разграничение муниципального земельного контроля и государственного земельного контроля (надзора) [10, с.11];

2. повысить правовую грамотность муниципальных служащих в данной сфере путём повышения квалификации, организации лекций и вебинаров на соответствующую тему, издания разъяснительных информационных материалов государственными органами, уполномоченными на проведение контрольных (надзорных) мероприятий в данной сфере.

3. утвердить типовую форму актов органов местного самоуправления для реализации земельного контроля, что приведёт к упорядочению и единообразию нормативной правовой базы;

4. разработать памятки, предоставляющие информацию о муниципальном земельном контроле, для граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Список литературы:

1. Бышков, П. А. Муниципальный земельный контроль / П. А. Бышков // *Аграрное и земельное право*. – 2015. – № 10(130). – С. 46-48.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" // "Российская газета", N 171, 05.08.2020. ч. 2 ст. 45, ст. 46.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" // "Российская газета", N 171, 05.08.2020. ст. ст. 56, 65, 70 - 75.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 8 июня 2018 г. N 50-КГ18-3. Документ официально опубликован не был.
5. Официальный сайт городской управы города Калуги: URL <https://www.kaluga-gov.ru/uprava/munitsipalnyy-kontrol/zemelnyy-kontrol/rezultaty-proverok/9210/>
6. Шушняев Д.А. Некоторые проблемные аспекты взаимодействия органов прокуратуры с органами муниципального земельного контроля // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. N 7. С. 35 - 38.
7. Прокуратура Сахалинской области: офиц. сайт. URL: <http://www.sakhalinprokur.ru/print.php?id=9219>
8. Анисимова К.О. О вопросе соотношений понятий контроля и надзора // *Научный вестник Крыма*. – 2018. – № 7 (18). – С. 11.
9. Государственный (национальный) доклад об использовании и охране земель в Российской Федерации за 2021 год: URL <https://rosreestr.gov.ru>
10. Доклад о результатах осуществлении муниципального земельного контроля на территории муниципального района «город Людиново и Людиновский район» за 2020 год: URL <http://адмлюдиново.пф/rezultaty-proverok.html>

Жамков Михаил Вячеславович

Московский государственный юридический университет

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

Zhamkov.mixail@yandex.ru

Zhamkov Mikhail

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Private Law

Russia, Moscow

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО РЕЖИМА САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ

Аннотация: статья раскрывает такую актуальную тему, как правовой режим самовольной постройки. Автор исследует такое правовое явление как самовольная постройка, кратко описывают теоретическую сторону вопроса и раскрывает указанные в законодательстве критерии самовольной постройки. В статье автор обращает внимание на вопросы признания права собственности на самовольную постройку, приводит свои предложения по дальнейшему совершенствованию гражданского законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: самовольная постройка, земельный участок, строительство, Гражданский кодекс, собственность.

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE LEGAL REGIME OF AUTHORIZED CONSTRUCTION

Annotation: the article reveals such a topical topic as the legal regime of unauthorized construction. The author explores such a legal phenomenon as unauthorized

construction, briefly describes the theoretical side of the issue and reveals the criteria for unauthorized construction specified in the legislation. In the article, the author draws attention to the issues of recognizing the right of ownership of an unauthorized construction, gives his proposals for further improvement of the civil legislation of the Russian Federation.

Key words: unauthorized construction, land, construction, Civil Code, property.

Девелоперская деятельность – это процесс создания и развития объектов недвижимости, включая жилые и коммерческие здания, торговые центры, офисы, склады и другие объекты. Девелоперы занимаются проектированием, строительством, управлением и продажей недвижимости. Они также могут заниматься инвестированием в недвижимость, управлением недвижимостью и другими, связанными с этими видами деятельности.

Девелоперы играют важную роль в экономике, так как они создают новые рабочие места и увеличивают инвестиционный потенциал региона. Они также способствуют развитию инфраструктуры и улучшению качества жизни людей.

Девелоперская деятельность является одной из форм предпринимательской деятельности, и, следовательно, она сопряжена с огромным множеством рисков. В связи со спецификой деятельности девелоперов, риски возникающие в ходе их деятельности в основном, как правило, возникают в сфере земельно-имущественных отношений либо в сфере градостроительного регулирования. Среди указанных рисков наибольший интерес вызывает самовольная постройка и последствия, вызываемые признанием здания или сооружения самовольной постройкой. Согласно отчету, подготовленному Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 года [5] в 2022 году судами с вынесением решения (судебного приказа) было рассмотрено 11 956 дел по

спорам, связанным с самовольной постройкой. Чтобы адекватно оценить указанные риски необходимо проанализировать правовой режим самовольной постройки.

По мнению Метелевой Ю.А., корни проблемы самовольного строительства тянутся из 1990-х гг., когда в отсутствие эффективного государственного управления земельными ресурсами и их четкого законодательного регулирования, на фоне всеобщей приватизации отдельные граждане и юридические лица стали возводить здания и сооружения на не принадлежащих им или принадлежащих, но по сомнительным основаниям земельных участках [2, с. 54].

Изучая режим самовольной постройки, стоит сперва обратиться к общей теоретической проработке данного вопроса. Так, правовая природа самовольной постройки изучалась некоторыми учеными-правоведами. Например, В.А. Бетхер пришла к выводу о том, что, поскольку самовольная постройка имеет такие признаки недвижимости, как прочная связь с землей, пространственная индивидуальность и непотребляемость, следует относить данные объекты к группе недвижимых по природе вещей, а точнее — к рукотворной части недвижимости [1, с. 90].

Некоторые исследователи вопроса, принимая во внимание объем правовых норм, регулирующих проблематику самовольных построек, утверждают, что система указанных норм образует гражданско-правовой субинститут института права собственности [3, с. 30].

Обращаясь к нормативному регулированию самовольного строительства, необходимо отметить, что ключевой нормой, образующей ядро нормативно-правового регулирования вопроса самовольного строительства, является ст. 222 Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – **ГК РФ**). Так, согласно указанной норме ГК РФ самовольной постройкой является здание, сооружение

или другое строение (далее – **объект строительства**), имеющее хотя бы один из следующих признаков:

1) оно возведено или создано на земельном участке, не предоставленном в надлежащем порядке;

2) оно возведено или создано на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает на нем строительство;

3) оно возведено или создано без получения на это необходимых согласований, разрешений (например, разрешения на строительство в соответствии со ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации);

4) оно возведено или создано с нарушением технических, градостроительных и строительных норм и правил (например, нарушена технология забивки свай из-за чего возникает угроза обрушения здания).

Вместе с тем в ст. 222 ГК РФ содержится примечание, согласно которому наличие вышеуказанных признаков может являться основанием для признания постройки самовольной, если указанные обстоятельства существовали на дату начала возведения или создания самовольной постройки и являются действующими на дату выявления самовольной постройки, то есть признаки, характеризующие самовольную постройку, должны иметь место к началу строительства и сохранять свою актуальность к моменту выявления такой постройки.

Важной особенностью самовольных построек является то, что они изъяты из гражданского оборота. Согласно ст. 222 ГК РФ Самовольная постройка не является объектом права собственности, осуществившее самовольную постройку лицо не вправе распоряжаться постройкой – продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки. Также не допускается какое-либо использование самовольной постройки, ее эксплуатация (что связано в первую очередь с необходимостью обеспечения безопасности эксплуатирующих лиц). Таким образом, самовольные постройки намеренно выводятся законодателем из

любой экономической деятельности. Данным способом законодатель стремится упорядочить возникающие общественные отношения в сфере строительства, в частности вопросы строительства новых объектов строительства и реконструкции уже существующих объектов строительства.

По общему правилу объекты самовольного строительства подлежат сносу или приведению в соответствие с параметрами, установленными законодательством. Причем как снос, так и приведение в соответствие должно быть сделано лицом, осуществившем самовольное строительство, либо за его счет. Однако на практике встречаются случаи, когда невозможно установить указанное лицо. Для таких случаев, в целях недопущения ситуации правовой неопределенности, а также в целях оперативного очищения земельных участков от объектов самовольного строительства, которые нередко создают угрозу жизни и здоровью граждан законодатель установил в гражданском законодательстве норму о том (п. 2 ст. 222 ГК РФ), что вышеуказанная обязанность переносится на законного правообладателя земельного участка, на котором расположен объект самовольного строительства. В целях применения указанной нормы под законным правообладателем земельного участка понимаются: собственник, обладатель права пожизненного наследуемого владения либо права постоянного (бессрочного) пользования, арендатор земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Вместе с тем Верховный Суд РФ в п. 7 Обзора судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022 [4], отмечает, что снос объекта самовольного строительства является крайней мерой гражданско-правовой ответственности. Верховный Суд обоснованно считает, что с учетом конкретных обстоятельств дела допущенное при возведении строения нарушение градостроительных и строительных норм и правил, не создающее угрозу жизни и здоровью граждан и

не нарушающее права и интересы третьих лиц, может быть признано судом, незначительным и не препятствующим возможности сохранения самовольной постройки. Данная позиция представляется в обоснованной и разумной, так как любое строительство, требует вложения значительных финансовых, трудовых и иных затрат, и было бы неразумно сносить объект строительства при наличии лишь одного или нескольких незначительных дефектов.

Законодателем предусмотрена возможность признания права собственности на самовольную постройку (т.е. ее узаконивание или «легализация») судом, а в предусмотренных законом случаях в ином порядке за лицом, являющимся законным правообладателем земельного участка, на котором создана самовольная постройка, при одновременном соблюдении трех условий:

- 1) в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта;
- 2) на день обращения в суд постройка соответствует установленным требованиям;
- 3) сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

В целях недопущения неосновательного обогащения в случае признания права собственности на самовольную постройку (узаконивания самовольной постройки) лицо, за которым признано право собственности на постройку, возмещает осуществившему ее лицу расходы на постройку в определяемом судом размере.

Как справедливо отмечает Метелева Ю.А. в своей статье «Самовольные постройки: проблемы правоприменения» [2, с. 61], хотя п. 3 ст. 222 ГК РФ предусмотрен не только судебный, но и «иной установленный законом порядок» признания права собственности на самовольную постройку, приходится

констатировать, что на данный момент внесудебный порядок не определен законодательством.

Также представляется обоснованной точка зрения Метелева Ю.А. [2, с. 62] о том, что судебный способ признания права собственности предпочтительнее «иного установленного законом порядка», так как судебное решение имеет большую силу, чем какой-либо административный акт.

В связи с тем, что самовольное строительство представляет угрозу общественным интересам (например, нарушение строительных норм создает угрозу обрушения постройки, пренебрежение архитектурным обликом разрушает эстетику города, а строительство на не принадлежащем застройщику земельному участке нарушает права и законные интересы правообладателя земельного участка) законодателем установлена административная ответственность за нарушение обязательных требований в области строительства, а также за нарушение установленного порядка строительства, реконструкции, объекта капитального строительства. Так, согласно п. 1 ст. 9.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях строительство объектов капитального строительства без разрешения на строительство в случае, если для указанных работ законодательством предусмотрено получение разрешений на строительство, в зависимости от статуса привлекаемого к ответственности лица (гражданин, должностное лицо, юридическое лицо) влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч рублей до одного миллиона рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

Подводя итог, стоит сказать, что критерии самовольной постройки, установленные в гражданском законодательстве, прошли проверку временем и практически не были подвергнуты изменениям, вносимым в законодательство о самовольных постройках. Вместе с тем, нельзя не отметить то обстоятельство,

что законодательство, регулирующее проблематику самовольных построек, нуждается в дальнейшем совершенствовании.

В частности, в целях совершенствования нормативно-правовой базы и ее «очищения» от неработающих правовых норм законодателю стоит определить процедуру признания права собственности на самовольную постройку в «ином установленном законом порядке», который упоминается в ст. 222 ГК РФ, либо убрать указание на этот порядок из данной статьи ГК РФ.

Признание объекта строительства самовольной постройкой влечет высокие риски для девелоперской деятельности, так как снос самовольной постройки или приведение ее в соответствие с параметрами, установленными гражданским, градостроительным, земельным законодательством, влечет большие финансовые затраты, потерю времени и снижение деловой репутации. Во избежание лишних финансовых, репутационных, временных издержек девелоперы, застройщики и остальные участники гражданского оборота, должны обращать особое внимание на корректность оформления разрешительной документации на строительство и ввод в эксплуатацию объектов строительства, действительность правоустанавливающих документов на земельные участки, которые планируется использовать для возведения объектов строительства, а также необходимо вести постоянный мониторинг документов территориального планирования, правил землепользования и застройки и документов по планировке территории.

Иными словами, чтобы минимизировать риски и увеличить эффективность своей деятельности, девелоперы должны тщательно планировать проекты и следить за изменениями в законодательстве.

Список литературы:

1. Бетхер, В. А. Самовольное создание и (или) изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект):

специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бетхер Вера Андреевна; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. — Омск, 2016. — 280 с. — Текст: непосредственный.

2. Метелева, Ю. А. Самовольные постройки: проблемы правоприменения / Ю. А. Метелева. — Текст: непосредственный // Lex russica. — 2022. — № 5. — С. 53-62.

3. Лапырев, Э. В. Правовой режим самовольной постройки / Э. В. Лапырев. — Текст: непосредственный // Вестник магистратуры. — 2021. — № 5-3. — С. 30-32.

4. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022) // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431506/ (дата обращения: 09.07.2023).

5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год. — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 09.07.2023).

Комиссарова Анастасия Андреевна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Россия, Москва

komissarovaanastasiya@mail.ru

Komissarova Anastasiya
Financial University under the Government of the Russian Federation
Russia, Moscow

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ КАК ОБЪЕКТОВ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ

Аннотация: в статье рассмотрено понятие «земельного участка», а также его соотношение с понятием «земля», проанализированы признаки земельных участков, а также исследованы их особенности как объектов рынка недвижимости.

Ключевые слова: рынок недвижимости, объект рынка недвижимости, недвижимое имущество, земля, земельный участок.

FEATURES OF LAND PLOTS AS OBJECTS OF THE REAL ESTATE MARKET

Annotation: the article considers the concept of "land", as well as its relationship with the concept of "land", analyzes the signs of land, and also investigates their features as objects of the real estate market.

Key words: real estate market, real estate market object, real estate, land, land plot.

В национальной экономике рынок недвижимости является важной составляющей частью. Другие рынки, такие как рынок труда, рынок капитала, не могут существовать без рынка недвижимости, так как даже финансовые

институты, для приобретения или аренды помещений, которые необходимы для их деятельности, должны быть непосредственными участниками рынка недвижимости.

Рынок недвижимости – взаимосвязанная система рыночных механизмов, которые обеспечивают создание, передачу, а также эксплуатацию и финансирование объектов недвижимости. Под объектом недвижимости понимается объект недвижимого имущества, который обладает правовым статусом и принадлежит субъекту на определенном праве [3, с. 16]. Объект недвижимого имущества – земельный участок, а также здания, сооружения и пр., которые принадлежат ему. Таким образом, основной частью в составе объекта недвижимости является именно земельный участок. Однако, как показывает практика, обособленные части зданий могут быть объектом недвижимости, при этом в правоустанавливающих документах нет указания на связь их с землей. В юридическом понимании отсутствие данной связи говорит о невозможности собственников объектов влиять на судьбу земельного участка, где построены здания, в которых есть помещения. Такое «недочет» разрешается нормами Земельного кодекса Российской Федерации, в частности принципом единства земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимости, который говорит о том, что здания, строения и сооружения следуют судьбе земельного участка [1].

Основополагающим составным элементом объекта недвижимости является земельный участок. Необходимо помнить, что понятие «земля» и «земельный участок» - не синонимы. Первый термин имеет место быть, когда идет речь о неосвоенной собственности, в то время как второй термин употребляется, когда имеются в виду части территории, на которой велись работы, в результате которых возможно использование земельного участка по целевому назначению [2, с. 31].

Можно сказать, что понятие «земельного участка» субъективно. Ф. К. Савиньи писал следующее: «Участки земли как составные элементы сплошной земной поверхности могут быть разграничены как единицы только волей человека, и это разграничение определяется то юридическими отношениями, то обычаем и способом пользования. Поэтому, называя ту или другую часть земной поверхности полем, лугом, усадьбой, мы руководствуемся исключительно произвольным разграничением. Произвол наш по существу своему непостоянен и изменчив; а потому сама собою является возможность создавать в пределах уже установившихся разграничений новые, более узкие границы; отсюда бесконечная делимость земной поверхности» [4, с. 236].

Законодатель установил следующее определение понятия «земельный участок», под которым понимается часть земной поверхности, с определенными характеристиками, позволяющими определить ее как индивидуально определенную вещь [1]. Исходя из определения, можно выделить следующие особенности земельного участка. Так, он представляет собой определенную поверхность земли, тем самым у земельного участка должна быть определенная площадь, которую возможно измерить. Земельный участок должен иметь непосредственную и неразрывную связь с землей. К тому же, у земельного участка должны быть определенные качественные характеристики состава земли (например, наличие плодородного слоя, пригодного для выращивания пищи; наличие растений и т.д.). Любой земельный участок имеет индивидуально определенные идентифицирующие признаки, отсутствие которых не позволяет земельному участку являться таковым с формально-юридической точки зрения. Такие признаки устанавливаются после постановки земельного участка на кадастровый учет. К таким признакам относятся: местоположение, площадь земельного участка, категория земель, зарегистрированные объекты недвижимого имущества (при наличии), а также кадастровый номер, который не подлежит повторению.

Большое значение имеют земельные участки как объекты недвижимости, в связи с тем, что их стоимость имеет склонность к сохранению, а также росту. Такая тенденция имеет место быть особенно в больших городах, где наблюдается дефицит земли, что ведет к росту ее стоимости.

В России формирование цен на земельные участки, в частности на плодородные участки сельскохозяйственного назначения, имеет отличительные особенности, которых нет в развитых странах. Цена на продукцию, полученная с худших участков земли, является основополагающей при формировании основных цен на земельные участки, т.е. изначально оценки подлежат плодородность и пригодность худших участков земли, после чего подлежат оценке возможные урожаи, а потом, происходит формирование цен, основанное на данных оценках, на остальные участки [5, с. 17].

Необходимо отметить, что деятельность государства, а также научно-технический прогресс способствовали тому, что непригодные для земледелия земельные участки постепенно появляются на рынке, сдвигая ранее отмеченные как худшие в сторону средних, в связи с чем необходимо пересчитывать цену.

Одной из особенностей земельного участка как объекта на рынке недвижимости является уникальность данного объекта и отсутствие замены на рынке (отсутствует возможность свободно воспроизвести такой объект недвижимости, в отличии от других объектов; земля – ограниченный природный ресурс, в результате чего можем наблюдать недостаточное предложение на рынке) [6, с. 192]. Также, к особенностям относится и ограниченное количество потребителей таких объектов в определенный период времени.

Если провести сравнение между земельными участками и другими объектами недвижимости, то можно сказать, что срок эксплуатации земельных участков не ограничен. К тому же, малое количество земельных участков под застройку оказывает влияние на повышение стоимости земли, что нельзя сказать

о стоимости зданий, сооружений. Во время расчетов коэффициента капитализации для земельного участка такая особенность учитывается.

Необходимо отметить, что, оценивая земельный участок необходимо обращать внимание и на улучшения, позволяющие эффективно его использовать. К таким улучшениям относятся устройство улиц, инженерных систем (внешние улучшения), здания, сооружения, водопровод (внутренние улучшения) и др.

Таким образом, был рассмотрен такой объект рынка недвижимости как земельный участок, а также были проанализированы его особенности.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.10.2001. № 44. ст. 4147.
2. Боровкова, В. А. Экономика недвижимости: учебник и практикум для академического бакалавриата / В. А. Боровкова, В. А. Боровкова, О. Е. Пирогова. — М.: Издательство Юрайт, 2019. 417 с.
3. Максимова С.Н. Управление недвижимостью: учебник и практикум для вузов / С.Н. Максимова – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. 457 с.
4. Савиных Ф.К. Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 576 с.
5. Тихонова К.В., Куценко А.С., Чепелев П.Д., Якунина Т.Г. Специфика земли как части рынка недвижимости. Актуальные проблемы и тенденции развития // Экономика и экология территориальных образований. 2022. № 1. С. 14-20.
6. Чибикова Т.В. Понятие, сущность и структура рынка недвижимости // Омский научный вестник. 2015. № 1. С. 190-195.

УДК 621.039

Осокин Александр Владиславович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

osokin2001@yandex.ru

Osokin Alexander

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Law

Russia, Moscow

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности правового обеспечения безопасности в сфере атомной энергии в сравнительно-правовом аспекте. Автор анализируется структура органов надзора в сфере использования атомной энергии, механизмы обеспечения безопасности объектов атомной энергии. Особое внимание автор уделяет вопросу ответственности за нарушение условий эксплуатации объектов атомной энергии, анализу моделей компенсации ущерба жертвам аварий на объектах атомной энергии.

Ключевые слова: атомная энергия, правовое обеспечение безопасности атомной энергии, государственная корпорация «Росатом», Росэнергоатом, ответственность.

LEGAL FRAMEWORK FOR NUCLEAR POWER SAFETY: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation: this article considers the peculiarities of legal security in the field of atomic energy in the comparative legal aspect. The author analyzes the structure of supervisory bodies in the field of atomic energy use, mechanisms for ensuring safety

of atomic energy facilities. The author pays special attention to the issue of liability for violation of the conditions of operation of atomic energy facilities, analyzes the models of compensation for victims of accidents at atomic energy facilities.

Key words: nuclear energy, legal support of nuclear energy safety, Rosatom State Corporation, Rosenergoatom, liability.

Атомная энергия на данном периоде развития науки и техники является единственным наиболее энергетически эффективной отраслью энергетики, а также экологически чистым видом энергии, поскольку производимая в ходе расщепления атома энергия не содержит следов загрязняющих веществ. Кроме того, атомная энергия является одним из наиболее дешевых источников энергии, поскольку она предполагает производство электроэнергии без значительных финансовых затрат, кроме тех, которые осуществляются при финансировании строительства атомной электростанции. При этом данный источник энергии таит в себе множество рисков и опасностей не только для отдельно взято экосистемы, но и для всего человечества в целом.

Примеры кристаллизации подобных рисков, к сожалению, имеют место: трагедия на Чернобыльской АЭС и на АЭС «Фукусима-1» в 1986 и 2011 гг. соответственно. Каждая из данных катастроф породила множество страхов относительно перспектив использования мирного атома, но не приводила к окончательному отказу от данной технологии: данные аварии стали лишь поводом для ужесточения регуляторных требований к деятельности в области атомной энергии. По замечаниям государственных чиновников еще в 2011 г., нововведения в Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» имеют большое значение для формирования системы государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии на протяжении всего жизненного цикла объектов ее использования [1]. Таким образом, по мере развития атомной энергии усиливались регуляторные

требования к ее использованию, в частности, к обеспечению безопасности атомных объектов.

1. Общие замечания. Существующее регулирование МАГАТЭ на международном уровне является во многом рамочным, поскольку существующие модели правового обеспечения безопасности в сфере атомной энергии различаются в зависимости от юрисдикции [2]. В частности, российское регулирование в сфере правового обеспечения безопасности в сфере атомной энергии можно назвать одним из эталонных, поскольку российская атомная энергия по своему развитию и влиянию находится на передовых мировых позициях. При этом отметим, что российская модель является высокопублицизированной, поскольку правовое обеспечение безопасности осуществляется Государственной корпорацией «Росатом» (далее – ГК «Росатом»), которая является юридическим лицом публичного права, то есть обладает не только полномочиями в сфере регулирования имущественных отношений, в сфере организационно-распорядительных полномочий, а также в сфере осуществления нормотворчества [3; 4]. Таким образом, имеет место реализация *state action theory*, когда отдельные государственные полномочия делегируются государством организованным негосударственным организациям, коим и является ГК «Росатом».

В зарубежных правовых порядках не наблюдается подобной централизации, поскольку – в зависимости от степени реализации правил МАГАТЭ – наличествует единый регуляторный орган, осуществляющий мероприятия по обеспечению безопасности объектов атомной энергии, которые являются юридическими, а не структурными подразделениями какой-либо централизованной структуры, как это имеет место в российской юрисдикции. При этом единым для всех юрисдикций является подход, связанный с осуществлением безопасности не непосредственно источников атомной энергии, а от отходов производства – радиоактивных отходов, хвостохранилищ и т.п. –

требования к безопасности, которых значительно ниже, чем к действующим объектам атомной энергии. В этой связи в сфере мероприятий по обеспечению безопасности атомной энергии, не связанной с функционированием такого объекта, а связанного с использованием, складированием или захоронением подобных отходов, допускается участие широкого круга лиц, что также влияет на безопасность атомной энергии.

2. Модели правового обеспечения безопасности атомной энергии: сравнительный анализ. В контексте сопоставления двух существующих моделей регулирования целесообразно рассмотреть следующие положения: (i) основные регуляторные органы, а также статус организаций в сфере атомной энергии; (ii) механизмы правового обеспечения безопасности объектов атомной энергии; (iii) вопросы имущественной ответственности за вред, причиненный объектами атомной энергии. В этой связи применительно к каждому вопросу будут приведены модели российского и зарубежного правопорядков в части регулирования соответствующих отношений.

2.1. Основные регуляторные органы и статус организаций в сфере атомной энергии. Применительно к наличию регуляторного органа, а также правового статуса организаций в сфере атомной энергии существуют определенные разночтения, поскольку российская модель исходит из системы компаний-матрешек, когда западные и международные стандарты исходят из наличия единого регуляторного органа в области обеспечения безопасности объектов атомной энергии, который во многом обособлен от государственной власти, а также осуществляет допуск конкретных субъектов на рынок атомной энергии.

Применительно к российскому регулятору и системе организаций в сфере атомной энергии отметим, что ГК «Росатом» обладает дуалистическим статусом, поскольку она, с одной стороны, осуществляет государственное регулирование в сфере использования атомной энергии совместно с другими органами

исполнительной власти, а, с другой стороны, является материнской компанией по отношению ко всем объектам атомной энергии, существующим на территории РФ. При этом в данном случае корпоративное управление осуществляется посредством компаний-матрешек, поскольку ГК «Росатом» владеет 95% акций в уставном капитале АО «Атомэнергопром», который, в свою очередь, владеет 100% акций АО «Концерн Росэнергоатом» [5]. В частности, ГК «Росатом» владеет в уставном капитале АО «Атомэнергопром» мизерной долей, которая существует для того, чтобы обойти запрет на создание компаний-матрешек, который установлен в абз. 2 п. 2 ст. 66 Гражданского кодекса РФ.

Последний же, в свою очередь, владеет 100% акций акционерных обществ, которыми структурируются объекты атомной энергии – АЭС на территории РФ и на территории ряда зарубежных государств (Венгрия, Египет, Турция). Таким образом, компании-матрешки в российской модели регулирования использования атомной энергии имеют широкое распространение по той причине, что государство не заинтересовано в выбытии стратегических технологий «мирного атома» из государственной монополии, вследствие чего максимально публикует эту отрасль, при этом допуская осуществление корпоративного управления имущественного комплекса атомной отрасли России в форме акционерного капитала.

Единственной особенностью российского правового регулирования атомной энергии является то, что Запорожская АЭС структурирована не в качестве филиала АО «Концерн Росэнергоатом», а в качестве эксплуатирующей организации ЗАЭС, что, тем не менее, является промежуточным этапом при преобразовании ЗАЭС в федеральное государственное унитарное предприятие [6]. Подобное решение может быть объяснено лишь тем обстоятельством, что ЗАЭС требует обновления как с точки зрения материальных активов, так и с точки зрения требований безопасности по российским стандартам в области использования атомной энергии, что с учетом ведения боевых действий в

непосредственной близости от ЗАЭС рискует оказаться проблематичным в краткосрочной перспективе.

Кроме того, важно отметить, что ГК «Росатом» осуществляет государственное регулирование в области использования атомной энергии совместно с рядом иных органов исполнительной власти. В частности, значительное число полномочий ГК «Росатом» осуществляет во взаимодействии с уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в сфере использования атомной энергии (Ростехнадзор – Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору). ГК «Росатом» осуществляет часть полномочий в сфере обеспечения безопасности либо самостоятельно, либо во взаимодействии с Ростехнадзором [4]. В частности, он осуществляет полномочия в сфере обеспечения экологической безопасности в связи с использованием атомной энергии, обеспечения безопасности перевозок ядерных материалов, обеспечение безопасности объектов атомной энергии во взаимодействии с Министерством обороны, осуществляет контроль за радиационной безопасностью на подчиненных предприятиях и организациях, а также осуществляет лицензированием деятельности в области использования атомной энергии для целей обороны страны, создания ядерного оружия.

Значительные полномочия в сфере обеспечения безопасности находится в полномочиях Ростехнадзора. В частности, Ростехнадзор осуществляет лицензирование деятельности в области использования атомной энергии [4]. Подобная структура правового обеспечения безопасности атомных объектов свидетельствует о том, что, несмотря на возможность осуществления части полномочий в сфере безопасности объектов атомной энергии и т.п. ГК «Росатом» самостоятельно, существенные надзорные полномочия находятся в сфере регулирования Ростехнадзора.

Иная ситуация имеет место в иностранных правовых порядках. В частности, европейское регулирование исходит из того, что государства-члены

Европейского союза должны учредить единый орган в сфере надзора за использованием атомной энергии, который, в свою очередь, будет подотчетен Евроатому [7]. Аналогичное регулирование характерно и для канадского регулирования, поскольку действующее законодательство в области обеспечения безопасности использования ядерной энергии предусматривает создание единого органа – Канадской комиссии по ядерной безопасности [8]. Во многом подобный подход, связанный с созданием единого регулятора, характерен для классических рыночных экономик, с одной стороны, по историческим причинам, а, с другой стороны, по причине имплементации положений и рекомендаций МАГАТЭ.

Во-первых, для классических рыночных экономик нехарактерно нахождение атомных установок или атомных реакторов в государственной собственности (вне зависимости от формального закрепления подобного имущества за определенным субъектом. Во-вторых, МАГАТЭ при осуществлении полномочий регулятором в области безопасного использования атомной энергии исходит из того, что, несмотря на отсутствие единой модели регуляторного органа, государствам надлежит определить четкий правовой статус регуляторного органа при обеспечении безопасности использования атомной энергии, а также отделять регуляторные функции от нерегуляторных функций [2].

В контексте российской действительности подобный подход, предлагаемый МАГАТЭ, логически нарушается, поскольку он исходит из наличия двух регуляторных органов – ГК «Росатом», который осуществляет полномочия в сфере имущественных отношений, частично – в сфере регуляторных полномочий, а также Ростехнадзора, который осуществляет регуляторные и надзорные полномочия в сфере обеспечения атомной безопасности. Таким образом, различия моделей регулирования в части регуляторных органов очевидны: особенности отечественного имущественного

комплекса в сфере атомной энергии привели к тому, что приватизация сферы атомной энергии рискует оказаться губительной для этого комплекса, а также может привести к государственной тайне, к коей относятся сведения о «мирном» и «военном» атоме [9; 10]. В этой связи организация регуляторных органов в различных правопорядках – прямое следствие экономических связей, а также степени государственного проникновения в сферу правового обеспечения безопасности атомных объектов.

2.2. Механизмы правового обеспечения безопасности объектов атомной энергии. Основные механизмы по правовому обеспечению безопасности объектов атомной энергии сводятся к тому, что в число регуляторных полномочий входят следующие меры: (i) уведомление регуляторного органа со стороны заинтересованных лиц о намерении осуществлять деятельность в области использования атомной энергии; (ii) допуск к осуществлению деятельности в области использования атомной энергии, или лицензирование такой деятельности; (iii) проверка соблюдения обязательных требований в области использования атомной энергии; (iv) создание системы мер публично-правового и частноправового принуждения, системы ответственности; (v) возможность обжалования решений регуляторного органа, в том числе в судебном порядке [2].

Совокупность данных мер, предлагаемых МАГАТЭ, во многом принимается всеми регуляторными органами по всему миру, вследствие чего существенных отличий в данном случае применительно к российскому или зарубежному правопорядкам не существует. Однако данная модель исходит из того, что вход на рынок использования атомной энергии не монополизирован государством, а может осуществляться и относительно независимыми субъектами, вследствие чего предоставление им средств правовой защиты административного и судебного характера является весьма целесообразной мерой.

При этом есть исключительно российские особенности правового обеспечения безопасности объектом атомной энергии. В частности, любопытной и, крайне важной, особенностью является то, что в отношении объектов атомной энергии запрещено осуществлять фото- и/или видеосъемку. Подобный запрет основывается на следующем. Действующее законодательство исходит из того, что одним из основных принципов правового регулирования в области использования атомной энергии является доступность информации в сфере использования атомной энергии, если эта информация не содержит сведений, составляющих государственную тайну [4].

При этом обращение к подзаконным актам в сфере установления содержания понятия «государственная тайна» свидетельствует о том, что в сведения, составляющие государственную тайну, входят сведения о проектировании, сооружении, эксплуатации, обеспечении безопасности объектов ядерного комплекса, о физической защите ядерных материалов, изделий на их основе, ядерных установок, пунктов хранения ядерных материалов, об охране ядерно опасных или радиационно опасных объектов [11]. Кроме того, объекты ядерного комплекса представляют собой режимные объекты по той причине, что АЭС – это объект, на котором ведется работа с использованием сведений, составляющих государственную тайну, и для функционирования которой установлены специальные меры безопасности. В таком случае АЭС представляет собой режимный объект, вследствие чего фото- и видеосъемка на таком объекте должны ограничиваться.

Иным механизмом правового обеспечения безопасности объектов атомной энергии, а также радиоактивных отходов от использования объектов атомной энергии является предоставление отдельных привилегий субъекту, осуществляющему деятельность по поддержанию безопасности пункта хранения радиационного источника. В частности, показательным является дело о банкротстве ОАО «ГМЗ» в Ставропольском крае. В рамках изменения

очередности удовлетворения имущественных требований кредиторов Должника конкурсный управляющий мотивировал такое изменение тем, что существует необходимость продолжения осуществления Должником производственной деятельности в целях обеспечения безопасности пункта хранения радиационного источника, предотвращения увольнения работников и угрозы прекращения поставки тепло- и электроэнергии в г. Лермонтове, а также сохранения единого производственного комплекса на базе имущества должника и наиболее выгодной его реализации.

При этом существует неопределенность относительно правового статуса хранилища радиоактивных отходов (далее – хвостохранилище), входящего в имущественный комплекс Должника, а также заполнения карт хвостохранилища (передача на хранение) нерадиоактивным фосфогипсом от переработки апатита. В частности, существуют противоречия между судебным решением в рамках производства по делу о несостоятельности (банкротстве) и позициями соответствующих контрольно-надзорных органов [12; 13].

Судебная практика исходит из того, что «хвостохранилище, являющееся радиационно опасным объектом, не было выведено из эксплуатации и захоронено. Именно поэтому ОАО «ГМЗ» был признан эксплуатирующей организацией, осуществляющей работы по закрытию радиационно опасного объекта, несущим ответственность за безопасное состояние хвостохранилища, в том числе устранение радиационного воздействия радиоактивных отходов на окружающую среду и население». Кроме того, «в случае невозобновления Должником производственной деятельности 10.10.2018 и в последующем непринятии конкурсным управляющим мер по продолжению ее осуществления могла возникнуть опасность распространения радиоактивных веществ, а также прекращения поставки тепло- и электроэнергии в городе Лермонтов, что привело бы к нарушению функционирования всех систем жизнеобеспечения более 22,6 тысяч человек, угрозе их жизни и здоровью».

При этом подобная неопределенность привела к возникновению проблемы определения статуса подобного хвостохранилища. В частности, целесообразно выделить две позиции относительно данного объекта.

В первом случае, если хвостохранилище будет признано радиационно опасным объектом, то деятельность эксплуатирующей организации (ОАО «ГМЗ») будет подлежать лицензированию.

Лицензированию подлежат виды деятельности в области использования атомной энергии – размещение, сооружение, эксплуатации и вывод из эксплуатации ядерных установок, радиационных источников, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранилищ радиоактивных отходов и т.п. Следовательно, хвостохранилище ОАО «ГМЗ», являясь радиационно опасным объектом, должно получить разрешение от соответствующего государственного органа на осуществление деятельности в области использования атомной энергии.

На данный момент ОАО «ГМЗ» не имеет действующего разрешения (лицензии) на осуществление работ в области использования атомной энергии. Отсутствие соответствующего разрешения (лицензии) влечет привлечение Должника к административной ответственности за нарушение правил использования атомной энергии и учета ядерных материалов и радиоактивных веществ [14].

Кроме того, должник в рамках спора с Росприроднадзором относительно платы за негативные воздействия на окружающую среду (в процессе производственной деятельности Должника вырабатывался фосфогипс (отход IV класса опасности – малоопасный отход), который размещался (хранился) на объекте) первому удалось убедить Верховный Суд РФ, а также нижестоящие инстанции в следующем. «Отходы (фосфогипс) размещались (хранились) на хвостохранилище на законном основании, поскольку деятельность ответчика по рекультивации объекта имеет природоохранное значение и направлена на

обеспечение радиационной безопасности, окружающей среды – слой нейтрализованного фосфогипса практически исключает эсхалацию радона и не выделяет вредных веществ. В этой связи отсутствуют правовые основания для возложения обязанности по внесению платежей за негативное воздействие на окружающую среду» [15].

В случае, если хвостохранилище является радиоактивным объектом, то ОАО «ГМЗ» при наличии соответствующего разрешения на осуществление работ в области использования атомной энергии вправе не платить за негативное воздействие на окружающую среду в связи с выбросом фосфогипса в процессе производственной деятельности и использованием его для целей рекультивации хвостохранилища.

Во втором случае, если хвостохранилище не будет признано радиационно опасным объектом, то ОАО «ГМЗ» будет вынуждено осуществлять платежи за негативное воздействие на окружающую среду. Эксплуатируемое Должником хвостохранилище является специализированным объектом, предназначенным для размещения (хранения) отходов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, не требующую дополнительного подтверждения. Следовательно, в отсутствие специального разрешения на осуществление работ в области использования атомной энергии и необходимости рекультивации хвостохранилища Должник не освобождается от платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Таким образом, механизмы правового обеспечения безопасности атомных объектов или радиационно опасных объектов имеет под собой прямое влияние на имущественные правоотношения даже в такой централизованной правовой модели как Российская Федерация, не допускающая участия относительно независимых от государства лиц в использовании атомной энергии.

2.3. Ответственность за вред, причиненный при использовании атомной энергии. Вопросы ответственности за вред, причиненный при

использовании атомной энергии, на данный момент не является вполне ясным, поскольку аварии с участием объектов атомной энергии не являются частым явлением, вследствие чего механизмы компенсации, с частноправовой точки зрения, на данный момент не выработаны. В частности, все международные конвенции, связанные с установлением имущественных санкций для государства как собственника объектов ядерного комплекса и иных радионно опасных объектов, сводятся к тому, что размер ответственности государства ограничивается, а вероятный вред компенсируется посредством внедрения системы страхования ответственности [16, с. 19].

Аналогичная ситуация наблюдалась и при катастрофе на АЭС «Фукусима-1», когда суд снял с государства обязанность по возмещению вреда, причиненного радиацией, населению Японии и обязал выплатить компенсацию лишь отдельным лицам, проживавшим в непосредственной близости от АЭС «Фукусима-1». При этом, как отмечается в доктрине, предусматривалось создание специального комитета по разрешению споров относительно компенсации ядерного ущерба, разработка в целях содействия внесудебному урегулированию споров руководств и рекомендаций, касающихся размера и правил определения подлежащего возмещению ущерба, а также проведение исследований и определение ядерного ущерба для вышеуказанных целей [17, с. 770-771].

Единственным приемлемым, но не частноправовым, примером по попытке компенсации ущерба от последствий чернобыльской катастрофы является предоставление ряда льгот и социальных гарантий для непосредственно ликвидаторов аварии, а также для граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы [18]. Последствия кыштымской катастрофы не были каким-либо образом отмечены в правовом поле, поскольку данная катастрофы замалчивалась, вследствие чего отсутствовали разного рода компенсации.

Любопытным аспектом, связанным с публично-правовой ответственностью, является наличие в праве вооруженных конфликтов положения, согласно которому международно-правовой защите подлежит «атомная электростанция», включая ядерный реактор, что, однако, не включает в себя вспомогательную инфраструктуру [19]. В доктрине по этому поводу отмечается, что необходимо осуществить полный запрет на ведение боевых действий в отношении вспомогательной инфраструктуры, примером чему являются систематические обстрелы ЗАЭС со стороны украинской стороны [16, с. 21]. Таким образом, ведение боевых действий в непосредственной близости или на территории АЭС рискует оказаться крайне опасным не только для сторон конфликта, но и для нейтральных стран, поскольку радиационное заражение может распространиться неконтролируемым образом.

3. Краткие выводы. По мере рассмотрения правового обеспечения безопасности использования атомной энергии целесообразно прийти к следующим выводам. Во-первых, регулирование атомной энергии может осуществляться как единым регуляторным органом, так и в «дуалистической системе», когда соответствующие полномочия распределены между отдельными ведомствами. Подобное разделение может быть актуальным в государствах со значительным государственным сектором в экономике, а также с развитой атомной промышленностью.

Во-вторых, основные механизмы по правовому обеспечению безопасности атомных объектов сводятся к ординарным процедурам, которые свойственны для любой сферы деятельности с повышенными рисками. При этом для объектов атомной энергии создается дополнительная защита (запрет на фото- и видеосъемку), а также ряд бюрократических рент, позволяющих, напр., в деле о банкротстве «включиться» в состав кредиторов по текущим платежам при наличии радиационно опасного объекта, что стимулирует хозяйствующих

субъектов к обеспечению деятельности по поддержанию безопасности подобных объектов.

В-третьих, основные компенсационные механизмы за вред, причиненный использованием атомной энергии, в недостаточной степени развиты, поскольку представляют собой ситуации единичного характера. В частности, пример с АЭС «Фукусима-1» является нерелевантным по той причине, что компенсации определялись в дискреционном характере, а чернобыльская катастрофа решалась административными путями – посредством предоставления соответствующих льгот и социальных гарантий, что нехарактерно для классической рыночной экономики и имущественной ответственности.

В-четвертых, защита объектов ядерного комплекса в ходе вооруженных конфликтов требует значительного пересмотра, поскольку актуальный вооруженный конфликт свидетельствует о том, что объекты атомной энергии нуждаются в повышенной защите по причине рисков для множества лиц, в том числе и для населения нейтральных стран. Кроме того, прямое использование объектов атомной энергии в военных целях должно быть исключено.

Список литературы:

1. Липатов Ю. Комментарии относительно нового законопроекта в сфере атомной энергии [Электронный ресурс] // URL: <http://duma.gov.ru/news/6310/>.
2. Stoiber C., Cherf A., Tonhauser W., Vez Carmona M. Handbook on Nuclear Law: Implementing legislation. – Vienna, 2010. 168 p.
3. Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // «Собрание законодательства РФ», 2007, № 49, ст. 6078.
4. Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» // «Собрание законодательства РФ», 1995, № 48, ст. 4552.
5. Акционерный капитал АО «Росэнергоатом» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rosenergoatom.ru/shareholders/aktsionernyy-kapital/>.

6. Указ Президента РФ от 05.10.2022 № 711 «Об особенностях правового регулирования использования атомной энергии на территории Запорожской области» // «Собрание законодательства РФ», 2022, № 41, ст. 7046.
7. Council Directive 2009/71/Euratom of 25 June 2009 establishing a Community framework for the nuclear safety of nuclear installations // OJ. L. 172, 2.7.2009, p. 18-22.
8. Nuclear Safety and Control Act // S.C. 1997, с. 9.
9. Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» // Собрание законодательства РФ, 1995, № 49, ст. 4775.
10. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // «Собрание законодательства РФ», 1997, № 41, ст. 8220-8235.
11. Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» // «Собрание законодательства РФ», 1995, № 49, ст. 4775.
12. Определение Арбитражного суда Ставропольского края от 16.09.2019 по делу № А63-2940/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Арбитражного суда Ставропольского края от 02.07.2021 года по делу № А63-6407/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
15. Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2018 № 308-ЭС18-13423 по делу № А63-6104/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
16. ElBaradei M., Nwogugu E., Rames J. International law and nuclear energy: Overview of the legal framework // IAEA Bulletin. № 3. 1995. P. 16 - 25.

17. Кожеуров Я. С. Международно-правовые аспекты возмещения ядерного ущерба, причиненного аварией на АЭС «Фукусима-1» // Актуальные проблемы российского права. № 6. 2013. С. 768 - 774.

18. Закон Российской Федерации от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // «Ведомости СНД и ВС РСФСР», 1991, № 21, ст. 699.

19. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол 1) от 08.07.1977 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. - М., 1993. С. 134-182.

Рассказов Александр Александрович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
<mailto:alexandr.ras.505@yandex.ru>
Rasskazov Alexander
Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

НАИЛУЧШИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОСНОВА ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Аннотация: в настоящей статье рассмотрен вопрос совершенствования механизма охраны окружающей среды, а именно атмосферного воздуха, как одного из ключевых её элементов. Автором рассмотрен подход к определению ущерба, причиняемого окружающей среде в результате хозяйственной деятельности. Также проведен анализ ряда нормативно-правовых актов, регулирующих производственные процессы. По итогам анализа автором выдвинуто предложение по совершенствованию действующего законодательства в указанной сфере. Представляется, что выдвинутое предложение отвечает действующим принципам охраны окружающей среды, закрепленным в федеральном законодательстве.

Ключевые слова: атмосферный воздух, охрана окружающей среды, ущерб окружающей среде, межгосударственный стандарт (ГОСТ), правонарушение.

THE BEST TECHNOLOGIES AS THE BASIS OF ATMOSPHERIC AIR PROTECTION

Annotation: this article discusses the issue of improving the mechanism of environmental protection, namely atmospheric air, as one of its key elements. The author considers an approach to determining the damage caused to the environment as a result of economic activity. The analysis of a number of regulatory legal acts regulating production processes is also carried out. Based on the results of the analysis, the author put forward a proposal to improve the current legislation in this area. It seems that the proposed proposal meets the current principles of environmental protection enshrined in federal legislation.

Key words: atmospheric air, environmental protection, environmental damage, interstate standard (GOST), offense.

Атмосферный воздух представляет собой компонент окружающей среды, который обеспечивает нормальное функционирование всех живых организмов. Закон определяет атмосферный воздух как жизненно важный компонент окружающей среды, представляющий собой естественную смесь газов атмосферы, находящуюся за пределами жилых, производственных и иных помещений [1]. Нарушения в сфере охраны атмосферного воздуха представляются одними из наиболее опасных, поскольку влекут за собой комплекс негативных последствий. Так, по оценке, проведенной ещё в 1990 году профильными специалистами, только один угольный отвал наносил ущерб на 40 тысяч рублей, что в пересчёте на сегодняшний день составляет без малого 2 миллиона рублей [2]. Также следует отметить, что выбросы в атмосферный воздух отличаются сложностью их выявления. Как правило, органолептический метод является недостаточным и требуется привлечение специалистов и экспертов в этой сфере. Об этом свидетельствует тот факт, что возбуждение уголовного дела или дела об административном правонарушении в сфере охраны атмосферного воздуха как по мнению учёных, так и на практике вызывает

множество сложностей, связанных с формированием доказательной базы в каждом случае [3]. В свете вышесказанного представляется, что обеспечение надлежащей охраны атмосферного воздуха является одной из первостепенных задач законодателя на сегодняшний день.

Федеральное законодательство устанавливает общие принципы охраны окружающей среды. В число принципов входит следующий: обеспечение снижения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в соответствии с нормативами в области охраны окружающей среды, которого можно достигнуть на основе использования наилучших доступных технологий с учетом экономических и социальных факторов [4]. Применительно к охране атмосферного воздуха данный принцип позволяет заключить, что всем субъектам экономической деятельности надлежит применять газоочистные установки, обеспечивающие снижение уровня негативного воздействия на окружающую среду. Однако современная экономическая деятельность в большинстве случаев регулируется подзаконными актами и профильными постановлениями министерств, ведомств и агентств, например, национальными стандартами РФ (далее – ГОСТ). Однако не все современные ГОСТы содержат требование об обязательности установки газоочистного оборудования. Например, ГОСТ «Установки котельные. Общие технические требования» устанавливает обязательность газоочистного оборудования только для котельных установок, работающих на твердом топливе, а также тех, при работе которых образуются зольные остатки [5]. Однако на практике суд зачастую обязывает устанавливать газоочистное оборудование несмотря на отсутствие данного требования в ГОСТе. Например, Арбитражный суд Дальневосточного округа указал, что предприниматели, осуществляя деятельность на имеющихся объектах негативного воздействия на окружающую среду обязаны принимать меры по снижению уровня загрязнения атмосферного воздуха, сокращению выбросов, в том числе посредством очистки

и (или) обезвреживания выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух с использованием газоочистных установок. Отдельно указывается, что иное толкование закона влечет нарушение обозначенного в статье 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» принципа обеспечения снижения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в соответствии с нормативами в области охраны окружающей среды, которого можно достигнуть на основе использования наилучших доступных технологий с учетом экономических и социальных факторов [6]. Подобное применением норм-принципов судом, содержащихся в законе, является весьма распространённым. Однако для предпринимателей данный порядок представляется угрожающим их хозяйственной деятельности, поскольку отсутствуют точные критерии, когда необходимо применять газоочистные установки. Следовательно, необходимо сформировать единый подход судебной системы к рассмотрению данной категории споров.

На сегодняшний день существуют алгоритмы расчета потенциала негативного воздействия каждого объекта негативного воздействия на окружающую среду [7]. С учетом того, что объём выбросов установок, которые могут работать по ГОСТу без газоочистного оборудования, зачастую составляет подавляющее большинство источников негативного воздействия на окружающую среду, необходимо определить помимо конкретных установок, где их установка необязательна также и предельную их долю на предприятии. Данный подход позволит субъектам предпринимательской деятельности точно рассчитать объем затрат на газоочистное оборудование, а также значительно снизит уровень негативного воздействия на окружающую среду.

Таким образом, на сегодняшний день в России существуют многочисленные правила охраны атмосферного воздуха, которые содержат нормы, соответствующие принципам охраны окружающей среды, однако, как было сказано выше, не все нормы соответствуют данным основным началам.

Также следует отметить автор учитывает тот факт, что различные источники выбросов создают минимальный объем выбросов в окружающую среду на отдельном предприятии. При этом следует понимать, что особенностью охраны окружающей среды является необходимость комплексной оценки каждого фактора. Следовательно, если провести оценку степени негативного воздействия объектов, не оснащенных газоочисткой, например, на уровне субъекта РФ, то необходимость установки специального оборудования станет очевидной, значит, предложенное нововведение является необходимым условием надлежащей охраны атмосферного воздуха.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» // Собрание Законодательства РФ от 03.05.1999, № 18, ст. 2222; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/> (ред. от 11.06.2021).

2. Черных О.В. Стоимостная оценка отрицательных социально-экономических последствия загрязнения атмосферного воздуха продуктами горения породных отвалов угольных шахт // Гигиена и санитария. 1990. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stoimostnaya-otsenka-otritsatelnyh-sotsialno-ekonomicheskikh-posledstviy-zagryazneniya-atmosfernogo-vozduha-produktami-goreniya> (дата обращения: 05.04.2023).

3. Ершова К.А. Вопросы применения административной и уголовной ответственности за загрязнение атмосферного воздуха (на примере Свердловской области) // Юридические исследования. 2019. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-primeneniya-administrativnoy-i-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-zagryaznenie-atmosfernogo-vozduha-na-primere-sverdlovskoy-oblasti> (дата обращения: 05.04.2023).

4. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание Законодательства РФ от 14.01.2002, № 2, ст. 133; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/> (ред. от 14.07.2022)

5. Национальный стандарт РФ «Установки котельные. Общие технические требования. ГОСТ Р 55173-2012» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200103141> (дата обращения: 06.04.2023).

6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 7 апреля 2022 г. по делу № А73-13657/2021 [Электронный ресурс] // Судакт судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/e5yOLdeMebbp/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=Ф03-755%2F2022&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1680768587380 (дата обращения: 06.04.2023).

7. Зильберман М.В., Черепанов М.В., Пичугин Е.А., Шенфельд Б.Е., Дьяков М.С. Оценка потенциала воздействия на компоненты природной среды выбросов загрязняющих веществ объектов негативного воздействия на окружающую среду // Экология урбанизированных территорий. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-potentsiala-vozddeystviya-na-komponenty-prirodnoy-sredy-vybrosov-zagryaznyayuschih-veschestv-obektov-negativnogo> (дата обращения: 06.04.2023).

УДК 349.6

Сидорова Екатерина Юрьевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита (факультет)

Россия, Москва

[Sidorova kt@mail.ru](mailto:Sidorova_kt@mail.ru)

Sidorova Ekaterina

Lomonosov Moscow State University

Higher School of State Audit (faculty)

Russia, Moscow

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО
ВОПРОСАМ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЛЕСНЫМ
НАСАЖДЕНИЯМ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И
ПРАКТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Аннотация: в статье анализируются основные подходы к исчислению размера вреда, причиненного лесным насаждениям, через призму сложившейся судебной практики. Автором отмечается, что преобладающий в судебной практике подход к исчислению вреда, основанный на применении наибольшей ставки основной лесообразующей породы субъекта Российской Федерации, отражает принцип эффективного государственного управления в сфере рационального использования лесов. Подобный «вектор» правоприменительной практики, по мнению автора, способствует достижению основной цели государства – обеспечение устойчивого лесовосстановления и повышение лесного потенциала страны.

Ключевые слова: государственное управление, таксы, возмещение вреда, лесные насаждения, лесообразующая порода.

**THE EFFICIENCY OF STATE MANAGEMENT OF COMPENSATION FOR
DAMAGE CAUSED TO FOREST STANDS: LEGISLATIVE REGULATION
AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Annotation: the article analyzes the main approaches to calculating the amount of damage caused to forest stands through established judicial practice. The author notes that the approach to the calculation of damage recently confirmed by the Supreme Court, which is based on the use of the highest rate of the main forest-forming species of the region, reflects the principle of effective state management in the sphere of rational use of forests. Such a "vector" of law enforcement practice, in the author's opinion, contributes to the achievement of the main goal of the state - to ensure sustainable reforestation and increase the forest potential of the country.

Key words: public administration, tax rates, damage compensation, forest stands, forest-forming type, ecosystem.

Об эффективности государственного управления в сфере использования и охраны лесов следует судить по достижению (или не достижению) поставленных целей и реализации задач в данной сфере. В современное время, принимая во внимание цели государства, направленные на повышение эффективности государственного управления в области устойчивого лесопользования, судебные органы во главе с Верховным судом Российской Федерации (далее – РФ) определили дальнейший вектор направления в разрешении споров, возникающих в сфере возмещения вреда, причиненного лесам.

В связи с тем, что возмещение вреда, причиненного лесным насаждениям, является одним из направлений государственного управления в сфере использования и охраны лесов, представляется необходимым разобраться в сущности данного правового института, а также проанализировать его эффективность с точки зрения реализации государственных задач в указанной области. Ведь от того, какой механизм возмещения вреда, причиненного лесным

насаждениям, будет обеспечиваться на государственном уровне, и прежде всего, в правоприменительной сфере, от этого будет зависеть состояние не только всех лесных ресурсов страны, но и иных компонентов природной среды, находящихся в тесной взаимосвязи с ними.

Традиционный подход к определению правовой природы возмещения вреда базируется на устоявшемся представлении о том, что само по себе возмещение вреда является мерой юридической ответственности частноправового характера. Действительно, как справедливо подчеркивал С.А. Боголюбов, имущественная ответственность, закрепленная в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», по своей правовой природе наиболее схожа с гражданско-правовой ответственностью, однако все же обладает своей спецификой [1 с. 212].

При этом, одной из особенностей института возмещения вреда, причиненного лесам как компонентам окружающей среды вследствие нарушения норм лесного законодательства, является то, что в отличие от гражданско-правовой ответственности, основной целью которой является защита имущественных интересов собственника, его главной задачей выступает восстановление прежнего состояния и охрана самой окружающей среды [2 с. 237]. Именно последнее отражает публичный интерес к одному из важнейших компонентов природной среды – лесам, ответственность эффективного регулирования которых лежит на государстве.

Весьма ярким примером публично-правового элемента, присущего институту возмещения вреда окружающей среде, является порядок определения размера причиненного окружающей среде вреда, в частности, установленный на законодательном уровне таксовый метод.

Стоит подчеркнуть, что впервые ответственность в форме «взыскания штрафных денег за самовольную порубку лесов» вместе с последующим закреплением на государственном уровне определенных такс была введена

Павлом I в 1799 году [3]. В Инструкции обер-форштмейстеру устанавливалось, что за причинение вреда лесам размер штрафа, подлежащего взысканию, определялся сельским сходом. Однако после того, как было выявлено, что сельский сход определял размер штрафа ниже стоимости официального оформления документов для целей заготовки леса, Павлом I было принято решение установить новую систему такс, подлежащих применению в случае осуществления самовольной вырубki леса.

Рассматривая применение определенных такс при расчете причиненного вреда целый ряд ученых в своих научных трудах начали выделять как таковую таксовую ответственность, которая до сегодняшнего дня вызывает множество дискуссий. Так, например, В.В. Петров считал, что «таксовая ответственность представляет собой самостоятельный вид ответственности по природоресурсному законодательству» [4 с. 154]. А под таксами ученый понимал условные единицы оценки ущерба, сопряженные с затратами, произведенными для осуществления лесного хозяйства, целью которых является необходимость наказания виновного.

Современное законодательство в области лесных отношений закрепляет три разновидности такс [5]:

1. Таксы, установленные для исчисления размера вреда, причиненного лесным насаждениям, заготовка древесины которых допускается;
2. Таксы, установленные для исчисления размера вреда, причиненного лесным насаждениям, заготовка древесины которых не допускается;
3. Таксы, установленные для исчисления размера вреда вследствие нарушения лесного законодательства (за исключением вреда, причиненного лесным насаждениям).

В настоящее время размер ущерба, причиненного лесам, исчисляется в денежном выражении на основании соответствующих такс и методики. При чем, стоит подчеркнуть, что размер такс за единицу объема (куб.м.) уничтоженных,

поврежденных или срубленных деревьев находится в прямой зависимости от субъекта РФ, на территории которого был нанесен вред лесам.

При более подробном изучении специфики такс, установленных для расчета размера вреда тем лесным насаждениям, заготовка древесины которых запрещена, можно увидеть, что законодатель провел разграничение между случаями повреждения деревьев, не влекущего прекращения их роста, и полном уничтожении или повреждении до степени прекращения роста деревьев, за которое установлены повышенные размеры такс. Данная ситуация наглядно демонстрирует реализацию законодательно установленного принципа возмещения вреда окружающей среде в полном объеме, учитывая приоритет публичного интереса в данной сфере.

Однако стоит подчеркнуть, что несмотря на наличие достаточно подробного правового регулирования института возмещения вреда лесным насаждениям, в состав которого входят не только нормы Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ, Лесного кодекса РФ, Федерального закона «Об охране окружающей среды», но и различные методики определения возмещения вреда, содержащие обоснованные расчеты, в настоящее время так и не сложилось единообразного подхода к их применению. А установленные методики расчета вреда окружающей среде по-прежнему вызывают вопросы и регулярно подвергаются пересмотру с точки зрения их соответствия конституционным нормам.

Одной из наиболее сложных проблем при расчете размера вреда, подлежащего возмещению вследствие нарушения лесного законодательства, является вопрос о том, какие ставки платы должны подлежать применению при расчете размера причиненного вреда: ставки, установленные для основной лесообразующей породы в субъекте РФ (иными словами – максимальные ставки платы по субъекту РФ) или ставки конкретного лесотаксового района, на территории которого лесным насаждениям был причинен вред.

Соответствующий выбор осложняется и тем, что при применении различных ставок суммы взыскания могут сильно варьироваться и отличаться друг от друга в несколько раз.

Механизм возмещения вреда, причиненного лесам, регламентируется Постановлением Правительства РФ от 29.12.2018 №1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» (далее – Постановление №1730).

Исходя из пункта 6 Приложения №3 к Постановлению №1730 сумма причиненного ущерба должна исчисляться с учетом применения наибольшей ставки платы за единицу объема древесины основной лесообразующей породы в субъекте РФ, а не в конкретном лесотаксовом районе, где был причинен вред. Однако, как показывает судебная практика, соответствующее положение нередко оспаривается и многие суды в рамках апелляционного и кассационного рассмотрения приходят к выводу о необходимости учета именно местных ставок.

Так, например, при рассмотрении арбитражным апелляционным судом жалобы ООО «Лукойл-Коми» [6], суд исходил из следующего: вследствие разлива нефти из-за разгерметизации нефтепровода решением Арбитражного суда Республики Коми с ООО «Лукойл-Коми», причинившего ущерб лесному фонду, было взыскано более 5 млрд. рублей в качестве возмещения вреда. Сумма причиненного ущерба была рассчитана на основании пункта 6 Приложения №3 к Постановлению №1730, в соответствии с которым за порчу почв размер взыскиваемого ущерба составляет 4-кратный размер наибольшей ставки платы за единицу объема древесины лесообразующей породы, которой в соответствии с Лесным планом Республики Коми является ель. В сноске 7 к пункту 6 Приложения №3 к Постановлению №1730 содержится отсылка к тому, что наибольшее значение ставки платы, подлежащее применению, определяется

Постановлением Правительства РФ от 22 мая 2007 года №310 «О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности» (далее – Постановление №310).

В результате, судом первой инстанции расчет производился исходя из наибольшей ставки платы за единицу объема древесины в Республике Коми (130,86 рублей), а суды апелляционной и кассационной инстанции в основу расчета с учетом всех обстоятельств дела положили наибольшую ставку платы в конкретном лесотаксовом районе Республики Коми, где был причинен ущерб лесному фонду (размер местной ставки составил 71,1 рубль за единицу объема ели). В обоснование своей позиции суды апелляционной и кассационной инстанций указывали, что, во-первых, в Постановлении №310 не устанавливается наибольшая ставка платы за ель по Республике Коми, а во-вторых, пункт 6 Приложения №3 к Постановлению №1730 не содержит прямого указания на необходимость применения «наибольшей из наибольших ставок», установленных для всех лесотаксовых районов субъекта РФ.

Однако в марте 2023 года Верховный суд РФ занял совершенно иную позицию, указав, что в подобных случаях необходимо буквально толковать пункт 6 Приложения №3 к Постановлению №1730: им устанавливается, что размер ущерба за снятие или уничтожение почв составляет 4-кратную наибольшую ставку платы за единицу объема древесины основной лесообразующей породы в субъекте РФ. Таким образом, постановления апелляционного и кассационного судов были отменены, а решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Указав на буквальное толкование данного положения, Верховный суд РФ тем самым подтвердил, что независимо от того, произрастала ли основная лесообразующая порода субъекта РФ на территории лесотаксового района, которому был причинен вред или нет, все равно подлежит применению

максимальная ставка лесобразующей породы субъекта РФ. Иными словами, в случае, если на 80% территории лесного фонда, которой был причинен вред, произрастала береза, а основной лесобразующей породой субъекта РФ согласно лесному плану была признана ель, то при определении размера вреда необходимо было применять наибольшую ставку платы, установленную в субъекте РФ для ели.

Несмотря на наличие большого числа судебных разбирательств, в рамках которых хозяйствующие субъекты, причинившие вред лесным ресурсам, пытаются оспорить расчеты, производимые судами на основании буквального толкования методики, позиция, которую занял Верховный суд РФ, представляется обоснованной и справедливой ввиду следующего:

1. Формальный подход к применению ставок платы при расчете размера вреда, причиненного лесным насаждениям, и буквального толкование методики обусловлено именно невозможностью точно установить, какой размер и степень вреда были причинены компонентам окружающей среды;

2. Такой природный ресурс как лес представляет собой комплексную экосистему и находится в тесной взаимосвязи с другими компонентами окружающей среды, в связи с чем негативное воздействие на один из компонентов экосистемы может повлечь собой причинение вреда другим компонентам (животному миру, подземным водам и т.д.) [7];

3. Расчет причиненного вреда на основании наибольшей ставки основной лесобразующей породы субъекта РФ обусловлен тем, что одной из основных задач государства в области национальной лесной политики является сохранение и воспроизводство более ценных лесных пород, расширение потенциала леса как с экологической, так и с экономической точек зрения.

Подводя итог, стоит подчеркнуть, что политика государства в области обеспечения устойчивого и неистощительного использования лесов должна исходить из того, что лесные ресурсы требуют не только разумного и

рационального потребления, но и обеспечения их долгосрочной охраны, восстановления и воспроизводства. Именно поэтому государство в лице своих уполномоченных органов на законодательном, исполнительном и правоприменительном уровнях через различные законодательно закрепленные механизмы призвано оказывать воздействие на состояние окружающей среды и регулировать отношения в сфере взаимодействия общества и природы.

До вынесения решения Верховным судом РФ по вопросу определения размера ставки платы в целях возмещения вреда, причиненного лесным насаждениям, суды нередко занимали абсолютно противоположные позиции при разрешении подобных ситуаций. Но в марте 2023 года Верховный суд РФ четко изложил свою позицию, что позволило внести ясность в порядок исчисления причиненного лесам вреда. При этом, несмотря на то, что многие специалисты по-прежнему не исключают возможности оспаривания конституционности пункта 6 Приложения №3 к Постановлению №1730 с целью учета реальной экономической составляющей, представляется, что действующий подход к определению ставок, поддержанный Верховным судом РФ, наглядно демонстрирует те самые специфические черты имущественной ответственности за вред, причиненный лесным насаждениям, равно как и наличие публично-правового регулирования, в основе которого лежит необходимость устойчивого лесовосстановления и приумножения лесного потенциала страны.

Список литературы:

1. Экологическое право: учебник для академического бакалавриата / под ред. С. А. Боголюбова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт. 2014. 382 с.
2. Князев М.А. К вопросу об эффективности норм, регулирующих возмещение экологического вреда. Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2008. – № 3. – С. 233-240.

3. Полное собрание законов Российской империи. Том XXV: 1798-1799. №18302-19240. – СПб.: в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. 933 с.

4. Варфоломеев В.П., Петров В.В. Охрана окружающей природной среды. Постатейный комментарий к Закону России. – М.: Республика, 1993. 224 с.

5. Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 №1730 (ред. от 18.12.2020) «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» // СЗ РФ. 2019. №1. Ст. 25.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2023 N 301-ЭС22-22981 по делу N А29-13206/2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ecoindustry.ru/judgments/view/2581.html>

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 №12-П "По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации "Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Заполярье" // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201506050001>

Смирнова Ирина Александровна

Российский государственный университет правосудия

Россия, Москва

iren_vandaler@mail.ru

Smirnova Irina Alexandrovna

Russian State University of Justice

Russia, Moscow

**К ВОПРОСУ О «ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗНООБРАЗИИ»
НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ В ИНСТИТУТЕ УПРАВЛЕНИЯ
МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ**

Аннотация: статья посвящена вопросам соотношения понятий в отношении многоквартирных домов и управления многоквартирных домов. Рассмотрено соотношение некоторых понятий, а также проблемы их применения на практике.

Ключевые слова: жилье, жилище, жилое помещение, перепланировка, переустройство, переоборудование, реконструкция, модернизация.

**ON THE ISSUE OF THE «TERMINOLOGICAL DIVERSITY» OF SOME
CONCEPTS IN THE INSTITUTE OF MANAGEMENT OF APARTMENT
BUILDINGS**

Annotation: the article is devoted to the correlation of concepts in relation to apartment buildings and management of apartment buildings. The correlation of some concepts is considered, as well as the problems of their application in practice.

Key words: dwelling, living space, redevelopment, remodeling, re-equipment, reconstruction, modernization.

В науке жилищного права не выработано единообразных подходов к понятийному аппарату, в том числе некоторых терминов, как правило, характерных именно для специфики жилищного законодательства и смежных отраслей. Разнообразие понимания (как научного, так и бытового) в отношении определенных терминов является существенной трудностью жилищного права, которая создает преграды для понимания норм жилищного законодательства.

Начнем рассмотрение терминологии с раскрытия этимологии понятий «жилище», «жилье» и «жилое помещение», а это создает проблемы в понимании этих терминов как среди непосредственных участников жилищных отношений при реализации ими своих прав и обязанностей, так и у субъектов правотворчества и правоприменения.

Рассматривая термин «жилище» отметим понятия, закрепленные в словарях. Существует много определений «жилища», приведем некоторые из них, например:

- Жилище – помещение для жилья, жилое помещение [1];
- Жилище – помещение для жилья [2];
- Жилище – помещение для жилья (дом, квартира и т.п.) [3].

Таким образом, словари, в большинстве единодушно, определяют «жилище» как «помещение для жилья».

Приведем определения «жилья», закрепленные в словарях:

- Жилье – место, где живут люди; обитаемое место [4].
- Жилье – обитаемое место, место, где живут люди [1].

В отношении «жилья» словари также сходятся в едином мнении что это «место, где живут люди».

Однако, надо обратить внимание, что приведенные определения жилища и жилья не являются правовыми, поскольку приведены из толковых словарей и по уровню значимости ближе к бытовому значению. В свою очередь отсутствие определений жилья и жилища в самом тексте нормативных актах позволило

обратиться к толковым словарям для объективного понимания указанных терминов.

В данном случае целесообразно особо отметить определение «жилища», приведенное в юридическом словаре А.Н. Азрилияна. Так согласно указанному словарю, жилище – это помещение для постоянного или временного проживания в нем людей [5]. В данном определении обозначается правовое отражение термина жилище, но объекты, которые отнесены определением к жилищу, не соотносятся с жилищным законодательством.

Рассматривая жилое помещение, следует отразить, что в ст. 15 Жилищный кодекс Российской Федерации (далее – ЖК РФ) определяет его как «изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства)» [6].

Таким образом, жилое помещение является нормативно закрепленным и наиболее раскрытым в законодательстве определением из приведенных ранее (жилье, жилище, жилое помещение). Кроме того как верно отмечает С.В. Николукин «ключевым понятием, позволяющим с точки зрения содержания различать понятия «жилище», «жилье», «жилое помещение», является помещение» [7]. Однако, заметим, что определение жилого помещения, приведенное в ЖК РФ, не является полностью исчерпывающим определением в отношении его понимания.

На наш взгляд в определении жилого определения следовало бы указать и такой параметр как указание требований о минимальной площади жилого помещения. Сформулировать понятие «жилое помещение» в ЖК РФ можно, например, так:

жилое помещение – это изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан

(отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, а также требованиям о минимальной площади для проживания граждан и иным требованиям законодательства).

Необходимо согласиться с выводами С.В. Николюкина о том, что:

«- во-первых, жилище – это категория, объединяющая жилые помещения (являющиеся недвижимым имуществом) и помещения, не являющиеся жилыми (в некоторых случаях их отождествляют с нежилыми помещениями), которые могут быть как недвижимым, так и движимым имуществом.

- во-вторых, жилье – это категория, которая также связана с помещением, но исключительно с жилым помещением.

- в-третьих, жилое помещение – это изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодным для постоянного проживания граждан.» [7].

Такие выводы наглядно показывают, что в отношении закрепления терминологии жилищное законодательство находится еще в относительном начале своего развития и потому имеет зачастую недостатки определениях. Понятийный аппарат жилищного законодательства будет не только пополняться новыми понятиями (определениями), возникающими в современной науке жилищного права, но и будет постепенно происходить закрепление не раскрытых в законодательстве понятий (определений), а также совершенствование уже существующих понятий (определений).

Далее целесообразно продолжить тему с закреплением понятий в законодательстве и перейти к терминам: перепланировка, переустройство, переоборудование, реконструкция, модернизация. При этом только переустройство и перепланировка закреплены в ЖК РФ (как виды переустройства и перепланировки помещения). Реконструкция закреплена в Градостроительном кодексе Российской Федерации (далее – ГрК РФ). Переоборудование отражено в Постановлении Госстроя Российской Федерации

«Об утверждении правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» от 27.09.2003 № 170 (далее – Постановление Госстроя РФ № 170), но его использовании более запутывает и затрудняет разграничение между переустройством и переоборудованием. Модернизация же закреплена в Приказе РАО «ЕЭС России» «Об утверждении и вводе в действие стандарта организации ОАО РАО «ЕЭС России» «Здания и сооружения объектов энергетики. Методика оценки технического состояния» от 22.10.2007 № 677 (далее – Приказ РАО «ЕЭС России» № 677)

Начнем рассмотрение понятий с переустройства, перепланировки и переоборудования. Так переустройство помещения – это установка, замена или перенос инженерных сетей, санитарно-технического, электрического или другого оборудования. Перепланировка помещения – это изменение его конфигурации [6].

Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова «конфигурацию» можно определить, как «взаимное расположение каких-либо предметов, или соотношение каких-либо предметов» [8]. Если учитывать перечисление, указанное в конфигурации, а также перечисление работ в переустройстве, то их можно отнести к «видам», как указывается в названии статьи ЖК РФ. Следует согласиться с позицией С.Э. Маслей о том, что ЖК РФ в данной части не содержит достаточной информации о видах работ, относящихся к переустройству и перепланировке [9, с. 84]. В статье есть и дополняющая информация, характеризующая переустройство и перепланировку, это дает право полагать, что в ст. 25 ЖК РФ закреплены не «виды», а «понятия» переустройства и перепланировки.

Таким образом, совершенно оправдано возникает вопрос, почему рассматриваемая статья названа «видами» переустройства и перепланировки помещения в многоквартирном доме, а не «понятиями переустройства и

перепланировки жилого помещения». На наш взгляд необходимым является переименование ст. 25 ЖК РФ.

Далее исследуя термин «переоборудование» отметим, что в ч. 1.7. Постановления Госстроя РФ № 170 указано: «Условия и порядок переоборудования (переустройства, перепланировки) жилых и нежилых помещений» [10]. Однако далее в абз. 2 п. 1.7.1. и абз. 3 п. 1.7.1. соответственно, указано: «Переоборудование жилых помещений» [10] и «Перепланировка жилых помещений» [10]. Таким образом, можно полагать, что в первом случае (в ч. 1.7 Постановления Госстроя РФ № 170) «переоборудование» следует понимать, как обобщающий термин для переустройства и перепланировки, а во втором случае (в абз. 2 и 3 п. 1.7.1 Постановления Госстроя РФ № 170) «переоборудование» используется как синоним подменяющий переустройство.

Такая смена терминов осложняет понимание и разделение смысла терминов «переустройство» и «переоборудование» вызывая путаницу. Это в свою очередь подтверждает судебная практика. Поскольку даже Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своих обзорах практики отождествляет переустройство и переоборудование указывая, например, как: переустройство (переоборудование), переоборудование (переустройство). Кроме того Верховный Суд Российской Федерации в своих определениях «положил» на правильность положений Постановление Госстроя РФ № 170.

Таким образом, для разрешения выявленного несоответствия терминологии, на наш взгляд следует использовать переоборудование как термин объединяющий переустройство и перепланировку. В свою очередь не применяя переоборудование как синоним переустройства.

С переустройством, перепланировкой и переоборудованием тесно связана реконструкция. Вопрос переустройства, перепланировки и реконструкции закреплен в ст. 678 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее - ГК

РФ). Указанная статья ГК РФ регулирует «...переустройство и реконструкцию жилого помещения» [11].

Важно отразить позицию И.О. Клименко, что закрепление в ст. 678 ГК РФ понятия «реконструкция» создает коллизию: не ясно, употребляет ли законодатель термин «реконструкция» в качестве синонима термина «перепланировка», либо под реконструкцией понимаются какие-либо другие работы [13. с. 168]. С этими выводами необходимо согласиться, так как в данном случае проводя аналогию с переустройством и переоборудованием поскольку использование термина «реконструкция» в качестве синонима «перепланировки» приводит к различиям в понимании реконструкции. Подобного использования реконструкции необходимо избегать.

ГК РФ закреплено понятие «реконструкции объектов капитального строительства». На наш взгляд целесообразно закрепление понятия реконструкции в ЖК РФ с возможным «адаптированием» этого понятия под жилищное законодательство. Введение этого определения в ЖК РФ приведет к унификации норм гражданского, жилищного и градостроительного законодательства. Кроме того, это поможет судам первой инстанции более отчетливо разграничивать перепланировку и реконструкцию.

Далее проанализируем понятие «модернизации» жилого помещения. Этот термин рассматривается в Приказ РАО «ЕЭС России» № 677, а также в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее – НК РФ).

В абз. 2, п. 2 ст. 257 НК РФ указано, что относится «к работам по достройке, дооборудованию, модернизации» [16]. Согласно указанной статье НК РФ к модернизации можно отнести работы: «вызванные изменением технологического или служебного назначения оборудования, здания, сооружения или иного объекта амортизируемых основных средств, повышенными нагрузками и (или) другими новыми качествами.» [16].

Анализируя понятия модернизации в приведенных нормативных актах ее можно отнести к специфичной (частной) разновидности реконструкции.

В судебной практике термин модернизация используется редко поскольку на наш взгляд, у судов нет четкого понимания, что такое модернизация помещения (здания, сооружения), а такая трудность возникает из-за отсутствия выделения модернизации в гражданском и жилищном законодательстве. В связи с этим целесообразным кажется введение понятия «модернизации» в ГК РФ или ЖК РФ.

Кроме того, необходимо обратить внимание на указанные в НК РФ понятия «достройка» и «дооборудование». Важно определить, как соотносятся эти понятия с переустройством, переоборудованием, перепланировкой и реконструкцией. Однако, законодательно эти термины не определены более нигде. На наш взгляд это является пробелом в законодательстве, который необходимо устранить.

Резюмируя все вышеизложенное необходимо:

во-первых, сформулировать понятие «жилое помещение» в ЖК РФ можно, таким образом: жилое помещение – это изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, *а также требованиям о минимальной площади для проживания граждан* и иным требованиям законодательства);

во-вторых, следует использовать переоборудование как термин объединяющий переустройство и перепланировку, не применяя переоборудование как синоним переустройства;

в-третьих, необходимо относить модернизацию к частной разновидности реконструкции.

Список литературы:

1. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. // М.: Русские словари, 1994. С. 872.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. // М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 189.
3. [Электронный ресурс]: Толковый словарь Кузнецова. // URL://<https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%89%D0%B5> (Дата обращения 03.05.2023).
4. [Электронный ресурс]: Толковый словарь Ефремовой. // URL://<https://gufo.me/search?term=%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5> (Дата обращения 03.05.2023).
5. Новый юридический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. // М.: Институт новой экономики, 2006. С. 189.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // URL://<http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 03.05.2023).
7. Николюкин С.В. К вопросу о «терминологической разногласии» в понятиях «жилище», «жилье» и «жилое помещение» // СПС «Консультант Плюс» // URL://<http://www.consultant.ru/> (Дата обращения 03.05.2023).
8. [Электронный ресурс]: Толковый словарь Д.Н. Ушакова // URL://http://getword.ru/ru/dictionary.php?table=ushakovDSL&word_id=24315 (Дата обращения: 03.05.2023).
9. Маслей С.Э. Переустройство и перепланировка жилого помещения. // Вестник Омского университета. 2008. № 2 (15). С.59-64.
10. Постановление Госстроя РФ «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» от 27.09.2003 № 170. // URL://<http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 03.05.2023).
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // URL://<http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 03.05.2023).

12. Николюкин С. В. Жилищные потребности граждан как субъектов жилищных правоотношений в условиях современного хозяйствования (вопросы теории и практики): монография. // М.: Юрлитинформ, 2014. 202 с.
13. Клименко О. И. Понятие, условия и цель переустройства, перепланировки и реконструкции жилого помещения, предоставленного по договору социального найма. // Современное право. 2008. № 5. С. 26-30.
14. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // URL://<http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 03.05.2023).
15. Недвижимое имущество в гражданском праве и сделки с ним: Монография / Коллектив авторов – М.: Прометей, 2021. 526 с.
16. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // URL://<http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 03.05.2023).

Фарков Дмитрий Олегович

Московский государственный юридический университет

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Институт «Аспирантура и докторантура»

Россия, Москва

<mailto:Farkovdima@gmail.com>

Dmitry Farkov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute Postgraduate and Doctoral Studies

Russia, Moscow

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОБЪЕКТОВ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: в статье анализируется законодательство Российской Федерации в части определения понятия объектов инфраструктуры. Оценены положения Федерального закона от 31.07.2020 № 254-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части определения особенностей строительства объектов инфраструктуры.

Ключевые слова: градостроительная деятельность; правовое регулирование градостроительной деятельности, объекты инфраструктуры, строительство, реконструкция.

THE SPECIFICITY OF THE LEGAL STATUS OF THE INFRASTRUCTURE OBJECTS IN URBAN PLANNING LEGISLATION

Annotation: the article provides the result of the analysis of the legislation of the Russian Federation in terms of the definition of the concept of infrastructure facilities. The provisions of the Federal Law of July 31, 2020 No. 254-FZ "On the specifics of regulating certain relations in order to implement priority projects for the modernization and expansion of infrastructure and on amending certain legislative acts of the Russian Federation" in terms of determining the specifics of the construction of infrastructure facilities were assessed.

Key words: town-planning activity; legal regulation of urban planning, infrastructure facilities, construction, reconstruction.

Экономическое и социальное развитие, качество и уровень жизни напрямую зависят от развития инфраструктуры [8, с. 5], под которой принято понимать отрасли экономики, научно-технических знаний, социальной жизни, которые непосредственно обеспечивают производственные процессы и условия жизнедеятельности общества [9]. Тем не менее, единое понимание того, какие объекты составляют объекты инфраструктуры, до сих пор не определено.

Действующим законодательством предусматривается дифференция объектов инфраструктуры, однако единый критерий дифференции не прослеживается. Так можно установить дифференциацию:

- по отраслевому критерию: объекты лесной инфраструктуры (ст. 8.30.1 «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ) [1], объекты транспортной инфраструктуры (Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [3], Федеральный закон от 13.07.2015 № 221-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений, возникающих в связи со строительством, с реконструкцией объектов транспортной инфраструктуры федерального и регионального значения...» [4]), объекты дорожной, транспортной,

инженерной, коммунальной, социальной, цифровой, энергетической инфраструктур (ст. 333.43 НК РФ) [2];

- по функциональному критерию: объекты внешней инфраструктуры (ст. 343.5 НК РФ) [2], обеспечивающая инфраструктура, сопутствующая инфраструктура (Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» [5]), офисная инфраструктура (ст. 378.2 НК РФ) [2]; линейный объект инфраструктуры (Постановление Правительства РФ от 23.01.2021 № 35 «Об утверждении требований к техническому состоянию линейного объекта инфраструктуры, допускаемого к временной эксплуатации» [6]);

- по функционально-отраслевому критерию: объекты инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса (ст. 394 НК РФ) и т.д.

Содержательно регулирование правового статуса тех или иных объектов инфраструктуры зависит от целей государства в зависимости от принадлежности инфраструктуры к одной из отраслей экономики.

Несмотря на социальную значимость строительства, обуславливающую особое внимание государства к указанной отрасли, что подразумевает, в том числе, осуществление государственного строительного надзора, обеспечение выполнения работ в строгой последовательности, необходимость получения множества разрешающих документов, таких как разрешение на строительство, получение заключения о соответствии построенного, реконструированного объекта капитального строительства требованиям проектной документации, разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, действующим законодательством устанавливаются особые правовые режимы строительства различных категорий объектов капитального строительства.

В частности, Федеральным законом от 31.07.2020 № 254-ФЗ (далее – Закон № 254-ФЗ) предусмотрена возможность временной эксплуатации объекта капитального строительства (линейного объекта инфраструктуры) до получения

разрешения на его ввод в эксплуатацию в целях, указанных данным законом. Причем возможность временной эксплуатации осуществляется без участия органа государственного строительного надзора [7].

С одной стороны, указанным законом было создано благо: перечень объектов, в отношении которых распространяется действие вышеуказанного закона, не является исчерпывающим, в связи с чем в социально-значимых целях создается возможность ввода в эксплуатацию объекта до завершения его строительства. Помимо этого, упрощена процедура разрешения вопроса о предоставлении возможности осуществления строительства в границах особо охраняемых природных территорий любого значения, в том числе на Байкальской природной территории.

Принципиальным нововведением Закона № 254-ФЗ явился разрыв юридической связи между документами по территориальному планированию и документацией по планировке территории. Если в концепции ГрК РФ строительство объектов федерального, регионального и местного значения допускается только при условии обоснования их размещения в утвержденных документах территориального планирования, то Закон № 254-ФЗ допустил строительство и реконструкцию объектов транспортной инфраструктуры и при отсутствии сведений о них в утвержденных документах территориального планирования.

В исключение из общего правила, предусмотренного Градостроительным кодексом РФ, отсутствие утвержденного проекта планировки территории (ППТ) не является препятствием для направления проектной документации объекта и (или) результатов инженерных изысканий, выполняемых для подготовки проектной документации такого объекта, для проведения государственной экспертизы [13].

В научном сообществе отмечается, что строительство объектов в условиях отсутствия обоснования их размещения в утвержденных документах

территориального планирования привел к разрыву юридической связи между документами по территориальному планированию и документацией по планировке территории [12, с. 110]., что, ввиду отсутствия каких-либо процедур экологического обоснования и оценки возможного нанесения экологического вреда, а также порядка его возмещения, ускоренный порядок подготовки документов с фактически нивелированной возможностью ее изменения в части планируемого места размещения объекта инфраструктуры, приводит к возникновению дополнительных рисков нарушения природоохранного законодательства, нанесения вреда окружающей среде [10, с. 4].

В целях предупреждения возможных рисков по отношению к Байкальской природной территории предусмотрено установление исчерпывающего перечня объектов, строительство или реконструкция которых может быть осуществлена в соответствии с вышеуказанным. Тем не менее, в отношении иных территорий не исключается строительство иных объектов инфраструктуры, подходящих под установленные законом критерии, без каких-либо ограничений, а также их временная эксплуатация на усмотрение комиссии до полноценного ввода в эксплуатацию с одобрения органа государственного строительного надзора.

Думается, что реализация указанных законоположений без участия органа государственного строительного надзора может привести не только к достижению социально-значимых целей, но и к злоупотреблению правами отдельных лиц, например, со стороны застройщиков (например, начало эксплуатации объектов, очевидно не приспособленных к эксплуатации, без разрешения на ввод в эксплуатацию). Важно, чтобы либерализация разрешительных процедур не повлекла за собой угрозу жизни и здоровья людей и окружающей среде» [11].

Таким образом, правовой статус объектов инфраструктуры в градостроительном законодательстве дифференцирован в зависимости от их функционального назначения, территориального размещения. В то же

время, осуществляя послабления в регулировании строительства отдельных объектов, необходимо учитывать необходимость предупреждения новых рисков.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. - 07.01.2002. - № 1 (ч. 1). - ст. 1.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 14.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2023 // Собрание законодательства РФ. - 07.08.2000. - № 32. - ст. 3340.

3. О транспортной безопасности [Текст]: федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ; в ред. от 30.03.2023 // Собрание законодательства РФ. - 12.02.2007. - № 7. - ст. 837.

4. Об особенностях регулирования отдельных правоотношений, возникающих в связи со строительством, с реконструкцией объектов транспортной инфраструктуры федерального и регионального значения, предназначенных для обеспечения транспортного сообщения между Таманским и Керченским полуостровами, и объектов инженерной инфраструктуры федерального и регионального значения на Таманском и Керченском полуостровах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 13.07.2015 № 221-ФЗ; в ред. от 25.12.2018 // Собрание законодательства РФ. - 20.07.2015. - № 29 (часть I). - ст. 4347.

5. О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ; в ред. от 21.11.2022 // Собрание законодательства РФ. - 06.04.2020. - № 14 (часть I). - ст. 1999.

6. Постановление Правительства РФ от 23.01.2021 № 35 (ред. от 09.03.2022) «Об утверждении требований к техническому состоянию

линейного объекта инфраструктуры, допускаемого к временной эксплуатации»
// Собрание законодательства РФ. - 01.02.2021. - № 5. - ст. 823.

7. Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях модернизации и расширения магистральной инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 31.07.2020 № 254-ФЗ; в ред. от 01.05.2022 // Собрание законодательства РФ. - 2020.

8. Ланцов Александр Евгеньевич. Инфраструктура: понятие, виды и значение // Статистика и экономика. 2013. №3. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infrastruktura-ponyatie-vidy-i-znachenie>.

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. - 4-е изд., М., 1997. - 944 с.

10. Романова О. А. О проблемах обеспечения экологической безопасности при реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению транспортной и иной инфраструктуры // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. №5 (93) [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-obespecheniya-ekologicheskoy-bezopasnosti-pri-realizatsii-prioritetnyh-proektov-po-modernizatsii-i-rasshireniyu>.

11. Верле Е. Антикризисные меры. Изменения в Градостроительном кодексе, комментарий Екатерины Верле для портала «СТРОИМПРОСТО» [Электронный ресурс] // URL: <https://epam.ru/ru/media/view/antikrizisnye-mery.-izmeneniya-v-gradostroitelnom-kodekse-or-lessemgreater-komentarij-ekateriny->

12. Землякова Г. Л. Установление особенностей регулирования земельных и градостроительных отношений на отдельных территориях России как фактор развития земельного и градостроительного законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 9. С. 104 - 122.

13. Стенина Н. Упрощено строительство объектов федерального, регионального и местного значения [Электронный ресурс] // URL:

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

<https://www.pgplaw.ru/analytcs-and-brochures/alerts/simplified-construction-of-objects-of-federal-regional-and-local-significance>.

УДК 347.965

Бабаев Ибрагим Феликсович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов
ibragimbb@bk.ru
Babaev Ibragim
Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov

АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Аннотация: в работе рассматриваются особенности реализации права адвоката на проведение адвокатского расследования. Разбираются способы получения адвокатом доказательственной следственно-значимой информации. В результате рассмотрения заявленной темы были выявлены существенные недостатки адвокатского расследования относительно следственных действий.

Ключевые слова: адвокатское расследование, получение доказательств, проведение опросов, реализация адвокатского запроса, проблемы адвокатского расследования.

LAWYER'S INVESTIGATION IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA

Annotation: the paper discusses the specifics of the implementation of the lawyer's right to conduct a lawyer's investigation. The ways of obtaining evidentiary investigative information by a lawyer are being analyzed. As a result of consideration

of the stated topic, significant shortcomings of the lawyer's investigation regarding investigative actions were revealed.

Key words: lawyer's investigation, obtaining evidence, conducting interviews, implementation of lawyer's request, problems of lawyer's investigation.

Институт адвокатского расследования – один из самых молодых правовых институтов в мире. Так, первые упоминания о нем в Европе возникли в 80-е гг. прошлого столетия [1, С. 124]. В целом, адвокатское расследование, как институт уголовного процессуального права России до сих не признается многими исследователями данной отрасли [2, С. 225].

Так, Т.А. Матвеева указывает, что адвокатское расследование – деятельность адвоката-защитника, реализуемая в интересах подзащитного, направленная лишь на получение доказательств, оправдывающих доверителя либо смягчающих его вину [2, С. 225].

В свою очередь, В.Ю. Мельников определяет адвокатское расследование как урегулированную законом уголовно-процессуальную деятельность сторон на стадии досудебного производства и осуществляемую путем производства иных процессуальных действий в целях защиты прав, свобод, законных интересов участников уголовного процесса [3, С. 183; 4, С. 32].

Исходя из последнего определения, возникает логичный вопрос, какие «иные процессуальные действия» вправе совершать адвокат? Ответ на данный вопрос содержится в ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Так, защитник вправе:

1. Получать предметы, документы и иные сведения;
2. Проводить опросы граждан с их согласия;
3. Истребовать документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций [5].

Рассмотрим реализацию данных процессуальных действий.

Так, И.В. Копейкина указывает, что в отличие от выемки и изъятия, адвокат не вправе принудительно получить предметы, документы и иные

сведения. Кроме того, законом не установлен процессуальный порядок осуществления данного действия, тем не менее, при его осуществлении обязательно соблюдение общих принципов уголовного-процессуального права, а, следовательно, и правил о допустимости доказательств. Для его реализации предлагается адвокату составлять аналогичный протоколу выемки документ [6, С. 65].

Относительно опроса граждан, проводимого адвокатом, уместна позиция Е.А. Кулаковой, указывающей, что зачастую следователи отказывают в принятии результатов опроса [7, С. 571]. Вероятной причиной, наверное, следует считать отсутствие прямого выделения опроса как допустимого доказательства в ст. 74 УПК РФ [5]. Так, как правило, опрос адвоката приобретает силу допустимого доказательства в результате проведения аналогичного по содержанию допроса [7, С. 571].

Аналогичной позиции придерживается И.В. Копейкина, указывающая, что при участии в опросе адвокатом, у гражданина отсутствует обязанность давать какие-либо показания. Фактически, опрос не обеспечивается государственно-правовым принуждением и не является [6, С. 65].

В свою очередь, истребование документов адвокатом производится при помощи адвокатского запроса. Тем не менее, следует отметить различие истребования документов и сведений от их добровольного получения. Так, законодателем ограничен перечень субъектов, к которым может быть адресован адвокатский запрос. В частности, он не может быть адресован к обычным гражданам или индивидуальным предпринимателям. Нам понятно, почему адвокат не может адресовать адвокатский запрос гражданам, однако, непонятно, почему он не может делать аналогичное действие в отношении индивидуальных предпринимателей, которые могут выступать работодателями в трудовых отношениях, а, следовательно, давать характеристику на подзащитного как на их работника.

Следует отметить, что законодателем ограничен перечень информации, в передаче которой адвокату может быть отказано. Адвокату может быть отказано в предоставлении информации, если в соответствии с законом эта информация является информацией с ограниченным доступом [8]. Фактически, информацией с ограниченным доступом является любая информация, содержащая любого рода предусмотренную законом тайну. К наиболее интересным её видам относятся: персональные данные, врачебная и служебная тайна [9].

Исходя из ранее сказанного, можно говорить, что адвокатское расследование имеет малый потенциал для ведения адвокатом параллельного расследования. Фактически, адвокат не может даже опросить свидетеля таким образом, чтобы результаты его опроса имели доказательственную силу в уголовном судопроизводстве. Кроме того, не возникает ответственности за сообщение недостоверных сведений адвокату. В свою очередь, реализация адвокатского запроса видится неполноценной, в связи с чем, предлагаем дополнить п. 1 ст. 6.1. Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» правом адвоката делать адвокатские запросы индивидуальным предпринимателям.

Список литературы:

1. Пустобаев Д.С. Адвокатское расследование в уголовном процессе Российской Федерации // Шаг в науку. 2019. № 3. С. 124-125.
2. Матвеева Т.А. Параллельное адвокатское расследование в уголовном процессе // Наука молодых - будущее России: сборник научных статей 3-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 6 томах, Курск, 11–12 декабря 2018 года. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2018. С. 224-227.

3. Халилов Ф.Я. Понятие адвокатского расследования в уголовном процессе: краткий анализ позиций в теории // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 183-186.

4. Мельников В.Ю. Адвокатское расследование в состязательном уголовном процессе // Адвокатская практика. 2010. № 4. С. 30-34.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

6. Копейкина И.В. Собираение доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Научный журнал. 2021. № 3(58). С. 65-68.

7. Кулакова Е.А. Адвокатское расследование: возможно ли оно в российском уголовном процессе? // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 571-573.

8. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.

Батова Дарья Юрьевна
Зубков Георгий Евгеньевич
Национальный Исследовательский Университет
Высшая Школа Экономики
Факультет права
Россия, Нижний Новгород
dyubatova@edu.hse.ru
gezubkov@edu.hse.ru

Batova Darya
Zubkov Georgy
National Research University
Higher School of Economics
Faculty of Law
Russia, Nizhny Novgorod

АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ - ИНСТИТУТ, КОТОРОГО НЕТ В УПК РФ

Аннотация: состязательность считается одним из ключевых принципов уголовного процесса, реализация которых направлена на достижение истины по уголовному делу. Уголовный процесс в России не является полностью состязательным из-за ярко выраженного инквизиционного начала при осуществлении досудебного производства, возникающего из исторического аспекта развития права в России. Смешанный характер процесса порождает отсутствие возможность введения института параллельного адвокатского расследования. Тем не менее, не исключена возможность уменьшения дисбаланса сторон в процессе - в частности путем расширения других полномочий защитника в ходе предварительного следствия.

Ключевые слова: состязательность, сбор доказательств, процесс доказывания, полномочия стороны защиты, адвокатское расследование.

LAWYER INVESTIGATION IS AN INSTITUTION THAT DOES NOT EXIST IN THE CRIMINAL PROCEDURAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: adversarial is one of the key principles of the criminal process, the implementation of which leads to the achievement of the truth in a criminal case. The criminal process in Russia is not fully competitive due to the distinct inquisitorial initiative in the realization of pre-trial procedure, arising from the historical aspect of the development of law in Russia. Based on the hybrid nature of the process, there is no opportunity to establish the institution of parallel advocate investigation. Nevertheless, the ability to decrease the imbalance in the process it is not excluded - specifically, in the frames of the preliminary inquest by expansion the other lawyer's powers.

Key words: competitiveness, collecting of proofs, proof process, powers of the defense, lawyer's investigation.

Современное уголовно-процессуальное законодательство и динамика его изменений свидетельствуют о том, что цель уголовного процесса можно определить как установление истины по уголовному делу, осуществляемое в ходе анализа и выяснения непосредственных обстоятельств совершенного преступного деяния. Однако закрепления на законодательном уровне данная цель не получила в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) [1].

Раскрытие цели процесса происходит непосредственно через термин назначение (ст. 6 УПК РФ), элементами которого являются осуществление уголовного преследования, назначение справедливого наказания виновным

лицам, а также отказ от преследования невиновных. Реализация этих задач возможна при полноценном осуществлении принципов уголовного судопроизводства, одним из которых является состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ), берущая начало в положениях Конституции РФ о правах и свободах человека и гражданина, в том числе о праве на судебную защиту (ст. 18, 46 Конституции РФ) [2]. Гарантированность состязательности зависит от ее законодательного закрепления, находится в непосредственной связи с активным участием сторон на всех стадиях судопроизводства, в частности в процессе доказывания, который должен непосредственно отражать состязательность.

Непосредственное декларирование принципов уголовного процесса является лишь начальной стадией, необходимой для его дальнейшей реализации. Так, обязательным условием претворения в жизнь принципа состязательности является наделение сторон равными возможностями. Основой такого равенства служит наличие равнозначных по объему, достаточных прав и обязанностей, от существования которых зависит полноценное осуществление сторонами процесса своих функций.

На первый взгляд законодатель наделяет сторону защиты значительным объемом прав по исследованию любых доказательств и работе с ними, по их нахождению и «внесению» в процесс. Однако при сопоставлении объема прав защитника с полномочиями, которыми наделена сторона обвинения в процессе доказывания, становится очевидным «обвинительный перекос», несмотря на декларируемый баланс сторон на стадии предварительного расследования. Видится корректным рассматривать эффективность реализации принципа состязательности сторон именно в рамках их взаимодействия по сбору общей доказательной базы. Так, активность стороны защиты по сбору оправдательных фактов во многом зависит от действий следователя, подготавливающего весь комплекс доказательств, определяемого объемом деяний, которые инкриминируются подозреваемому (обвиняемому).

Законодатель, исходя из содержания ст. 86 УПК РФ, разделяет участников по их обязанностям и возможностям предоставлять доказательства. При такой дифференциации защитник относится ко второй категории, существует наряду с потерпевшим – они наделены правом предоставлять доказательства, в то время как на представителей стороны обвинения возложена аналогичная обязанность.

Рассматривая изменения УПК РФ (ст. 77, ч. 3 ст. 86) в сравнении с УПК РСФСР 1960 года (ч. 2 ст. 51, ст. 70) [3], видится значительным изменение полномочий стороны защиты, расширение прав с категории «представления» до категории «собрания» доказательств. Тем не менее, преобладает мнение, основанное на ч. 2 ст. 74, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и заключающееся в том, что положение защитника сводится именно к возможности «предоставления» доказательств с целью их дальнейшего рассмотрения, оценки и приобщения к делу. Такая точка зрения аргументируется тем, что у стороны защиты отсутствует возможность осуществления дальнейшей деятельности по легализации и преобразованию сведений и фактов в необходимую для доказательств процессуальную форму.

Формулируя положения ч. 1 ст. 74 УПК РФ, законодатель не совсем корректно определяет доказательства как «любые сведения», поскольку следующая за ней норма уголовно-процессуального права раскрывает источники, из которых могут быть получены соответствующие требованиям уголовно-процессуального законодательства доказательства. Из этого следует необходимость соответствия сведений в совокупности с источником получения и процессуальной формы, разрешенной законом, требованиям УПК РФ. Ч. 2 ст. 74 УПК РФ не включает в перечень допустимых доказательств результаты деятельности адвоката (защитника). Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя сущность таких доказательств, полученных с нарушением закона, указывает на их собирание «ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий,

не предусмотренных процессуальными нормами» [4], что полностью характеризует деятельность стороны защиты.

Декларируемое ч.3 ст. 86 УПК РФ право на собирание доказательств при помощи проведения «опроса» находит ряд практических проблем, связанных с отсутствием непосредственной регламентации такой процедуры. Данный вопрос был рассмотрен Верховным судом РФ, который отметил возможность внесения опроса свидетелей, проводимого стороной защиты, в уголовное дело посредством следователя и ходатайства о допросе [5]. Кроме того, изменения в ст. 159 УПК РФ отражают осознание законодателем необходимости конкретизации правового режима доказательств, собираемых защитником [6]. Таким образом, не видится возможным говорить о собирании доказательств стороной защиты в привычном его понимании. Вместе с тем стоит отметить значительные возможности, предоставляемые стороне защиты для противостояния обвинению, реализуемые путем критической оценки обвинительных доказательств и комплексного опровержения позиции обвинения, нашедшие отражение в ч.2.1 ст. 58, ст. 244 УПК РФ.

Наделение защитника широким спектром прав в совокупности с отсутствием полноценной регламентации их реализации порождает множественные проблемы на практике, которые в свою очередь вызывают дискуссию среди процессуалистов о возможных законодательных изменениях. Так, Конституционным судом РФ рассматривался отказ суда первой инстанции в удовлетворении ходатайств защитника о приложении к делу опроса присяжных и их допросе. Орган судебной власти отметил, что опрос лиц, проводимый адвокатом с их согласия, может являться основанием для проверки судом подобных сведений и удовлетворении соответствующих ходатайств [7].

Среди предлагаемых способов решения обозначенной проблемы исследователями отмечается как точечное расширение полномочий стороны защиты, так и глобальное изменение статуса адвоката [8, с. 64–65]. По мнению А.

С. Охлопковой, непосредственное собирание защитником доказательств является элементом состязательной концепции адвокатского расследования [9, с. 65].

Одной из проблем введения института параллельного адвокатского расследования является судьба получаемых обвинительных доказательств, обнаружение которых исключить невозможно, исходя из сущности процесса сбора доказательств – все юридические факты и сведения, имеющие значение для уголовного дела, получают и исследуются [10]. В обязанности стороны обвинения входит сбор всей совокупности доказательств - как подтверждающих факты совершения преступного деяния, так и опровергающих их (ст. 73, 85, 86 УПК РФ). Собираение же обвинительных доказательств прямо противоречит целям стороны защиты.

Для внедрения адвокатского расследования в российский уголовный процесс возникает необходимость комплексной реконструкции всех стадий уголовного судопроизводства, в том числе предварительного расследования, что может привести к проблемам на практике [11, с. 32]. Исходя из исторического аспекта развития уголовно-процессуального права России, данная отрасль права следует положениям романо-германской правовой системы, в которой - в отличие от англосаксонской правовой системы – судопроизводство зарождалось на базе публичного обвинения. Ярко выраженные отличия досудебного и судебного производства, в основе которых лежит публичная направленность уголовного преследования, и как следствие смешанный тип процесса, ограничивают возможности распространения принципа состязательности на досудебную стадию без серьезных изменений основ уголовного судопроизводства. Подобные масштабные нововведения не видятся возможными без перехода к частно-обвинительному порядку, что в корне противоречит исторически сложившейся концепции и основам уголовного судопроизводства России. А. А. Давлетов отмечал, что развитие правовой

системы должно идти по «проложенному самостоятельно», историческому и естественному пути без навязывания чуждых юридических конструкций [12, с. 76].

В качестве нормативного правового акта зарубежного государства, где успешно внедрено адвокатское расследование, видится возможным рассматривать УПК Грузии. В нем нашло отражение право стороны защиты заявлять ходатайства, собирать и представлять доказательства (ч. 2 ст. 9 УПК Грузии) [13]. Законодателем уделяется внимание равносильности доказательств, предоставляемых стороной обвинения и стороной защиты. Положения УПК Грузии способствуют эффективной реализации института адвокатского расследования, наделяют обвиняемого обширными возможностями для защиты прав и противостояния незаконному и необоснованному обвинению.

Таким образом, введение института адвокатского расследования, существующего параллельно следствию, в современных реалиях развития уголовного процесса России не представляется возможным. Наиболее перспективным видится вариант дальнейшего расширения института заявления ходатайств и жалоб. Данное направление прослеживается в действиях законодателя - с 2017 года предусмотрен обязательный характер удовлетворения ходатайства, поступившего от стороны защиты, об участии в деле специалиста [6]. При грамотном использовании защитником своих возможностей и инструментария института заявления ходатайств и жалоб подобные изменения позволят стороне защиты эффективно реализовывать весь комплекс задач по обеспечению прав и свобод подозреваемого, обвиняемого, защите от необоснованного и незаконного обвинения.

Объединяя вышесказанное, предлагается исключить из ч. 2, ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ условие о значимости обстоятельств для уголовного дела для удовлетворения поступившего ходатайства со стороны защиты во избежание злоупотреблений со стороны обвинения. Кроме того, видится целесообразным

дополнить ст. 159 УПК РФ положением о невозможности отказа в ознакомлении стороной защиты с информацией, полученной стороной обвинения в результате собирания доказательств за исключением информации, полученной в результате производства оперативно-розыскных мероприятий, а так же сведений, разглашение которых запрещается УПК РФ и иными нормативными правовыми актами (государственная тайна и иные виды информации ограниченного доступа).

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, № 52, (ч.1), ст. 4921, декабрь 2001.
2. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР, № 40, ст. 592, октябрь 1960.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета, № 247, декабрь, 1995.
5. Определение Верховного Суда РФ от 04.02.2008 по делу № 69-О08-4сп [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/bVrmaslbdR5n/>.
6. Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, № 17, ст. 2455, апрель 2017.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2020 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева» // Собрание законодательства РФ, № 29, ст. 4734, июль 2020.

8. Булатова С. В. Участие защитника в доказывании по уголовным делам: обобщение международного опыта // Юридическая наука. № 4. 2022. С. 63–66.

9. Охлопкова А.С. Процессуальный статус защитника в уголовном судопроизводстве // Евразийская адвокатура. № 1 (56). 2022. С. 64–66.

10. Соловьев С. А. Адвокатское расследование: проблемы и реальные возможности [Электронный ресурс] // URL: <https://e.ugpr.ru/833467>.

11. Панькина И. Ю. Проблема реализации адвокатского расследования в российском уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. № 1. 2019. С. 26–33.

12. Давлетов А. А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Судебная власть и уголовный процесс. № 1. 2020. С. 71–77.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009 № 1772 [Электронный ресурс] // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=151>.

Буравов Илья Сергеевич

Самарский юридический институт ФСИН России

Факультет внебюджетной подготовки

Россия, Самара

<mailto:buravov.law@outlook.com>

Ilya Buravov

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Faculty of extra-budgetary training

Russia, Samara

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Аннотация: в статье рассматриваются возможности использования смарт-контракта в преступных целях. Отмечается, что смарт-контракт может быть, как предметом преступного посягательства, так инструментом для облегчения совершения преступлений, например, он может использоваться для поиска контроля исполнителя преступления со стороны подстрекателя (заказчика). По результатам исследования предлагаются изменения в уголовное законодательство, направленные на охрану общественных отношений, возникающих в сфере разработки и применения смарт-контрактов.

Ключевые слова: смарт-контракт, криптовалюта, хакерские атаки, преступления, блокчейн.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD OF DEVELOPMENT AND APPLICATION OF SMART CONTRACTS

Annotation: the article examines the use of smart contracts for criminal purposes. It is noted that the smart contract may be both the subject of criminal offence and a tool to

facilitate the commission of crimes, for example, it may be used to seek control of the perpetrator of the crime by the instigator (customer). As a result of the study, amendments to the criminal law are proposed to protect the social relations arising in the development and application of smart contracts.

Key words: smart contract, cryptocurrency, hacking, crimes, blockchain.

Политическое и экономическое давление на Россию заставляет предпринимателей и государство искать новые способы взаиморасчетов с экономическими партнерами из разных стран мира. В связи с этим увеличивается внимание к криптовалютам для совершения различных сделок. Проведение транзакций криптовалюты в рамках сложных договорных конструкций возможно с помощью смарт-контракта. В рамках статьи под ним будет подразумеваться автоматизированные самоисполняющиеся программы, базирующиеся на технологии распределенного реестра (блокчейн).

Смарт-контракт на платформе блокчейна позволяет выполнять различные обязательства (например, выплачивать страховку при наступлении страхового случая или передачи предоставлений по договору купли-продажи при условии, что одной из сторон сделки передается криптовалюта или токен), также большим потенциалом смарт-контракты обладают в банковской и финансовых сферах. Вышеуказанное свидетельствует о необходимости создания эффективных средств защиты прав субъектов правоотношений, в том числе и методами защиты уголовного права, а также проведения теоретических исследований преступлений в этой сфере.

По-нашему мнению, возможно выделить следующие проблемы во внедрении и использовании смарт-контрактов, которые требуют оценки со стороны уголовного права: 1) как квалифицировать деяния, направленные на противоправное завладение криптовалютой и другими токенами 2) уязвимость программного кода смарт-контракта для хакерских атак, возможность создания

лицом, разрабатывающим смарт-контракт, уязвимостей для дальнейшего завладения цифровыми активами; 3) возможность использования смарт-контракта для организации «заказных» преступлений.

Первая проблема заключается в том, что традиционный вещной признак хищения исключает криптовалюту и другие цифровые активы из некоторых составов преступлений Главы 21 УК РФ, в то же время цифровые активы сохраняют за собой юридический и экономический критерии предмета хищения. В связи с этим, если и за противоправное завладение криптовалютой возможно привлечение к уголовной ответственности, то это возможно в рамках преступлений против собственности лишь по некоторым составам преступлений главы 21 УК РФ - ст. 159, 159.6 163,165 УК РФ. В то же время, если противоправное завладение криптовалютой совершаться путем хакерских атак, то преступнику грозит, по-нашему мнению, непропорционально мягкое наказание, в лучшем случае это будет совокупность преступлений ст. 165 или 159.6 УК РФ + преступление в сфере компьютерной информации (Глава 28 УК РФ).

В связи с этим можно отметить, что в условиях реформирования экономических отношений существующая доктрина и система преступлений против собственности не отражают комплексной модели уголовно-правовой охраны имущественных отношений. В связи с этим мы поддерживаем позицию о необходимости разделения составов преступлений главы 21 УК РФ. Для этого необходимо пересмотреть главу 21 УК РФ, разделив составы преступлений на преступления против материальных и нематериальных благ. Таким образом, будет необходимость в переименовании главы 21 УК РФ, например, «Преступления против собственности и цифровых прав» или «Преступления против собственности и объектов оборота гражданских прав».

Далее нам бы хотелось отметить, что смарт-контракт, представляя собой компьютерный код, может обладать недоработками (уязвимостями), которыми

может воспользоваться злоумышленник для неправомерного завладения криптовалютой или иными токенами.

Так Е. Е. Богданова приводит пример, показывающий уязвимость смарт-контрактов от действий хакеров, которые могут выявить уязвимость в компьютерном коде, чтобы неправомерно завладеть криптовалютой, так в 2016 году злоумышленники в результате атаки на смарт-контракт DAO, в котором были выявлены ошибки, удалось вывести более 53 млн долл. США. Это событие привело к падению стоимости DAO-токенов на торгующих ими биржах и последующему прекращению существования организации [1, с. 113]. В 2014 году хакеры завладели 950 т. биткоинами, в результате хакерских атак на биржу mt.goх. Вышеуказанное свидетельствует о рисках использования смарт-контрактов в крупных коммерческих проектах [2].

Возможно выделить несколько уязвимостей, которые позволяют нарушить информационную безопасность смарт-контракта:

- уязвимости, связанные с ошибками реализации (программирования) смарт-контракта;
- уязвимости, связанные с ошибками при построении архитектуры системы на основе распределенных реестров;
- уязвимости, связанные с логикой смарт-контракта;
- уязвимости, связанные с реализацией алгоритма консенсуса.

Для нас интересны прежде всего уязвимости первого типа, которые в основном допускаются в результате недосмотра, ошибок на этапе разработки смарт-контракта. По нашему мнению, программист может намерено создать уязвимость в коде смарт-контракта, чтобы противоправно завладеть криптовалютой или другим активом. В случае, если он самолично создает и пользуется такой уязвимостью для совершения преступления, то он должен привлекаться к уголовной ответственности в качестве исполнителя преступления. В то же время, если лицо узнает об уязвимости спустя некоторое

время, но сам не вмешивается в работу смарт-контракта, информационной системы, а предоставляет информацию об уязвимости другим лицам, то его можно привлекать к уголовной ответственности в качестве пособника при условии, что он осознает, что сообщает информацию лицам, которые намерены совершить преступление.

Также интересным представляется момент, что смарт-контракт может использоваться злоумышленниками для контроля совершения «заказных» преступлений и автоматического перечисления вознаграждений исполнителю. Это объясняется тем, что смарт-контракт способен обеспечить анонимность сторон, например, транзакции в биткоине не несут никакой информации о контексте платежа, который бы позволил идентифицировать перечисление криптовалюты, как связанное с преступной деятельностью [3, с. 212].

На данный момент смарт-контракты используются в работе площадки darkleaks через которую продается информация, представляющая коммерческую, банковскую или государственную тайну. Платформа позволяет потенциальным покупателям перед совершением транзакции ознакомиться со случайно выбранной частью документа или файла. После того как собирается достаточная запрошенная продавцом информации сумма оставшая часть расшифровывается и отправляется покупателям или публикуется в открытом доступе [4].

Также смарт-контракт позволяет перечислить вознаграждение исполнителю за совершенное преступление, также в случае, если исполнитель не смог довести преступление до конца по каким-либо причинам, то смарт-контракт не перечисляет вознаграждение и криптовалюта остается у заказчика преступления.

Рассмотрим, как может использоваться смарт-контракт в противоправных целях на примере хакерской атаки на веб-ресурс. Так вначале должен быть разработан программный код смарт-контракта, который содержит алгоритм

отслеживания изменений на сайте и механизмы проверки наличия денежных средств у заказчика и перечисления денежных средств исполнителю. Потом заказчик и исполнитель достигают соглашения о том, на какой сайт должна быть совершена атака и размер вознаграждения в случае успеха. После чего злоумышленник совершает хакерскую атаку.

Далее смарт-контракт или программа, которая передает в него данные может зафиксировать прекращение работы веб-ресурса или появления на нем информационной провокации, которая размещена по заказу заинтересованного лица (для этого в программном коде контракта размещается ссылка на сайт и текст, который необходимо на нем разместить или код ошибки). Смарт-контракт фиксирует появление нужного текста на сайте и автоматически перечисляет вознаграждение на кошелек исполнителя.

Смарт-контракт может отслеживать исполнение «обязательств» по взлому учетных записей, например, злоумышленник заказывает у «хакера» получение данных учетной записи жертвы в социальной сети или мессенджере. В таком случае смарт-контракт проверяет достоверность передаваемой «хакером» данных учетных записи жертвы после чего предоставляет возможность получить вознаграждение исполнителю [5, с. 4].

Также можно автоматизировать отслеживание процесса совершения убийства медийной личности, политиков, общественных деятелей. Для этого в коде смарт-контракта возможно включить ключевые слова «ФИО», «погиб», «убит» и ссылки на популярные интернет-издания, которые сложно заподозрить в публикации недостоверной информации. В случае появления ключевых слов в статьях на данных ресурсах исполнителю автоматически будет отправлено вознаграждение.

Аналогично смарт-контракты можно разработать для заказа совершения других преступлений - поджоги, теракты и другие преступления, которые будут отражены СМИ. Для этого также можно использовать отслеживание появления

ключевых слов сразу в нескольких источниках, а в качестве ключевых слов могут быть место, время, способ, орудия и средства совершения преступления.

В завершении можно отметить следующие. По нашему мнению, смарт-контракты будут постепенно находить все более широкое применение вместе с цифровыми активами, что неизбежно будет увеличивать и без того большой интерес со стороны злоумышленников, как для противоправного завладения различными активами, так и упрощения поиска исполнителей для совершения преступлений. Таким образом, смарт-контракт в зависимости от ситуации может быть как предметом преступления, так и одним из средств достижения цели преступления.

В связи с вышесказанным и учитывая, что сейчас отсутствует единая позиция по вопросу квалификации преступлений, совершаемых в отношении цифровых активов и они активно используются в преступной деятельности для оплаты различных услуг, товаров, предлагается разделить составы преступлений главы 21 УК РФ на преступления против материальных и нематериальных благ, а также разработать квалифицированные составы для преступлений в сфере компьютерной информации.

Список литературы:

1. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica (Русский закон)*, 2019, № 7 (152), С. 108-118.
2. Биткоин-биржу обанкротили хакеры / *Коммерсантъ* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2426539> (Дата обращения: 13.03.2023).
3. Буравов И. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере разработки и применения смарт-контрактов // XLVIII Самарская областная

студенческая научная конференция: тезисы докладов, Самара – 11–22 апреля 2022 года, С. 211-212.

4. Juels, Ari, Ahmed Kosba, and Elaine Shi. «The ring of gyges: using smart contracts for crime», 2015 [Электронный ресурс] // URL: <https://eprint.iacr.org/2016/358.pdf>.

5. Ndiaye M., Konate P. K. Cryptocurrency crime: Behaviors of malicious smart contracts in blockchain // International Symposium on Networks, Computers and Communications (ISNCC), IEEE, 2021, С. 1-8.

УДК 343.615.8

Вострикова Анастасия Михайловна

Руф Владислав Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru

ruf.vlad-1988@yandex.ru

Vostrikova Anastasia

Ruf Vladislav

Ural State Law University

named after V. F. Yakovlev

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

КАТЕГОРИЯ НЕИЗГЛАДИМОГО ОБЕЗОБРАЖИВАНИЯ ЛИЦА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА УГОВНО-ПРАВОВУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ

Аннотация: в статье рассмотрен вопрос определения степени неизгладимости и обезображивания лица и других частей тела человека, их влияние на квалификацию действий виновного лица. Проанализирована судебная практика и нормативно-правовые акты по указанной проблеме, а также точки зрения ученых-правоведов.

Ключевые слова: неизгладимое обезображивание лица, обезображивания, степень тяжести вреда здоровью, рубцы, эстетическое представление о внешности.

THE CATEGORY OF INDELIBLE FACIAL DISFIGUREMENT AND ITS IMPACT ON CRIMINAL LAW QUALIFICATION

Abstracts: the article examines the issue of determining the degree of indelibility and disfigurement of the face and other parts of the human body, their impact on the qualification of the actions of the guilty person. Judicial practice and normative legal acts on this problem, as well as the points of view of legal scholars, are analyzed.

Key words: indelible disfigurement of the face, disfigurement, severity of harm to health, scars, aesthetic representation of appearance

В современном мире ценность такого нематериального блага как здоровье человека приобретает всё большее значение. По этой причине общество не стоит на месте: его институты постоянно меняются. Данные тенденции находят отражение как в уголовном законодательстве, так и в доктрине уголовного права: и юридическая наука, и система законодательства претерпевают изменения, чтобы отвечать потребностям социума в обеспечении законности и правопорядка.

Однако, несмотря на усилия ученых и федерального законодателя, вопросы квалификации преступлений против личности достаточно часто носят противоречивый и неоднозначный характер, что может негативно сказываться и на практике применения норм, и на функциях, которые выполняет уголовное право (например, обеспечение справедливости). Данная проблема возникает, в том числе, вследствие включения оценочных понятий в диспозиции норм уголовного права. Оценочные категории, как правило, сложнее всего поддаются правильному толкованию правоприменителями. Подобная проблема также встречается и в ч. 1 ст. 111 УК РФ, в частности, при определении такого вреда здоровью, как неизгладимое обезображивание лица.

При обсуждении такой уголовно-правовой категории как «неизгладимое обезображивание лица» в первую очередь возникает вопрос: есть ли какие-то критерии и инструменты, которые позволят определить степень неизгладимости? К сожалению, данные средства отсутствуют в законе, и именно

поэтому судьям приходится самостоятельно вырабатывать подходы к определению перечисленных понятий.

Прежде, чем перейти к рассмотрению указанного вопроса стоит рассмотреть, что вообще принято понимать под термином «неизгладимое обезображивание».

Некоторые ученые ссылаются на толковые словари и исторические определения неизгладимого обезображивания: «Определение этого слова встречается в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля: «Обезображивать, обезобразить что чем; портить вид чего-либо, делать дурным на глаз, некрасивым, невзрачным, несуразным, противным, уродовать искажать, -ся, страд. Лицо обезображено оспою. Лицо обезобразилось злобою. Обезображиванье ср. дл. Обезображенье, оконч. действ. по гл.» [3, с. 108].

Указанное определение отражает общепринятое в литературном русском языке понимание термина «обезображивание». Оно также может приниматься во внимание судьями при определении ими степени неизгладимости повреждения лица и тяжести вреда здоровью.

При обращении к историческим источникам стоит отметить, что наиболее полный термин указан в Уголовном уложении Российской Империи 1903 «неизгладимое обезображенье лица — весьма тяжкое телесное повреждение, наказывается каторгою на срок не свыше восьми лет. ... в группу особенно тяжких повреждений относится остающееся обезображение лица, т.е. такое внешнее изменение лица, в виде отнятия какого-либо лицевого органа или в виде ран разного рода, которое, с одной стороны, придает пострадавшему отталкивающий вид, безобразный вид, а с другой, — имеет характер остающийся, а не преходящий или случайный; потому этот вид повреждения должен определяться сообразно житейскому его значению и, следовательно, видоизменять свой характер, смотря по индивидуальности пострадавшего» [6, с. 61].

Исторический подход к рассмотрению обсуждаемой категории позволяет наиболее полно раскрыть ее признаки и провести анализ по отношению к современному пониманию обезображивания.

Стоит отметить, что в сегодняшнее содержание указанного термина укладываются также «обезображивания конкретного человека, получившего повреждения лица, которые носят характер неизгладимых изменений» [1, с. 119]. В связи с этим стоит упомянуть Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. Под неизгладимым изменением следует понимать такие повреждения лица, которые с течением времени не исчезают самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций, нарушений мимики и прочее, либо под влиянием нехирургических методов) и для их устранения требуется оперативное вмешательство (например, косметическая операция) [5].

При сопоставлении термина из Уложения и современного понятия можно увидеть некоторое «обеднение» второго, поскольку отсутствует одно из обязательных признаков – эстетически неприемлемое повреждение, за счет которого и идет обезображивание лица. В силу того, что данный признак не был учтен в упомянутом Приказе или в Постановлениях Пленума Верховного Суда, судьям пришлось самостоятельно выработать подход к пониманию и применению эстетической составляющей повреждения.

Как правило, под обезображиванием понимают не только рубцы, но и такие явления как различного рода деформации и нарушения мимики. Данное замечание имеет весомое значение, поскольку позволяет раскрыть и более полно изучить рассматриваемую категорию. И деформация, и нарушения мимики также определены Приказе 194н.

Деформации в основном возникают впоследствии травм, сопровождающихся переломами лицевого черепа: верхней или нижней челюсти,

скуловых костей, носовой, слезной костей и т.д. Нарушения мимики могут проявляться в явной асимметрии лица.

Поскольку категория обезображивания тесно связана с медициной, а именно с понятием шрамов и рубцов, стоит рассмотреть подходы врачей и судебно-медицинских экспертов к данной проблеме. Существует большое количество подходов к квалификации рубцов. Однако видится логичным рассмотреть лишь некоторые из них, которые имеют наибольшее значение для решения правовых вопросов, связанных с определением степени вреда здоровью.

1. По локализации: на открытых участках тела (непосредственно лицо, кисти рук, предплечья, шея) и на закрытых участках тела.

2. По эстетическому виду: эстетически приемлемые и эстетически неприемлемые.

3. По типу: нормотрофические, атрофические, гипертрофические, келоидные. В данной классификации необходимо дать определение конкретным видам рубцов. Нормотрофический рубец – поверхностный рубец, не задевающий глубь лежащие слои кожи, остающийся после ссадин, резаных ран; атрофический – тонкий, плоский рубец и располагающийся на таких частях тела как голень, кисти, стопы; гипертрофический – западение ткани, создающее рельеф на коже, образующееся в результате глубокой травмы; келоидный – рубец, который распространяется за пределы своего первичного повреждения (т.е. постоянно воспаляющийся и увеличивающийся по площади) [4, с. 110].

Данные классификации имеют значение для решения юридических вопросов потому, что именно они непосредственно влияют как на объективные факторы (устоявшиеся и зафиксированные критерии тяжести вреда здоровью), так и на субъективные (формирование убеждения у судьи по вопросу неизгладимости и эстетичности). Так первая и вторая классификации, в их системной взаимосвязи, позволяют создать у судей представление относительно

вопроса красоты и привлекательности человека после образования рубца. Третья классификация более полно отражает природу рубца: его происхождение, влияние на организм человека, возможности лечения – данные аспекты влияют на вопрос определения тяжести вреда здоровью (в частности, при обращении к критериям, указанным в Приказе 194н).

При рассмотрении категории неизгладимого обезображивания ощущается острая необходимость в обращении к устоявшейся судебной практике, поскольку именно она определила некоторый порядок рассмотрения подобных дел судами и разрешила определенную долю вопросов квалификации.

Примечательным является Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного суда РФ от 17.08.2016 №АКПИ16-562. В ней указана следующая позиция: «вопрос об обезображивании человека, являясь юридическим и оценочным, должен разрешаться судом, исходя из общепризнанных эстетических представлений о красоте, привлекательности человеческого лица с учетом всех обстоятельств дела, в т.ч. и мнения потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства, за исключением врача судебно-медицинского эксперта, заключение которого ограничивается лишь установлением неизгладимости причиненного вреда». Такая же позиция дублируется в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 октября 2009 №85-009-27.

Однако указанные подходы суда имеют некоторые несовершенства. Во-первых, в обществе отсутствуют какие-либо общепризнанные эстетические представления о красоте: у каждой социальной группы можно найти своё подобное представление. К примеру, в настоящее время активное развитие получает так называемый «бодипозитив», который помогает людям принимать свои недостатки. Если руководствоваться данным принципом, то можно не считать рубцы, бельма, шрамы обезображиванием – это просто «изюминка» человека.

Такой подход достаточно опасен, поскольку может вызвать психологическую травму у пострадавшего лица, повлечет снижение степени тяжести вреда на более низкие ввиду более лояльные отношения к таким формам повреждения лица, что даст возможность назначить меньшее наказание виновному и другие негативные последствия. Конечно, суды должны учитывать мнения иных лиц, участвующих в деле (как правило, это сам пострадавший и виновный), но в данном случае противоборствующие стороны занимают полярные позиции по естественным причинам.

Во-вторых, из указанной позиции непосредственно выходит следующий вывод, подтверждающий вышенаписанное умозаключение о том, что именно суд, а не судебно-медицинский эксперт, определяет степень обезображивания лица и других частей тела человека. Очевидно, что данный подход является правильным, поскольку решение вопроса обезображивания лица является компетенцией судей. А.В. Гришин считает: «для установления факта только «обезображивания лица» не требуются специальные знания в области медицины, а для установления «неизгладимого обезображивания лица» требуется применение специальных знаний» [2, с. 11]. Также некоторые правоведы отмечают, что вывод о степени обезображивания лица у потерпевшего судья может сделать на основе «представления о нормальном строении лица, изменившимся в результате причинения повреждения» [7, с. 116].

В п. 4 Приказа 194н указывается: «Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется в соответствии с Правилами и Медицинскими критериями врачом-судебно-медицинским экспертом медицинского учреждения либо индивидуальным предпринимателем, обладающим специальными знаниями и имеющим лицензию на осуществление медицинской деятельности, включая работы (услуги) по судебно-медицинской экспертизе (далее - эксперт), привлеченным для производства экспертизы в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Однако при установлении тяжкого вреда здоровью (при решении вопроса о неизгладимом обезображивании лица) необходимо принимать во внимание тот факт, что вопрос обезображивания, как мы отметили ранее, это компетенция судей. Вследствие этого возникают некоторые сложности при решении вопроса о степени тяжести вреда: за кем остается последнее слово и какие могут быть последствия при возникновении разногласий между судьей и судебно-медицинским экспертом?

Поскольку судья при рассмотрении дела и его конкретных обстоятельств выносит решение, именно он и будет решать вопрос о том, какая степень тяжести вреда имеет место в каждом конкретном случае. Как отмечается в указанных выше судебных решениях, задача эксперта – установить степень неизгладимости шрама, рубца и другого вреда.

Таким образом, можно говорить о существовании разных подходов к пониманию термина «неизгладимое обезображивание лица»: лингвистического, исторического, медицинского, юридического. Все они в разной степени повлияли на то, как понимается категория неизгладимого обезображивания в современной судебной практике. Так, взяв за основу действующее законодательство и практику судов, можно вывести следующее понятие неизгладимого обезображивания – это такие повреждения лица, которые не отвечают общепризнанным эстетическим представлениям о красоте и привлекательности человеческого лица, с течением времени не исчезают самостоятельно и для устранения которых требуется оперативное вмешательство.

Список литературы:

1. Гордеев А. Ю., Бурцев А. С., Дьяков А. Н. Спорные вопросы квалификации причинения тяжкого вреда здоровью по признаку неизгладимого обезображивания лица // Аграрное и земельное право. 2019. №10 (178). С. 119-120

2. Гришин А.В. О проблемах квалификации неизгладимого обезображивания лица // Воронежский адвокат 2011. №9. С.10-13.
3. Зварыгин В. Е, Шкляева С. Е. Неизгладимое обезображивание лица как вид тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и судебно-медицинский аспекты // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. №5. С. 108-111.
4. Ковалёва Л. Н. Клинико-морфологические параллели у пациентов с рубцовой патологией кожи // ДВКС. 2016. № 1(4). С.108-117.
5. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 N 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // «Российская газета». №188. 05.09.2008.
6. Путинцев В.А., Абрамов С.С. Неизгладимое обезображивание лица // Судебно-медицинская экспертиза. 2011. №3. С. 60-64.
7. Рябчиков С.А. Актуальные вопросы, связанные с расследованием преступлений, причиняющих вред здоровью, вследствие неизгладимого обезображивания лица // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. №2 (2). С. 115-119.

УДК 343.1

Высоцкая Анастасия Михайловна

Чернышева Александра Сергеевна

Российский государственный университет правосудия

Юридический факультет

Россия, Иркутск

nastya-nikitenko-2013@mail.ru

alexa.chernisheva@gmail.com

Vysotskaya Anastasia

Chernysheva Alexandra

Russian State University of Justice

Faculty of Law

Russia, Irkutsk

К ВОПРОСУ О НАДЛЕЖАЩЕМ НОРМАТИВНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НЕРАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: в статье проанализирована новая редакция ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ. На примере судебной практики наглядно продемонстрированы недостатки существовавшей ранее конструкции. Помимо положений Уголовно-процессуального кодекса РФ также изучено содержание ст. 310 Уголовного кодекса РФ, обеспечивающее должный уровень защиты тайны предварительного расследования. На основе приведенной статистики сделан вывод о латентности преступлений, совершенных по ст. 310 Уголовного кодекса РФ. Выявлены проблемы, снижающие эффективность применения норм, касающихся обеспечения тайны данных предварительного расследования. Предложены пути их решения.

Ключевые слова: данные предварительного расследования, разглашение, тайна предварительного расследования, ответственность, участники уголовного судопроизводства, преступление

TO THE QUESTION OF PROPER REGULATORY REGULATION OF NON-DISCLOSURE OF PRELIMINARY INVESTIGATION DATA

Annotation: the article analyzes the new edition of Art. 161 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. On the example of judicial practice, the shortcomings of the previously existing design are clearly demonstrated. In addition to the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the content of Art. 310 of the Criminal Code of the Russian Federation, providing an adequate level of protection of the secrets of the preliminary investigation. On the basis of the above statistics, a conclusion was made about the latency of crimes committed under Art. 310 of the Criminal Code of the Russian Federation. Problems were identified that reduce the effectiveness of the application of the rules concerning the secrecy of the data of the preliminary investigation. The ways of their solution are offered.

Key words: data of the preliminary investigation, disclosure, secrecy of the preliminary investigation, responsibility, participants in criminal proceedings, crime

На сегодняшний день в условиях возрастающей роли информационных технологий обеспечение конфиденциальности персональных данных становится более актуальным. Правовая защита интересов личности, общества, государства в период компьютеризации все чаще становится объектом пристального внимания законодателя. Вместе с этим, особое внимание государство уделяет обеспечению сохранения в тайне определенной информации, полученной в ходе расследования, в интересах правосудия. Для реализации этих целей в ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливается недопустимость разглашения данных предварительного расследования. В свою очередь, ст. 310 Уголовного кодекса Российской

Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за разглашение данных предварительного расследования.

В 2017 году ст. 161 УПК РФ была подвергнута существенным изменениям. Так, Федеральный закон Российской Федерации от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ дополнил ее новыми положениями. В частности, в ст. 161 УПК РФ появились принципиально новые нормы, касающиеся:

- предания огласке данных предварительного расследования;
- случаев, на которые запрет на оглашение такой информации не распространяется;
- ситуации, при которых изложение или предоставление сведений по уголовному делу, не являются разглашением данных предварительного расследования.

Данные изменения были обусловлены несовершенством конструкции ст. 161 УПК РФ. В ее обновленном содержании присутствует направленность на повышение уровня обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства [1, с.75]. Так, существовавшая ранее редакция позволяла привлекать к ответственности за разглашение данных предварительного расследования, которые уже были преданы огласке в открытом судебном заседании. Это подтверждается судебной практикой.

Рассмотрим дело № 1-7-1/2015 адвоката Владимира Дворяка, осужденного по ст. 310 УК РФ [2]. Так, адвокат защищал интересы В. Титова, который обвинялся в получении взяток. В. Дворяк снял копии с протоколов допроса подозреваемой и свидетеля и ознакомил с ними заинтересованных лиц. В результате он был приговорен к обязательным работам сроком 400 часов. На решение мирового судьи была подана апелляционная жалоба, которая была оставлена без удовлетворения. В кассационной жалобе защитник В. Дворяка ссылался на тот факт, что протоколы допросов ранее уже были оглашены в открытом судебном заседании, а, следовательно, эти данные не могут составлять

тайну предварительного расследования. Дело дошло до Президиума Верховного Суда Республики Хакасия, в котором «суд установил, что некоторые данные предварительного расследования (в частности, содержание протоколов допросов подозреваемой и свидетеля) стали достоянием гласности в открытом судебном заседании... В связи с изложенным выводы суда о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, в действиях Дворяка В.Г. ...нельзя признать правильными» [3]. Таким образом, в 2016 В. Дворяк был оправдан. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации не раз указывала на несовершенство конструкции ст. 161 УПК РФ. В последующем, в 2017 г. в статью были внесены существенные изменения, о которых говорилось ранее. Анализируя новую редакцию ст. 161 УПК РФ можно сделать вывод о том, что она направлена на повышение уровня обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Должный уровень защиты тайны предварительного расследования обеспечивается не только УПК РФ, но и через возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, у которых отобрана подписка. Наличие и значимость ст. 310 в УК РФ Конституционный Суд РФ в своих позициях обуславливает тем, что «при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел интересы правосудия, цель которого - защита прав и свобод человека и гражданина (статья 18 Конституции РФ), предполагают сохранение в тайне полученной в ходе уголовного судопроизводства конфиденциальной информации. В материалах уголовного дела могут содержаться сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне (персональные данные, налоговая, банковская, коммерческая, медицинская тайна, тайна усыновления и др.), а потому их несанкционированное распространение (разглашение) следует рассматривать как посягающее на права личности и, тем самым, представляющее общественную опасность. Необоснованное предание огласке данных предварительного расследования может не только привести к нарушению прав и

законных интересов граждан (в том числе участников уголовного процесса, информация о частной жизни которых, личной и семейной тайне в той или иной степени неизбежно отражается в материалах предварительного расследования), но и серьезно осложнить само производство по уголовному делу, в том числе повлечь утрату собранных по делу доказательств, создать условия для уничтожения доказательств подозреваемым или обвиняемым, позволить им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу» (абз. 4 п. 3.1 Определения Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О; абз. 2 п. 3 Определения Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О) [4].

Исходя из анализа статистических данных (за 2014-2020 гг.) можно сделать вывод о практическом применении ст. 310 УК РФ. Так, в 2014 г. было возбуждено одно уголовное дело и вынесен один оправдательный приговор; в 2015 г. возбуждено два уголовных и вынесено два обвинительных приговора; в 2016 г. возбуждено одно уголовное дело; в 2017 г. при рассмотрении уголовного дела, лицо было признано невменяемым; в 2018 г. в отношении одного лица уголовное дело прекращено по иным основаниям по основной статье; в 2019 г. вынесен один оправдательный приговор; в 2020 г. в отношении одного лица уголовное дело прекращено по иным основаниям по основной статье. Таким образом, преступления, связанные с разглашением данных предварительного следствия, можно отнести к категории латентных. Прежде всего, это связано со сложностью выявления вышеуказанного преступления, а также с проблемами в самом законодательстве.

Предметом деяния, предусмотренного ст. 310 УК РФ, являются данные предварительного расследования. При этом неясно, что именно включает в себя понятие «данные предварительного расследования», так как отсутствует его законодательное закрепление. Однако данное определение содержится в судебной практике, а именно в абз. 1 п. 5 Определения Конституционного Суда

РФ от 6 октября 2015 г. № 2443-О и абз. 3 п. 5 Определения Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2444-О.

В науке же существуют две позиции относительно того, что включает в себя данное понятие. Так, одни правоведы (Бриллиантов А. В., Косевич Н. Р.; Кузнецов А. П., Сидоров В. В.) считают, что отсутствие четко установленного перечня сведений, не подлежащих разглашению, свидетельствует о том, что к ним относится любая информация, содержащаяся в уголовном деле и признанная уполномоченным лицом не подлежащей разглашению. Другие (Блинова Е. В., Власова Н. А.) полагают, то хоть данный перечень сведений и не установлен законодательно, он не может быть произвольным [5,6,7,8]. Однако, фактическое отсутствие подобного перечня означает, что прокурор, следователь или лицо, производящие дознание, могут по своему усмотрению устанавливать, какая информация о предварительном расследовании может быть специально охраняемой, а какая – нет [9, с. 39].

Следовательно, представляется необходимым законодательно закрепить определение понятия «данных предварительного расследования», так как на сегодняшний день, информация, не подлежащая разглашению, определяется уполномоченным лицом по своему усмотрению. Однако определить, что включает в себя данная информация достаточно сложно, и в случае ошибки это может привести к излишней «открытости» данных, что негативно скажется на расследовании уголовного дела.

Следователь и дознаватель предупреждают участников уголовного судопроизводства об ответственности по ст. 310 УК РФ за разглашение данных предварительного расследования и берут об этом соответствующую подписку. Однако на практике довольно часто субъекты расследования пренебрегают данным правилом. Вместе с этим, отсутствие такой подписки не позволяет привлечь лицо к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

Таким образом, в случае разглашения данных предварительного расследования, человек, совершивший подобное деяние, останется безнаказанным, а расследованию по уголовному делу будет нанесен ущерб, который значительно замедлит раскрытие преступления.

Следует также отметить, что законодательством не предусмотрен срок действия подписки о неразглашении данных предварительного расследования. Необходимость сохранения в тайне определённой информации может иметь различные временные рамки. Например, следственные версии не должны разглашаться до окончания расследования, а сведения о принятии мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства - даже после принятия окончательного решения по уголовному делу. Так, неправильное установление срока субъектами, у которых берется подписка, приведет к затруднениям при расследовании по уголовному делу.

В условиях современного мира важную роль играют средства массовой информации (далее – СМИ), они окружают нас буквально везде, поэтому необходимо уделить им должное внимание. Так, можно отметить как положительные, так и отрицательные моменты придания огласке СМИ данных предварительного расследования.

В первую очередь, выделим плюсы допустимого освещения хода и результатов расследования по уголовному делу. Во-первых, это способствует привлечению общественности, которая может оказать помощь в расследовании по уголовному делу (поиск лиц, располагающих какой-либо информацией, розыск лица, совершившего преступление и т. п.). Во-вторых, это может быть направлено на пресечение распространения слухов, а также дезинформации населения по обстоятельствам дела. В-третьих, допустимое освещение данных предварительного расследования в СМИ является одним из способов предупреждения населения о возможности совершения новых преступлений.

Далее рассмотрим минусы. Стоит начать с того, что порядок передачи в СМИ информации, содержащей сведения об уголовном деле, законом не урегулирован. Так, уполномоченные лица в ходе беседы с представителями СМИ могут предать огласке ту информацию, которая имеет важное значение, и ее распространение существенно навредит расследованию. Например, разглашение способа совершения преступления, доказательств, которыми располагает следствие, может привести к попытке уничтожения доказательств. Кроме того, нередко СМИ обнародуют данные предварительного расследования без соответствующего разрешения или, распространяя ложную информацию, дезинформируют население.

Следовательно, учитывая все вышесказанное, представляется возможным регламентировать пределы распространения данных предварительного расследования, установить письменный способ оформления таких действий, а также усилить контроль за распространением СМИ информации, содержащей сведения о расследуемом уголовном деле.

Подводя итог, стоит отметить, что наличие таких норм, как ст. 161 УПК РФ и ст. 310 УК РФ, является гарантом соблюдения конституционных прав участников уголовного судопроизводства. Однако, существующие на сегодняшний день недостатки, о которых говорилось ранее: обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования законодательства.

Список литературы:

1. Шурухнов Н. Г., Пушкин А. В. Конкретизация положений о недопустимости разглашения данных предварительного расследования // Вестник экономической безопасности. 2019. №1. С. 75.

2. Приговор от 4 февраля 2015 г. по делу № 1-1/2015 URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/7T7BxsTPHm51/> (дата обращения: 01.02. 2023 г.).

3. Постановление № 44У-46/2016 4У-515/2016 от 23 июня 2016 г. по делу № 44У-46/2016 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mnsrpoRduR6K/> (дата обращения: 01.02.2023 г.).

4. По жалобе граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 2016 г., № 1; По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О // Вестник Конституционного Суда РФ, № 1, 2016.

5. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Преступления против правосудия, препятствующие обеспечению нормальной деятельности суда и правоохранительных органов // Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016., С. 1037.

6. Кузнецов А.П., Сидоров Б.В. Конкретные виды преступлений против правосудия // Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012, С. 809.

7. Блинова Е.В. Обеспечение неразглашения данных досудебного производства в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 103.

8. Власова Н.А. Обеспечение тайны предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3 С.148.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

9. Конфиденциальное делопроизводство и защищенный электронный документооборот: учебник / Н. Н. Куняев, А. С. Дёмушкин, Т. В. Кондрашова, А. Г. Фабричнов; под общ. ред. Н. Н. Куняева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 2020. С. 39.

Кульпин Алексей Андреевич
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург
Alex.kulp@yandex.ru
Kulpin Aleksey
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Saint-Petersburg, Russia

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПУБЛИЧНОГО
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 207.3 УК РФ**

Аннотация: в статье представлены результаты исследования способов совершения публичного распространения заведомо ложной информации, предусмотренной ст. 207.3 УК РФ посредством современных технологий. Автор рассматривает такие аспекты, как создание фейковых новостных сайтов, использование социальных сетей и мессенджеров для распространения ложной информации, а также методы и средства, используемые преступниками для манипулирования общественным мнением. В целом, статья представляет собой важный вклад в изучение проблемы распространения заведомо ложной информации через Интернет и способов совершения этого преступления.

Ключевые слова: публичное распространение, заведомо ложная информация, фейк, способ совершения преступления, 207.3 УК РФ, специальная военная операция.

**USE OF HIGH TECHNOLOGIES FOR THE PUBLIC DISTRIBUTION
OF KNOWNLY FALSE INFORMATION PROVIDED BY ART. 207.3 OF
THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation: the article presents the results of a study of ways to commit the public dissemination of knowingly false information under Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation through modern technologies. The author considers such aspects as the creation of fake news sites, the use of social networks and instant messengers to spread false information, as well as the methods and means used by criminals to manipulate public opinion. In general, the article is an important contribution to the study of the problem of dissemination of deliberately false information via the Internet and the methods of committing this crime.

Key words: public distribution, deliberately false information, fake, the manner in which the crime was committed, 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, special military operation.

В современной криминалистической литературе достаточно сложно найти работу, посвященную предварительному расследованию того или иного вида (разновидности) преступления, в которой не было бы упоминания о способах совершения преступления. Не является исключением и расследование публичного распространения заведомо ложной информации, предусмотренной ст. 207.3 УК РФ, посредством современных технологий.

Обобщенные сведения о способе преступления имеют высокое практическое значение, что неоднократно находило свое отражение в криминалистической литературе. По мнению В.Н. Кудрявцева, это связано с тем, что способ преступления отражает характер деяний преступника и является ключевым элементом при формировании информации о посягательстве, лице его совершившем, местонахождении следов преступления и других важных аспектах [3, с. 61]. Способ преступления определяется детерминированными

особенностями личности преступника, системой взаимосвязанных действий или воздержания от них, направленных на достижение преступной цели. Результаты анализа судебно-следственной практики подтверждают объективную сторону преступления, как характеристики действия (бездействия) виновного лица.

При этом необходимо отметить, что если выступление на публике или публикация в средствах массовой информации в процессе доказывания не вызывает сомнения в совершении рассматриваемого преступления конкретным лицом, то в доказывании публикации заведомо ложной информации с использованием сети «Интернет» все не так однозначно.

С.С. Шестало при анализе способов совершения распространения информации в сети «Интернет» делает уклон исключительно на возможность распространения посредством осуществления репостов [7, с. 65].

Полагаем, что данная позиция может быть оспорена. В современном цифровом мире информация может быть диссеминирована через многочисленные каналы сети «Интернет». Необходимо рассматривать все способы совершения данного преступления, среди которых:

1. Социально-информационные платформы.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что наиболее распространенным способом распространения дезинформации о специальной военной операции на территории Украины (207.3 УК РФ), с использованием IT технологий являются публикации постов в социальных сетях через аккаунты конкретных пользователей.

В настоящее время понятие «социальные сети», равно как и «аккаунт в социальных сетях» (далее - «аккаунты») так и не получили надлежащего правового регулирования. Таким образом, существующая тенденция недвусмысленно свидетельствует о недостаточной подготовленности государственного аппарата к процессу цифровой трансформации [6, с. 19].

Полагаем, что со столь категоричными выводами согласиться крайне сложно, однако при этом недопустимо оставить без внимания тот факт, что нормативная база следует за развитием технологий с существенным опозданием [4, с. 169]. К сожалению, социальные сети не стали исключением.

Как верно отмечает Е.С. Гринь, в юридической науке «аккаунты» также не имеют точного определения [2, с. 128]. Однако следует отметить, что отклоненный проект поправок для Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет «аккаунт», как страницу в сети «Интернет» конкретного пользователя [11]. Таким образом, распространение ложной информации путем размещения постов в «аккаунтах» осуществляется с личных страниц конкретных людей в сети «Интернет».

Так, например, гражданин Н., постоянно проживая за пределами территории РФ, с использованием сети «Интернет» разместил на персональном аккаунте в социальной сети дезинформацию о намеренном обстреле российскими военнослужащими родильного дома в Мариуполе и убийстве мирного населения в городе Буча [8].

2. Видеохостинговые сервисы.

С начала XXI века, как верно отмечает И.В. Пащенко, наблюдается интенсивное распространение радикальных идей и привлечение сторонников с использованием ведущих социальных медиа-платформ, включая «Facebook», «ВКонтакте» и «YouTube» [5, с. 14]. Полагаем, что детерминантами данного явления стали такие факторы, как сосредоточение большого числа пользователей на указанных платформах, возможность эффективного продвижения тематических сообществ без крупных финансовых инвестиций, а также демонстрируемая администрацией этих ресурсов относительная терпимость к публикуемому и продвигаемому контенту.

В свою очередь, преступники используют данные ресурсы для публикации и распространения своих видеоматериалов, включая пропагандистские и

обучающие видеоролики. Абсолютно прав О.Ю. Антонов, подчеркивая, что они активно используют алгоритмы рекомендаций Интернет-платформ для привлечения внимания к своим материалам, а также создают видео с провокационными заголовками и описаниями, что позволяет привлекать больше просмотров и увеличивать вероятность попадания в рекомендации пользователей [1, с. 26].

Так, гражданин Я, зная, что опубликованные в украинских средствах массовой информации фото- и видеоматериалы о совершении российскими военнослужащими актов насилия в отношении мирного населения города Буча являются ложными (фейком), диссеминировал эту информацию во время прямой трансляции на платформе YouTube [9].

С учетом изложенного совершение анализируемого нами преступления посредством применения видео-площадок является серьезной проблемой, требующей комплексного подхода к решению. Усиление контроля со стороны платформ, сотрудничество с правоохранительными органами и проведение образовательных программ являются ключевыми стратегиями противодействия данному явлению.

3. Телефонная коммуникация.

В современном обществе телефонные коммуникации стали одним из ключевых средств взаимодействия между индивидами. Тем не менее, существует опасность использования данного канала для трансляции ложных материалов и пропаганды радикальных идеологий. Такое явление представляет собой значительную угрозу общественной безопасности и социальной стабильности, поскольку может способствовать процессу радикализации населения и, в итоге, привести к возникновению террористических действий.

Современные технологии и глобализация упрощают доступ к информации и облегчают коммуникацию между людьми, однако это также создает условия для распространения экстремистских идеологий через телефонные переговоры.

В связи с этим, необходимо осознавать потенциальные риски, связанные с использованием телефонных коммуникаций в качестве инструмента для трансляции радикальных взглядов и материалов.

Такое явление может привести к усилению социальных напряжений, углублению межэтнических и межрелигиозных разногласий, а также к формированию экстремистских групп и организаций, стремящихся к насильственному изменению общественного порядка. В этой связи актуальность проблемы публичного распространения заведомо ложной информации через телефонные переговоры требует всестороннего анализа и разработки эффективных мер по ее преодолению.

Для борьбы с данным явлением необходимо применять комплексный подход, включающий в себя многоуровневые стратегии и меры, направленные на предотвращение и противодействие распространению радикальных идеологий через телефонные коммуникации. Важным аспектом является разработка и внедрение инновационных технологий для мониторинга и анализа телефонных переговоров, а также сотрудничество между государственными структурами.

Так, например гражданин В., в отношении которого проводились ОРМ, с момента начала СВО на территории Украины выражал критическую позицию относительно действий российских Вооруженных Сил в рамках телефонных переговоров с коллегами (в марте 2022 года он трижды обсуждал ситуацию на Украине с друзьями и коллегами посредством телефонной связи, высказывая осуждение в отношении действий российских вооруженных сил) [10].

4. Автоматизированные системы (фермы ботов)

В современном информационном пространстве наблюдается активное распространение экстремистских материалов с использованием автоматизированных систем, таких как фермы ботов. Данный процесс характеризуется применением искусственного интеллекта и алгоритмических

методов для создания и управления виртуальными агентами, способными маскироваться под реальных пользователей и осуществлять массовую рассылку радикальных идеологий.

Основными целями использования ферм ботов для распространения деструктивных материалов являются манипуляция общественным мнением, подрыв социальной стабильности и создание условий для реализации антиобщественных действий. В рамках данной проблематики актуальным становится изучение механизмов идентификации и противодействия таким автоматизированным системам.

Фермы ботов обладают высокой степенью анонимности и масштабируемости, что затрудняет их обнаружение и блокировку со стороны правоохранительных органов и специализированных служб. В связи с этим, разработка новых методов и подходов к выявлению и нейтрализации подобных угроз является приоритетным направлением научных исследований в области информационной безопасности.

Так, в составе организованной группы гражданин X. приобрел мобильные аппараты и SIM-карты, настроил соответствующее программное обеспечение, обеспечивающее возможность дистанционного контроля над устройствами и проведение масштабной рассылки информационных сообщений, и разместил в одном из торговых центров г. Москвы, тем самым создав «ферму ботов».

Позднее, лица, чья идентичность не была установлена, дистанционно контролировали приобретенные и настроенные гражданином X. аппараты, с помощью которых осуществлялась масштабная рассылка абонентам российских мобильных операторов текстовых сообщений, включающих в себя преднамеренно недостоверные данные. В сообщениях, в частности, распространялись сведения о совершении российскими военными преступлений против мирного населения Украины, а также о дополнении численности

вооруженных сил резервистами, призывниками, иностранными воинами и учащимися [12].

В качестве возможных решений для борьбы с распространением экстремистских материалов посредством ферм ботов предлагается использование машинного обучения и анализа больших данных для выявления аномальных паттернов поведения, характерных для автоматизированных агентов, а также разработка адаптивных систем контроля и фильтрации контента на основе семантического анализа и нейронных сетей.

Таким образом, распространение дезинформации об участниках специальной военной операции на территории Украины (ст. 207.3 УК РФ), посредством современных технологий является сложной и многоаспектной проблемой, требующей комплексного подхода и совместных усилий государства и общества. Только скоординированные действия в области законодательства, технологий и образования позволят эффективно противодействовать данному явлению и обеспечить безопасность и стабильность в современном мире.

Список литературы:

1. Антонов О.Ю. Экстремистская преступная деятельность в сети Интернет: правовой и криминалистический анализ, пути противодействия // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 1. С.26-31.
2. Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - Т. - № 2 (135) февраль. - С. 128–134.
3. Кудрявцев В.Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 60–69.
4. Кульпин А. А. Конструктор актов прокурорского реагирования, как необходимый элемент цифровой трансформации органов прокуратуры РФ/ А. А. Кульпин // Альманах молодого исследователя. - 2023. - № 14. - С. 169–173.

5. Пащенко И.В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // *Caucasian Science Bridge*. 2018.1(2). С. 12–24.
6. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. / Высш. шк. экономики. - Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. - 44 с.
7. Шестало С. С. Новый раунд борьбы с экстремизмом: уголовная ответственность за распространение запрещенных материалов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // *Юрист*. 2019. № 9. С. 64–69.
8. Архив Басманного районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 01–0001/2023 (2023 г.).
9. Архив Мещанского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 01–1300/2022 (2022 г.).
10. Архив Перовского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 01–0042/2023 (2023 г.).
11. Законопроект № 883844–6 [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/883844-6> (дата обращения 20.07.2023 г.)
12. Головинский районный суд города Москвы 16 мая 2023 года вынес приговор в отношении Хиральдо Сарай Альберто Энрике обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б,г» ч.2ст. 207.3 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://mosgorsud.ru/rs/golovinskij/news/golovinskij-rajonnyj-sud-goroda-moskvy-16-maya-2023-goda-vynes-prigovor-v-otnoshenii-hiraldo-saraj-alberto-enrike-obvinyaemogo-v-sovershenii-prestupleniya-predusmotrennogo-p-b-g-ch2st-2073-uk-rf> (дата обращения 14.06.2023 г.)

Незнамова Юлия Николаевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

uneznamova2@gmail.com

Neznamova Yuliya

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

К ВОПРОСУ О СОКРАЩЕНИИ УРОВНЯ ВИКТИМНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в статье рассматриваются основные уровни виктимности применительно к сотрудникам внутренних дел, анализируется судебная и правоприменительная практика Российской Федерации по вопросу о совершении правонарушений в отношении данной категории, предлагаются пути решения предложенных проблем, в том числе с опорой на опыт иностранных государств.

Ключевые слова: виктимность, сотрудники органов внутренних дел, полицейские, криминология, ОВД, предупреждение преступности.

TO THE ISSUE OF REDUCING THE LEVEL OF VICTIMIZATION AMONG LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Annotation: The article considers the basic levels of victimhood in relation to the internal affairs officers, analyzes judicial and law enforcement practice of the Russian Federation on the issue of committing offenses against this category, proposes ways to solve the proposed problems, including relying on the experience of foreign states.

Key words: victimhood, internal affairs officers, police officers, criminology, internal affairs, crime prevention.

В условиях постоянных попыток дестабилизации общества немаловажное значение имеет деятельность правоохранительных органов государства, посредством которых обеспечивается поддержание общественного порядка внутри государства, стабильность и нормальное функционирование которых позволит сосредоточиться на иных проблемах внутри и за пределами государства. Тем не менее, обеспечить это возможно только в условиях безопасности сотрудников органов внутренних дел, в частности, которые осуществляя деятельность по раскрытию и расследованию преступлений сами нередко становятся жертвами преступлений. Данная проблема выступает в качестве дальнейшего исследования.

Криминологическая (криминальная) виктимология – это учение о закономерностях возникновения, существования и развития виктимности, как о вероятности определенных лиц и групп выступать в качестве жертв от общественно опасных посягательств, их поведении, личностных особенностях, методах защиты граждан от криминальных угроз [4, С.120].

Перед тем, как непосредственно перейти к исследованию, считаем необходимым провести анализ существующих классификаций, для наиболее полного понимания поставленной проблемы. В современной криминальной виктимологии, используя критерий масштабности, выделяют следующие уровни виктимности:

1. Индивидуальная (или личностная) виктимность – это качество отдельного индивида.

2. Видовая виктимность – выражается в предрасположенности отдельных категорий людей.

3. Групповая виктимность – свойственна для групп и коллективов людей, обладающих схожими особенностями. Ее разновидностями являются ролевая и

профессиональная виктимность. Профессиональной виктимностью обладают, к примеру сотрудники полиции.

4. Массовая виктимность – выражает наличие склонности, предрасположенности макросообществ людей.

В исследовании виктимности сотрудников полиции, значительное место нужно отводить изучению причин и условий, способствующих совершению в отношении них посягательств [5, С.105-106], это связано с тем, что виктимность – это многофакторное явление, содержащее в себе и социальные, и биопсихические компоненты [3, С.19.] На основании этого, в первую очередь, необходимо обеспечить информирование и обучение людей навыкам и методам предотвращения насилия. Для этого нужно понимать процессы, обуславливающие пребывание жертвы в виктимогенной ситуации [2, С.281-282]. Причиной виктимизации сотрудников органов внутренних дел в первую очередь выступает именно их профессиональная деятельность, следовательно для снижения уровня виктимизации, необходима разработка мер специальной профилактики. Автором предлагаются следующие 3 взаимосвязанных направления, направленных на снижение уровня виктимности сотрудников полиции:

1) правильная организация профессиональной служебной подготовки, анализ практики, формирование знаний, умений и навыков обеспечения защищенности от преступных посягательств сотрудников полиции в ходе исполнения ими служебных обязанностей;

2) меры технического характера;

3) предупреждение недопустимых действий со стороны граждан.

Служебная подготовка состоит в создании практических заданий, моделировании ситуаций, при которых возможно совершение преступлений в отношении сотрудников полиции, а также отработке правильного алгоритма действий сотрудников полиции в таких ситуациях. К примеру, ситуации

общения с гражданином, задержание, доставление задержанного в территориальные ОВД и др [1, С. 35].

Также обязательна психологическая подготовка сотрудников, в связи с ситуациями, в которых очевидно непонятна законность действий иной стороны или же просто неуверенность представителя власти. Наиболее ярким примером являются случаи применения служебного оружия, физической силы и иных спецсредств, предусмотренных ФЗ «О полиции». Ученые уже достаточно давно констатируют, что последствия применения оружия во многом оказывают негативное влияние на сотрудников органов внутренних дел. К таковым последствиям относится излишняя бюрократизация, т.е. процедура служебной проверки и дачи объяснений относительно обоснованности применения. Иными словами, сотрудники, применившие оружие, фактически вынуждены доказывать правомерность этого, что в свою очередь негативным стресс-фактором, столкнувшись к которым представитель власти не захочет сталкиваться вновь и постарается впредь избегать применения оружия и иных спецсредств.

По итогам данной подготовки возможно:

- 1) выработка навыков анализа практически значимой информации;
- 2) выделение круга имеющихся проблем правоприменительной практики и путей их решения;
- 3) закрепление на практике правил поведения, нацеленных на предупреждение виктимности сотрудника полиции и обеспечение законности его действий (например, гл.5 ФЗ «О полиции») [7, С. 155].

Также в рамках данного направления, необходима разработка и внедрение в деятельность системы МВД РФ инструкций для сотрудников полиции в типовых ситуациях оперативно-служебной деятельности, направленных на обеспечение личной безопасности и предупреждение конфликтного общения с гражданами.

Меры технического характера могут обеспечиваться за счёт повышения технической оснащённости органов внутренних дел, которое в свою очередь позволило бы наиболее эффективно содействовать в расследовании и предупреждении совершения общественно опасных посягательств, исключая риск для жизни и здоровья. К примеру, в США у офицеров полиции есть нагрудные камеры, которые они надевают перед каждым рабочим днём, что позволяет в случае спорных ситуаций, сократить число жалоб на полицейских и т.п. Увидеть наглядный принцип действия этого технического средства в одном из фильмов 2018 г.: у двух напарников случился конфликт и один из них решил подставить другого, не помогая, когда того избивали преступники, а чтобы не было доказательств того, что он наблюдал за происходящим – выключил нагрудную камеру, однако она записывает происходящее за две минуты до её включения и две минуты после выключения, каждый офицер знает о такой особенности, но каким-либо образом повлиять не может, т.к. объективно не известно что случится дальше и в какой момент её нужно выключить, чтобы выждать этот промежуток принудительной работы[8].

Предупреждение недопустимых действий со стороны граждан заключается в предотвращении провоцирующего поведения, которое может повлечь совершение административных и уголовных правонарушений. Сегодня данное поведение со стороны граждан является широко распространённым (только за период 1 полугодия 2022 г. в суды РФ поступило 8284 дел о совершении преступлений против лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, других представителей власти) [9].

Данная работа должна проводиться с использованием:

1) размещения информации на официальных сайтах МВД России и УМВД по субъектам Российской Федерации, в образовательных учреждениях, местах работы граждан и иных общественных местах (торговые центры, места общественного питания и т.д.), в социальных сетях, в данном случае необходимо

учитывать устойчиво-формирующееся у населения «клиповое» мышление, через яркие и быстроменяющиеся образы;

2) в связи с предыдущим - проведение учебных и информационных встреч в учебных коллективах в образовательных организациях различного уровня, среди работников предприятий;

3) социальной рекламы, нацеленной на представление положительного образа сотрудника ОВД, в примере в социальной сети «ВКонтакте» существует официальная группа Министерства внутренних дел Российской Федерации, Следственного Комитета России и других правоохранительных органов, в которых публикуются новости об их деятельности, интервью с сотрудниками и их семьями, позволяющие взглянуть на них через призму представителя власти, рядового представителя общества, который выполняет свой долг перед государством[10,11]. К счастью, данные меры – не инновационные, они имеют место в действительности, но считаем, что если данные меры будут более направленными и учащенными, то эффекта от них будет в разы больше.

Информационно-пропагандистская работа должна быть нацелена на разъяснение обязанности граждан выполнять законные требования сотрудников органов внутренних дел, на возможность обжалования их действий, но данную работу необходимо проводить в комплексе с иными право-просвещающими мероприятиями.

Однако, сокращение числа конфликтных ситуаций, и вероятность стать жертвой преступного посягательства находится в зависимости от соблюдения сотрудниками полиции положений закон и морально-этических норм.

1. Е. Г. Комиссарова в своей работе указывала, на то, что довольно часто имеют место случаи, когда сотрудники ОВД оправдывают факты нарушения требований законодательства сотрудниками органов внутренних дел, негативной социальной средой, которая их окружает [6, С.34].

На основании изложенного выше можно сделать несколько выводов. В первую очередь о том, что ввиду особого статуса сотрудников полиции, как представителей власти они обладают повышенной и особой виктимностью, требующей выработку особых мер профилактики и превенции преступлений против них. Во-вторых, хочется заметить, что необходимо воздействовать не только на сотрудников правоохранительных органов, но и на потенциальных преступников, граждан, подрастающее поколение с целью формирования у них отношения к сотруднику полиции как к лицу, осуществлявшему свои полномочия по поддержанию общественного порядка и действующего во их благо.

Список литературы:

1. Гарманов В. М. Отдельные направления предупреждения виктимности сотрудников полиции // Виктимология. 2014. №2 С. 34-39
2. Думанская, Е. И. Индивидуальная виктимность и виктимологическая профилактика жертв домашнего насилия / Е. И. Думанская, А. Г. Меньшикова // Виктимология. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 280-287.
3. Думанская, Е. И. Психологическая обусловленность индивидуальной виктимности / Е. И. Думанская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 19-22.
4. Клеймёнов, М. П. Криминология: учебник / М.П. Клеймёнов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 400 с.
5. Козаченко, И. Я. Криминология: учебник и практикум для вузов / И. Я. Козаченко, К. В. Корсаков. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 277 с.
6. Комиссарова Е. Г. Профессиональные честь и достоинство государственных служащих: предпосылки междисциплинарного подхода // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. №4 С. 29-35
7. Чумичкин, А. С. Некоторые вопросы реализации виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов

внутренних дел / А. С. Чумичкин // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 2(50). – С. 151-157.

8. Камера для офицера: как в США борются с подбрасыванием наркотиков (эл.ресурс) // URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/08/07/2019/5d1f06fb9a7947c24573017d> (дата обращения 06.04.2023 г.).

9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2022 года (эл.ресурс) // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения 07.04.2023 г.).

10. Следственный Комитет России, группа ВКонтакте (эл.ресурс) // URL: <https://vk.com/sledcomru> (дата обращения 06.04.2023 г.).

11. Министерство Внутренних Дел Российской Федерации, группа ВКонтакте (эл.ресурс) // URL: <https://vk.com/mvd> (дата обращения 06.04.2023 г.).

УДК 343.971

Полуничев Артур Игоревич
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Институт публичного права и управления
Россия, Москва

poluni4ev.artur@yandex.ru

Polunichev Arthur Igorevich
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of Public Law and Management
Russia, Moscow

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные причины формирования такого негативного социального явления, как преступность несовершеннолетних. Приводится классификация причин, выделяются причины и условия формирования преступного поведения. Приводится эмпирическая информация, позволяющая выявить причины, оказывающие наибольшее влияние на формирование преступного поведения несовершеннолетних.

Ключевые слова: криминология, причины преступности, криминогенные факторы, преступность несовершеннолетних, ювенальная юстиция.

REASONS FOR JUVENILE CRIME

Annotation: this research paper considers the main reasons for the formation of such a negative social phenomenon as juvenile delinquency. The classification of causes is given, causes and conditions of formation of criminal behaviour are singled out. Empirical information is given, which allows to identify the causes that have the greatest influence on the formation of criminal behaviour of juveniles.

Key words: criminology, reasons for crime, criminogenic factors, juvenile delinquency, juvenile justice.

Несовершеннолетние составляют особую группу населения. Из-за более восприимчивой психики, они в большей мере, чем представители других демографических групп, подвержены внешнему воздействию. Некоторые из них становятся на преступный путь, становясь, таким образом, фактически кадровым резервом «взрослой» преступности. В 2022 году несовершеннолетними или при их соучастии была совершена четверть преступлений [4]. Это, а также факт того, что уровень преступности несовершеннолетних определяет общий уровень преступности на несколько лет вперёд, свидетельствует о том, что по настоящее время проблема криминализации несовершеннолетних остаётся актуальной и требует исследования и разработки профилактических мер с использованием различных исследовательских методов, в первую очередь аналитических.

Несовершеннолетние будущее любой страны. Понимание причин их становления на преступный путь – залог благополучия общества и государства.

Становление несовершеннолетних на преступный путь происходит по разным причинам и под воздействием различных факторов, которые можно разделить на общие (то есть характерные для формирования преступности как социального явления в целом) и специальные (характерные только для формирования преступного поведения изучаемой группы, в данном случае – несовершеннолетних). Специальные факторы целесообразно разделить на две группы причин: внешние и внутренние.

К внутренним причинам можно отнести: стремление к самоутверждению; врождённую склонность к агрессии (в том числе, в связи с более восприимчивой к внешнему воздействию психикой); несформированность моральных установок и принципов. К ним также относят: максимализм, неустойчивость самооценки, стремление к самостоятельности, недостаток жизненного опыта и повышенную

внушаемость[2]. То есть это причины, непосредственно связанные с личностью несовершеннолетнего.

К внешним причинам относятся: деструктивное воздействие ближайшего окружения, в первую очередь семьи; особенности воспитания, а именно слишком жесткий (деспотический) или крайне мягкий (попустительский) стили воспитания; влияние субкультур; опыт пребывания в специальных учреждениях; конфликты; проблемы в семье. То есть это причины, связанные с воздействием окружения на личность несовершеннолетнего.

Следует упомянуть и об условиях формирования преступного поведения, к которым можно отнести, в первую очередь: неразвитость досуга, деструктивное влияние средств массовой информации, низкий уровень учебно-воспитательного влияния школы. Упоминание условий формирования преступного поведения необходимо для более четкого их отграничения от причин, так как некоторые из них, на первый взгляд, можно ошибочно принять за причины.

Оба перечня не являются исчерпывающими, в них названы причины, которые, по мнению автора, являются наиболее значимыми в формировании делинквентного поведения.

Нельзя забывать и про неразрывную связь групп причин. Так, можно выделить такую причину становления на преступный путь, как «негативный опыт взаимодействия с органами власти». Хотя подобный опыт и относится к внешнему воздействию, только преломляясь через внутренние установки индивида он приведёт к формированию отрицательного отклоняющегося поведения, выраженного, например, в использовании альтернативных, противоречащих закону способов решения проблем.

Приведение этого примера не означает, что иные причины существуют «автономно» друг от друга. Преступное поведение формируется под воздействием ряда внешних и внутренних факторов, но масштаб воздействия

некоторых причин (в частности, выделенных автором) на личность несовершеннолетнего более значительный, в связи с чем они требуют особого внимания.

Необходимо детально рассмотреть некоторые из упомянутых выше причин. Следует отметить, что в данной статье первоочередное внимание будет уделено группе причин, составляющих специальные факторы формирования крайней формы антиобщественного поведения – преступности, так как применительно к рассматриваемому вопросу они имеют решающее значение.

В первую очередь стоит рассмотреть влияние такого базового социального института, как семья, так как именно в ней закладываются базовые морально-нравственные ценности, правила поведения. Семья оказывает решающее воздействие на первичное формирование личности. Поведение родителей, характер воспитания – являются одними из ведущих факторов её формирования, ведь именно в семье происходит первичная социализация. Ребенок, ещё не усвоивший положительных социальных воздействий, находится под значительным влиянием непосредственного окружения – семьи [1, с. 42].

Следует перейти к более углубленному рассмотрению многогранного влияния семьи.

Следует начать с того, что главной задачей семьи является воспитание. В связи с тем, что воспитание является целенаправленным процессом формирования у несовершеннолетнего базового понимания о нормах и правилах поведения, именно от его характера зависит корректность восприятия и эффективность усвоения базовых норм и правил.

Наиболее вредными являются два типа воспитания: деспотический и попустительский.

Деспотический, то есть связанный с постоянным давлением на ребёнка, жестким контролем всех его действий, характер воспитания усиливает стремление несовершеннолетнего, особенно в «переходный период», к свободе

и самостоятельности, формирует атмосферу злобы и жестокости. Это, смешиваясь с подростковым максимализмом, способно привести несовершеннолетнего к бегству из дома и пополнению рядов беспризорников, которые нередко совершают преступления с различными целями. Преступление может стать итогом «подросткового бунта», попытки освободиться от деспотического воспитания. Причем нельзя исключать насильственный характер такого преступления, например, оказание физического сопротивления родителям (особенно в случае применения при воспитании методов физического воздействия). Говоря о применении физической силы при воспитании, следует отметить, что подобные методы также крайне негативно сказываются на формировании личности ребёнка.

Полной противоположностью, но с аналогичными последствиями, является попустительский тип воспитания, представляющий собой ситуацию, когда ребёнку прощаются любые проступки и он не несёт ответственности за свои действия. Данный тип воспитания приводит к формированию чувства безнаказанности и вседозволенности. Это, в свою очередь, способно привести к отсутствию страха наказания за совершение общественно опасного деяния, недостаточному осознанию вредности совершаемых действий.

Разумеется, влияние семьи не ограничивается воспитательным воздействием. Не менее важную роль играет поведение родителей, тесно связанное с их отношением к детям (вне этой взаимосвязи рассмотрение поведения родителей нецелесообразно). Влияние взаимосвязи поведения родителей и их отношения к детям можно рассмотреть на примере, приведённом в лекциях В.Н. Кудрявцева. Следует рассмотреть два примера. Пример первый: поведение родителей характеризуется как положительное, когда как их отношение к детям можно охарактеризовать как отрицательное, из чего последовал следующий вывод – поведение детей с большей вероятностью будет отрицательным. Второй пример иллюстрирует обратную ситуацию: при

отрицательном поведении родителей (например, пьянство), их отношение к детям характеризуется как положительное. Из чего делается вывод, что в данном случае шанс на дальнейшее положительное поведение детей выше [5]. Это иллюстрирует то, что отношение родителей к детям оказывает большее влияние на характер их дальнейшего поведения, чем поведения родителей, что обусловлено эмоциональной связью между детьми и родителями.

К проблемам воспитания и отношения к ребенку примыкает ситуация, в которой дети «предоставлены сами себе». Нередко это происходит по вполне уважительной причине: родители много времени проводят на работе, чтобы обеспечить семью всем необходимым. Особенно данному фактору подвержены многодетные семьи, ведь для обеспечения достойного уровня жизни такой семье требуется значительный объем финансовых ресурсов. Но из-за этого возникает положение, при котором воспитательное воздействие во многом отсутствует или является недостаточным. Ситуация может быть усугублена также необдуманном подходом к вопросу о рождении первого и последующих детей, когда не учитываются факторы финансовой и психологической готовности, что также может привести к возникновению рассматриваемой проблемы.

Следующая внешняя причина тесно связана с вышеупомянутым отношением к детям – финансовые проблемы. Экономические причины относятся к так называемым общим факторам формирования преступного поведения. Но в связи с финансовой несамостоятельностью большинства несовершеннолетних данная причина имеет некоторые особенности, связанные в первую очередь с финансовым положением семьи. Трудное финансовое положение способно толкнуть любого человека на преступление. В случае с несовершеннолетними, на совершение преступления с большей вероятностью пойдут те, кого родители упрекают в финансовых трудностях. Свойственный несовершеннолетним, в особенности подросткового возраста, максимализм

способен вынудить их на совершение преступления, как более лёгкого и быстрого способа заработать денег.

Влияние семьи является значимой, но не единственной причиной формирования преступного поведения.

Следующей будет рассмотрена такая причина совершения несовершеннолетними преступлений, как особенности психики, которые можно разделить на два типа: психические аномалии и возрастные психические особенности.

Прежде чем рассмотреть особенности психики, следует обратить внимание на роль наследственности в формировании преступного поведения. Биологическое влияние в данном случае ограничивается различными наследственными психическими отклонениями и природными свойствами психики.

Говоря об особенностях психики, следует начать с психических аномалий. Под психическими аномалиями понимается отрицательное отклонение от условно-нормального состояния психики. Во время аномального состояния психики человек не способен контролировать свои действия полностью или частично. Ярким примером преступлений, совершенных в состоянии расстройства психики, являются вооруженные нападения на образовательные учреждения, или скулшутинг. К совершению таких преступлений приводит взаимодействие нескольких факторов, таких как: уязвленная самооценка, чувство превосходства над другими людьми, подражание и уже упомянутые выше особенности психики. Скулшутинг является одним из наиболее опасных примеров преступности несовершеннолетних (он непосредственно к ней относится, так как большинство скулшутеров – несовершеннолетние) с психическими аномалиями, ввиду того, что влечёт за собой большое количество жертв. Кроме этого, в настоящее время указывают на формирование

субкультуры, создающей условия для совершения новых подобных преступлений, путём одобрения или оправдания подобных действий.

К возрастным психическим особенностям несовершеннолетних относятся повышенная внушаемость и зависимость от ближайшего окружения, а также эмоциональность. Свойственные части несовершеннолетних вспыльчивость и максимализм могут привести к совершению преступлений по неосторожности. В связи с повышенной внушаемостью им проще попасть под влияние взрослых преступников и быть втянутыми в совершение общественно опасного деяния.

Усилению влияния взрослых преступников способствуют такие особенности несовершеннолетних, как: стремление к самостоятельности; проблемы с самооценкой, вследствие которых возникает потребность в самоутверждении; склонность к подражанию; недостаток жизненного опыта.

Совершение преступления может привести к попаданию несовершеннолетнего в специализированные учреждения, в частности, воспитательные колонии. В них на несовершеннолетнего оказывают воздействие более «опытные» правонарушители, господствуют жесткие порядки и криминальная субкультура, что укрепляет противоправные установки личности и минимизирует шансы на исправление. Кроме того, негативное воздействие усиливается из-за особенностей психики несовершеннолетних, что нередко ведёт к конфликтам. Для рассмотрения влияния и причин конфликтов, стоит обратиться к следующему примеру, о котором пишет профессор Некрасов А.П. После расформирования Жигулёвской воспитательной колонии, лица, отбывавшие в ней наказание, были этапированы в другие учреждения, где они столкнулись с психическим и физическим насилием со стороны находившихся в этих воспитательных учреждениях ранее заключённых [7]. Этот пример показывает, что в воспитательных колониях формируется собственная система ценностей, укореняющая несовершеннолетнего в преступной среде. Многие рецидивисты совершил свои преступления до того, как достигли возраста

совершеннолетия. При этом существенной проблемой является неразвитость в Российской Федерации системы ресоциализации осужденных, хотя ресоциализация является важным условием исправления несовершеннолетних преступников, в особенности из-за сильной их зависимости от мнения социума. Неразвитость системы ресоциализации увеличивает шансы осужденного на сохранение преступного образа жизни. Стоит отметить, что в последнее время число воспитательных колоний снизилось, а также изменились подходы к воспитательному воздействию на несовершеннолетних преступников, что должно благоприятно сказаться на исправлении.

Следующей причиной становления несовершеннолетних на преступный путь является воздействие деструктивных субкультур, наиболее распространённой из которых является субкультура АУЕ, признанная Верховным судом Российской Федерации в 2020 году экстремистской. Здесь же будет рассмотрена одобряющая преступный образ жизни субкультура в целом, несмотря на то, что она напрямую к АУЕ не относится. АУЕ представляет собой субкультуру пропагандирующую криминальный образ жизни, что уже свидетельствует об участии этой субкультуры в формировании преступных установок личности. Представители АУЕ, как и иных деструктивных субкультур (например, таких как «Офники»), отрицают базовые морально-нравственные нормы [3, с. 100-103]. Они живут по собственным, достаточно жестким правилам, отступление от которых нередко жестоко карается. Укоренению несовершеннолетнего в подобной среде способствуют насаждаемые установки о недопустимости какой-либо работы или учебы, одобрение деструктивной социальной группой только противозаконных способов удовлетворения потребностей [6]. К тому же, формируется одобрительное отношения в места лишения свободы, в которых, по мнению подверженных влиянию деструктивной субкультуры несовершеннолетних, они приобретут полезный жизненный опыт. Негативное влияние на личность несовершеннолетнего опыта пребывания в

воспитательных учреждениях рассматривалось выше. Возникает необходимый для понимания роли влияния субкультур вопрос – что помогает воздействию субкультуры сформировать антиобщественные установки конкретной личности? В первую очередь этому способствует склонность несовершеннолетнего к подражанию референтной группе. Само стремление стать частью криминальной субкультуры вызвано романтизацией преступного мира, сформированными стереотипами о благополучности и лёгкости жизни преступников. Поэтому при отсутствии или недостатке профилактической работы, несовершеннолетний пойдёт на совершение своего первого преступления, как из-за недостаточного осознания вредности собственных действий и их последствий, так и для того, чтобы стать полноценной частью предпочитаемой социальной группы, которая требует ведения антиобщественного образа жизни. Более подвержены влиянию деструктивных субкультур лица, непосредственное окружение которых связано с подобными субкультурами. Возможно также целенаправленное воздействие взрослых преступников на несовершеннолетних с целью втянуть их в совершение преступлений.

На этом можно завершить рассмотрение основных причин преступности несовершеннолетних. Следует помнить, что все они оказывают значительное влияние на формирование антиобщественных установок личности несовершеннолетнего. Выделение среди них какой-либо наиболее значимой является условным, но это необходимо для грамотного построения профилактической политики. Для выявления ведущей причины был проведён опрос лиц от 14 до 19 лет. Респонденты должны были выбрать наиболее значимый из четырёх факторов формирования преступного поведения, а именно таких как: влияние семьи, влияние деструктивных субкультур, влияние сверстников и влияние старшего несемейного окружения. Ведущим фактором стало влияние сверстников (46 % опрошенных). Влияние семьи стало вторым по значимости фактором – 36 % опрошенных. Влияние субкультур и старшего

несемейного окружения набрали 10 % и 8 % соответственно. Это свидетельствует о том, что несовершеннолетние и лица, не так давно получившие статус совершеннолетних, считают, что на их поведение большее влияние оказывают ровесники, нежели семья. С этим трудно не согласиться, так как в процессе взросления они всё больше времени проводят вне семьи; определённые социальные группы ровесников становятся объектом стремления и подражания; поведение друзей оказывает значительное влияние на несовершеннолетнего. Но это не отменяет основной роли семьи в вопросе формирования личности несовершеннолетнего. Направления воздействия семьи были рассмотрены выше, но следует отметить, что существование в семье доверительных отношений значительно снизит возможное негативное влияние ровесников. Равно как и положительное влияние сверстников способно минимизировать деструктивное семейное воздействие.

Подводя итог необходимо отметить следующее. Проведённый анализ рассмотренных в исследовании причин не является исчерпывающим, они, равно как и не затронутые причины, требуют дальнейшего изучения с использованием эмпирических данных. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности органов государственной власти, в том числе при корректировке социальной политики.

Список литературы:

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. - СПб: Юридический центр Пресс, 2004. – 366 с.
2. Байрамкулова, Д.Р. Факторы привлечения несовершеннолетних к совершению преступлений // Юридическая наука. - 2022. - №5.
3. Желнин, Э. В. Деструктивные молодежные субкультуры как один из способов формирования социально опасных видов девиантного поведения / Э. В. Желнин. — Текст : непосредственный // Педагогика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты сборник статей XIV

Международной научно-практической конференции. — Пенза : Наука и Просвещение, 2022. — С. 100-103.

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2022 года [Электронный ресурс]//МВД России URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 02.02.2023).

5. Кудрявцев, В. Н. / Лекции по криминологии: учеб. пособие– Репр. изд. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019 – 188 с.

6. Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н. АУЕ — криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №3.

7. Некрасов, А.П. Причинный механизм преступности несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях // Юридический вестник Самарского университета. 2016. №1

УДК 343.4

Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

ЯТРОГЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация: в статье автором рассматриваются такие понятия, как ятрогения и ятрогенные преступления, отражаются различные точки зрения по данному вопросу, выражается собственная позиция, также рассматривается вопрос о составах преступлений, являющихся ятрогенными, указывается на необходимость внесения изменений в УК РФ

Ключевые слова: ятрогенные преступления, медицинский работник, преступление, медицинская помощь, уголовная ответственность

IATROGENIC CRIMES: CONCEPT, ESSENCE, LEGISLATIVE REGULATION

Annotation: in the article, the author discusses such concepts as iatrogenics and iatrogenic crimes, reflects different points of view on this issue, expresses his own position, also considers the issue of iatrogenic crimes, indicates the need to amend the Criminal Code of the Russian Federation

Key words: iatrogenic crimes, medical worker, crime, medical care, criminal liability

В последнее время все чаще и чаще можно услышать термин «ятрогенные преступления». Данный термин происходит от слова «ятрогения», которое впервые использовал немецкий психиатр Освальд Бумке в 1925 году в своей работе «Врач как причина душевных расстройств». Изначально под термином «ятрогения» понималось причинение вреда пациенту неосторожным, непродуманным, бестактным словом врача [2, с. 105]. Однако впоследствии вышеуказанный термин приобрел новое значение: в настоящее время под ним стали понимать любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств, которые приводят к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнение медицинских мероприятий, развившееся в результате как ошибочных, так и правильных действий. Данное понимание термина «ятрогения» дается в Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) [10].

Если переходить к самому термину «ятрогенные преступления», то необходимо отметить, что в научной литературе не существует единого подхода к определению данного понятия.

Так, например, группа авторов (М.А. Галимова, С.В. Наветов, В.В. Черный) определяет ятрогенные преступления как общественно опасные, виновные, противоправные, уголовно наказуемые деяния, повлекшие ятрогенные последствия (вред здоровью или смерть). По их мнению, в категорию ятрогенных преступлений попадают деяния, совершенные медицинскими работниками в рамках своих функциональных обязанностей, причинившие вред здоровью человека или его смерть [3, с. 66].

И.О. Никитина дает следующее определение ятрогенных преступлений – это умышленные либо неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие основные принципы, условия оказания медицинской

помощи, установленные Конституцией Российской Федерации, другими нормативными правовыми актами при исполнении своих профессиональных либо служебных обязанностей, ставящие под угрозу причинение вреда либо причиняющие вред жизни и здоровью, а также иным законным правам, интересам пациента [6, с. 9].

С.В. Замалева в своем диссертационном исследовании предлагает следующее определение: ятрогенное преступление – это виновное нарушение правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи, совершенное физическим лицом, имеющим юридический статус медицинского работника, в процессе исполнения им своих профессиональных обязанностей, причинившее смерть или вред здоровью пациента или создавшее угрозу причинения таких последствий [7, с. 7-8]. Данное определение представляется нам наиболее полно изложенным и правильным.

Рассматриваемые преступления занимают особое место среди преступлений против жизни и здоровья, поскольку являются преступлениями, совершенными специальным субъектом, – медицинским работником – лицом, основной целью деятельности (функцией) которого является именно охрана, защита, сохранение и восстановление жизни и здоровья. Такие преступления обладают повышенной общественной опасностью, поскольку невыполнение или ненадлежащее выполнение медицинским работником своих функций способно причинить значительный вред как отдельному человеку, так и интересам государства и общества в целом [3, с. 61].

С учетом того, что нарушение положений стандартов оказания медицинской помощи влечет за собой негативные последствия как для пациентов, так и для медицинских работников, оказывающих им лечение, то такие факты вызывают широкий резонанс в обществе, оцениваются гражданами отрицательной стороны, вызывают интерес со стороны правоохранительных органов. Соответственно, ятрогенные преступления не могут остаться

безнаказанным, поскольку при выявлении виновных действий со стороны медицинских работников надлежит осуществлять срочные меры, направленные на привлечение виновного лица к уголовной ответственности, поскольку применение меры наказания имеет сроки давности [8, с. 312].

Не стоит забывать, что ятрогенные преступления по своей характеристике отличаются высокой степенью латентности и корпоративной солидарностью медицинских работников – это говорит нам о том, что официальная статистика по такого рода преступлениям сильно отличается от реальной, поскольку многие даже не заявляют в органы о случившемся преступлении. Сложившаяся ситуация во многом затрудняет и замедляет процесс организации деятельности по предупреждению совершения таких преступлений, а также по их выявлению и раскрытию [9, с. 591].

В настоящее время в литературе применительно к описанию и содержанию юридической ответственности медицинских работников наряду с «ятрогенией» используют множество понятий: «врачебная ошибка», «медицинская ошибка», «дефект оказания медицинской помощи», «врачебное дело», «врачебные преступления», «медицинские преступления» [3, с. 64].

Н.В. Иванцова полагает, что выделение категории «ятрогенные преступления» необоснованно и зиждется на подмене истинного содержания данного термина, противоречит его буквальному переводу. Она подмечает, что поскольку мы ведем речь о преступлениях, совершаемых медицинскими работниками вследствие нарушения ими правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи в процессе исполнения профессиональных обязанностей, то более правильно будет называть такие преступления медицинскими [4, с. 63].

По нашему мнению, использование категории «ятрогенные преступления» является обоснованным, так как с течением времени содержание термина «ятрогения» изменилось и в настоящее время обозначает не психогенные

болезни, возникающие от неосторожного высказывания врача, а нежелательные последствия оказания медицинской помощи.

При раскрытии сущности «ятрогенных преступлений» необходимо учитывать то, что их совершение зависит от тяжести причиненного пациенту вреда, влекущего гражданско-правовую, дисциплинарную либо уголовную ответственность виновного лица. В случае деликта тяжесть вреда может быть определена моральным вредом, но для наступления деликта наступление вины и наличие прямой причинно-следственной связи не является обязательным элементом [8, с. 315].

Дискуссионным также является вопрос о том, какие составы преступления следует относить к ятрогенным.

Можно выделить несколько критериев, определяющих включение конкретного деяния в число ятрогенных преступлений:

1) объект преступления: общественные отношения в сфере жизни и здоровья; этот объект может являться как основным непосредственным объектом, так и дополнительным;

2) обязательно наличие ятрогенных последствий (причинение вреда здоровью или жизни человека);

3) строго ограничен круг субъектов – только медицинские работники, выполняющие свои профессиональные обязанности;

4) форма вины;

5) объективная сторона ятрогенных деяний определяется исключительно профессиональной деятельностью в сфере оказания медицинской помощи и медицинских услуг, в результате которой наступили неблагоприятные последствия;

6) признак противоправности ятрогенных преступлений имеет расширительный характер – деяние является противоправным не только в случае нарушения требований закона и нормативных актов (порядков, стандартов,

регламентов, инструкций и т.п.), но также и тогда, когда нарушаются научно обоснованные принципы медицинской практики (например, клинические рекомендации) [3, с. 66-67].

С.И. Улезько считает, что ятрогенными являются преступления, предусмотренные ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности», ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности», ст. 122 УК РФ «Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией», ст. 123 УК РФ «Незаконное производство аборта», ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному», ст. 238 УК РФ «Выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», ст. 235 УК РФ «Занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензии на избранный вид деятельности», ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил» [1, с. 49].

С.В. Замалеева относит к ятрогенным преступлениям следующие составы: ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей, повлекшее по неосторожности смерть (ч. 2 ст. 109 УК РФ), тяжкий вред здоровью (ч. 2 ст. 118 УК РФ) или заражение другого лица ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ). Кроме того она подчеркивает, что уголовное законодательство содержит составы преступлений (ч. 1 ст. 105; п. «м» ч. 2 ст. 105; ч. 1 ст. 111; п. «ж» ч. 2 ст. 111; ч. 4 ст. 111; ч. 1 ст. 112, 115; ст. 120, 124 УК РФ), субъектами которых при определенных ситуациях могут быть медицинские работники [5, с. 222].

Проанализировав данные точки зрения, можно прийти к выводу, что индивидуальная (личная) ответственность врача не предусмотрена, поскольку не существует отдельного законодательного закрепления ятрогенных преступлений в особенной части УК РФ. Это дает повод некоторым медицинским работникам «расслабиться», то есть относиться к своим обязанностям небрежно [9, с. 591].

По нашему мнению, медицинские работники должны привлекаться к ответственности не по общим составам преступлений (ст. 109, 118 УК РФ и другие), а по иным, специальным, составам.

В последнее десятилетие в различных сферах заговорили о необходимости введения термина «ятрогенные преступления» в УК РФ. Необходимость обуславливается тем, что в течение последних нескольких лет количество совершаемых медицинскими работниками преступлений и количество дел, дошедших до суда, не уменьшается и остается примерно на одном уровне. Так, по информации, предоставленной Следственным комитетом РФ, за пять месяцев (январь-май) 2023 года Следственный комитет РФ направил в суд 62 уголовных дела врачей, чьи действия привели к тяжелым последствиям для пациентов. В 2021-м таких дел было 178, в 2022-м — 175 [11].

Так как деятельность Следственного комитета РФ неразрывно связана с применением норм УК РФ и квалификацией преступных деяний, данный орган одним из первых указал на необходимость введения в УК РФ статей, предусматривающих ответственность за преступные деяния медицинских работников с тем, чтобы исключить возможность ошибок в квалификации данных деяний. Именно поэтому еще в 2018 году состоялось заседание межведомственной рабочей группы по вопросам расследования преступлений, связанных с врачебными ошибками, на котором были подготовлены предложения о внесении изменений в УК РФ. Так, предлагалось введение новых статей в УК РФ: статья 124.1 Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги), статья 124.2 Соккрытие нарушения оказания медицинской помощи [12], однако данный законопроект впоследствии не был поддержан парламентариями.

Об активной деятельности Следственного комитета РФ в данной области свидетельствует тот факт, что данный орган единственный в РФ принял правовой акт, содержащий термин «ятрогенные преступления». Указанный

термин содержится в Приказе Следственного комитета РФ от 08.10.2020 N 106. Ни в каких других правовых актах других органов власти данный термин не используется. Также необходимо отметить, что в структуре Следственного комитета РФ созданы отделы по расследованию ятрогенных преступлений.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в целях снижения ошибок в квалификации преступных деяний медицинских работников, отсутствия путаницы в УК РФ должна быть введена глава 16.1 «Ятрогенные преступления», которая будет устанавливать ответственность медицинских работников. Также рекомендуется на федеральном уровне закрепить определение понятия «ятрогенные преступления». Однако необходимо помнить, что внесение изменений в УК РФ должно быть обосновано и происходить после широкого обсуждения среди представителей медицинской и правовой общественности, чтобы избежать возможных негативных последствий и обеспечить сбалансированное законодательство в данной сфере.

Список литературы:

1. Улезько, С. И. Понятие ятрогенных преступлений // Общество и право. – 2018. – № 2(64). – С. 46-51.
2. Замалеева, С. В. К вопросу о понятии ятрогенных преступлений // Право и государство: теория и практика. - 2011. - №4. - С. 105–107.
3. Галимова, М. А. Ятрогенные преступления: к вопросу о понятии и содержании / М. А. Галимова, С. В. Наветов, В. В. Черный // Научный компонент. – 2023. – № 2(18). – С. 60-70.
4. Иванцова, Н. В. Медицинское преступление и медицинская ошибка: проблемы разграничения // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6, № 1. – С. 61-67.

5. Замалеева, С. В. О правовых средствах воздействия на ятрогенные преступления // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11(179). – С. 222-223.
6. Никитина, И. О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 32 с.
7. Замалеева, С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2016. – 26 с.
8. Пузырева, К. А. Понятие ятрогенных преступлений // Форум. – 2023. – № 2(28). – С. 312-317.
9. Коблякова, Г. Е. Ятрогенные преступления: понятие и сущность // Аллея науки. – 2022. – Т. 2, № 6(69). – С. 590-592.
10. Международная классификация болезней (МКБ-10) // URL: <https://mkb-10.com> (дата обращения: 07.08.2023).
11. СК довел до суда более 60 уголовных дел на врачей // URL: <https://iz.ru/1539763/elena-balaian/belaia-khalatnost-sk-dovel-do-suda-bolee-60-ugolovnykh-del-na-vrachei> (дата обращения: 07.08.2023).
12. Состоялось заседание межведомственной рабочей группы по вопросам расследования преступлений, связанных с врачебными ошибками // URL: <https://sledcom.ru/news/item/1240870> (дата обращения: 07.08.2023).

УДК 343.131

Сироткина Ксения Дмитриевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

ksenia.sirotkina01@mail.ru

Sirotkina Ksenia Dmitrievna

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Yekaterinburg

ФОРМИРОВАНИЕ НАЧАЛ ДИСПОЗИТИВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: РОЛЬ ТРУДОВ С.С. АЛЕКСЕЕВА

Аннотация: в настоящей работе рассматривается научный вклад выдающегося правоведа С.С. Алексеева в развитие и становление современного уголовного процесса, в частности анализируется одна из основных категорий общей теории права – диспозитивность.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, общая теория права, диспозитивность, метод правового регулирования, правовое государство, «правовая свобода».

FORMATION OF PRINCIPLES OF DISPOSITIVITY IN CRIMINAL PROCEDURE: THE ROLE OF S.S. ALEKSEEV'S WORKS

Annotation: this article examines the scientific contribution of the great lawyer S.S. Alekseev to the development and formation of the modern criminal process, in particular, analyzes one of the main categories of the general theory of law – dispositivity.

Key words: criminal proceedings, general theory of law, dispositivity, method of legal regulation, legal state, "legal freedom".

Построение правового государства, базирующегося на приоритете прав и законных интересов человека, всегда являлось целью правотворческой и законотворческой деятельности.

12 декабря 1993 года была принята действующая в настоящее время Конституция Российской Федерации, ставшая фундаментом для нового современного, демократического и правового государства. Одним из основных разработчиков основного закона был Сергей Сергеевич Алексеев – великий правовед, мыслитель, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки РСФСР.

С.С. Алексеев отмечал, что одной из фундаментальных, базисных основ концепции новой Конституции стала определяющая роль в государственно-правовой жизни института и культуры прав человека.

После принятия новой Конституции большая часть действующего на тот момент законодательства Российской Федерации претерпела ряд качественных изменений. Идеи и взгляды С.С. Алексеева сейчас пронизывают всю правовую систему нашей страны.

С.С. Алексеев также внес огромный вклад в развитие теории права. Его идеи легли в основу большинства правовых категорий и изменений действующего законодательства нашей страны. Не исключением является отрасль уголовного процесса.

В рамках настоящей исследовательской работы авторами проанализировано влияние научного наследия С.С. Алексеева на современный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, выдвинуты предположения о его дальнейшем развитии с помощью экстраполяции работ выдающегося правоведа.

В 70-80 годах XX века бурному обсуждению были подвергнуты проблемы системы права в целом и вопросы развития отдельных отраслей, активно исследовались проблемы предмета и метода правового регулирования. Уже в

постсоветском правовой доктрине возрастает роль частных начал в праве. Так, принцип диспозитивности приобретает межотраслевой характер и широко распространяется в том числе и на сферу публичного права. Сейчас сам факт существования частных начал в таких отраслях права, как уголовное право, уголовно-процессуальное право, больше не является спорным.

С.С. Алексеев отмечал, что при диспозитивном методе правового регулирования «правовая энергия» направляется в конкретный участок общественных отношений не только со стороны государственных органов, но и от правомерных самостоятельных действий самих участников общественных отношений как ее источников [1, с. 295]. Указывается, что юридическая диспозитивность есть известная «правовая свобода», «автономия», обеспеченная правом возможностью распоряжаться, самостоятельно, в индивидуальном порядке регламентировать содержание своих прав и обязанностей [2, с. 271].

Диспозитивность создаёт для участников правоотношений возможность выбора конкретных юридических форм поведения. Например, подозреваемый или обвиняемый может воспользоваться правом или отказаться от дачи объяснений и показаний. Под диспозитивностью следует понимать не возможность лица распоряжаться принадлежащими ему правом, а именно возможность выбора своего поведения в рамках правоотношений. Диспозитивность – это не «право распоряжаться правами» [3, с. 168].

С. С. Алексеев, рассуждая о фактическом итоге правового регулирования, отмечал, что «в юридических нормах закладываются известные «программы поведения», которые затем в самом точном, прямом смысле осуществляются, переносятся в фактические отношения, претворяются в жизнь, реализуются в активной деятельности субъектов» [4, с. 222].

Диспозитивность состоит из двух элементов – субъективного права и юридической гарантии [5, с. 310]. Под гарантиями в данном случае следует понимать обязанность государства обеспечить реализацию и защиту

субъективных прав человека и гражданина. «Право, не обеспеченное обязанностями, и обязанности, не подкрепленные правом требования, превращаются в «юридический нуль» [1, с. 86].

Диспозитивность в уголовном процессе в действительности имеет неразрывную связь с соответствующими полномочиями должностных лиц правоприменительных органов. Уголовно-процессуальная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда влияет на реализацию диспозитивных процессуальных прав участников уголовного судопроизводства.

В отличие от уголовного процесса в гражданском праве участники гражданского оборота имеют абсолютную свободу воли и усмотрения. Правоприменитель в сфере гражданского процесса практически лишён властных полномочий, принуждающих субъектов правоотношений к реализации своих прав. Особенностью проявления принципа диспозитивности в уголовном процессе является прямая взаимосвязь частных начал с властными полномочиями является основной [6, с. 219-220]. В правовой доктрине также отмечается, что диспозитивность в уголовном процессе может проявляться в двух, неразрывно связанных между собой аспектах: в свободе распоряжения участниками уголовного процесса своими правами и обязанностью государственных органов реагировать на такие волеизъявления [7, с. 38-39]. К примеру, в рамках уголовного процесса, уголовные дела частного обвинения в случае применения потерпевшего с обвиняемым должны быть прекращены (часть 2 статьи 20 УПК РФ). В случае примирения потерпевшего и обвиняемого государство должно прекратить соответствующее уголовное дело.

Еще одним отличием советского и российского уголовно-процессуального законодательства являются разные подходы к определению задач уголовного судопроизводства. Согласно статье 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение

правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития. В настоящее время назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (статья 6 УПК РФ). Так с учетом межотраслевых тенденций правового регулирования изменились подходы законодателя к соотношению публичных и частных начал в уголовном процессе, был установлен приоритет личности и ее ключевое значение для определения хода производства по уголовному делу.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует толкование категории «диспозитивность». Диспозитивность в гражданском процессе в обобщенном смысле понимается как «свобода субъективно заинтересованного лица определять формы и способы защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса, предмет судебного рассмотрения, а также судьбу предмета спора и судьбу процесса в различных процессуальных правоприменительных циклах цивилистического процесса» [8, с. 94].

Благодаря экстраполяции идей С.С. Алексеева на отрасли публичного права действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в сравнении с уголовно-процессуальным законодательством советского периода расширяет сферу диспозитивного регулирования правомочий частных участников процесса.

Сейчас в доктрине указывается на то, что диспозитивным относятся только те права, реализация которых оказывает значительное влияние на производство

по уголовному делу [9, с. 75] (например, через широкие возможности заявления ходатайств и отводов, обжалование в судебном порядке действий следователя и т.д.). Следовательно, диспозитивным также является право участников уголовного процесса на обжалование действий (бездействий) органов предварительного расследования, приговоров и иных итоговых решений суда, поскольку эти права предоставляют участникам возможность инициировать такие стадии уголовного процесса, как апелляционное, кассационное и надзорное производства.

С учетом предмета и метода уголовного процесса как самостоятельной отрасли права имеет место определенная специфика конкретизации начал диспозитивности в нормах уголовно-процессуального законодательства.

Так, по нашему мнению, если законодатель продолжит двигаться в указанном направлении, то, в частности, в будущем это приведет к увеличению количества дел частного и частно-публичного обвинения, повышению влияния волеизъявления личности на ход расследования и производства по уголовному делу.

Таким образом, научное наследие С.С. Алексеева стало фундаментом для включения начал диспозитивности в метод правового регулирования уголовного процесса. Понимание базиса исследуемой категории, ее основных элементов и взаимосвязи с публичностью как с проявлением властного характера деятельности государственных органов помогло законодателю направить развитие положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации по пути внедрения начал диспозитивности и приоритета личности.

На основании проведенного исследования, можно убедиться, что С.С. Алексеев в своих научных трудах, а также своим участием в разработке и реализации положений Конституции Российской Федерации внес опосредованный вклад в разработку и закрепление принципа права на судебную защиту в действующем уголовном процессуальном праве. В период споров о

реализации права на судебную защиту и с учётом действующей на тот момент Конституции СССР (1977 г.) данный принцип был закреплён формально и только после принятия Конституции РФ в 1993 году были внесены существенные изменения. В соответствии с Конституции РФ 1993 года, новая редакция Уголовно-процессуального кодекса РФ, принятая в 2001 г., полностью вобрала в себя положения о праве на судебную защиту, отвечающие правовому государству на сегодняшний период времени.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. I – М.: Юрид. лит. 1981. – 361 с.
2. Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права. Ученые труды Свердловского юридического института. Т. 1/ Алексеев С.С. – Свердловск, 1959. – 336 с.
3. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности – М.: Наука, 1966. – 252 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. - 2-е изд. – Москва : Проспект, 2008. – 565 с.
5. Алексеев С.С. Избранное / Вступ. сл., сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2016. – 656 с.
6. Рябцева Е. В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе / Общество и право. 2011. № 5 (37). – С. 223-226.
7. Барабаш А.С. К вопросу о содержании диспозитивности в современном уголовном процессе / Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. – С. 37-40.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

8. Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики / Под общ. ред.: Ярков В.В. - М.: Норма, 2002. – 352 с.

9. Дикарёв И.С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России / Журнал российского права. № 6. 2008. – С. 73-78.

УДК 343.12

Соромотина Владислава Алексеевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

Soromotina.kat@gmail.com

Soromotina Vladislava

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

Титов Павел Михайлович

Уральский юридический институт МВД России

Россия, Екатеринбург

titov1995@ya.ru

Titov Pavel

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Russia, Ekaterinburg

ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы оперативного эксперимента, как одного из видов оперативно-розыскных мероприятий по коррупционным преступлениям. Обращается внимание на проведении оперативно-розыскных мероприятия в отношении лиц, обладающих иммунитетом. Выделяются наиболее типичные условия проведения оперативного эксперимента. Наряду с этим проанализированы типичные ошибки, допускаемые сотрудниками оперативных подразделений, при проведении оперативного эксперимента, как одного из наиболее результативного источника получения доказательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оперативный эксперимент, коррупция, типичные ошибки, доказательства.

OPERATIONAL EXPERIMENT ON CORRUPTION CRIMES

Annotation: the article discusses the issues of operational experiment as one of the types of operational investigative measures for corruption crimes. Attention is drawn to the conduct of operational investigative measures against persons with immunity. The most typical conditions for conducting an operational experiment are highlighted. Along with this, typical mistakes made by employees of operational units during an operational experiment are analyzed as one of the most effective sources of obtaining evidence.

Key words: criminal procedure law, operational investigative activities, operational investigative measures, operational experiment, corruption, typical mistakes, evidence.

Проблема раскрытия противоправных деяний как один из факторов, отрицательно сказывающегося на развитии государства и общества затрагивалась в научной среде неоднократно [1, 2, 3]. В настоящее время особенно актуально стоит вопрос в раскрытии преступлений экономической направленности, в том числе коррупционных преступлений [4].

Как известно, процесс раскрытия экономических преступлений, в отличие от общеуголовных, более сложен ввиду разнообразия существующих способов его совершения, о чем автором ранее акцентировалось [5, с. 44]. В данной работе хотелось бы поднять проблему оперативного сопровождения расследования коррупционных преступлений, то есть дачи или получения взятки.

Оперативно-розыскная деятельность – разновидность правоохранительной деятельности, которая осуществляется специально уполномоченными должностными лицами правоохранительных органов, в строгом соответствии с

Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Законодательное закрепление понятия оперативно-розыскной деятельности содержится в ст. 1 данного федерального закона. Оперативно-розыскная деятельность, как блок инструментов, для ее осуществления содержит перечень оперативно-розыскных мероприятий, которые нашли свое законодательное закрепление в статье 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Как известно, одним из наиболее эффективных оперативно-розыскных мероприятий по указанному виду противоправных деяний является оперативный эксперимент, то есть процесс изучения поведения лица в специально созданных для него условиях, его намерения совершить преступление [6, с. 238]. Стоит отметить, что заданные условия должны быть детально продуманы и полностью контролироваться сотрудниками правоохранительных органов. Зачастую именно слабая подготовка приводит к минимизации эффективности и результативности по окончании проведения указанного оперативно-розыскного мероприятия [7, с. 11]. Безусловно, с данной позицией нельзя не согласиться, так как от проведения полноценной подготовки того или иного оперативно-розыскного мероприятия во многом зависит судьба реализации оперативной информации или заявления.

Особое внимание следует обратить на подготовку к проведению оперативно-розыскных мероприятий, когда предполагаемым преступником является лицо, обладающее особым иммунитетом (судья, прокурор, депутат и т.д.) [8, с. 64]. Вся оперативно-розыскная деятельность должна быть направлена на получение информации, которая будет отвечать требованиям к доказательствам, в рамках Уголовно-процессуального законодательства.

Как известно, оперативный эксперимент может быть проведен только в отношении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких, а значит ряд из них, например, предусмотренные ч. 1-3 ст. 290 УК РФ, должны быть раскрыты без его осуществления. Однако не стоит забывать, что помимо оперативного

эксперимента законодатель предусмотрел комплекс других оперативно-розыскных мероприятий, подходящих в данном случае. К ним можно отнести наблюдение, снятие информации с технических каналов связи, обследование помещений и участков местности.

Аккумулируя информацию, представленную в научной и учебной литературе [9, 10, 11], можно выявить наиболее типичные условия проведения оперативно-розыскного мероприятий – оперативный эксперимент. К ним относится запрет:

- Создания условий, при которых лицо будет лишено выбора, альтернативности действий.
- Провокации к даче (получению) взятки – лицо должно проявлять активность, инициативу.
- Совершения действий, унижающих честь и достоинство граждан, а равно, способных причинить вред жизни и здоровью.

Наиболее типичные ошибки, совершаемые сотрудниками оперативных подразделений при производстве оперативного эксперимента по коррупционным преступлениям, исходя из анализа заключений прокурорских проверок оперативно-розыскной деятельности, можно считать следующие:

1. Указание в документации ненадлежащего лица. Например, утверждение Постановления о проведении оперативного эксперимента происходит не руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, а начальником подразделения. Конечно, данная ошибка незначительна, однако впоследствии она может привести к разрушению доказательственной базы.

2. Неверное название мероприятия. Как известно, законодательно предусмотрено такое наименование оперативно-розыскного мероприятия, как оперативный эксперимент. Именно поэтому, такие словосочетания как «следственный эксперимент», «комплекс оперативно-розыскных мероприятий

по изобличению взяткодателя (взятополучателя)» и иные ни в коем случае не должны находить свое отражение в документации.

3. Провокация преступления. В рамках оперативно-розыскного мероприятия со стороны «взяткодателя» допускается провокация взятки и иных преступлений, что можно квалифицировать, во-первых, по ст. 304 УК РФ и, во-вторых, как подстрекательство к совершению других преступлений (ч. 4 ст. 33 и соответствующая статья Особенной части УК РФ).

4. Отсутствие оснований. В постановлении о проведении оперативного эксперимента не указываются основания для данного оперативно-розыскного мероприятия, которые должны иметь место на момент принятия решения о его проведении. Разновидности ошибки: 1) в описательной части постановления отмечено: "гр-н М. требовал деньги у гр. С.". Нет указаний на предусмотренные законом признаки противоправного деяния (п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»); 2) оперативный работник в свидетельских показаниях на следствии и в суде не может пояснить, какие, когда и из каких источников полученные сведения явились основанием для оперативно-розыскных мероприятий. В итоге защитник заявляет, что решение о его проведении принято в отсутствие предусмотренных законом оснований.

5. Наличие понятых. К участию в оперативном эксперименте на разных его этапах привлекаются лица, которых называют понятыми. Законодательство в сфере оперативно-розыскной деятельности не предусматривает обязательного участия таковых в проведении оперативно-розыскных мероприятиях. Усугубляя эту ошибку, оперативные работники разъясняют понятым их права и обязанности, ссылаясь на положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, о чем делают соответствующие записи в акте (протоколе). Такого рода установления законодательство в сфере оперативно-розыскной деятельности не содержит.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что коррупционные преступления – одна из причин дестабилизации экономической системы страны. Денежные средства, использованные злоумышленником для совершения преступления в целях извлечения выгоды, приносят ущерб государству, что, значительно сказывается на уровне жизни населения. Именно поэтому сотрудники правоохранительных органов, а в частности, оперативных подразделений, должны своевременно выявлять, предупреждать и раскрывать подобные преступления. При этом, в ходе осуществления своей деятельности, оперативные сотрудники должны четко соблюдать законодательство Российской Федерации и не допускать ошибок или даже провокаций при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.

Список литературы:

1. Глушков, Е. Л. Оперативно-розыскная деятельность при расследовании и раскрытии преступлений в сфере компьютерной информации / Е. Л. Глушков, Д. Е. Емельянов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2019. – № 2. – С. 45-49.
2. Милованова, М. М. Особенности установления личности преступника в процессе расследования / М. М. Милованова // Правовой альманах. – 2022. – № 9(22). – С. 30-33.
3. Титов, П. М. Оперативно-розыскная характеристика преступлений против мира и человечества / П. М. Титов // Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат: Сборник научных статей Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 22 ноября 2022 года / Под редакцией Ю.А. Евстратовой. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2023. – С. 93-96.
4. Титов, П. М. Оперативно-розыскные мероприятия, проводимые оперативными сотрудниками при выявлении и раскрытии преступлений в

экономической сфере / П. М. Титов // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Пятой международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 19 мая 2023 года), Екатеринбург, 19 мая 2023 года / Отв. ред. Д. В. Бахтеев. – Екатеринбург: АНО «Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб»», 2023. – С. 216-220.

5. Титов, П. М. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и противодействия коррупции / П. М. Титов // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: Электронный сборник статей, Нижний Новгород, 17 мая 2022 года. – Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 44-54.

6. Стельмах, В. Ю. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве / В. Ю. Стельмах, П. М. Титов. – Москва: Издательство "Юрлитинформ", 2020. – 344 с.

7. Бухарина Н. Коррупционные преступления // Орган дознания. 2015. № 4. – 117 с.

8. Стельмах, В. Ю. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: Учебное пособие / В. Ю. Стельмах, П. М. Титов. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2023. – 176 с.

9. Чечетин, А. Е. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: Научно-практическое пособие / А. Е. Чечетин, И. Д. Шатохин, А. А. Шмидт; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Барнаульский юридический институт МВД России. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2022. – 136 с.

10. Раманчук, Л. В. Соблюдение прав человека при проведении оперативно- розыскного мероприятия "оперативный эксперимент" / Л. В. Раманчук // Борьба с преступностью: теория и практика: Материалы II Международной научно-практической конференции, Могилев, 27 февраля 2014 года. – Могилев: Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2014. – С. 150-152.

11. Сидоренко, А. В. Оперативно-розыскное мероприятие оперативный эксперимент в противодействии коррупционным преступлениям / А. В. Сидоренко // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: в двух томах, Санкт-Петербург, 21 апреля 2016 года / Санкт-Петербургский университет МВД России; Составитель Ю.А. Кудрявцев. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 226-230.

Сушков Олег Эдуардович

Воронежский государственный университет

Юридический факультет

Россия, Воронеж

kasparovo@mail.ru

Sushkov Oleg

Voronezh State University

Law faculty

Russia, Voronezh

СОГЛАСИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Аннотация: в статье исследуются теоретические положения института согласия потерпевшего на причинения вреда, анализируются сферы действия данного института и условия его правомерности, предлагается закрепления нормы о согласии потерпевшего на причинение вреда в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; согласие потерпевшего на причинение вреда; распоряжение правами; причинение вреда в ходе спортивных мероприятий; согласие на трансплантацию органов и тканей человека.

CONSENT OF THE INJURED TO CAUSE HARM AS A CIRCUMSTANCE EXCLUDING THE CRIMINALITY OF THE ACT

Annotation: the article examines the theoretical provisions of the institution of the victim's consent to harm, analyzes the scope of this institution and the conditions for its legitimacy, proposes fixing the norm on the victim's consent to harm in criminal law.

Key words: circumstances excluding the criminality of the act; consent of the victim to harm; disposition of rights; causing harm during sporting events; consent to human organ and tissue transplantation.

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, характеризуется колоссальным разрывом между теоретическими разработками и действующим законодательством и статичностью, выражающейся в определенном нежелании законодателя совершенствовать нормы и расширить сферу действия правомерного причинение вреда.

Принятый в 1996 году Уголовный кодекс РФ по сравнению с ранее действующим уголовным законодательством расширил перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния путем включения в систему таких обстоятельств, как причинение вреда при задержании преступника, физическое или психическое принуждения, обоснованный риск, и такая тенденция развития их системы не может не радовать. Однако некоторые научные разработки так и не были учтены при формировании системы обстоятельств, характеризующих правомерное причинение вреда.

Одним из таких институтов выступает такое теоретически оформленное обстоятельство, исключающее преступность деяния, как согласие потерпевшего на причинение вреда.

Исследователи уголовного права отмечают, что «гуманизация стала основным вектором развития уголовного законодательства современной России. Расширение в нем диспозитивных начал свидетельствует о готовности государства идти навстречу лицам, совершающим преступления» [6, с. 28].

Как отмечается в доктрине, «вопрос об уголовно-правовом значении согласия потерпевшего не является новым: еще в дореволюционном уголовном праве начали выработываться основные понятия, методологические основы изучения, оценка юридической природы и условия правомерности и (или) неправомерности данного обстоятельства. Тем не менее до настоящего времени

этот вопрос остается остро дискуссионным в отечественном уголовном праве – от полного отрицания уголовно-правового содержания этого обстоятельства до разработанных предложений по дополнению уголовного закона положениями о согласии потерпевшего, затрагивающими различные институты: обстоятельств, исключающих преступность деяния, освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания, смягчения наказания и т.д.)» [16, с. 122].

Закрепление согласия на причинение вреда в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, имеет широкое распространение в мировой законодательной практике. Данный институт находит закрепление в законодательстве зарубежных государств, например, в США, ФРГ, Италии, Колумбии, Коста-Рики, Мексики, Перу, Португалии, Республики Кореи, Румынии, Сан-Марино, Словакии, Швеции, Эфиопии [5; 7; 18].

Согласие на причинение вреда также имеет значение обстоятельства, исключающего юридическую ответственность, в гражданско-деликтном праве. Так, например, в соответствии с пунктом 3 статьи 1064 ГК РФ в возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества.

По нашему мнению, сущность данного института наиболее удачно и полно раскрыл в середине 70-х годов советский ученый Красиков А.Н., который определил согласие потерпевшего как «выражение свободного волеизъявления лица на нарушение своих благ или поставление их в опасность как способ достижения личных интересов» [9, с. 58].

Предложение включить согласие потерпевшего на причинение ему вреда довольно традиционно для отечественной доктрины [2]. Вопрос о закреплении данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, имеет исторические корни, так как в ст. 143-6 Уголовного кодекса РСФСР,

устанавливающей ответственность за убийство, в качестве обстоятельства, исключающего преступность, называлось согласие потерпевшего на расставание с жизнью. В примечании к этой статье было сказано, что убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается [19].

Отметим, что законодатель не воспринял отечественный исторический опыт и не включил согласие на причинение вреда в общую систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, что, по мнению некоторых ученых, было оправдано. Так, например, Газданова Е.К., не отрицая того, что согласие потерпевшего способно исключать преступность деяния в отношении распоряжения своей физической, половой свободой, честью и достоинством, считает нецелесообразным закрепление данного обстоятельства в Главе 8 УК РФ и придание ему тем самым универсального характера, так как случаи причинения вреда здоровью в результате правомерного медицинского вмешательства, занятия спортом, прохождения службы в правоохранительных органах и т. п., а также случаи причинения имущественного вреда регулируются нормами гражданского и межотраслевого законодательства [4]. С данной точкой зрения нельзя согласиться, так как в силу ст. 1 УК РФ единственным источником уголовно-правовых норм является уголовный закон, в связи с чем вопросы признания деяния преступным или не преступным не могут регулироваться иными отраслями законодательства. Определение границы между преступным деянием и правомерным поведением в специальных нормативных актах в действующей концепции регулирования уголовно-правовых отношений является прямым нарушением закона. Выведение подобных норм за пределы регулирования уголовного законодательства может выразиться в появлении неверного вектора развития законотворчества и юридическим противоречиям, следовательно, принципы законности и справедливости уголовного права будут нарушены.

Позиция о необходимости принятия нормы о согласии потерпевшего имеет много сторонников [12; 19], и стоит заметить, что законодатель следует этому пути, постепенно легализуя данное явление в различных его проявлениях. Так, например, в соответствии с Законом РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» изъятие какого-либо органа или ткани допускается при наличии свободного и письменного согласия донора на изъятие своих доноров или тканей. В силу ч. 1 ст. 68 Закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» тело, органы и ткани умершего человека могут использоваться в медицинских, научных и учебных целях «при наличии письменного волеизъявления лица, сделанного им при жизни и нотариально удостоверенного в установленном порядке, о возможности такого использования либо если тело не востребовано после смерти человека по причине отсутствия его супруга, близких родственников, иных родственников, законных представителей или других лиц, взявших на себя обязанность осуществить погребение». Как отмечает Белоконь Г.Г., «данные законы юридически закрепили согласие лица на причинение вреда как основание невозможности привлечения медицинских работников к уголовной ответственности при соблюдении предписанных требований и ограничений» [1, с. 353]. В соответствии с примечанием к ст. 122 УК РФ лицо, знавшее о наличии у него ВИЧ-инфекции и заразившее этой болезнью другое лицо, освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения.

Соотношение согласия потерпевшего на причинение ему вреда и уголовного преследования, осуществляемого в частном порядке, также подлежит рассмотрению и анализу при изучении поставленной темы. Согласно ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уголовные

дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, могут быть возбуждены только при соответствующем заявлении потерпевшего и прекращаются в случае его примирения с обвиняемым. В связи с этим некоторые правоведы утверждают, что тот факт, что уголовное дело о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 115 УК РФ (умышленное причинение лёгкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья незначительную стойкую утрату общей трудоспособности), возбуждается исключительно по заявлению потерпевшего, говорит о наличии у потерпевшего права распоряжаться своим собственным здоровьем, в том числе, давать согласие третьим лицам на причинение ему вреда (правда, только в пределах лёгкого вреда) [14, с. 84]. Действительно, ч. 2 ст. 20 УПК РФ свидетельствует о высокой роли потерпевшего как участника уголовного процесса, фактически наделяя его правом давать согласие третьему лицу на причинение ему некоторого вреда, что впоследствии освободит такое лицо от уголовной ответственности. Однако, как отмечает Кузнецов А.А., «такое согласие не является институтом уголовного права – обстоятельством, исключаящим преступность деяния; здесь, скорее, можно говорить об уголовно-процессуальном инструменте волеизъявления лица и защите его частного интереса в уголовном процессе» [10, с. 75].

Переходя к анализу сферы действия института согласия потерпевшего на причинение вреда, следует разобраться, к каким правоотношениям может применяться норма о согласии лица на причинении вреда.

Традиционно такие отношения рассматриваются через следующие сферы общественной жизни и деятельности: 1. **медицинская**, то есть те жизненные ситуации, которые возникают в области медицинского права, регламентирующего отношения, складывающиеся при осуществлении определенных хирургических операций или иных медицинских действий, совершаемых медицинским персоналом в отношении своих пациентов для

достижения социально полезных целей оздоровления или улучшения их состояния здоровья;

2. **спортивная**, то есть те жизненные ситуации, которые возникают в сфере спортивных отношений, когда при проведении тренировочных занятий или спортивных состязаний лицу (спортсмену) причиняется вред здоровью, а иногда и жизни, например, в боксе или других единоборствах, участники могут добровольно соглашаться на причинение физического вреда друг другу в рамках соревнования. Такое согласие является ключевым компонентом нормативных правил и ограничений, и при соблюдении этих правил деяние не рассматривается как преступление.

Как отмечает Волкова А. Ю., «популяризация спорта требует должного правового регулирования тренировочного и соревновательного процесса, в которых спортсмен добровольно участвует. Вне зависимости от вида спорта, от силы физического воздействия на спортсмена, предусмотренного тем или иным видом спорта, стоит определить природу согласия спортсмена на причинение ему вреда при участии в состязании или подготовке к нему. Отталкиваясь от позиции правомерности причиняемого спортсмену вреда, его согласие должно расцениваться как обстоятельство, исключающее преступность деяния» [3, с. 6].

3. **гражданско-правовая**, то есть ситуации, при которых с точки зрения гражданского или иного смежного законодательства допускается правомерное причинение вреда социальным ценностям, которые в соответствии с УК РФ относятся к объекту уголовно-правовой охраны, например, собственник вещей может поручить другому лицу повредить или уничтожить принадлежащее ему имущество;

4. **научно-экспериментальная**, то есть ситуации, когда лицо выражает согласие на причинение ему вреда при осуществлении различных научных или иных разработок или проведении экспериментов при условии, если указанные обстоятельства не предполагают наличия условий правомерности причинения

вреда при обоснованном риске. Особую актуальность согласие на причинение вреда приобрело при разработке вакцины от эпидемии коронавирусной инфекции: «в условиях пандемии коронавирусной инфекции в 2020 году согласие на заражение COVID-19 может рассматриваться как правомерное действие, за которое лицо не будет подлежать ответственности в связи с нарушением санитарно-эпидемиологических правил. Это возможно в случае добровольного заражения COVID-19 в рамках клинического исследования, которое позволит найти лекарство от вируса, лучше понять его симптоматику, как вирус влияет на иммунную систему человека и многое др.» [3, с. 5].

Некоторые ученые предлагают предусмотреть специальные нормы, применимые к каждой сфере общественной жизни. Так, например, внимания заслуживают предложения по закреплению в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния, такого обстоятельства, как причинение вреда при проведении спортивных соревнований [8; 11]. Однако, учитывая, что подобная ситуация подпадает под признаки согласия на причинение вреда, нам кажется более правильной позиция Орешкиной Т.Ю., которая считает, что целесообразней предусматривать не частный случай, а общее положение универсального характера [13, с. 36].

Переходя к вопросу о критериях правомерности причинения вреда при наличии согласия потерпевшего, следует отметить, что данная проблема является весьма разработанной в доктринальных источниках, поэтому проанализируем и попытаемся раскрыть требования, предъявляемые к согласию потерпевшего на причинение вреда для оценки его как правомерного.

Попробуем раскрыть сущность и содержание каждого условия правомерности.

1. Согласие должно распространяться на те права и интересы, которые находятся в свободном распоряжении лица. Очевидно, что лицо не может давать согласие на причинение вреда правам или имуществу, которое принадлежит

третьим лицам, а также затрагивает публичные интересы общества или государства.

2. Распоряжение своими правами и интересами возможно в определенных пределах. Дискуссионным является вопрос о том, какими правами может распоряжаться лицо, которому причиняется вред. Совершенно очевидно, что лицу по его просьбе или с его согласия не может причиняться смерть или тяжкий вред здоровью. Считаем, что лицо вправе решать лишь вопрос о нарушении его физической или половой свободы, чести, достоинства и имущества (например, человек, имеющий наркотическую или алкогольную зависимость, просит привязать себя к кровати, чтобы в очередной раз не наносить самостоятельно вред своему здоровью).

Причинение смерти (эвтаназия) должно оцениваться на общих основаниях. В науке существует точка зрения о необходимости включения в УК РФ привилегированного состава, предусматривающего ответственность за причинение смерти по просьбе потерпевшего. Так, например, Сирик М. С. предлагает предусмотреть в УК РФ статью «Убийство по волеизъявлению потерпевшего» [15]. Считаем, что данная точка зрения имеет право на существование, однако универсального характера распоряжению лицом своей жизнью предавать не стоит, так как это создаст трудности при расследовании подобных преступлений ввиду большого количества имитаций и инсценировок (в соответствии с ч. 3 ст. 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены, толкуются в пользу обвиняемого, таким образом, ссылка виновного на просьбу потерпевшего о причинение смерти может повлечь необоснованное освобождение от справедливого наказания).

3. Согласие не должно преследовать общественно вредных целей. Причинение вреда на основе противоправного интереса не может расцениваться в качестве основания для исключения преступности деяния [2, с. 191]. Некоторые авторы выделяют среди условий правомерности согласия на

причинение вреда обязательное наличие социально полезной цели [16, с. 127], например, не может оцениваться по правилам причинения вреда с согласия потерпевшего просьба женщины провести незаконный аборт (лицом, не имеющим высшего медицинского образования) либо просьба причинить вред призывнику с целью уклонения от прохождения срочной военной службы.

4. Согласие должно быть реальным (действительным), т. е. дано вменяемым лицом, достигшим определенной степени физической и интеллектуальной зрелости, а также существовать объективно, а не только в сознании лица, причиняющего вред. Данный критерий является дискуссионным и в теории единого подхода к оценке предполагаемого субъекта дачи согласия на причинение вреда не сложилось. Если вменяемость лица – категория уголовно-правовая, означающая возможность осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, то к признанию правовой возможности к даче согласия на причинения вреда имеются вопросы.

Следует иметь в виду, что согласие может быть отозвано потенциальным потерпевшим до момента причинения вреда.

Важно отметить, что при наличии согласия на причинение вреда, лицо, причинившее вред, все равно должно действовать ответственно и с учетом интересов потерпевшего, чтобы минимизировать возможный вред и соблюдать другие применимые законы и нормы. Также возможно, что в некоторых случаях требуется письменное согласие или документальное подтверждение согласия сторон.

Нельзя допускать возможность дачи согласия путем конклюдентных действий, например, путем молчания и отсутствия сопротивления.

5. Согласие должно быть добровольным, то есть лицо должно в полной мере осознавать характер вреда, который будет ему причинен, его воля должна быть направлена на получение вреда, четко выражена и конкретизирована. Не

допускается принуждение к согласию, получение согласия обманным путем также должно оцениваться по общим правилам уголовной ответственности.

6. Согласие должно своевременным, то есть должны быть соблюдены временные рамки дачи согласия (согласие должно быть дано до совершения деяния). В случаях, когда согласие дано после причинения вреда, оно не может рассматриваться в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния (однако это является основанием прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ в связи с применением сторон, а если такое процессуальное действие невозможно, то оцениваться как обстоятельство, смягчающее наказание).

Причинение вреда при нарушении какого-либо из условий правомерности согласия на причинение вреда должно оцениваться как смягчающее обстоятельство, для чего необходимо дополнить п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Рассуждая о месте согласия на причинение вреда, следует обратиться к классификации обстоятельств, исключающих преступность деяния, на социально полезные и допустимые [13].

Не вызывает сомнения, что согласие на причинение вреда не является социально полезным, и более того, признание его таковым со стороны государства создало бы огромную угрозу для его безопасности. Некоторые ученые, разделяя позицию о необходимости придания согласию потерпевшего универсального правомерного характера, высказывают идею о закреплении данного обстоятельства, исключающего преступность, и помещении нормы после нормы о крайней необходимости. Не разделяя данную позицию, считаем нужным определить место согласия на причинение вреда рядом с другими нормами, регламентирующими допустимое поведение человека. Таких нормы в главе 8 УК РФ две – физическое или психическое принуждение и исполнение приказа или распоряжения. Сходных свойств с согласием на причинение вреда мало, так как в обоих случаях действия лиц не добровольны: при физическом или психическом принуждении свобода выбора определенного поведенческого пути

исключается принудительными действиями другого лица, при приказе или распоряжении лицо ограничено в свободе выбора ввиду его соподчиненности, должностного положения и связанных с ним обязанностей. Согласие же на причинение вреда как мы убедились, носит добровольный, осознанный, волевой характер. В связи с этим мы солидарны с позицией тех ученых, которые предлагают разместить данную норму с другими обстоятельствами, преступность которых исключается ввиду признания допустимыми со стороны законодателя. Так, например, Э.Л. Сидоренко предложила дополнить главу 8 УК РФ статьей 42.1 «Согласие на причинение вреда», то есть поместить ее после исполнения приказа [17, с. 16]

На основании изложенного, считаем необходимым раскрыть в уголовном законодательстве такое инновационное обстоятельство, исключаящее преступность деяния, как причинение вреда с согласия потерпевшего или по его просьбе. Определив условия правомерности при причинении вреда с согласия потерпевшего или по его просьбе (наличность, реальность или действительность, добровольность согласия, пределы согласия, надлежащий субъект) и место согласия потерпевшего в системе обстоятельств, исключаящих преступность деяния, предлагаем закрепить в УК РФ следующую норму:

«Статья 42.1. Причинение вреда при наличии согласия потерпевшего или по его просьбе

1. Не является преступлением причинение вреда правам и интересам потерпевшего, если вред был причинен с согласия либо по просьбе потерпевшего лица, при соблюдении условий действительности согласия и соблюдения пределов причинения вреда.

2. Согласие потерпевшего на причинение вреда признается действительным при условии, что такое согласие дано вменяемым, дееспособным лицом или его законным представителем.

3. Превышением пределов причинения вреда при согласии потерпевшего или по его просьбе причинение вреда, выходящего за пределы согласия лица на причинение ему вреда.

Примечание. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи причинения вреда здоровью потерпевшего или причинения последнему смерти, а также случаи, когда согласие было получено обманным путем или в результате принуждения лица к даче согласия, а равно в случае получения согласия после причинения вреда потерпевшему лицу».

Придание данной норме универсального характера основано на современном уровне развития общественных отношений и на признании человека в качестве полноценного субъекта права, способного самостоятельно распоряжаться своими правами и интересами, но при этом под публичной охраной уголовного закона остается его жизнь и здоровье.

Список литературы:

1. Белоконь Г. Г. Применение обстоятельств, исключающих преступность деяния, по аналогии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. 2011. № 1. С. 343-354.

2. Блинников В. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: монография / Блинников В.А. – М.: Юрлитинформ, 2014. 216 с.

3. Волкова А. Ю. Юридическое значение согласия лица на причинение вреда своей жизни или здоровью: международный и зарубежный опыт // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 2. С. 11-17.

4. Газданова Е.К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение: автореферат дис. кандидата юридических наук: 12.00.08 / Е.К. Газданова. – Москва, 2011. 25 с.

5. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография / В. Н. Додонов, О. С. Капинус, С. П. Щерба. – М.: Юрлитинформ, 2010. 543 с.
6. Еськова Л. К. Согласие потерпевшего на причинение вреда в уголовном праве: теоретико-правовое исследование // Вестник Владимирского юридического института. 2021. №1. С. 28-32.
7. Косарев А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в романо-германской правовой системе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – №4. – С.85-89.
8. Крайник Г.С. Уголовная ответственность спортсменов за вред, причиненный другим спортсменам в ходе проведения спортивных соревнований / Г.С. Крайник, Р.И. Шама // Міжнародний науковий журнал інтернаука. 2018. Т. 3. № 9 (49). С. 93-96.
9. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве [Текст] / А. Н. Красиков; Под ред. проф. И. С. Ноя. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1976. 121 с.
10. Кузнецов А.А. Институт согласия потерпевшего на причинение ему вреда в уголовном законодательстве российской федерации и зарубежных стран // Право.Общество.Государство. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Санкт-Петербург, 2020. С. 73-76.
11. Медведев А.А. Причинение вреда во время спортивных соревнований как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 395-404.
12. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / Орехов В.В. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003. 217 с.

13. Орешкина Т.Ю. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: учебное пособие для магистрантов / под ред. А.И. Рарог. Москва: Проспект, 2020. 112 с.
14. Расторопов С. В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4 (91). С. 83-87.
15. Сирик М.С. 5.4. Эвтаназия в уголовном праве России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2015. № 4. С. 175-177.
16. Соктоев З. Б. Согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью / З. Б. Соктоев, А. Р. Ринчинова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 12. С. 121-130.
17. Сидоренко Э.Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: автореферат дис. доктора юрид. наук / Сидоренко Э.Л. – Москва, 2013. 54 с.
18. Уголовное право Соединенных Штатов Америки. Сборник нормативных актов / Отв. ред.: Козочкин И.Д. Москва, 1986. 160 с.
19. Широков К. Согласие на причинение вреда как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Законность. 2006. № 9 (863). С.53-55.

Цветкова Анна Денисовна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

АНО «КримЛиб»

Россия, Екатеринбург

at@crimlib.info

Tsvetkova Anna

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Russia, Yekaterinburg

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье анализируется Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений», которое противоречит изменившейся ст. 213 УК РФ, где признак вооружённости в п. «а» ч. 1 заменился на простое насилие и сам был перенесён в ч. 2. Приводятся вызванные этим фактом коллизии, а также положения, которые не могут быть однозначно истолкованы, что негативно сказывается на следственной практике. С позиций системного подхода излагается авторская позиция по правильному применению действующих норм и делается вывод о необходимости скорейшего пересмотра данного Постановления.

Ключевые слова: хулиганство, статья 213 УК РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ, правовая семья, квалификация преступлений, толкование права, «CrimLib – Справочник следователя».

THE RELEVANCE OF SUPREME COURT OF THE RF PLENUM RULINGS AS A FACTOR IN THE EFFECTIVENESS OF INVESTIGATIVE ACTIVITY

Annotation: the article analyzes the Decision of Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2007 № 45 «On judicial practice in criminal cases of disorderly conduct and other crimes committed from disorderly motives» which contradicts the changed article 213 of Russian Criminal Code, where the element of assault in point «a» part 1 was replaced by violence and it was moved to part 2. The article provides the conflicts caused by this fact, as well as the provisions that cannot be interpreted unambiguously, which has a negative impact on investigative practice. From the position of the system approach the author's position is given as for the correct application of the current regulations and a conclusion is made about the necessity of the soonest reconsideration of the given Decision.

Key words: disorderly conduct, article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, legal family, qualification of crimes, interpretation of law, «CrimLib – Investigator's reference guide».

В теории права традиционно принято выделять разнообразные правовые семьи, относя к ним страны с соответствующими особенностями правового регулирования [1, с. 175]. Наибольшее распространение получила модель, в которой выделяются три типа правовых семей: романо-германская, англо-саксонская и религиозная [2, с. 58–59], – основополагающее различие между которыми выстраивается по признаку главенствующего источника права. Так, для стран романо-германской семьи им выступает нормативно-правовой акт; для государств, представляющих англо-саксонскую семью – судебный прецедент, в религиозных странах – священные книги. Однако, как и любой тип, указанные правовые семьи носят идеальный характер [3, с. 42–43], тогда как на практике

нередко можно заметить смешение признаков различных семей в одной стране. Особенно ярко это наблюдается среди государств, которые традиционно относились либо к романо-германской, либо к англо-саксонской правовой семье: в первых начинает укрепляться судебный прецедент, а во-вторых разрабатываются консолидированные законы [4, с. 73, 75–76; 5, с. 9].

Российская Федерация входит в число стран романо-германской правовой семьи, однако для неё также становится свойственным придавать нормативную силу решениям высших судов [6, с. 91], которые нередко, осуществляя закреплённые за ними законом полномочия по официальному легальному толкованию буквы закона [7, с. 330; 8], придают нормам абсолютно новый, после этого обязательный для всех правоприменителей [4, с. 81], смысл. В связи с этим традиционное юридическое образование в российских вузах уже немислимо без параллельного изучения наравне с нормами законов различных Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, Конституционного Суда РФ. В частности, большое внимание уделяется Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам, которые не только являются одним из основных методических материалов, используемых в преподавании по соответствующей дисциплине, но и выступают незаменимым источником прикладной информации для субъектов, осуществляющих дознание и следствие по уголовным делам, так как содержат в себе правила квалификации. Данный факт подтверждается, в частности, результатами анкетирования действующих следователей, которые на вопрос «какие типы и направления справочной информации нужны современному следователю» чаще всего – в 66,1 % случаев – указали на Постановления Пленума Верховного Суда РФ [9, с. 284].

Таким образом, следователь или дознаватель в том случае, если разъяснений Верховного Суда РФ по какому-либо составу нет, самостоятельно уясняет смысл норм Уголовного кодекса Российской Федерации и применяет после преломления сквозь призму собственных знаний, либо обязан в процессе

своей деятельности обращаться к Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ, если таковые имеются, поскольку в противном случае возрастает риск того, что материалы дела будут содержать в себе существенные ошибки. Следует отметить, что Верховный Суд РФ нередко реагирует достаточно оперативно на запросы практики и стремится дать актуальные разъяснения по всем наиболее проблематичным или неоднозначным составам, оперативно вносит изменения в ранее изданные Постановления при изменении законодательства, однако очень редко происходит ситуация, когда норма права изменяется, а Верховный Суд РФ, по неизвестной причине, оставляет данное обстоятельство без внимания на длительный период времени, в результате чего возникает значительная правовая неопределённость.

Наиболее ярким примером такой ситуации является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений» [10], проблемы применения которого на практике считаем необходимым рассмотреть подробно.

В 2017 и 2020 годах в статью 213 УК РФ были внесены изменения, в частности наиболее существенные Федеральным законом от 30.12.2020 № 543-ФЗ в п. «а» ч. 1: вместо обязательного признака вооружённости для квалификации хулиганства как преступления законодатель указал достаточным применение насилия или угрозы его применения, тогда как оружие было перенесено в ч. 2, став таким образом квалифицирующим, а не составообразующим признаком [11]. Однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ, будучи принятым в 2007 году ни разу с того времени не претерпевало изменений, в связи с чем сегодня можно наблюдать следующие противоречия, не все из которых однозначно разрешимы.

1. Пункт 1 указанного Постановления гласит: *«В соответствии с законом уголовно наказуемым хулиганством может быть признано только такое грубое*

нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Однако актуальное законодательство позволяет сделать вывод о том, что уголовно наказуемым хулиганством может быть признано только такое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с **применением насилия или угрозой его применения**, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, либо **на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.** Таким образом категоричная позиция Верховного Суда, изложенная в п. 1 Постановления не соответствует действительности, однако достаточно легко разрешается, поскольку в случае противоречия закона и Постановления Пленума Верховного Суда применению однозначно подлежит законодательная норма [12, с. 180–182; 13, с. 305].

2. Аналогичным образом представляется возможным те пункты, в которых явно речь идёт об оружии и даётся ссылка на п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ (например, п. 2), читать как отсылающие к ч. 2 ст. ст. 213 УК РФ, а те, в которых речь ведётся про основной состав (например, п. 5), дополнять признаком места совершения хулиганства (общественный транспорт), одновременно заменяя вооружённость на насилие. Однако это не всегда позволяет прояснить все спорные положения.

3. Неопределённость может возникнуть при применении абз. 3 п. 3, где устанавливается, что «в случаях, когда в процессе совершения хулиганства лицо использует животных, представляющих опасность для жизни или здоровья

человека, содеянное с учётом конкретных обстоятельств дела может быть квалифицировано по пункту "а" части 1 статьи 213 УК РФ». При создании данной нормы Верховный Суд РФ, очевидно, презюмируя высокую степень общественной опасности задействия животных, существенные негативные последствия для жизни и здоровья, которые может повлечь за собой нападение зверя, рационально счёл невозможным допустить привлечение в рассмотренном случае лица к административной ответственности, в связи с чем обратился к юридической фикции, указав на то, что животные могут быть признаны «предметом, используемым в качестве оружия». Однако сегодня не ясно: должны ли мы квалифицировать использование животных по ч. 2 ст. 213 УК РФ, или, учитывая тот факт, что применение насилия или угроза его применения в процессе хулиганства теперь является также уголовно-наказуемыми, допустимо квалифицировать такие деяния по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ в его новой редакции.

4. Далее, в пункте 5 указывается, что при соучастии в хулиганстве умысел всех соучастников должен быть направлен на применение оружия (читаем – применения насилия), при этом неважно, сколько лиц реально оружие применяло. Здесь возникает вопрос, распространяется ли это правило и на насилие, поскольку в иных Постановлениях Пленума Верховного суда РФ, если основной состав подразумевает в качестве составообразующего признака применение насилия, действия лица, которое это насилие не применяло должны квалифицироваться в качестве соучастника, не являющегося соисполнителем, со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ [14]. Однако, возможно, что Верховный Суд РФ изберёт в данном случае модель, реализованную в Постановлении по делам о краже, грабеже и разбое, где все участники группы несут ответственность как соисполнители, даже когда насилие применяется только одним из них, а остальные заранее об этом знали либо продолжили совершать преступление, воспользовавшись фактом причинённого насилия [15].

5. Вопросы вызывает и п. 9, который гласит: «Хулиганские действия, связанные с сопротивлением представителю власти, в ходе которого применено насилие, как неопасное, так и опасное для жизни и здоровья, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 213 УК РФ и соответствующей частью статьи 318 УК РФ». До 2020 года насилие не входило в состав хулиганства, поэтому квалификация по совокупности была вполне обоснованной, однако сегодня применение насилия охватывается диспозицией ст. 213 УК РФ, в связи с чем, на наш взгляд, вменение дополнительно ст. 318 УК РФ может представлять собой наказание дважды за одно деяние, что запрещено Уголовным законодательством, однако нередко можно встретить в практике Верховного Суда РФ [16; 17].

6. Аналогичный вывод следует сделать и в отношении п. 11 рассматриваемого Постановления, где Верховный Суд РФ говорит о необходимости квалификации по совокупности преступлений, «предусмотренных соответствующей частью статьи 213 УК РФ и частью (пунктом части) соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности» в том случае, если в процессе хулиганства насилие (побои, различной тяжести вред здоровью) применено к потерпевшему или лицу, пресекающему противоправное поведение.

Описанные выше противоречия, на наш взгляд, существенно осложняют профессиональную деятельность лиц, занятых раскрытием и расследованием преступлений, особенно если учитывать, что Постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам, как мы указывали ранее и как отмечают сотрудники следственных органов, являются весьма важным источником справочной информации [18, с. 284], оперативное обращение к которым за актуальными сведениями о правилах квалификации значительно содействует подготовке материалов дела, которые будут удовлетворять всем

материальным и процессуальным нормам. На сегодняшний день в разработанном в Уральского государственном юридическом университете имени В. Ф. Яковлева мобильном приложении «CrimLib – Справочник следователя» рассмотренное Постановление Пленума Верховного Суда РФ дополнено соответствующими комментариями, что, однако, не решает проблему, но призвано лишь обратить внимание работников следственных органов на имеющиеся противоречия.

В этой связи считаем, что существование на протяжении уже достаточно длительного периода времени устаревших положений в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений» при том, что хулиганство, ответственность за которое предусмотрена ст. 213 УК РФ, выделяется отдельно и рассматривается наравне с преступлениями против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, присвоением и растратой при анализе состояния преступности Главным Информационно-аналитическим центром МВД России [19], является недопустимым и должно обратить на себя внимание не только представителей научного сообщества, но и судей Верховного Суда Российской Федерации с тем, чтобы рассмотренное Постановление было изменено или полностью отменено, а вместо него вынесено новое, не противоречащее действующему Уголовному кодексу Российской Федерации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № 0304/23.

Список литературы:

1. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение: академический учебник. Москва: Норма, 2021. 320 с.
2. Антипенков А. А., Смирнов К. Н. Правовые и политические аспекты функционирования смешанных правовых семей // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 3 (14). С. 58–63.
3. Луць Л. А. Методологические возможности типологизации правовых систем // Право и демократия. 2004. Вып. 15. С. 38–49.
4. Кучин М. В. Судебный прецедент как источник права (дискуссионные вопросы) // Российский юридический журнал. 1999. № 4 (24). С. 70–83.
5. Перевалов В. Д. Взаимодействие правовых систем: теоретические аспекты // Российский юридический журнал. 2014. № 5 (98). С. 7–14.
6. Незнамова З. А. Судебное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. 2012. № 5 (86). С. 86–92.
7. Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2023. 552 с.
8. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/ (дата обращения 02.07.2023).
9. Беляков А. А., Бахтеев Д. В. Мобильный справочник следователя: состояние и перспективы // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: Сборник материалов международного научно-практического форума, Калининград, 27–31 августа 2020 года. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. С. 279–285.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ (дата обращения 01.07.2023).

11. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 01.07.2023).

12. Петров А. А. Иерархические коллизии в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 204 с.

13. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: Учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2003. 381 с.

14. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения 01.07.2023).

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (п. 14.1) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения 01.07.2023).

16. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. // URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения 01.07.2023);

17. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/ (дата обращения 01.07.2023).

18. Беляков А. А., Бахтеев Д. В. Мобильный справочник следователя: состояние и перспективы // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: Сборник материалов международного научно-практического форума, Калининград, 27–31 августа 2020 года. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. С. 279–285.

19. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года: статистический сборник. Москва: Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2023. 66 с.

Чубукина Яна Ивановна
Кубанский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Краснодар
ychubukina@yandex.ru
Chubukina Yana
Kuban State University
Faculty of Law
Russia, Krasnodar

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПРИЧИНЫ И СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: в приведенной статье автор рассматривает категорию «рецидивная преступность» с позиции криминологического подхода. Так, проводится анализ причин возникновения, развития такого явления как рецидивная преступность, включая указания на критерии их классификации. На основании исследуемых причин предлагаются меры противодействия рецидивной преступности.

Ключевые слова: рецидив, причины рецидивной преступности, профилактика рецидивной преступности, социальная адаптация, реабилитация.

RECIDIVISM: CAUSES AND COUNTERACTION SYSTEM

Annotation: in this article, the author examines the category of «recidivism» from the standpoint of criminological approach. Thus, the analysis of the causes of the occurrence and development of such a phenomenon as recidivism, including indications of the criteria for their classification, is carried out. Based on the reasons studied, measures to counteract recidivism are proposed.

Key words: recidivism, causes of recidivism, prevention of recidivism, social adaptation, rehabilitation.

В существующих на сегодняшний день тенденциях развития правового общества, в котором наивысшей ценностью провозглашены права и свободы граждан, а ведущей целью правоохранительной системы признана их защита, значительное внимание уделяется формированию механизмов противодействия различным видам преступности, среди которых одним из наиболее опасных признается рецидив [5, с. 62]. В соответствии с частью 1 статьи 18 Уголовного кодекса Российской Федерации под рецидивом понимается умышленное совершение преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление [1].

Рассматривая рецидивную преступность с позиции криминологического подхода, в первую очередь, следует выделить причины её формирования и развития. Они традиционно классифицируются по двум основаниям – причины, сформировавшиеся при получении лицом первой судимости, и, следовательно, имевшие место в момент совершения им нового преступного деяния, а также причины, связанные с трудностями социальной адаптации, с которыми такое лицо сталкивается после отбытия наказания при возвращении к прежней жизни.

К условиям, возникшим при получении лицом первой судимости, и, как было указано, возобновившимся при другом совершении лицом преступления, исходя из позиций исследователей в области уголовного права и криминологии, можно отнести следующие аспекты:

1) возвращение в отрицательно воздействующую среду (включая также криминогенную семью, под которой в данном случае подразумевается семья, члены которой склонны к нарушениям закона). Например, в случае если семья проживает в неблагополучном районе, характеризующимся высоким уровнем

преступности, то и члены этой семьи с большей долей вероятности могут быть подвержены влиянию преступной субкультуры.

Помимо этого, учитывается психологическая составляющая, связанная с характером личностных отношений, существующих между членами семьи. Так, возвращение в семейную среду, характеризующуюся насилием, отсутствием надлежащих границ и правил, а также недостатком эмоциональной поддержки способствует росту рецидивной преступности, поскольку несформированное правовое сознание лица и негативные ролевые модели в семье могут усиливать агрессивное и антиобщественное поведение у её членов;

2) возобновление взаимодействия с лицами, ведущими антисоциальный образ жизни. Указанная категория находится в прямой взаимосвязи с прошлым фактором, однако в большей степени указывает на положение лица в обществе, его социальный статус и предполагаемый контингент для общения и интересов.

В соответствии с приведенным положением следует, что в момент, когда лицо выходит из исправительного учреждения, оно может вернуться к прежним социальным контактам, которые, в свою очередь, могут прямо подталкивать его к совершению новых преступлений. Так, например, если у лица есть знакомые или даже друзья, которые продолжают заниматься преступной деятельностью, то оно может быть подвержено их воздействию, как следствие, присоединиться для совместного участия в преступных действиях. Это может быть особенно сильным фактором, если учитывать, что возможное отсутствие положительных социальных связей или поддержки у такого лица;

3) установление новых контактов с лицами, совершающими преступления и, возможно, уже ставшими рецидивистами. В данном случае предполагается, что человек вступает во взаимосвязь с такими лицами, и может быть подвержен их влиянию, что является причиной совершения повторных преступлений.

Установление новых контактов способствует рецидивной преступности посредством воплощения совокупности криминогенных элементов, а именно:

– имитация поведения. Лицо может начать имитировать поведение новых контактов, особенно если они являются опытными преступниками. Это может быть копирование их методов совершения преступлений или даже принятие их ценностей и убеждений, имеющих нигилистический характер.

– поощрение криминализированной деятельности. Новые контакты могут поддерживать совершение лицом негативных действий, в том числе, предлагая ему содействие и даже финансовую поддержку, чтобы он продолжал совершать преступления.

В свою очередь, причины, обусловленные трудностями, непосредственно связанными с периодом социальной адаптации, включают в себя:

1) исключение осужденного из обычной жизни общества (в том числе с разрушением его социально-полезных связей). Оно сопровождается изоляцией лица от общества с лишением его поддержки, что способствует возвращению к преступной деятельности.

Исключение из общества может привести к утрате связей с нормальными социальными структурами, такими как семья, друзья, работа и образование, что является фактором, ведущим к потере стимулов соблюдения закона и принятия нормального образа жизни. Осужденный может ощущать прямое отчуждение и отвержение со стороны общества, что вызывает желание мести.

Кроме того, отсутствие поддержки и средств для изменения поведения и установления новых ценностей делает реабилитацию осужденного сложной, поскольку без соответствующей помощи со стороны общества, он сталкивается с трудностями в процессе адаптации к нормальной жизни после освобождения из исправительных учреждений. Складывающаяся таким образом ситуация, как показывает практика, вновь приводит лицо к преступной деятельности, которая уже трансформируется в рецидив;

2) привыкание к режиму и обстановке мест лишения свободы. Во время отбывания наказания, осужденные вынуждены приспосабливаться к строгому

режиму, ограниченным возможностями и жестким правилам, установленным в исправительном учреждении, что становится предпосылкой для формирования определенных привычек и адаптации к такому образу жизни.

Однако когда лица выходят на свободу, они могут испытывать трудности в отношении прежних условий существования, например, могут не знать, как справиться с повседневными задачами, как найти работу и обеспечить себя, как установить социальные связи и восстановить семейные отношения. Это может вызывать чувство беспомощности и отчаяния, приводящие к тому, что человек может просто принять решение о сохранении выработанного режима.

На этой почве, осужденные могут общаться с другими преступниками, что способствует формированию криминальной субкультуры. В данной среде лица осваивают новые навыки и получают знания о преступной деятельности, а также находятся под влиянием «старших» и более опытных преступников. Это усиливает склонность к совершению новых преступлений после освобождения;

3) распространение среди преступников обычаев и традиций, бытующих в преступной среде. Данная причина играет роль при поддержании рецидивной преступности по нескольким основаниям:

– нормализация преступного поведения. В преступной среде традиции, связанные с нарушением закона, могут стать для осужденных образом жизни. Преступники могут начать рассматривать преступления как нечто естественное и оправданное, что способствует повторению преступных действий;

– социальное приспособление. Преступники, в частности молодые люди, могут перенимать преступные привычки, чтобы стать защищенными, получить некое покровительство от наиболее опытных лиц в криминальном мире. Такое приспособление может укрепляться и поддерживаться через различные обряды и церемонии, которые преступники совершают вместе;

– преступная среда имеет собственные нормы и правила взаимодействия, отличающиеся от общепринятых в обществе. Например, преступники могут

придерживаться кодекса молчания, не сотрудничая с правоохранительными органами, или решать конфликты через насилие. Распространение таких правил взаимодействия способствует рецидиву, ведь преступники будут продолжать придерживаться этих норм и после отбытия наказания;

– для некоторых осужденных преступная среда становится единственным миром, где они чувствуют себя принятыми и ценными. Они могут принимать обычаи и традиции этой среды как часть своей личности, идентифицировать себя. В таком случае, даже после отбытия наказания, они стремятся вернуться к этой среде и продолжать совершать преступления [2, с.187-190].

Система противодействия рецидивной преступности представляет собой комплекс мер, направленных на предотвращение повторных преступлений и реинтеграцию заключенных в общество. Так, основные задачи противодействия рецидивной преступности предполагают:

1) предотвращение повторных преступлений. С этой целью воплощаются разные программы ресоциализации, направленные на адаптацию и социальную реинтеграцию осужденных;

2) поддержку и реабилитацию заключенных. Система противодействия предусматривает упрощение реабилитации, помогая осужденным изменить свое поведение. Их учат им навыкам, необходимым для успешной адаптации в обществе после освобождения [3, с. 624-626].

Таким образом, основываясь на указанных положениях, и, рассматривая систему противодействия рецидивной преступности, выделим такие меры как:

1) реабилитационные программы, включающие обучение навыкам поиска рабочего места и содействие по данному вопросу, предоставление возможности получения образования, помощь в поиске жилья и медицинское обеспечение;

2) поддержка сообществ, предоставляющих безопасное окружение лицам, отбывшим наказание. В данном случае речь идет о необходимости создания и

развития групп поддержки и организации мероприятий для интеграции таких обратных лиц в общество и повседневную жизнь;

3) профилактика рецидива, предполагающая содействие государства в части поддержания стабильного уровня жизни осужденных лиц. Важно следить за состоянием психоэмоционального настроения данной категории граждан, своевременно пресекая попытки совершения преступного деяния и оказывая им необходимую помощь в том аспекте, который стал причиной противоправного поведения. Тут решением могут стать, например, специализированные службы, оказывающие психологическую поддержку осужденным, которых в данный момент на территории Российской Федерации критически мало.

Отметим также то, что необходимо проводить работу по предотвращению формирования криминальной субкультуры на момент отбытия наказания. Тут важно обеспечить контроль за коммуникацией осужденных и психологическую поддержку, направленную на изменение криминального мышления, поведения.

Наконец, важно проводить профилактическую работу с лицами, которые находятся под угрозой совершения преступлений. Особое значение в указанном аспекте занимают информационные кампании и образовательные мероприятия по поддержке инициатив решения социальных проблем, которые могут стать причиной совершения преступлений. Так, совокупность правового воспитания граждан и решение корня социальных проблем, хоть и не является полноценно выполнимой задачей, однако способна оказать существенное воздействие на снижение уровня рецидивной преступности [4, с. 103-104].

Важно обратить внимание на то, что отмеченные подходы должны быть комплексными, включать в себя сотрудничество различных секторов общества, среди которых непосредственный вклад должны вносить государство в лице компетентных по исследуемому вопросу органов, образовательные учреждения и сообщества, способные обеспечить эффективное функционирование системы противодействия росту причин рецидивной преступности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 10.07.2023).
2. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для вузов / Ю.М. Антонян. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020.
3. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 800 с.
4. Баликоев М.С. Проблема противодействия рецидивной преступности в России // Вестник магистратуры. 2021. №6-3 (117). С. 102-104.
5. Пряхина Л.В. Понятие, признаки и виды рецидива преступлений // Вестник науки и образования. 2019. №24-1 (78). С. 62-66.

Юсупова Алсана Фанисовна

Уфимский университет науки и технологий

Институт права

Россия, Уфа

ysvialsana@gmail.com

Yusupova Alsana

Ufa University of Science and Technology

Institute of Law

Russia, Ufa

**КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО П. «Г» Ч. 3 СТ. 158 УК РФ**

Аннотация: в статье проведен детальный анализ предмета преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Кроме того, установить правовую природу цифровой валюты (криптовалюты) в Российской Федерации позволило изучение позиции Центрального банка Российской Федерации и законодательства других стран. Автор приходит к выводу, что отнесение криптовалюты к предмету преступления возможно при условии дополнения отечественного уголовного законодательства соответствующим положением в целях устранения возникшего пробела.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, безналичные денежные средства, электронные денежные средства, предмет преступления.

**CRYPTOCURRENCY AS A SUBJECT OF THE CRIME PROVIDED IN
ITEM «G» OF PART 3 OF ARTICLE 158 OF THE CRIMINAL CODE OF
THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation: the article provides a detailed analysis of the subject of the crime, provided for in paragraph "d" part 3 of Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, the study of the position of the Central Bank of the Russian Federation and the legislation of other countries made it possible to establish the legal nature of digital currency (cryptocurrency) in the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the assignment of cryptocurrency to the subject of a crime is possible provided that domestic criminal legislation is supplemented with an appropriate provision in order to fill the gap that has arisen.

Key words: cryptocurrency, digital currency, non-cash funds, electronic money, subject of crime.

Мир информационных технологий не стоит на месте. Если раньше основным предметом кражи были наличные денежные средства, то на данный момент вектор проблем уголовно-правового характера изменился. В первую очередь возник вопрос, как защитить безналичные денежные средства от преступного посягательства? В связи с этим Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ст. 158 УК РФ была дополнена квалифицирующим признаком, предусматривающим ответственность за кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств [1].

К предмету преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, законодатель относит исключительно безналичные и электронные денежные средства [2]. Под безналичными денежными средствами понимаются денежные средства, хранящиеся на расчетных счетах в банке. Их основное назначение – взаимный расчет посредством перевода с одного счета на другой. При этом из ст.ст. 128, 140 ГК РФ следует, что безналичные денежные средства относятся к имущественным правам, являющимся объектом гражданских прав [3].

В Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» дано определение понятия «электронные денежные средства». Согласно данному закону под ними понимаются денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета, для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа [4]. Такие денежные средства содержатся в электронном кошельке. Необходимость открытия банковского счета отпадает ввиду того, что электронные денежные средства хранятся в виде электронной записи у оператора этих денежных средств. Аналогично безналичные денежные средства, которые хранятся в виде определенной записи в бухгалтерских документах банка. Следовательно, электронные и безналичные денежные средства необходимо рассматривать в качестве предмета кражи, совершенной с банковского счета.

Особенно актуальным в последнее время является вопрос отнесения цифровой валюты (криптовалюты) к предмету преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Согласно федеральному закону от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровой валютой принято считать совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), которые содержатся в информационной системе [5]. Цифровая валюта может быть принята в качестве средства платежа для покупок реальных товаров и услуг, однако она не является денежной единицей нашего государства. Данная валюта хранится в цифровом кошельке, доступ к которому каждый клиент имеет через мобильное приложение банка, в

котором он обсуждается. Из этого следует, что наравне с безналичными денежными средствами цифровая валюта также подвержена преступному посягательству, и, соответственно, может быть предметом хищения.

Вместе с тем, Центральный банк Российской Федерации отмечает, что криптовалюта не является деньгами, поскольку не выполняет всех функций денег, отсутствует их легитимность и безопасность создания и использования. Данная валюта не может повсеместно применяться для оплаты товаров и услуг, не может выступать в качестве меры стоимости и сбережения в силу того, что стоимость криптовалюты постоянно колеблется. Банк России убежден, что использование такой валюты влечет высокий риск потерь крупной суммы денег гражданами, а также появление теневого оборота [6]. На основании всего вышеуказанного, расчет криптовалютой запрещен на законодательном уровне.

Иная позиция сложилась в законодательстве других стран. Если мы обратимся к нормативным актам США и Великобритании, то увидим, что криптовалюта там легализована в качестве имущества, следовательно, может выступать предметом хищений [7, с. 153-154].

Ежегодно большими темпами растет количество преступлений против собственности, в частности кражи и мошенничества, где предметом преступления выступает криптовалюта. К сожалению, не все пользователи осведомлены, каким образом защитить свою собственность. В связи с этим наиболее распространенным преступлением становится дистанционное мошенничество [8, с. 114]. Фактически возникает ситуация, когда хищение есть, а предмета посягательства с правовой точки зрения не существует.

Рассмотрим признаки предмета хищения и оценим возможность отнесения к этой категории криптовалюты.

Экономический признак предполагает наличие материальной ценности предмета преступного посягательства. Криптовалюта, несмотря на то, что не является средством платежа на территории Российской Федерации, имеет

определенную экономическую ценность. Используя ее, можно оплачивать товары и услуги. Кроме того, криптовалюта конвертируется в официальную валюту, может выступать средством инвестирования [9, с. 5].

Материальный признак подразумевает, что предмет хищения будет носить некую овеществленную форму. Криптовалюта таким признаком не обладает. Вместе с тем, переход современной экономики на безналичные расчеты и электронные денежные средства наталкивает на мысль о том, до сих пор ли сохраняется необходимость объектов хищения обладать некой материальной структурой? На наш взгляд, ответ должен быть отрицательным.

Юридический признак предполагает, что криптовалюта находится в собственности конкретного лица, хотя сама по себе она обезличена [10, с. 105].

На основании анализа признаков предмета хищения мы приходим к выводу, что криптовалюта может быть предметом преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поскольку в силу ст. 128 ГК РФ она относится к «иному имуществу», а имущество является предметом хищения.

Таким образом, вопрос отнесения криптовалюты к предмету преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, до сих пор вызывает множество дискуссий среди ученых-правоведов, однако, на наш взгляд, ответ должен быть положительным. Нынешнее законодательство требует внесения изменений, поскольку на данный момент оно лишь содержит понятия безналичных и электронных денежных средств. Тем самым, вопрос, к чему относится криптовалюта, остается нерешенным. На основании всего вышеизложенного считаем необходимым дополнить уголовное законодательство соответствующими положениями в целях устранения возникшего пробела.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).

2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 03 апреля 2023 г. № 111-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).

3. Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 03 апреля 2023 г. № 101-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).

4. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).

6. Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» (октябрь 2020 года) (утв. Банком России) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Смоляков А.Н. Ответственность за хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты в странах англосаксонской и континентальной системы права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 151-156.

8. Репецкая А.Л., Миронов А.О. Криптовалюта как объект уголовно-правового и криминологического исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 109-120.

9. Коренная А.А. Цифровая валюта как предмет и средство совершения преступлений // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. С. 3-8.

10. Киктенко А.А. Предмет преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2022. С. 103-107.

УДК 341.1/8

Кузнецов Артемий Александрович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Россия, Москва

artemk6665@gmail.com

Kuznetsov Artemiy

Financial University under the Government of the Russian Federation

Russia, Moscow

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПРОКСИ-КОНФЛИКТОВ

Аннотация: в данной работе анализируется положение частных военных компаний с точки зрения современного международного гуманитарного права. Дается определение ЧВК, нормативные акты, которыми регулируется их деятельность, а также указывается их роль в условиях современных прокси-конфликтов. Обосновывается необходимость международно-правового закрепления статуса таких компаний, а также делаются нормотворческие предложения об их положении.

Ключевые слова: частные военные компании, ЧВК, наемничество, прокси-конфликт, опосредованная война.

LEGAL STATUS OF PRIVATE MILITARY COMPANIES IN THE CONTEXT OF MODERN PROXY CONFLICTS

Annotation: this paper analyzes the situation of private military companies from the point of view of modern international humanitarian law. The definition of PMCs, the regulations that regulate their activities are given, as well as their role in the conditions of modern proxy conflicts is indicated. The necessity of the international legal

consolidation of the status of such companies is substantiated, as well as normative proposals on their position are made.

Key words: private military companies, PMCs, mercenary activity, proxy conflict, mediated war.

На современном этапе мирового развития значительно преобразуются все сферы общественной жизни. Не исключением в данном случае становятся и вооруженные конфликты. Технологический прогресс способствует развитию системы вооружений, все большее распространение на поле боя приобретают беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и квадрокоптеры. Командования, в ответ на развитие оружия, разрабатывает новые тактики ведения боя, преобразовываются армейские тактические единицы, и значительно повышаются требования к солдатам. В связи с последним фактором, утверждается контрактная система формирования армии. О постепенном отходе от призывной системы высказался также и Президент РФ [7].

Особенную актуальность в современных условиях, особенно для армий переходного периода с недостатком квалифицированных «контрактников», становится деятельность частных военных компаний (далее - ЧВК). «Солдаты удачи» - профессиональные воины, продолжающие традиции наемников, объединяются в организации для того, чтобы предлагать свои услуги за деньги. Их «потребителями» сегодня чаще всего становятся государства: развивающиеся страны используют их для собственной защиты (например, по некоторым данным ЦАР и Судан пользуются услугами российской ЧВК «Группа Вагнера»), развитые же страны используют их для достижения своих целей в ситуациях, когда использование собственных вооруженных сил нежелательно.

На данный момент частные военные компании представляют из себя значимую силу. Так, штат самой многочисленной ЧВК, британской G4S, составляет более 800000 человек [5]. Вместе с тем, единого правового подхода к

таким субъектам в рамках международного права нет. Конечно, существуют национальные подходы, в том числе и в РФ, согласно которым «работники» ЧВК признаются наемниками и несут уголовную ответственность. Вместе с тем деятельность таких организаций транснациональна и, по нашему мнению, национального подхода недостаточно.

Стоит отметить, что использование различного рода наемных соединений (а именно с ними и ассоциируют ЧВК многие исследователи [4, с. 38]) в вооруженных конфликтах - явление не новое. Уже в Римской империи на поздних этапах активно привлекались иностранные наемники [2, с. 9]. На закате средневековья наемники-ландскнехты доминировали над тогда традиционными рыцарскими соединениями, тем самым внося огромный вклад в развитие военного дела [6, с. 1]. Вместе с тем, по мере возникновения и развития регулярных армий, а также внедрения мобилизационных мероприятий значение такого рода соединений отошло на второй план. В течение Первой и Второй мировых войн наемничество почти не применялось.

После всех разрушительных конфликтов XX века общественное мнение склонилось в противовес любым войнам. Именно поэтому государства стремятся не участвовать в конфликтах непосредственно, а развязывать так называемые «прокси-войны» и привлекать ЧВК.

Прокси-война - в России часто используется термин «опосредованная война» - международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране [8, с. 13]. Ключевым преимуществом для государств, развязывающих такие войны, является достижение своих целей без прямого военного вмешательства в дела государств [3, с. 11].

В условиях, когда прямое использование собственных вооруженных сил недоступно, страны привлекают частные военные компании, которые и выполняют необходимые задачи за плату.

Однако, несмотря на широкое распространение деятельности ЧВК по всему миру, а также их сравнительно большое количество - по некоторым данным, их зарегистрировано более 700 по всему миру [4, с. 40] - их деятельность слабо урегулирована на международно-правовом поле. На данный момент правовому регулированию современного наемничества посвящена статья 47 дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года. Согласно ей, наемник - лицо, специально завербованное для участия в конфликте за рубежом. Главный мотив его деятельности - стремление получить доход. Наемники не входят в состав Вооруженных сил какой-либо стороны конфликта и, следовательно, не имеют статуса комбатанта или военнопленного.

Вместе с тем отождествление ЧВК с наемниками представляется неверным. Для того, чтобы быть наемником, лицо должно соответствовать сразу всем пунктам, указанным в статье 47 указанного выше акта [9, с. 14-16]. Так, в случае ЧВК исключается применение пункта «d» ч. 2 ст. 47 Протокола I в силу того, что «...ни место регистрации ЧВОК как юридического лица, ни личное гражданство сотрудников кампании, не имеют значения для квалификаций действий ЧВОК как наемничество» [4, с. 42].

Попытки урегулировать правовой статус частных военных компаний были предприняты международным комитетом красного креста. 17.09.2018 года был принят документ Монтрё «О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооружённого конфликта». В данном документе ЧВК признаются самостоятельными субъектами международного гуманитарного права.

Закрепляется их определение: «ЧВОК - это частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Военные и охранные услуги включают, в частности, вооружённую охрану и защиту людей и объектов, например транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов; содержание под стражей заключённых; и консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников» [1, с. 10]. Для осуществления своей деятельности таким компаниям необходимо получить специальное разрешение, причем выдавать их предлагается не на международном, а на национальном уровне [1, с. 40].

Документ Монтрё отдельно указывает на то, что, чаще всего, сотрудники ЧВК не являются наемниками, ведь они не соответствуют признакам, указанным в статье 47 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям. Однако допускается, что служащие в частных военных компаниях могут быть признаками наемников при наличии всех указанных признаков. В подобных случаях они не имеют права на статус комбатанта или военнопленного [1, с. 46].

Кроме деятельности ЧВК документ Монтрё регулирует обязанности государств, использующих услуги таких организаций, а также государств, на территории которых они действуют и государств, в которых находятся головные учреждения компаний.

Данный документ является одним из первых актов, попытавшихся урегулировать правовой статус ЧВК, а также обязанности их нанимателей. Вместе с тем документ Монтрё носит рекомендательный характер [1, с. 51]. Частные военные компании сами выбирают, придерживаться ли его принципам или нет.

Другим документом, стремящимся урегулировать деятельность таких организаций, является Международный кодекс поведения частных военных и охранных компаний. Он базируется на документе Монтрё. Сторонами,

согласившимися использовать данный документ, являются не государства, а сами частные военные компании. Кодекс, также, как и документ Монтрё, определяет обязанности ЧВК в сфере международного гуманитарного права и прав человека. Ключевой особенностью документа является предложение о создании международной базы данных, содержащих информацию обо всех существующих на данный момент ЧВК и их сотрудниках (как действующих, так и бывших). Вместе с тем необходимо отметить, что согласие с данными правилами частным военным компаниям необязательно, однако в таком случае их ждут последствия. Ранее предлагалось недопущение заключения международных контрактов с организациями, не утвердившими кодекс поведения. Однако большинство стран такую инициативу не поддержали, и сейчас это правило работает только в отношении подрядчиков агентств ООН [4, с. 44].

Таким образом, основные международные документы, наиболее полным образом регулирующие деятельность частных военных компаний, являются для них необязательными. Вместе с тем общеобязательное международное урегулирование деятельности данных субъектов объективно требуется, ведь сейчас ЧВК представляют из себя независимые вооруженные формирования. По сути, их нанимателями могут быть не только государства и межправительственные организации, но и транснациональные корпорации, и даже международные преступные формирования. В последнем случае возникают особенно большие риски, ведь различного рода преступники (террористы, контрабандисты и другие) могут получить поддержку профессиональной военной силы и наносить еще больший ущерб.

Исходя из этого, необходимо закрепить правовой статус частных военных компаний на уровне международного права. При этом ЧВК должны пониматься как отдельные от наемников, самостоятельные субъекты. Представляется, что за основу нормативно-правового акта, регулирующего данную сферу, необходимо

взять уже упоминавшийся выше документ Монтрё. Предлагается закрепить определение ЧВК, предложенное в нем и указанное выше в работе, в качестве единого и обязательного.

Кроме того, упомянутый ранее Международный кодекс поведения частных военных и охранных компаний также должен найти международно-правовое закрепление. Его необходимо закрепить как обязательный «устав» всех частных военных компаний. В случае, если организация этого не делает, международному сообществу в лице государств и межправительственных организаций запрещается пользоваться ее услугами. Для определения ЧВК, закрепивших этот кодекс, можно сформировать специальный реестр, где будет содержаться информация обо всех таких компаниях. Вместе с тем требования о внесении в эту базу данных о сотрудниках, как бывших, так и нынешних, кажется излишним.

В условиях современных прокси-войн услугами ЧВК могут пользоваться как различные транснациональные государства, так и международные преступные сообщества. Для недопущения использования таких организаций в незаконных целях предлагается ввести международное предписание, согласно которому нанимателями ЧВК могут выступать только признанные государства и органы международного сообщества.

Представляется, что частные военные компании - существующий по объективным причинам институт, во многом схожий с наемничеством, но, тем не менее им не являющийся. В условиях опосредованных войн у заинтересованных субъектов не остается иного выхода, кроме привлечения ЧВК независимо от того, законно ли это будет или нет. Именно поэтому такие компании нужно ввести в поле международного права, определив их статус, права и обязанности.

Список литературы:

1. Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооружённого конфликта // URL: <https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf> (дата обращения: 26.09.2022).

2. Дрязгунов К. В., Чекин С. Ю. Гвардия в поздней римской империи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №9. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gvardiya-v-pozdney-rimskoy-imperii> (дата обращения: 26.09.2022).

3. Капицын В.М., Смирнова А.М., Столетов О.В., Щерба К.Д., Зверева В.С., Джанаева А.Э., Деев И.А., Кочетков Д.А., Калфаоглу Рабия, Черпакова А.И. Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире // Социально-гуманитарные знания. 2019. №4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proksi-voynu-i-sostoyatelnost-gosudarstv-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 26.09.2022).

4. Меркушин В. В. О некоторых проблемах международно-правового статуса частных военных и охранных кампаниях (ЧВОК) и обоснование их отнесения к квазисубъектам транснациональной организованной преступности // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности : материалы междунар. науч. форума, Минск, 30 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. Ф. Довгань (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 36-50.

5. Официальный сайт G4S // URL: <https://www.g4s.com/who-we-are/our-people> (дата обращения- 26.09.2022).

6. Попов А.Ю. Ландскнехты как переходное звено от рыцарской конницы Средневековья к регулярным армиям Нового времени // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный

форум» // URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018011216> (дата обращения: 26.09.2022).

7. Путин: призыв в армию уйдет в прошлое // информационное агентство ТАСС // URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/6328627?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения- 26.09.2022).

8. Andrew Mumford. Proxy Warfare. John Wiley & Sons, 2013, pp 180

9. Hampson, «Mercenaries: Diagnosis before prescription», Netherlands Yearbook of International Law, Vol. 3 (1991).

**ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 340

Хованов Илья Сергеевич

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Россия, Орел

khovanov.i@yandex.ru

Khovanov Ilya

Oryol State University named after I.S. Turgenev

Russia, Orel

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОКУРАТУРОЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМУ В ИНТЕРНЕТЕ**

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые проблемы противодействия прокуратурой РФ экстремизму в интернете. Актуальность работы обусловлена ростом преступлений экстремистской направленности в последние годы. В качестве основной проблемы выделяется необходимость повышения эффективности мониторинга интернета на предмет выявления экстремистского контента. Предлагается централизовать интернет-мониторинг в рамках подразделения по надзору за кибербезопасностью Генпрокуратуры РФ и создать специализированное программное обеспечение для автоматизированного поиска экстремистского контента. Представляется, данные нововведения повысят эффективность противодействия распространению экстремизма в интернете.

Ключевые слова: экстремизм, интернет, мониторинг, контент, прокуратура, информационное пространство, программное обеспечение

**ON SOME PROBLEMS OF COUNTERACTION OF EXTREMISM IN THE
INTERNET BY THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

Annotation: the article considers some problems of counteraction of extremism on the Internet by the RF prosecutor's office. The relevance of the work is due to the growth of extremist crimes in recent years. As the main problem the necessity of increasing the efficiency of Internet monitoring for detection of extremist content is emphasized. It is proposed to centralize Internet monitoring within the cybersecurity oversight unit of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and to create specialized software for automated search of extremist content. According to the author, this will improve the effectiveness of countering the spread of extremism on the Internet.

Key words: extremism, Internet, monitoring, content, prosecutor's office, information space, software

В последние годы в России отмечается рост преступлений экстремистской направленности. Согласно информации с сайта Генеральной прокуратуры РФ, если в 2019 году было зарегистрировано 585 преступлений экстремистской направленности, то в 2022 году - уже 1566 [10], следовательно, за 3 года количество зарегистрированных преступлений выросло на 267,69%. Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что «Экстремизм — прямая угроза единству России, необходимо жестко пресекать любые его проявления.» [13]. В связи с этим была принята «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [1].

Одним из способов распространения материалов, содержащих в себе признаки экстремистской направленности, является интернет, который дает людям возможность анонимно выражать любые взгляды, в том числе экстремистские, что снижает ответственность и раскрепощает. В сети легко найти единомышленников и создавать закрытые сообщества, где радикальные взгляды усиливаются. Это создает эффект "эхо-камеры", что может приводить к радикализации.

Кроме того, в современных реалиях немаловажной проблемой становится распространение дезинформации, которая появляется в сети и может применяться виновными лицами для набора сторонников.

Люди подвержены манипуляциям. В целом, распространение экстремистских идей в интернете может затрагивать различные группы людей. Однако наиболее уязвимы к этому молодежь и люди, испытывающие социальную изоляцию или недовольство своим положением. Зачастую молодые люди, которые находятся в поиске идентичности или испытывают проблемы с социализацией, могут быть восприимчивы к радикальным идеям. Интернет дает им возможность найти сообщества единомышленников и чувство принадлежности. Люди, чувствующие себя отверженными обществом, маргинализированные или ущемленные в правах группы также могут быть более подвержены экстремистской пропаганде. Однако, экстремизм может привлекать разных людей, испытывающих недовольство своей жизнью.

Некоторые площадки и сайты с целью увеличения трафика и дохода специально привлекают людей, которые разделяют или готовы проникнуться идеями экстремистов. Многие из данных способов привлечения являются скрытыми, и пользователь не сразу понимает, куда он попал, и какие цели преследует автор данного контента. К ним относятся:

а) создание привлекательного имиджа - экстремистские группы часто позиционируют себя как "защитников угнетенных", борцов за справедливость, обещают чувство общности и значимости для тех, кто присоединится;

б) обещание радикальных решений острых социальных проблем - экстремисты обещают быстро и силовым путем решить проблемы, с которыми борется общество, в том числе социальное неравенство, коррупцию;

в) распространение теорий заговора - утверждения, что власти/элиты/меньшинства якобы угнетают и контролируют народ, манипулируют им.

г) использование интернет-мемов и юмора - мемы, шутки, ирония помогают привлечь молодежь и сделать экстремистские идеи более "трендовыми";

д) целенаправленная вербовка - в закрытых онлайн-сообществах происходит активный поиск и обработка людей, уязвимых для вовлечения в радикальную деятельность; вовлечение через онлайн-игры - использование многопользовательских игр и игровых платформ для распространения экстремистского контента и вербовки.

Указанные выше способы не являются единственным, однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что именно они порождают недоверие и подталкивает к радикальным действиям;

В этой связи остро встает вопрос о необходимости повышения качества и эффективности мониторинга интернета на предмет выявления экстремистского контента. Аналогичной позиции придерживается А.И. Бастрыкин, по мнению которого современные технологические достижения и развитие информационных технологий создают новые возможности для совершения преступлений, особенно в сфере киберпреступности. В этой связи автор предлагает принять дополнительные меры по защите информационного пространства. Кроме того, он также указывает на необходимость усилить работу по в сети Интернет материалов экстремистского характера. Увеличение мониторинга интернета и противодействия распространению опасной информации, по мнению главы СК РФ, необходимо для обеспечения безопасности граждан и защиты информационного пространства [14].

Правоприменительная практика правоохранительных органов свидетельствует, что существующий опыт борьбы с экстремизмом в России показывает, что в связи с ростом интернета, а также количества пользователей традиционные методы становятся неэффективными.

Кроме того, на немаловажное значение на надзорную функцию органов прокуратуры в рамках противодействия экстремизма оказывают такие проблемы, как:

1. Перегруженность сотрудников прокуратуры, которые занимаются осуществлением надзора за противодействием экстремизму-объемом противоправной информации в интернете, отсутствует возможность оперативного реагирования; В рамках рассматриваемой самой системы прокуратуры мониторинг осуществляется на уровне всех подразделений структуры, что так же выглядит нецелесообразным.

2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 г. N 156 [3], не решает появившиеся проблемы, так как не предусматривает мониторинг сети Интернет с помощью специализированного программного обеспечения, которое может анализировать больший объем данных, чем человек.

3. В настоящее время мониторинг осуществляется одновременно различными государственными органами – Прокуратурой РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, СК РФ, Министерство Юстиции РФ, Роскомнадзором, НЦпТИ, РОЦИТ, ЦИСМ и иными, что приводит к дублированию полномочий и неэффективному расходованию, как органов прокуратуры, так и государственных структур.

В связи с этим, представляется целесообразным централизовать систему мониторинга интернет-пространства на предмет выявления экстремистского контента в рамках, созданного в формате реализации нацпроекта "Цифровая экономика" [2] подразделения по надзору за кибербезопасностью Генеральной прокуратуры Российской Федерации, создать специальное программное обеспечение, осуществляющее автоматизированный мониторинг интернета на предмет выявления признаков экстремистской деятельности.

Схожую мысль, хоть и в ином контексте описывает А.А. Кульпин, указывая на необходимость цифровой трансформации органов прокуратуры РФ.

По мнению автора, в соответствии с приказом ГП РФ от 14.09.2017 г. № 627 [4] потребность в цифровизации деятельности органов прокуратуры РФ по-прежнему остается актуальной [5, с. 169].

При этом, как справедливо отметили Б.В. Андреев и О.А. Инсаров, в органах прокуратуры отсутствуют единые стандарты разработки и эксплуатации информационных систем, а также на недостаточном уровне находится автоматизация контрольно-надзорной деятельности [6, с. 36]. Полагаем необходимым отметить, что обозначенная проблема не нова. Ранее она была объектом научного исследования таких ученых, как Б.В. Андреев, О.А. Инсаров, А.А. Кульпин и др.

В этой связи, представляется обоснованным также обратиться к зарубежному опыту.

Так, например, в США используют веб-паука The Dark Crawler для сбора и анализа экстремистского контента в интернете [7, с. 179]. Данный инструмент может осуществлять рекурсивный поиск и сбор контента по заданным ключевым словам и параметрам. TDC может автоматически обходить ссылки на сайтах и собирать соответствующий контент, проводить сбор данных с ограничением по количеству веб-страниц, доменов, исключаемых доменов и наличию ключевых слов, что позволяет настроить выборку данных под конкретные задачи. Одной из функций является анализ собранного контента на наличие экстремистских материалов на основе классификации текстов и изображений. TDC может определять уровень радикальности контента, а также выявление скрытых сообществ и групп пользователей по интересам на основе анализа связей между веб-ресурсами. Данное программное обеспечение помогает обнаруживать экстремистские группы, может строить семантические сети на основе собранных данных, что позволяет выявлять ключевые темы, узлы и связи внутри радикальных сообществ.

Интересным является опыт Великобритании в сфере противодействия экстремизму в сети. Система разработана британской компанией ASI Data Science совместно с Министерством внутренних дел Великобритании. Она использует методы машинного обучения для анализа аудио и видеоконтента на предмет выявления признаков экстремистских материалов. Согласно заявлениям создателей, точность распознавания составляет до 99,995% [8]. Так из миллиона анализируемых ею случайно выбранных видеороликов только в пятидесяти случаях потребуется дополнительная экспертиза со стороны человека.

По задумке разработчиков, система должна интегрироваться в инфраструктуру онлайн-платформ для выявления нежелательного контента до его публикации, что позволит значительно сократить распространение, в частности, террористической пропаганды.

При этом, полагаем необходимым отметить, что в настоящее время прокуратуры РФ начинают пробовать использовать аналогичные системы отечественного производства в тестовом режиме. Так, например, в 2015 г. прокуратурой Татарстана был разработан информационно-аналитический комплекс для автоматизированного поиска запрещенного контента в интернете. С июля по декабрь 2015 года с помощью этой системы выявлено более 17 тысяч интернет-страниц с возможными признаками распространения запрещенной информации о наркотиках, экстремизме, суициде, детской порнографии и азартных играх, часть из них заблокирована.

Автоматизированные системы модерации контента могут быть эффективным инструментом борьбы с распространением незаконных материалов в интернете. Однако их применение требует тщательного контроля, чтобы избежать нарушения прав пользователей и превращения в инструмент цензуры. Необходимы дополнительные исследования для оценки реальной эффективности и безопасности подобных технологий.

По нашему мнению, внедрение и создание такого рода отечественных систем, которые в онлайн режиме будут отслеживать весь интернет-трафик на содержание экстремизма, значительно облегчит работу сотрудников прокуратуры и правоохранительных органов.

Международное сотрудничество имеет важное значение в сфере противодействия экстремизму и терроризму, что подтверждается рядом примеров взаимодействия России с другими странами.

Так, Россия активно сотрудничает в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по вопросам борьбы с экстремизмом. В частности, в сентябре 2018 года в Душанбе прошло очередное шестнадцатое совещание генеральных прокуратур стран-членов ШОС, посвященное противодействию международному терроризму и экстремизму. Участники обсудили меры по усилению борьбы с экстремизмом, противодействию использованию интернета в экстремистских целях, расследованию преступлений экстремистского характера. Был подписан протокол о намерении усилить совместные усилия в этом направлении [9].

Кроме того, Россия развивает двусторонние отношения с ОАЭ в сфере противодействия экстремизму. В декабре 2018 года прокуратуры двух стран заключили меморандум о взаимопонимании, предусматривающий сотрудничество по борьбе с терроризмом и экстремизмом. Генпрокурор России Игорь Краснов в ходе визита в ОАЭ отметил важность объединения усилий в борьбе с киберпреступностью, использованием криптовалюты в преступных целях, финансированием терроризма. Такой обмен опытом между правоохранительными органами двух стран позволит выработать эффективные меры противодействия современным вызовам [11].

Активно развивает Россия сотрудничество в сфере борьбы с экстремизмом и с Беларусью. В октябре 2022 года генеральные прокуроры двух стран договорились о взаимодействии для пресечения экстремистской деятельности, в

том числе в интернете. Была отмечена важность обмена информацией и координации усилий для более результативного противодействия угрозам экстремизма и терроризма [12].

Примеры сотрудничества России на международной арене демонстрируют, что объединение усилий в борьбе с экстремизмом является ключевым для эффективного противодействия этой угрозе.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, полагаем обоснованной инициативу централизации интернет-мониторинга в рамках подразделения по надзору за кибербезопасностью Генеральной прокуратуры РФ, а также создания и использования данным ведомством специализированного ПО в целях выявления угроз экстремистского характера представляется обоснованной и целесообразной мерой для повышения эффективности противодействия распространению экстремизма в сети Интернет.

Все это позволит снять нагрузку со всех звеньев системы прокуратуры, с органов МВД, ФСБ, СК, осуществляющих мониторинг сети Интернет, сократить время реагирования на угрозы общественной безопасности в информационном пространстве.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 “Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года” / [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России : [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (дата обращения: 31.07.2023).

2. Постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. N 234 "О системе управления реализацией национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) / [Электронный

ресурс] // Система Гарант : [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/72190034/> (дата обращения: 31.07.2023).

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремисткой деятельности» / [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298172/ (дата обращения: 31.07.2023).

4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») / [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278651/ (дата обращения: 31.07.2023).

5. Кульпин А. А. Конструктор актов прокурорского реагирования, как необходимый элемент цифровой трансформации органов прокуратуры РФ/ А. А. Кульпин // Альманах молодого исследователя. - 2023. - № 14. – С. 169–173.

6. Инсаров О.А., Андреев Б.В Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 5. – С. 36–41.

7. Ryan Scrivens, Tiana Gaudette, Garth Davies and Richard Frank Searching for Extremist Content Online Using the Dark Crawler and Sentiment Analysis. Ryan Scrivens, Tiana Gaudette, Garth Davies and Richard Frank. / Ryan Scrivens, Tiana Gaudette, Garth Davies and Richard Frank [Текст] // Methods of Criminology and Criminal Justice Research. —: Emerald Publishing, 2019. — С. 179-194.

8. New technology revealed to help fight terrorist content online / [Электронный ресурс] // Gov.uk : [сайт]. — URL:

<https://www.gov.uk/government/news/new-technology-revealed-to-help-fight-terrorist-content-online> (дата обращения: 31.07.2023).

9. Борьба с международным терроризмом и экстремизмом в центре внимания ШОС. В г. Душанбе состоялось Сопровождение генеральных прокуроров государств-членов ШОС / [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. ШОС : [сайт]. — URL: <http://rus.sectesco.org/news/20180921/468260.html> (дата обращения: 31.07.2023).

10. Показатели преступности России / [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики : [сайт]. — URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 31.07.2023).

11. Прокуратуры России и ОАЭ договорились о сотрудничестве в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / [Электронный ресурс] // Интерфакс : [сайт]. — URL: <https://www.interfax-russia.ru/rossiya-i-mir/prokuratury-rossii-i-oae-dogovorilis-o-sotrudnichestve-v-sfere-borby-s-terrorizmom-i-ekstremizmom> (дата обращения: 31.07.2023).

12. О практике надзора в сфере противодействия экстремистской деятельности: в Бресте состоялось заседание Объединенной коллегии генеральных прокуратур Беларуси и России / [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь : [сайт]. — URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/o-praktike-nadzora-v/> (дата обращения: 31.07.2023).

13. Путин назвал экстремизм прямой угрозой единству России / [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61bfbe379a794741a273aa8c> (дата обращения: 31.07.2023).

14. Бастрыкин предложил усилить мониторинг интернета на предмет экстремизма / [Электронный ресурс] // Russia Today : [сайт]. — URL:

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

<https://russian.rt.com/russia/news/948472-monitoring-bastrykin-internet>
обращения: 31.07.2023).

(дата

УДК 342.92

Землянских Илья Сергеевич

Саратовская государственная юридическая академия

Институт юстиции

Россия, Саратов

zemlyanskikh2017@yandex.ru

Zemlyanskikh Илья

Saratov State Law Academy

Institute of Justice

Russia, Saratov

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В
АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ
ПРОБЛЕМЫ СУТЯЖНИЧЕСТВА**

Аннотация: в научной работе рассмотрены история и перспективы развития апелляционной инстанции в административном судопроизводстве. Актуальность исследования заключается в том, что сложившаяся в судебной системе России проблема злоупотребления правом порождает дискуссии касательно дальнейшего развития апелляционной инстанции. В связи с этим, были исследованы точки зрения учёных касательно сущности и перспектив развития института апелляции. Так, подтверждается необходимость сохранения апелляционной инстанции как основы права граждан на справедливое судебное разбирательство, но требуется модернизация норм для обеспечения конституционного права граждан на судебную защиту.

Ключевые слова: административное право, административный процесс, административное судопроизводство, апелляционная инстанция, сутяжничество.

Annotation: the scientific work examines the history and prospects of the development of the appellate instance in administrative proceedings. The relevance of the study lies in the fact that the current problem of abuse of law in the Russian judicial system generates discussions about the further development of the appellate instance. In this regard, the points of view of scientists regarding the essence and prospects of the development of the institute of appeal were investigated. Thus, the need to preserve the appellate instance as the basis of citizens' right to a fair trial is confirmed, but modernization of the norms is required to ensure the constitutional right of citizens to judicial protection.

Key words: administrative law, administrative process, administrative proceedings, appellate instance, litigation.

В современный период в России законодательно урегулировано значительное количество юридических процессов, олицетворяющих формы отправления правосудия: гражданский, уголовный, административный, арбитражный и т.д. Несмотря на то, что в российском законодательстве отсутствует «легальное определение административного процесса» [1, с. 190], данный вид юридического процесса имеет ключевое значение в жизни граждан, так как подразумевает под собой и олицетворяет, прежде всего, властеотношения в государстве. Ранее административный процесс и административное судопроизводство отождествлялись: «Под именем административной юстиции следует понимать судебное обжалование административных распоряжений. Сущность административной юстиции состоит в судебном характере обжалования актов управления» [2, с. 87]. Однако наука и право не стоят на месте, и в контексте подхода Н.Г. Салищевой к пониманию административного процесса можно отметить: «Объективная реальность в сфере общественных отношений позволяет обосновать существование и развитие трех видов административного процесса – административные процедуры,

административная юрисдикция, административное судопроизводство ... административное судопроизводство – сфера деятельности органов правосудия» [3, с. 27 – 28]. Таким образом, в настоящее время понятие административного процесса является более широким по сравнению с понятием административного судопроизводства. Однако в контексте поставленного вопроса необходимо сконцентрировать внимание на разновидности административного процесса, который выступает одной из его составных частей – административном судопроизводстве. Под данной формой отправления правосудия понимается «порядок рассмотрения и разрешения судебными органами административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав» [1, с. 192].

Фундаментальное же значение в данном случае приобретает апелляционная инстанция в административном судопроизводстве, так как право на обжалование судебных решений является олицетворением права граждан на судебную защиту, закреплённого в Конституции Российской Федерации статьей 46. Профессор Ю.Н. Старилов отмечает: «Стадия апелляционного обжалования – это самостоятельная стадия административного судопроизводства» [4, с. 361]. В связи с этим, реализация данного права в административном судопроизводстве будет обладать ещё большей значимостью, нежели в других видах судопроизводств, так как непосредственно затрагивает отношения государства и личности. Это означает, что к административному судопроизводству, один из субъектов которого наделён и реализует управленческие функции, приковано большое количество внимания.

Таким образом, проблема не осталась незамеченной, и в 2015 году был принят Кодекс административного судопроизводства РФ. Очень удачно отмечено в работе, авторами которой являются Д.Я. Родин, О.С. Зиниша, И.Н. Иваненко: «Все формы судопроизводства необходимо рассматривать в неразрывном функциональном единстве <...>, названные исчерпывающим образом четыре формы судопроизводства представляют собой оптимально

необходимую совокупность, гарантирующую полноценную судебную защиту, право на которую предусмотрено статьей 46 Конституции Российской Федерации» [5, с. 212]. Однако одновременно с этим необходимо отметить, что административное судопроизводство структурно не входит в гражданский процесс, что утвердилось принятием КАС РФ в 2015 году и положило законодательное начало созданию новой отрасли процессуального права – административному процессуальному праву со своим предметом регулирования и особенностями рассмотрения дел [4, с. 16].

Ключевое значение имеет возможность судов в соответствии со ст. 309 КАС РФ «отменить решение суда и направить административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции» [6]. Однако это право предоставляется не всегда, а в ряде случаев, например, по причине незаконности судебного состава, который рассматривал дело, либо произошло рассмотрение дела в отсутствие лиц, участвующих в деле и не извещённых о судебном заседании надлежащим образом [6]. В гражданском процессуальном праве на практике можно встретить случаи возвращения дела в суд первой инстанции, но нормативно данная возможность в ГПК РФ не закреплена, а в полномочиях апелляционной инстанции указано только: «отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по делу новое решение» (ст. 328 ГПК РФ) [7]. Данный момент видится коллизионным, тем более, учитывая положение, что «все формы судопроизводства необходимо рассматривать в неразрывном функциональном единстве» [5, с. 212]. Вопрос ожидаемо стал дискуссионным, Конституционный суд своим Постановлением от 21.04.2010 г. №10-П занимал позицию, указанную ГПК РФ, отмечая, что суд апелляционной инстанции, исследуя новые материалы по делу, может принять новое решение, но никак не отправить дело на новое рассмотрение [8]. В данном контексте будет правильным и актуальным рассмотреть сложившийся дискуссионный вопрос в сравнении с проблемой сутяжничества в административном судопроизводстве,

учитывая, что суды апелляционной инстанции могут отправлять дело на новое рассмотрение судами первой инстанции.

В соответствии с п.6 ст. 45 КАС РФ, лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Таким образом отражена нравственная составляющая добросовестности, которая с первого взгляда имеет чисто процессуальный и формальный характер в административном судопроизводстве. Это обуславливает то, что данный принцип малоизучен в современной науке об административном праве. Тем не менее данный принцип составляет основу эффективного рассмотрения спора в разумный срок, что напрямую соответствует задачам административного судопроизводства, указанным в статье 3 КАС РФ, например, такой задаче, как правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел. Так, добросовестность косвенно выступает частью принципов экономичности и эффективности административного процесса [1, с. 192] и, соответственно, административного судопроизводства как одного из видов административного процесса, являясь его частью [1, с. 191].

Противоположностью принципа добросовестности, по мнению А.Н. Балашова, выступает обман и недобросовестность, которые определяются не только как нравственные критерии, но и юридические категории, так как данные умышленные действия направлены на затягивание, нарушение сроков административного судопроизводства, что влечёт за собой факт того, что дело рассматривается судом неэффективно, долго и зачастую неверно. В то время как Ю.Н. Стариловым отмечается, что главная цель административной юстиции заключается именно в эффективной или надлежащей правовой защите субъективных публичных прав граждан или законных интересов организаций [4, с. 25]. Это ведет к тому, что функции суда, для достижения которых он создавался, являются абсолютно недостижимыми [9, с. 6]. Таким образом,

возникает вопрос о том, всегда ли эффективно судопроизводство по административным делам, если столь легко путём сутяжничества можно разрушить работу огромной судебной системы, направленной на справедливое рассмотрение дела.

В связи с этим вопрос о возможности судов в административном судопроизводстве отправлять дело на новое рассмотрение является дискуссионным. Показаться дискуссионной может ситуация, когда Постановлением Президиума Нижегородского областного суда от 2 ноября 2016 года № 44ГА – 75/2016 дело было отправлено на новое рассмотрение в связи с тем, что из материалов дела следует, что протокол судебного заседания судебной коллегии по административным делам не подписан председательствующим по делу судьей [4, с. 379]. Однако в данном случае нельзя говорить о том, что нарушение норм КАС РФ является основанием сутяжничества, так как процессуальное нарушение, которое является безусловным основанием отмены решения суда в соответствии со статьей 310 КАС РФ направлено на обеспечение справедливого и законного рассмотрения дела.

Таким образом, стоит отметить, что данное обстоятельство (возможность судов апелляционной инстанции в административном судопроизводстве отправлять дело на новое рассмотрение) выступает не единственной причиной сутяжничества, но одним из катализаторов данного явления, в соответствии с которым судебная система России, выстроенная достаточно рационально и ничем не уступающая зарубежным странам, к сожалению, отмечается как неэффективная. Профессор О.И. Чепунов отмечает: «Сегодня в России заметна неопределенность в понимании истинной роли судебной системы, все организационно-правовые мероприятия по повышению качества судебной системы облачаются в идеологическую оболочку, что не позволяет в полной мере определить приоритеты в ее развитии» [10, с. 178]. Позиция в условиях административного судопроизводства видится актуальной.

Также в данной работе хотелось бы упомянуть научную позицию Э.Г. Гамидовой, в которой автор отмечает, что существуют разногласия между КАС и ГПК РФ, АПК РФ в вопросе полномочий апелляционной инстанции, но в то же время отмечается, что «перечень случаев возвращения дела на новое рассмотрение, помимо указанных в КАСе, нужно конкретизировать и расширить» [11, с. 193]. А также отмечается, что законодательством Австрии, Германии, Польши указываются обстоятельства, при которых возможно возвращение дело на новое рассмотрение судом первой инстанции. К таким обстоятельствам относятся: «отсутствие или недостаточность мотивации судебного решения, необходимость осуществления нового процесса доказывания, повторного исследования дела» [12, с. 142]. Э.Г. Гамидова в связи с этим отмечает, что возможно было бы добавить такое основание, как недостаточность мотивации судебного решения. Однако данное нововведение в российском административном судебном процессе будет абсолютно лишним и неактуальным, а создаст только большую загруженность судебной системы и выступит очередным катализатором российского сутяжничества. Скорее всего на проблему, указанную Э.Г. Гамидовой, необходим иной ответ, заключающийся в повышении качества работы судей и аппарата суда, технически обеспечивающего вынесение мотивированных и обоснованных решений. Брать же с западных правовых систем все нормы без учёта менталитета российских граждан и особенностей российской судебной системы является ошибочным мнением, не всегда приводящим к полезным последствиям.

Однако при рассмотрении данного вопроса нельзя впадать в ту или иную крайность. Например, противоположная крайность, которая, несомненно, будет способствовать решению проблемы сутяжничества и его последствий, является платность апелляционной инстанции. Но стоит отметить, что данное обстоятельство будет идти вразрез с конституционным правом граждан на

полноценную судебную защиту, закрепленное статьей 46 Конституции РФ. Нарушение Конституции является недопустимым в правовом государстве.

Так, подтверждается необходимость сохранения апелляционной инстанции как основы права граждан на справедливое судебное разбирательство, но требуется модернизация норм, регулирующих административное судопроизводство для того, чтобы достичь оптимально необходимую совокупность всех форм судопроизводства, гарантирующую полноценную судебную защиту, право на которую предусмотрено статьей 46 Конституции Российской Федерации. В связи с чем путём модернизации положений КАС РФ (например, введение положения, зафиксированного в ГПК РФ, в соответствии с которым суд апелляционной инстанции может лишь вынести новое решение по делу с учётом новых обстоятельств) можно будет говорить не о полном разрешении проблемы сутяжничества в административном судебном процессе, но о частичном снижении огромной нагрузки на органы судебной системы. Но для этого необходимо рационально оценивать нововведения, которые будут способствовать разрешению сложившихся проблем, а не усугубят существующие (например, платная апелляционная инстанция или недостаточность мотивации судебного решения как причина возвращения дела на разбирательство в суд первой инстанции по существу).

Список литературы:

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров/ под ред. А.Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 350 с.
2. Елистратов А. И. Учебник русского административного права. М., 1911. 96 с.
3. Салищева Н.Г. О некоторых теоретических вопросах административного процесса на современном этапе развития российской

правовой системы //Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.Д. Сорокина (5 марта 2010 года). В 2 ч.: СПб.: Изд-во Санкт - Петербургского университета МВД России, 2010. С. 26 – 30.

4. Административное судопроизводство: учебное пособие для бакалавриата, магистратуры, специалитета по направлениям «Юриспруденция» и «Судебная и прокурорская деятельность» / Ю.Н. Старилов, С.Н. Махина, Ю.Б. Носова, О.С. Рогачева; под ред. Ю.Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА - М, 2023. 624 с.

5. Родин Д.Я., Зиниша О.С., Иваненко И.Н. К вопросу о проблемах определения полномочий судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанции в административном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №10. С. 211 – 215.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. №21-ФЗ (ред. от 17.02.2023 с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. №10, ст.1391; 2023. №8, ст.1212.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138–ФЗ (ред. от 14.04.2023 с изм. и доп., вступ. в силу 28.04.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. №46, ст.4532; 2023. №16, ст.2755.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П "По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью "Три К" и запросами Норильского городского

суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы" // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. №19, ст.2357.

9. Балашов А.Н. О проявлении добросовестности в административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. 2017. №3. С. 7 – 9.

10. Чепунов О.И. К вопросу об эффективности Российской судебной власти // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2014. №1. С. 177 – 184.

11. Гамидова Э.Г. Рассмотрение административных дел в порядке апелляции по кодексу административного судопроизводства Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2016. №4 (46). С. 187 – 197.

12. Борисова, Е. А. Апелляция, кассация, надзор в Концепции единого ГПК РФ / Е. А. Борисова // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 5. С. 40 – 46.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.9

Антошина Ирина Васильевна

Российский государственный университет правосудия
Факультет подготовки специалистов для судебной системы

Россия, Москва

fivetonight@yandex.ru

Antoshina Irina

Russian State University of Justice

Faculty of Training Specialists for the Judicial System

Russia, Moscow

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, ПРИ РАССМОТРЕНИИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ

Аннотация: автором исследуются особенности состава и процессуального положения лиц, участвующих в деле, при рассмотрении корпоративных споров. Вопросы трансформации процессуального положения участников процесса. В статье анализируются проблемные вопросы субъектного состава по спорам о возмещении убытков, признании недействительными сделок, применении последствий недействительности сделок, обжалований решений органов управления юридического лица. Концепция двух истцов в одном процессе, обладающих разным объемом процессуальных прав. Особенности участия третьих лиц в корпоративных спорах.

Ключевые слова: лица, участвующие в деле, по корпоративным спорам, особенности состава и преобразования процессуального статуса лиц, участвующих в деле, участие прокурора, юридическая конструкция защиты

миноритарных акционеров, альтернативный выбор процессуального положения, участник корпорации, косвенные иски, злоупотребление правом.

FEATURES OF THE COMPOSITION AND PROCEDURAL POSITION OF THE PERSONS INVOLVED IN THE CASE IN CORPORATE DISPUTS

Annotation: the author considers the features of the composition and procedural position of the persons involved in the case when considering corporate disputes. Issues of transformation of the procedural position of the participants in the process. The article analyzes the problematic issues of the subject composition in disputes on compensation for losses, invalidation of transactions, application of the consequences of the invalidity of transactions, appeals against decisions of the management bodies of a legal entity. The concept of two plaintiffs in one process, having different amounts of procedural rights. Features of the participation of third parties in corporate disputes.

Key words: persons involved in the case in corporate disputes, features of the composition and transformation of the procedural status of persons involved in the case, participation of the prosecutor, legal structure for the protection of minority shareholders, alternative choice of procedural position, corporation member, indirect claims, abuse of right.

Институт лиц, участвующих в деле, является одним из центральных в процессуальном законодательстве, поскольку от полноты субъектного состава и правильного определения процессуального положения лиц, участвующих в деле, зависит законность и обоснованность решения, стабильность судебных актов.

Согласно принципу *ne bis de eadem re sit action* право на судебную защиту реализуется лишь единожды, тождественность сторон не позволяет повторить процесс (п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, п. 2 ч.1 ст. 127.1 АПК РФ), следовательно, необходимо не просто привлечь в корпоративный спор всех заинтересованных

субъектов, но и обеспечить реализацию их прав и обязанностей путем правильного определения процессуального статуса.

Корпоративные споры характеризуются многосубъектностью и наличием особенностей процессуального положения участников процесса, что предоставляет участникам широкие возможности для злоупотребления правом и вызывает интерес ученых процессуалистов [1, с. 299].

Процессуальное положение лиц, участвующих в деле, по корпоративным спорам одновременно зависит от общих норм процессуального законодательства и специальных норм, содержащихся в главе 28.1 АПК РФ, предусмотренной для рассмотрения данной категории дел, а также норм ГК РФ и специальных норм законов, регулирующих отдельные споры.

Субъектный состав отдельного корпоративного спора уникален и в каждом случае индивидуально определяется судом. Состав лиц, участвующих в деле, является открытым, зависит от конкретного правоотношения и определяется нормой материального правоотношения.

Как отмечал Гукасян Р.Е., в качестве критерия, определяющего процессуальное положение участвующих в деле лиц, выступает юридический интерес [2, с. 187].

Лица, участвующие в деле, по корпоративным спорам представлены сторонами, прокурором, третьими лицами, корпорацией и участником корпорации.

Следует отметить, что в корпоративных спорах, в качестве истца в порядке ст. 52 АПК РФ и ст. 35 Федерального закона от 17.01.1992 г. №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» может выступать прокурор. Участие прокурора, обусловлено защитой публичных интересов, в случае наличия в уставном капитале юридических лиц доли, принадлежащей Российской Федерации.

В настоящее время прокуратура, в качестве представителя государства, активно защищает интересы Российской Федерации по возврату контроля над предприятиями стратегического значения [3].

Анализ процессуального законодательства и правоприменительной практики по корпоративным спорам, позволил автору сделать вывод о появлении самостоятельных процессуальных субъектов, не поименованных в общей части АПК РФ: корпорации и акционера.

Преобразование процессуального статуса участников процесса является особенностью данной категории дел. Одновременно с определением субъектного состава возникает вопрос процессуального положения лиц, участвующих в деле.

По мнению Рябус О. А., «определение юридических связей между субъектами права, позволяет установить надлежащее положение лиц, участвующих в деле» [4, с. 213].

Процессуальный статус участника процесса зависит от статуса в спорном материальном правоотношении [5, с. 267]. Как пишет Фомина О.Ю., изменение материальной составляющей правоотношений является объективной предпосылкой возникновения необходимости преобразования положения лиц, участвующих в деле [6, с. 87].

Трансформация процессуального положения лиц, участвующих в деле, происходит под влиянием норм материального права, либо изначально предусмотрена процессуальным законодательством. Особый интерес представляют косвенные иски.

Так, процессуальное законодательство в части 3 статьи 225.2 АПК РФ содержит перечень споров, по которым участники корпорации обладают альтернативой в выборе своего процессуального положения (истца, третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора и третьего лица, без самостоятельных требований).

Стоит отметить проблему множественности представителей, поскольку, в соответствии с ч. 1 ст. 225.8 АПК РФ, обязанность истца несут все участники корпорации. Существующая в процессуальном законодательстве форма группового иска, где «стороной по делу является истец-представитель. Лица, присоединившееся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, не обладают процессуальными правами и обязанностями стороны в арбитражном процессе» [7, с. 896], не отражает потребностей всех акционеров и нуждается в модернизации.

Изменение процессуального положения лиц, участвующих в деле, обусловлено их собственной инициативой, либо распорядительными действиями суда и фиксируется в определениях суда.

Р.О. Опалев отмечал, что по делам о взыскании причиненных корпорации убытков с исполнительного органа и об оспаривании сделок ч. 3 ст. 225.2 АПК РФ долгое время существовала дискуссия относительно статуса лиц, участвующих в деле. Корпорация по таким делам привлекалась в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, в качестве стороны ответчика [8, с. 43-45].

В п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», были даны разъяснения о том, что корпорация является истцом, а акционер представителем корпорации, либо юридическое лицо, привлекается к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора.

На сегодняшний день в Российской Федерации появилась собственная юридическая конструкция защиты миноритарных акционеров, при которой сторона истца, представлена двумя субъектами: корпорацией и акционером,

акционеры одновременно обладают статусом процессуального истца (ч.1 ст. 225.8 АПК РФ) и законного представителя (ст. 65.2, п. 1 ст. 182 ГК РФ), (ст. 53.1 ГК РФ), автору представляется, что можно говорить о появлении концепции сильного и слабого истца.

По таким делам корпорации предоставлен минимальный объем прав, что ограничивает возможность процессуальных злоупотреблений (например, таких как отказ от иска) со стороны законных представителей корпорации, в лице ее исполнительных органов.

Особенность процессуального положения третьих лиц в корпоративных спорах состоит в возможности существования спорных материальных правоотношений с истцом, что не соответствует доктринальному подходу. По корпоративным спорам к участию в деле в качестве третьего лица, допустимо привлечение потенциального истца, участника корпорации.

Формирование состава лиц, участвующих в деле, происходит по предметному критерию, подсудность таких споров исключительная, таким образом к корпоративным спорам искусственно, с целью подчинения правилам специальной компетенции, могут быть искусственно вовлечены субъекты, например, по иску участника корпорации к нотариусу [9].

Таким образом, для привлечения в корпоративный спор всех возможных субъектов чьи права могут быть затронуты судебным актом, определения и преобразования их процессуального положения, суду необходимо обладать системным процессуальным мышлением, поскольку процессуальное законодательство регламента для таких действий не содержит.

Список литературы:

1. Сафаева Н.Р. Имитация корпоративного спора как способ преодоления судебного акта// Вестник гражданского процесса 2020. Т. 10. №4, 299 с.

2. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве // Саратов: Приволжское книжное изд-во. 1970. 187 с.
3. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 16 декабря 2016 г. N 09АП-56962/2016// СПС «КонсультантПлюс», постановление Восемнадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 09.03.2021 г. по делу N А07-20576/2020// СПС «КонсультантПлюс», постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31.05.2022 г. по делу N А35-3452/2020// СПС «КонсультантПлюс», постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.09.2022 г. по делу № А03-15486/2021// СПС «КонсультантПлюс».
4. Рябус О.А. К вопросу о смене процессуального статуса лиц, участвующих в деле, в гражданском и арбитражном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2022. Т8 (74) №2. 213 с.
5. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства // Под редакцией В.В. Яркова. – М.: Статут. 2021. 267 с.
6. Фомина О.Ю. Объективные и субъективные предпосылки преобразования процессуального положения лиц, участвующих в деле // Lex Russia. 2018. № 3 (136). 87 с.
7. Фурсов Д. А. комментарий к главе 28.2 АПК РФ// Комментарий к арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Н.В. Алексеева, А.А. Арифудин, Г.А. Жилин и др.; ответственный редактор Д.А. Фурсов. – М.: Проспект, 2011. 896 с. // СПС Консультант плюс.
8. Р.О. Опалев Вопросы судопроизводства в арбитражных судах: решения и аргументы, которыми можете воспользоваться и Вы: научно-прикладное пособие // 2-е издание переработанное и дополненное. – М: Инфортопик Медиа, 2014. 43-45 с.
9. Постановление Восьмого Арбитражного апелляционного суда №08АП-310/2021 по делу №А70-11178/2020// СПС Консультант плюс.

Бесельман Илона Владимировна
Российский государственный университет правосудия
Крымский филиал
Россия, Симферополь
ilonabeselman@mail.ru

Beselman Iona
The Russian State University of Justice
The Crimean branch
Russia, Simferopol

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ- СВЯЗИ

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы предоставления электронных доказательств при использовании видеоконференц-связи в гражданском процессе. Изучаются проблемы применения электронных доказательств в гражданском судопроизводстве, анализируются проблемы определения их достоверности. Сделан акцент на электронную подпись, позволяющая определить достоверность данных, которые находятся в электронном документе. Анализируется положительная практика видеоконференц-связи в процессе предоставления доказательств, отмечаются перспективы дальнейшего развития ВКС. Автором приводятся предложения по решению изучаемых вопросов.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, видеоконференц-связь, электронная подпись, электронные доказательства, скриншот, микрокарта.

PROBLEMATIC ISSUES OF PROVIDING EVIDENCE AND PROVIDING EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS WHEN USING VIDEOCONFERENCING

Annotation: this article discusses the issues of providing electronic evidence when using videoconferencing in civil proceedings. The problems of the use of electronic evidence in civil proceedings are studied, the problems of determining their reliability are analyzed. The emphasis is placed on the electronic signature, which allows to determine the reliability of the data contained in the electronic document. The positive practice of videoconferencing in the process of providing evidence is analyzed, the prospects for further development of the VCS are noted. The author provides suggestions for solving the issues under study.

Key words: civil proceedings, videoconferencing, electronic signature, electronic evidence, screenshot, microcard.

В современном обществе в связи с активной цифровизацией каждой сферы жизни, включая юриспруденцию, мы видим огромное количество нововведений. Без сомнений, использование передовых технологий эффективно влияет и позволяет решить многие задачи судопроизводства, реализует более открытую защиту прав граждан. Вместе с тем, всеобщий научно-технический прогресс опережает нормы, регулирующие данную сферу правоотношений. Однако не бывает так, что использование инновации в государстве происходит, а законодательного регулирования нет. Тем самым, такие различия приводят в теории и практике к проблеме в сфере закрепления института «электронных доказательств», которая порождает сложность в предоставлении электронных доказательств и формировании их правдивости [8, с. 132].

В юридической литературе главный вопрос ставится в разнообразии процесса проверки электронных доказательств. Например, профессор Боннер А.Т. демонстрирует точку зрения не исключения случая отправления письма

любым субъектом, получающий доступ к чужому электронному адресу [6, с.378]. В таких случаях практически невозможно установить достоверность электронного доказательства.

Стоит отметить, что на законодательном уровне на данный момент отсутствуют нормы, которые регулируют и закрепляют порядок обеспечения представления электронных доказательств. К тому же, в законодательстве отсутствует аспект регулирования форм предоставления электронных доказательств. Используются лишь общие правила предоставления, то есть «в подлиннике или в виде надлежащим образом заверенной копии документа» (часть 2 статьи 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ)) [1].

Следует отметить, что законодательство Российской Федерации (далее – РФ или Россия) дает определение понятию «электронный документ» и «электронное сообщение», которые содержатся в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] и важным будет отметить, что данные определения согласуются с положениями из ГПК РФ.

Соответственно, электронные документы, электронные сообщения, онлайн-переписки и прочее, создают подспорье с определенными требованиями к ним, предъявляемых при использовании в качестве доказательств в судебном процессе. Мы считаем, что здесь необходимо рассмотреть вопрос о нотариальном заверении онлайн-переписки, которая в последующем будет предоставлена в суд. Отметим, что законодательно не содержатся положения об обязательном нотариальном заверении электронных доказательств. Обратимся к судебной практике.

Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2, признается существенным нарушением прав участников судопроизводства за отказ суда в

приобщении в качестве доказательства скриншотов переписки электронной почты в связи с тем, что скриншоты с перепиской не подлежали нотариальному заверению.

В свою очередь, заявлений о фальсификации доказательств ответчиком сделано не было. Соответственно, Судебная коллегия по гражданским делам пришла к выводу, что, отклонив приложенные к исковому заявлению скриншоты переписки электронной почты как недопустимые и недостоверные доказательства, суд первой инстанции не создал необходимые условия для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, не оказал лицу, участвующему в деле, содействие в осуществлении его прав.

Так же из определения следует, что подлинные документы представляются тогда, когда обстоятельства дела согласно законам или иным нормативным правовым актам подлежат подтверждению только такими документами, когда дело невозможно разрешить без подлинных документов или, когда представлены копии документа, различные по своему содержанию. Только после этого, Судебная коллегия по гражданским делам ссылается на вышеупомянутую часть 2 статьи 71 ГПК РФ [4].

Считаем необходимым указать абзац 2 пункта 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», где признаются допустимыми доказательствами сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот). Однако скриншот должен обладать идентифицирующими свойствами, например, с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения (статья 67 ГПК РФ) [3].

Переходя непосредственно к проблемным аспектам предоставления доказательств, отметим следующее. Когда предоставляется электронный документ, как доказательство, то отводится главная роль присутствию электронной подписи, позволяющая определить достоверность данных, которые находятся в электронном документе. Электронная подпись обращена на показание достоверности документа и распознавания лица, сделавшего данную подпись. В практической части появляется ряд проблем, которые заключаются в ограниченном функционале и платности электронной подписи [10, с. 230]. Но на данный момент остаются нерешенными вопросы, как изучить документ, который подписан электронной подписью, и кто может по общему правилу подтвердить правдивость подписи до судебного заседания?

В таких случаях, на наш взгляд, целесообразным будет обращаться за помощью к специалистам и экспертам, которые владеют специальными знаниями оценки в этом. В данных случаях субъектом выступает суд, так как он назначает экспертизу проверки электронного доказательства. Основные цели такой проверки являются следующие:

1. получения ответа на такие вопросы, как установление источников происхождения электронных доказательств;
2. принадлежность их конкретному лицу;
3. факт неизменности либо наоборот изменяемости;
4. времени создания электронных доказательств;
5. и др.

Получить ответы на все эти вопросы можно только, если воспользоваться услугами лица, который владеет специальными знаниями в данной области программирования и информационных технологий.

Запросить изучение электронных доказательств могут и лица, которые участвуют в деле. Итоговое заключение специалиста либо эксперта испытывает также оценку и со стороны суда вместе с другими доказательствами в роли

письменного доказательства. Зачастую суды сомневаются в правдивости таких заключений и проверяют их из-за оказанной услуги между исполнителем и заказчиком, и прямого сотрудничества заказчика и специалиста либо эксперта [8, с.135].

Когда оцениваются электронные доказательства, то суд обязательно должен принимать во внимание индивидуальные особенности доказательства, которые имеются в материалах дела.

Важным будет аспект, что, если в судебном заседании изучаются доказательства в электронной форме, есть правила о том, что каждому участнику судебного разбирательства все доказательства должны быть доступны для восприятия. Все письменные доказательства в гражданском процессе должны быть оглашены в судебном заседании. При анализе аудио-, видеозаписей в цифровом образце на экране персонального компьютера они должны быть показаны так, чтобы каждая сторона процесса могла их видеть и при необходимости обратить внимание суда на определенный фрагмент. Стороны также вправе просить суд остановить изображение на важном моменте или воспроизвести фрагмент, или запись повторно [9, с. 133].

Все письменные электронные доказательства, которые по некоторым причинам не могут быть предложены в распечатанном виде в суде, должны быть представлены сторонам для ознакомления. В этом есть существенные изменения порядка подготовки к судебному заседанию. Необходимы правила, которые дадут возможность отмечать процесс изучения аудио-, видеозаписей или письменных доказательств в сети «Интернет» в судебном заседании при ведении аудиопотоколирования, то есть некоторые фразы должны быть проговорены, чтобы в аудиозаписи, которую ведет суд, оставалось отмеченным, что именно осматривалось, оглашалось, отображалось на экране компьютера.

Еще один проблемный аспект в гражданском судопроизводстве – предоставление микрокарты в дело с цифровой информацией. Возникает сразу

множество справедливых вопросов: Как она должна быть упакована? Как ее обозначить, если она имеет маленький размер? Должны быть созданы и введены правила, предоставляющие стороне быть уверенной, что в суде такая карта не затеряется, а также и тот факт, что она будет передана для ознакомления в качестве материалов дела.

Следующая сфера гражданского судопроизводства, где судебные доказательства встречаются с электронным правосудием, охватывает судебные заседания, которые осуществляются с помощью видеоконференц-связи (далее – ВКС). Если же в судебном заседании изучаются доказательства, которые имеются только в электронной форме и нет возможности распечатать их, должна быть обеспечена возможность стороне, участвующей в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, изучения таких доказательств.

Отметим часть 1 статьи 62 ГПК РФ, содержащую положение о том, что суд, рассматривающий дело, при необходимости получения доказательств, находящихся в другом городе или районе, поручает соответствующему суду произвести определенные процессуальные действия [1].

Случай наличия двух взаимоисключающих обстоятельств, а именно технической возможности у суда и отсутствия возможности получить доказательство без проведения ВКС (по сути невозможность проведения), показывает связь двух противоположностей, каждая из которых фактически не регулируется правом. Одной из ситуаций, при которой нет возможности получить доказательства без ВКС - является крайне близкой к форс-мажорным обстоятельствам, а именно тем обстоятельствам, которые не зависят от волеизъявления человека, например, когда свидетель или иное лицо находится в другом регионе без возможности приехать в суд [7, с. 55].

Полагаем, что перспективы дальнейшего развития ВКС в цифровом гражданском процессе, безусловно, имеются. Любые цифровые новшества, находясь на стадии своего становления, доказывают свою оперативность и

эффективность. ВКС можно признать важным результатом информатизации правосудия через принятие участия в судебном заседании дистанционно [5, с.228].

Положительных особенностей в данном аспекте достаточно. Во-первых, лицо, участвующее в деле, способно подать ходатайство о проведении судебного заседания через видеоконференц-связь, так как территориально находится в другом субъекте. Во-вторых, нет особой необходимости приезжать в назначенное время и место проведения судебного заседания. В-третьих, использование ВКС – своего рода значительная экономия времени и средств. В-четвертых, не возникает необходимости возместить судебные издержки. В-пятых, существуют дополнительные процессуальные гарантии к предоставлению доказательств в целях защиты прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в деле.

Таким образом, подводя итог исследования данной темы, можем сформулировать следующие выводы.

1. В следствие того, что цифровизация активно стала внедряться в сферу правосудия, то необходимо, чтобы электронные доказательства получили нормативное правовое закрепление, так как для современного общества характерно быстрое распространение электронных доказательств в практике предоставления их в суд, в том числе, при использовании видеоконференц-связи.

2. На наш взгляд, необходимым является вынести такие доказательства в отдельную самостоятельную категорию средств доказывания, отталкиваясь от их правовой природы. Необходимо законодательно закрепить другой способ предоставления доказательств на различных электронных устройствах и, самое главное, обеспечить суду доступ к электронным файлам, когда предоставляются доказательства при помощи ВКС.

3. Особое внимание стоит уделить электронной подписи при оценивании электронных доказательств. Когда нет электронной подписи, то в ее отсутствии

суды должны использовать другие способы проверки достоверности, а именно услуги специалистов и экспертов по получению заключений по вопросам происхождения, изменения или удаления электронного доказательства.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46 ст. 4532.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст.3448.

3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/.

4. Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2. [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07022023-n-5-kg22-144-k2/>.

5. Бесельман, И. В. Юридическое значение цифровых технологии в административном судопроизводстве Российской Федерации / И. В. Бесельман// Фестиваль права : Сборник материалов VII Всероссийского студенческого научно-образовательного форума, Ставрополь, 22 декабря 2021 года / Отв. редактор А.А. Бирюков. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф", 2021. – С. 226-230.

6. Боннер, А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А. Т. Боннер. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Перспектив", 2014. – 616 с.

7. Буланков Д. М. Видеоконференц-связь и ее значение в доказывании в арбитражном и гражданском процессе / Трибуна молодого ученого. Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2022. №4 (35). С. 52-56.

8. Губайдуллина, Э. Х. Проблемы применения электронного доказательства в судопроизводстве / Э. Х. Губайдуллина, Г. Ш. Алиева, В. Д. Минетдинова // Инновационные аспекты развития науки и техники : Сборник избранных статей II Международной научно-практической конференции, Саратов, 24 ноября 2020 года. – Саратов: НОО «Цифровая наука», 2020. – С. 131-136.

9. Лукьянова, И. Н. Доказательства в гражданских делах в эпоху электронного правосудия / И. Н. Лукьянова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 4(35). – С. 130-136.

10. Рамазанова, Э. Г. Электронные доказательства в гражданском процессе/ Э. Г. Рамазанова // Проблемы совершенствования законодательства : Сборник научных статей студентов юридического факультета СКИ(ф) ВГУЮ (РПА Минюста России). Том Выпуск-74/19. – Махачкала : Общество с ограниченной ответственностью "АЛЕФ", 2019. – С. 256-258.

Гусейнов Тофик Азерович

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Юридический факультет

Россия, Волгоград

ta_guseynov@mail.ru

Huseynov Tofik

Volgograd Institute of Management (branch) RANEPА

Faculty of Law

Russia, Volgograd

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ ЦИФРОВОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Стремительное развитие цифровых технологий давно поставило вопрос о возможности упрощения обмена документацией в судопроизводстве. Несмотря на то, что главной задачей в науке обычно ставится именно признание электронной формы документа или электронного доказательства, полагаем, что также важным является использование цифровых технологий для упрощения работы представителя при подготовке правовой позиции, представления интересов клиента в процессе. Именно о формировании удобной системы взаимодействия граждан (их представителей) с судебными органами идет речь в этой статье.

Ключевые слова: цифровизация, система судов, суды общей юрисдикции, электронные документы, система арбитражных судов, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ.

ON SEPARATE ASPECTS OF CREATING A UNIFIED DIGITAL JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the rapid development of digital technologies has long raised the question of the possibility of simplifying the exchange of documentation in legal proceedings. Despite the fact that the main task in science is usually the recognition of the electronic form of a document or electronic evidence, we believe that it is also important to use digital technologies to simplify the work of a representative in preparing a legal position, representing the interests of a client in the process. It is about the formation of a convenient system of interaction between citizens (their representatives) with the judiciary that is discussed in this article.

Key words: digitalization, system of courts, courts of general jurisdiction, electronic documents, system of arbitration courts, Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation

Цифровизация в жизни современного человека занимает все больше и больше места. Активно «электронизируется» порядок предоставления государственных и муниципальных услуг, оцифровываются сведения о гражданах. Очевидно, что такой процесс не мог не затронуть судебную систему Российской Федерации.

В юридической науке большое внимание уделяется цифровизации доказательств, использованию их в судебном процессе. Часто можно услышать о проблемах доступа к правосудию, использования систем видео-конференц связи, даже возможному применению искусственного интеллекта при вынесении судебных решений.

Принимая во внимание важность указанных проблем, полагаем, что в реалиях российской действительности, практики правоприменения, особенностей вершения правосудия считаем необходимым обратить внимание на более актуальные вопросы влияния цифровизации судов на деятельность профессионального юриста.

Как известно, в настоящее время в цифровизации электронной системы судов РФ действуют две крупных составляющих:

Первое из них - «Электронное правосудие», включающее в себя «Мой арбитр», - система, которая практически полностью передает в электронном виде картотеку арбитражных дел, банк судебных решений, уведомление о поданных ходатайствах, заявлениях по делу и иных документов («электронный страж»), а также иные сервисы, которые позволяют ускорить и упростить доступ граждан к правосудию [6]. Указанные сервисы позволяют участникам арбитражного процесса беспрепятственно пользоваться информацией о судебной практике для формирования своей позиции по делу для достижения успешного результата. Кроме того, благодаря возможности ознакомления с материалам дела онлайн представители могут сэкономить временные и денежные ресурсы, т.к. фактически для исследований позиции по делу своего оппонента, поднятия архивов заседаний за прошедшие годы, в т.ч. в многолетних банкротных делах, которые включают в себя крупные обособленные споры, им не приходится покидать своего рабочего кабинета. Однако такой доступ дается всего лишь на одни сутки и юрист просто может не успеть ознакомиться с делом или проглядеть время за которое нужно было ознакомиться с делом

К сожалению, цифровизация системы судов общей юрисдикции значительно уступает арбитражному аналогу.

В настоящее время систему судов общей юрисдикции по критерию цифровизации можно условно разделить на «Портал судов г. Москвы», а также систему «ГАС «Правосудие» [7, 8]. Несмотря на то, что обе системы в разной степени позволяют сделать доступ к правосудию более удобным, они не лишены минусов.

Так, в системе судов г. Москвы достаточно удобный интерфейс и поиск по делам, однако фактически стороны лишены возможности надлежащим образом знакомиться с делами, т.к. файлы с решениями или определениями

размещаются в системе в формате .doc и часто могут быть обезличенными вплоть до отсутствия сведений не только о сторонах или присужденных суммах, а также идентификационных данных секретарей судебного заседания и т.д. Более того, иногда в файле находится лишь резолютивная часть решения, которая не позволяет своевременно узнать о том, по каким мотивам пришел к выводу суд в процессе вынесения решений.

В электронной системе судов общей юрисдикции немного по-другому представлена реализация цифровизации. Несмотря на то, что формально все суды включены в систему «ГАС «Правосудие», но фактически они функционируют отдельно друг от друга. Так, каждый суд имеет отдельный сайт, а подача различных процессуальных документов осуществляется через портал «обращение граждан» который по своему оформлению значительно отличается от сайтов, но обладает недостаточным количеством сервисов [9].

Сама система ГАС «Правосудие» выражается в том, что граждане могут самостоятельно, зная номер дела посмотреть сводную информацию по нему, а также решение суда. Нужно учитывать, что достаточно часто поиск информации по делу работает достаточно не точно. Даже зная точный номер невозможно гарантировать нахождение в системе нужных сведений. Более того, проблемой остается бесконтрольность в части обезличивания судебных решений, не системность их размещения, в нарушение принципов гласности правосудия.

Как правило, не размещение информации оправдывается защитой частных интересов граждан, особенно, если дело касается семейных споров. Полагаем, что такой подход не является верным.

Помимо сайтов судов существуют также информационные порталы с базами данных судебной практики (например СудАкт, Судебные решения РФ и т.д.) [10, 11]. Таким образом, автоматизация доступа к судебной системе представляет собой достаточно разрозненный и неоднородный перечень ресурсов, которые дублируют друг друга, могут идти вразрез с предоставляемой

информацией и в итоге приводят к затрудненности использования этого ресурса в повседневной деятельности.

Важной частью этой системы, на наш взгляд, должен стать доступ к судебной практике, в т.ч. и по семенным делам. Отсутствие доступа к последним затрудняет формирование позиции по делу, поиск судебной практики по спорным вопросам. Это особенно важно, когда в семейных спорах судья должен вынести решение исходя из конкретных обстоятельств дела, где большую роль играют личные качества сторон.

В отличие от системы арбитражных судов, где достаточно легко спрогнозировать практику применения закона судами вышестоящих инстанций, в судах общей юрисдикции, в силу отсутствия системности затруднительно искать судебные решения, которыми должны руководствоваться нижестоящие суды [1].

Другой проблемой, которая должна быть решена для создания наиболее применимой электронной системы, является оцифровка томов дел и судебных актов. Указанная задача может решиться путем увеличения штата секретарей и помощников судей для каждого судьи.

В целом, рационально было бы предложить создание единой системы электронного доступа к сведениям о деятельности судов, которая бы объединяла информацию как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов под эгидой Верховного Суда РФ. Можно предположить, что на главной странице сайта можно будет выбрать раздел «суды общей юрисдикции и мировые судьи» или «арбитражные суды». Также, возможно внедрить в эту информационную систему определения и решения Конституционного Суда РФ.

Нужно отметить, что в литературе уже идет речь о формировании такой системы.

Так, Калашникова Е.Б., в том числе считает проблемной отсутствие правового статуса документов, которые будут выполнены в форме электронного

документа, его разной юридической силой по сравнению с бумажным решением суда [5, с. 99]. Считаем, что такой довод не совсем верен, т.к. исходя из содержания ПП ВС РФ от 26 декабря 2017 № 57 можно сделать вывод, что в своей сути документ, подписанный электронной подписью и документ на бумажном носителе идентичны [2]. Более того, при подаче жалобы на судебное решение посредством использования ресурсов «Мой арбитр», лицо может свободно прикрепить копии обжалуемых актов по указанному делу прямо из системы, не дожидаясь получения указанных копий из суда.

Обращаясь к международному опыту, можно отметить, что в республике Кыргызстан в настоящее время действует «Государственный реестр судебных актов», которая в дальнейшем должна позволить гражданам получить доступ к вынесенным судебным актам, а также, совместно с АИС «Суд» следить за стадией судопроизводства получать информацию по делу [4, с. 101].

Разумеется, важным остается вопрос о проблеме защиты персональных данных и личной информации об участниках процесса, особенно, в сфере семейных споров. На эту проблему обращает внимание, например, Солдаткина О.Л. [3, с. 66]. Ученый указывает на возможность проведения кибератак и иных способов получения информации злоумышленниками. Думается, что такие опасения переоценены. На самом деле, здесь можно применить аналогию с использованием кодов доступа для ознакомления с материалами дела в арбитражном процессе. Так, в семейном споре стороны (представители сторон) на предварительном судебном заседании могут получить уникальный пароль, который при вводе сможет позволить им полноценно ознакомиться с имеющимися по делу сведениями, изучить определения суда и т.д. Остальные же лица, при подготовке правовой позиции по делу, смогли бы ознакомиться с обезличенными копиями судебных решений и определений. Кроме того, нужно отметить, что семейные споры обезличиваются сами по себе, часто не неся в себя

какой-либо личной информации, которая не могла бы была установлена из открытых источников, т.е. не нарушают тайну личной и семейной жизни.

Следующим доводом, который может помешать внедрению этой системы может послужить необходимость произведения затрат федерального бюджета на такую цифровизацию. Думается, что этот довод может быть нивелирован в перспективе, т.к. сам по себе активное внедрение электронных средств и сервисов может снизить затраты на расходные принадлежности, а также освободить время для развития права судьями судов как на местном уровне, так и высших судах.

Таким образом, можно предположить, что в настоящее время было бы рациональным разработать ресурс единой системы цифровизации правосудия, которая бы позволила лицам, заходя на один сайт знакомиться с информацией по делам, рассматриваемых в системе арбитражных судов, судов общей юрисдикции, у мировых судей, а также иметь доступ к существующей судебной практики нижестоящих и вышестоящих инстанций, в т.ч. решениям ВС РФ и КС РФ (в настоящее время, кроме разрозненных обезличенных сайтов такую информацию можно получить в коммерческих версиях справочно-правовых систем). Именно наличие единой, унифицированной электронной системы судов (производств по делам) позволят повысить доступ граждан к правосудию, упростят деятельность по представлению интересов в суде и ведению споров. Что же касается вопросов о защите информации, то здесь необходимо проводить мероприятия по повышению стандартов киберзащиты информационных систем, а также использовать уникальные цифровые коды для доступа к информации.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 г. Москва «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде

апелляционной инстанции» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 9, сентябрь 2020 г.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 г. Москва «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // "Российская газета", N 297, 29.12.2017.

3. Солдаткина О.Л. Использование современных информационных технологий для цифровизации судебной системы // Право. Законодательство. Личность. – 2019 г. - № 1 (28) С. 65-70.

4. Шабыев Р.Ж., Жумалиева Ж.И. Цифровизация судебной системы // Современные проблемы механики – 2021. - № 46 (4) – С. 99-105.

5. Ширяева А.И. Калашникова Е.Б., Электронное правосудие, как следствие цифровизации судебной системы // MODERN SCIENCE. – 2019 г. - № 1-10. – С. 198-200.

6. Мой арбитр RU [Электронный ресурс] // URL: <https://my.arbitr.ru/#index>.

7. Официальный портал судов города Москвы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mos-gorsud.ru/>

8. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». Интернет-портал [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/>

9. Обращения граждан. ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://ej.sudrf.ru/letters?fromOa=34RS0008>.

10. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/>.

11. Судебные решения РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/>.

Мирзоян Артем Гивиевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

mirzoian.law@gmail.com

Mirzoian Artem

M.V. Lomonosov Moscow State University

Law Faculty

Russia, Moscow

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Аннотация: отсутствие исчерпывающего определения понятия злоупотребления процессуальными правами как в законодательстве, так и в доктрине препятствует достижению правовой определенности. Была сделана попытка сформулировать универсальное определение данного явления, включающее несколько его признаков, таких как процессуальные действия, умышленные действия, несоответствие целям судопроизводства. Было также раскрыто содержание данных признаков с изложением позиций, закрепленных в работах исследователей и в судебной практике.

Ключевые слова: злоупотребление, процессуальные права, процессуальные действия, цели судопроизводства, умышленные действия.

THE ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS: THE CONCEPT AND SIGNS

Annotation: the lack of an exhaustive definition of the concept of the abuse of procedural rights in both legislation and doctrine hinders the achievement of legal certainty. An attempt was made to formulate a universal definition of this phenomenon, including several of its features, such as procedural actions, intentional actions,

inconsistency with the goals of legal proceedings. The content of these signs was also described with the explanation of the positions fixed in the articles of researchers and in judicial practice.

Key words: abuse, procedural rights, procedural actions, goals of legal proceedings, intentional actions.

Злоупотребление процессуальными правами негативно влияет на реализацию задач судопроизводства, препятствует достижению его целей, вредит добросовестным участникам дела, стремящимся защитить свои права законными способами. Данная категория является универсальной для всех видов цивилистического процесса. Изложенное обосновывает актуальность рассматриваемого вопроса, а также показывает необходимость четко сформулировать исчерпывающее определение данного явления, выявить его признаки, что и выступает целью настоящего исследования.

Сфера злоупотребления процессуальными правами остается недостаточно разработанной как с точки зрения доктрины, так и с точки зрения законодательства. Без глубокого анализа, без разработки четких характеристик данного явления невозможно ни эффективное противодействие такому поведению, ни его предупреждение.

Процессуальные кодексы не содержат точный ответ на вопрос, что понимать под злоупотреблением процессуальными правами, закрепляя лишь общую обязанность вести себя добросовестно, упоминая неблагоприятные последствия, которые влечет нарушение обязанности.

В АПК РФ раскрываются отдельные виды злоупотребления процессуальными правами. К примеру, суд обязывает лицо возместить судебные расходы независимо от результатов рассмотрения дела, если спор возник вследствие нарушения досудебного порядка урегулирования спора (в частности, в случае оставления претензии без ответа).

Интересно также обратиться к части 7 статьи 45 КАС РФ, так как в ней закреплён открытый перечень форм злоупотребления процессуальными правами.

В работах исследователей можно встретить различные подходы к определению анализируемого нами понятия. Так, например, Е.В. Васьковский определял его как осуществление тяжущимися своих процессуальных прав для достижения целей, несогласных с целью процесса — правильным и скорым разрешением дел [1, с. 677].

Я.В. Грель также указывает на направленность данного явления против правильного, своевременного разрешения дела, против равноправия сторон. Он отмечает, что подобное недопустимое осуществление права может привести к несправедливым результатам для противной стороны [2, с. 9].

В.В. Ярков одним из основных критериев злоупотребления процессуальными правами выделяет «использование либо неиспользование процессуальных прав, противоречащее по своему содержанию задачам судопроизводства и фундаментальным принципам процессуального права» [3].

Обобщая, указанные исследователи определяют злоупотребление процессуальными правами как действия участников судопроизводства, не соответствующие целям судопроизводства.

А.А. Юдин, например, называет анализируемое явление «особой формой гражданского процессуального правонарушения», определяя его как «умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса (а в отдельных случаях и суда)» [4, с. 46].

Как можно увидеть, единое определение анализируемого понятия так и не сформировалось. В результате исследователи понимают его по-разному, придавая термину собственные оттенки, что не способствует достижению правовой определенности. Сложность заключается и в том, что само по себе рассматриваемое нами явление имеет оценочный характер, а потому в каждом

конкретном случае необходимо проводить тщательный анализ перед тем, как квалифицировать те или иные действия участников процесса в качестве злоупотребления.

Интересно, что в период цифровизации правосудия категория злоупотребления процессуальными правами также играет важное значение [5], потому что развитие информационных технологий может выступать не только дополнительной гарантией прозрачности и добросовестности в процессе, но и платформой для формирования новых способов злоупотребления.

Попробуем все же сформулировать универсальное определение, которое хотя бы частично может поспособствовать ограничению недопустимого поведения в процессе.

Злоупотребление процессуальными правами — процессуальные действия ЛУД, которые в условиях принципа состязательности осуществляются в целях, не соответствующих целям судопроизводства.

Проанализируем каждый элемент определения.

Процессуальные действия. Под ними следует понимать такие действия ЛУД, которые соответствуют формулировке нормы процессуального закона, закрепляющего их процессуальные права. Соответствие норме процессуального закона выражается в том, что действия лиц не противоречат буквальной формулировке рассматриваемого положения.

К примеру, частью 1 статьи 132 АПК РФ установлено, что ответчик вправе предъявить истцу встречный иск для рассмотрения его совместно с первоначальным иском. Такая подача в контексте нашего определения злоупотребления процессуальными правами будет являться процессуальным действием.

Определив процессуальные действия таким образом, мы исключаем дальнейшие дискуссии о разграничении злоупотребления процессуальными правами и процессуального правонарушения; о возможности злоупотребления

процессуальными правами судом, а также о злоупотреблении процессуальными правами посредством бездействия.

Во-первых, любое действие, противоречащее формулировке процессуального закона, будет являться правонарушением, но не процессуальным действием. В связи с этим, прямое противоречие действия лица и нормы закона не может являться злоупотреблением процессуальным правом по определению.

Законодатель также разграничивает указанные понятия. В части 2 статьи 41 АПК РФ указано, что злоупотребление процессуальными правами влечет установленные Кодексом неблагоприятные последствия. В части 3 статьи 41 АПК РФ указано уже про неблагоприятные последствия при неисполнении процессуальных обязанностей.

Во-вторых, суд не может осуществлять процессуальные действия в контексте злоупотребления процессуальными правами. Так, суд как орган государственной власти не осуществляет прав, а имеет только публичные полномочия. Когда суд реализует свое полномочие, он не совершает что-либо, связанное с реализацией права, поэтому суд не может совершить процессуальное действие в контексте данного определения. Суд реализует процессуальные полномочия.

Вопросы надлежащего исполнения судьями своих полномочий покрываются наличием проверочных производств, мерами дисциплинарной и уголовной ответственности, а также теорией судебной ошибки [6, 7]. В доктрине также указывается на неправильность позиции о том, что суд может являться субъектом злоупотребления процессуальным правом [4, с. 245; 8, с. 47].

В-третьих, бездействие ЛУД не противоречит данному определению процессуального действия. Так, несовершение лицом своего права также соответствует формулировке нормы процессуального закона в силу того, что изначально закрепленное право предполагает либо его реализацию через

действие, либо отказ от реализации путем бездействия. Оба варианта поведения соответствуют буквальной формулировке нормы.

Несоответствие целям судопроизводства в условиях действия принципа состязательности. Какие цели преследует судебный процесс?

В соответствии со статьей 2 ГПК РФ гражданское судопроизводство осуществляется в целях:

– защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и др.;

посредством выполнения следующих задач: правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел.

АПК РФ в статье 2 к задачам судопроизводства в арбитражных судах относит:

– защиту прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность;

– обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской деятельности и иной экономической деятельности;

– справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом;

– и др.

Как мы видим, ГПК РФ разделяет цели и задачи судопроизводства, чего не делает АПК РФ. Однако это не является существенным для исследования элементом, так как любое судебное разбирательство сводится в итоге к защите прав посредством а) правильного и б) своевременного (то есть в разумный срок) разрешения дела.

Правильное разрешение дела. Ответить на вопрос, когда суд разрешает дело верно, можно, обратившись к основаниям для отмены решения суда первой инстанции апелляционным судом. Так, в процессуальных кодексах

устанавливаются следующие основания отмены решения суда первой инстанции апелляционным судом:

- неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела;
- недоказанность этих обстоятельств;
- несоответствие выводов суда изложенным обстоятельствам;
- нарушение или неправильное применение норм материального или процессуального права.

Следовательно, суд правильно разрешает дело при верном определении и установлении на основе предоставленных сторонами доказательств обстоятельств, имеющих значение для дела, с применением норм материального или процессуального права правильно и без нарушений.

Стоит подчеркнуть, что суд не обязан устанавливать материальную истину как таковую. Роль суда в условиях действия состязательности не является активной. Суд определяет обстоятельства, которые стороны должны доказать, для верного разрешения дела; оказывает сторонам содействие в реализации их прав и т.д.

Риск (не)предоставления доказательств лежит на сторонах. Стороны в условиях состязательности предоставляют такие доказательства, которые помогут разрешить дело наиболее благоприятным для них способом. В связи с этим говорить о злоупотреблении правами в ситуации, когда стороны представляют одни доказательства, но не представляют другие, нельзя, так как это противоречит принципу состязательности. Злоупотребления возможны не в том, какие доказательства предоставляют стороны, а в том, как они это делают.

Итак, в условиях состязательности суд разрешает дело правильно, если делает вывод, который следует из верно определенных и установленных предоставленными сторонами доказательствами обстоятельств с верным применением норм права.

Разрешение дела в разумный срок. Процессуальные кодексы устанавливают общие сроки рассмотрения дела. Однако в одних случаях рассмотрение спора возможно и за более короткий период, в других же требуется больше времени. А потому привязывать установление разумных сроков к тем, которые закреплены в законе, не стоит.

Судебное разбирательство по своей сути состоит из множества процессуальных действий и полномочий, которые реализуют участники процесса. Так, дело будет разрешено своевременно, в разумный срок, в тех случаях, когда количество осуществляемых процессуальных действий и реализуемых полномочий будет минимально необходимым для разрешения конкретного дела.

К примеру, в простых спорах о взыскании задолженности по расписке для разрешения дела достаточно искового заявления и отзыва на исковое заявление. Осуществление других «лишних» процессуальных действий может быть направлено на затягивание процесса.

Минимально необходимое количество процессуальных действий должен устанавливать суд с учетом конкретных обстоятельств дела.

Умышленное действие. Отдельно отметим, что действия участников процесса должны быть умышленными, что уже заложено в определении злоупотребления процессуальными правами.

Можно встретить разные позиции исследователей по данному вопросу. Так, например, по мнению Е.В. Васьковского [1, с. 677], а также И.В. Решетниковой [9, с. 284], злоупотребление правом возможно только в форме умысла.

Другие исследователи считают, что возможно и в форме неосторожной вины [10, с. 124]. Некоторые ученые отмечают, что в установлении вины нет необходимости [11, с. 121]. Однако такой подход к определению формы вины не учитывает целевые установки института злоупотребления и приведет к

необоснованному ограничению права на судебную защиту добросовестно заблуждающегося лица.

Умысел лица необходимо рассматривать с точки зрения целевой направленности его действий, что является основной составляющей понятия злоупотребления.

Так, под умышленными действиями мы будем понимать такие процессуальные действия, которые совершаются с осознанием того, что эти действия не соответствуют целям судопроизводства, а ЛУД либо хотят реализации этих целей, либо относятся к их наступлению безразлично.

На основании проведенного исследования можно прийти к следующим выводам:

Злоупотребление процессуальными правами — это процессуальные действия ЛУД, которые в условиях принципа состязательности осуществляются в целях, не соответствующих целям судопроизводства, где

1. процессуальные действия — это такие действия ЛУД, которые соответствуют формулировке нормы процессуального закона, закрепляющего их процессуальные права;

2. несоответствие целям судопроизводства в условиях состязательности означает осуществление процессуальных действий не в целях правильного и своевременного разрешения дела;

2.1. в условиях состязательности суд разрешает дело правильно, если делает вывод, который следует из верно определенных и установленных предоставленными сторонами доказательствами обстоятельств с верным применением норм права;

2.2. разрешение дела в разумный срок, то есть своевременно, означает рассмотрение дела судом при минимально необходимом количестве осуществляемых процессуальных действий;

3. процессуальные действия осуществляются умышленно, то есть с осознанием того, что эти действия не соответствуют целям судопроизводства, а ЛУД либо хотят реализации этих целей, либо относятся к их наступлению безразлично.

Список литературы

1. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. М. 2016. 677 с.
2. Грель Я.В. Злоупотребление сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006. 207 с.
3. Ярков В.В. Доказывание злоупотребления процессуальным правом // Закон. № 7. С. 40-51.
4. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. 537 с.
5. Крымский Д.И., Мельникова А.В. Злоупотребление процессуальными правами в контексте цифровизации правосудия // СПС «КонсультантПлюс».
6. Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: дис...докт. юрид.наук. Екатеринбург. 2008. 458 с.; Зайцев И.М. Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в гражданском процессе: дис. ... доктора юридических наук : 12.00.03. Саратов. 1987. 377 с.
7. Зайцев И.М. Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в гражданском процессе: дис. ... доктора юридических наук : 12.00.03. Саратов. 1987. 377 с.
8. Боловнев М.А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. 234 с.
9. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. проф. В.В. Яркова. М. 2003. 723 с.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

10. Лукьянцев А., Яценко Т. Учет факта злоупотребления правом при применении гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности // Хозяйство и право. 2003. №. 8. С. 124.

11. Викут М.А., Зайцев И. М. Гражданский процесс России: Учебник. М., 1999. 384 с.

Пеленицына Марина Валентиновна

Пичугина София Владимировна

Российский государственный университет правосудия

Крымский филиал

Россия, Симферополь

pelemar@rambler.ru

sofiya.lebedenko@mail.ru

Pelenitsyna Marina

Pichugina Sofia

The Russian State University of Justice

The Crimean branch

Russia, Simferopol

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДЕЛОВ РАССМОТРЕНИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ

Аннотация: в статье приведен анализ юридических вопросов, касающихся обоснования проблемы установления пределов рассмотрения дела при апелляционном судопроизводстве, институт апелляции направлен на исправление судебных ошибок, вероятность допущения которых обосновывается человеческим фактором и является достаточно высокой. Автор анализирует существующие в юридической доктрине мнения относительно возможности выхода суда апелляционной инстанции за пределы доводов жалобы, а также существующие гражданский и арбитражный порядок судопроизводства.

Ключевые слова: апелляция, пределы рассмотрения дела, меры защиты, гражданское судопроизводство, полная апелляция, неполная апелляция.

IMPLEMENTATION OF LEGAL PROTECTION MEASURES WHEN SETTING THE LIMITS OF CONSIDERATION OF AN APPEAL

Annotation: legal issues related to the justification of the problem of establishing the limits of consideration of a case in appellate proceedings, the institute of appeal is aimed at correcting judicial errors, the probability of which is justified by the human factor and is quite high. The author analyzes the opinions existing in the legal doctrine regarding the possibility of the court of appeal going beyond the arguments of the complaint, as well as the existing civil and arbitration procedures of legal proceedings.

Key words: appeal, limits of consideration of the case, protective measures, civil proceedings, full appeal, incomplete appeal.

Конституцией Российской Федерации в статье 46 закрепляет гарантию каждому на судебную защиту его прав и свобод который является основным законом нашего государства. Осуществление судебной защиты совершается судами судебной системы Российской Федерации. При этом существующий в нашем государстве механизм обеспечения прав и свобод постоянно реформируется с учетом требований современности, потому что уровень результативности указанного механизма зависит от его соответствия большому количеству юридических, социальных и экономических факторов. В частности, среди юридических факторов, оказывающих воздействие на эффективность устанавливаемых государством средств защиты прав и свобод человека, особое место обладает конкурирующий характер их реализации субъектами правоотношений, устранение пробелов и коллизий правового регулирования.

Реализация права на судебную защиту не является неограниченной. Как неоднократно указывал в своих позициях Конституционный Суд РФ, указанное право не предоставляет возможность каждому гражданину выбрать любое из существующих средств и способов судебной защиты по своему усмотрению.

Особенность применения определенной процедуры к той или иной ситуации определяется характеристиками обстоятельств дела, его категорией.

В качестве одного из основных механизмов реализации гарантируемого Конституцией РФ права на судебную защиту является возможность обжалования судебных решений в порядке апелляционного судопроизводства. Значимость данного вида судопроизводства заключается в уменьшении числа допускаемых судебных ошибок, достигаемом путем пересмотра дела, а также контролирование деятельности нижестоящих судов.

Целью апелляционного судопроизводства является создание благополучных условий для достижения определенного требуемого юридического результата, а именно обеспечения законности и обоснованности выносимых судебных решений, их справедливости [8, с. 23.].

Апелляционная проверка обладает юридико-фактическим характером и подразумевает за собой выявление полноты и правильности установления значимых обстоятельств для дела судом первой инстанции, правильности оценки имеющихся по делу доказательств.

Однако, апелляционное производство, несмотря на значительную роль, процессуально ограничено в полномочиях, в частности, в установлении пределов рассмотрения дела.

Для изучения проблематики какого-либо правового явления или механизма первостепенным является выявление его сущности. Непосредственно под пределами рассмотрения дела следует понимать границы, в рамках которых осуществляется повторное рассмотрение дела вышестоящим судом, уровень «вторжения» апелляционного суда. Пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции состоят из следующих элементов: пределов по рассмотрению объекта обжалования, пределов оснований для обжалования и пределов процессуальных действий, которые могут осуществить суд и лица, участвующие в деле.

Исходя из положений цивилистического законодательства, по общему правилу суд апелляционной инстанции ограничен в рассмотрении дела в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе, а также в возражениях сторон. Между тем, согласно положениям Гражданского процессуального кодекса РФ, в интересах законности данные пределы могут быть расширены и апелляционный суд вправе проверить дело в полном объеме. Отсутствие точных критериев установления случаев необходимости проверки дела в интересах законности и вызывают многочисленные дискуссии в научных кругах, а также неоднозначность практики рассмотрения дел в различных судах субъектов нашего государства.

Авторы отмечают в настоящее время в доктрине права можно выделить две основные группы мнений относительно вопроса пределов рассмотрения дела в апелляционной инстанции.

Одна группа ученых выступает против наделения суда апелляционной инстанции возможностью выхода за пределы доводов апелляционной жалобы, приводя следующие аргументы:

- закрепление возможности суда апелляционной инстанции выходить за пределы доводов жалобы напрямую нарушением принцип диспозитивности, являющийся главенствующим в цивилистическом процессе;

- пересмотр дела в полном объеме несет в себе угрозу нарушения истинных интересов сторон, участвующих в деле;

- закрепление возможности пересмотра вне зависимости от мнения сторон по делу указывает на императивное регулирование, наличие которого необходимо минимизировать в цивилистическом процессе.

В качестве основной проблемы, ученые выделяют возможность подмены диспозитивной воли сторон, участвующих в деле, интересами законности, в целях обеспечения которых и проводится пересмотр дела. Налицо большая вероятность поворота ситуации к худшему, то есть изменения решения суда

первой инстанции таким образом, что даже сторона, инициировавшая повторное рассмотрение дела, останется в худшем положении, нежели при вынесении решения судом первой инстанции [10, с. 47.].

Учитывая изложенное, Верховным Судом РФ сделан вывод о том, что выход за пределы рассмотрения апелляционной жалобы невозможен в том случае, если подобное будет вести к ухудшению положения лица, которого оно достигло при рассмотрении дела в суде первой инстанции [3].

Примером является дело, в котором истец обжаловал решение суда первой инстанции, указав, что суд вышел за пределы его исковых требований. Суть спора заключалась во взыскании задолженности по оплате электрической энергии. Суд первой инстанции, удовлетворив требования, взыскал денежные средства за период больший, нежели был заявлен самим истцом. Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении жалобы, оставив решение суда первой инстанции в силе. Кассационный суд также указал на правильность решения судов нижестоящих инстанций, сославшись на невозможность пересмотра дела, влекущее ухудшение положения истца, в данном случае – уменьшение взыскиваемой суммы, при отсутствии возражений со стороны ответчиков [4].

В качестве еще одного примера в деле, рассматриваемым в порядке арбитражного судопроизводства, в котором судом апелляционной инстанции было установлено отсутствие основания для начисления неустойки, которая была взыскана судом первой инстанции. Между тем, поскольку заявителем жалобы являлся истец, который не оспаривал решение в указанной части, а со стороны ответчиков возражения отсутствовали, суд посчитал невозможным выход за пределы доводов апелляционной жалобы [6].

Выходя за пределы доводов апелляционной жалобы, суд в обязательном порядке должен обосновать мотивы такого выхода. При отсутствии указания на мотивы выход за пределы будет признан необоснованным. Так, к примеру,

определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации было направлено на новое рассмотрение дело о взыскании денежных средств по договору займа, обращении взыскания на заложенное имущество, в котором суд апелляционной инстанции вышел за пределы доводов жалобы, содержащей указания на несогласие лишь с присужденными суммами, отменив также решение и в части обращения взыскания, тогда как решение в указанной части никем обжаловано не было. В качестве обоснования суд апелляционной инстанции указал на неверное применение нижестоящим судом норм материального права. Верховный Суд РФ указал, что выход за пределы доводов апелляционной жалобы по мотиву неправильного применения норм материального права был бы возможен, если бы решение суда в данной части было обжаловано кем-либо из лиц, участвующих в деле, но по иным доводам [7].

Иная группа ученых, напротив, поддерживают законодательные положения о возможности выхода за пределы доводов апелляционной жалобы. Так, к примеру, Л.А. Терехова отмечает, что нарушения принципа диспозитивности быть не может, поскольку изначально апеллянтом были сужены пределы рассмотрения при подаче апелляционной жалобы [9, с. 343].

В первую очередь действия суда должны быть направлены на обеспечение интересов государства и общества в целом, а потому неверным является отождествление принципа диспозитивности с бесспорным началом цивилистического судопроизводства.

Авторы отмечают, что первоначальной целью осуществления судопроизводства в разрешении спора должно с учетом мнений сторон и баланса интересов для достижение социальной справедливости.

Между тем, ввиду отсутствия в законодательстве положений о причинах выхода за пределы доводов апелляционной жалобы, суды апелляционной инстанции осуществляют этот выход практически в каждом деле вне

зависимости от наличия реальной необходимости. Ввиду изложенного полагаем необходимым закрепить в процессуальном законодательстве нормы, устанавливающие точные условия и причины осуществления выхода за пределы жалобы, помимо указания на соблюдение интересов законности.

Принятым в 2012 году Постановлении Пленума Верховного суда РФ предпринята попытка раскрытия содержания интересов законности. Судом приведен достаточно широкий перечень сфер социальной и правовой жизни, в интересах которых суд апелляционной инстанции может проверить дело в полном объеме [1].

Однако, полагаем, что формулировки указанного интерпретационного акта являются размытыми, неопределенными. Подобная широкая трактовка интересов законности предоставляет суду апелляционной инстанции неограниченное право вне зависимости от желания и волеизъявления заинтересованных в конкретном деле лиц, расширить пределы апелляционного пересмотра.

Указанное приводит к случаям отказа от апелляционного обжалования при страхе лица поворота к худшему, что недопустимо для реализации мер защиты.

Иная регламентация в арбитражном судопроизводстве из положений части 5 статьи 268 Арбитражного процессуального кодекса РФ, выход за пределы доводов апелляционной жалобы не возможен, если решение суда в указанной части не обжалуется и на это не указывается в возражениях лиц, участвующих в деле.

Принятое в 2020 году Постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющее правила применения арбитражного процессуального законодательства при апелляционном судопроизводстве, устанавливает, что при рассмотрении в апелляционной инстанции дела, которое обжалуется в части, надлежит выяснить мнение сторон, участвующих в деле, о необходимости пересмотра дела в полном объеме. Мнения сторон фиксируются в протоколе

судебного заседания. В случае же отсутствия лиц, участвующих в деле, на судебном заседании, пересмотр дела в полном объеме при отсутствии на то указаний в жалобе либо в возражениях не возможен [2].

Существенную разницу между гражданским и арбитражным процессами можем показать случаем из судебной практики. Так А. обратился с иском о признании недействительным приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности, взыскании компенсации морального вреда. Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены частично – приказ отменен, взыскана компенсация в размере 10 000,00 рублей. Судом апелляционной инстанции решение суда в части отмены приказа отменено, принято новое решение, в котором в иске в данной части отказано. Суд кассационной инстанции отметил, что несмотря на отсутствие в апелляционной жалобе, поданной истицей, доводов о несогласии с решением суда в данной части, в интересах законности был осуществлен пересмотр дела в полном объеме [5].

На основании вышеизложенного можно утверждать, что подобная регламентация наиболее способствует достижению баланса публичных и частных интересов, эффективности реализации мер защиты. Исходя из стремлений законодателя к унификации гражданского и арбитражного судопроизводства, полагаем необходимым закрепить в качестве основного порядок, имеющихся на данный момент в арбитражном процессе.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 года №13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/77563968/>. (дата обращения: 25.05.2023)

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 года №12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/77563968/>. (дата обращения: 25.05.2023)

3. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации №2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.10.2022) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/77563968/>. (дата обращения: 25.05.2023)

4. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.03.2023 №88-4651/2023 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/77563968/>. (дата обращения: 25.05.2023)

5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2022 №88-998/2022 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/77563968/>. (дата обращения: 25.05.2023)

6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.04.2023 №Ф09-1709/23 по делу №А07-4185/2022 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/77563968/>. (дата обращения: 25.05.2023).

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.2021 №49-КГ21-8-К6, 2-16/2019. [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07022023-n-5-kg22-144-k2/>.

8. Сахнова Т.В. О пределах проверки судебных постановлений в гражданском процессе России // Арбитражный и гражданский процесс. - 2014. - №4. - С. 45-48.

9. Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: дисс. ... д-ра юрид. наук. - Екатеринбург, 2008.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

10. Улетова Г.Д. Апелляция, кассация, надзор сквозь призму времени: Интервью с судьей судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда, кандидатом юридических наук, заслуженным юристом России Н.И. Маняком // Современное право. - 2016. - №8. – С 23-28.

Прокопенко Данил Романович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

danil.prokop3nko@yandex.ru

Prokopenko Danil

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Law

Russia, Moscow

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена анализу развития научной мысли о правовой природе мирового соглашения и ее актуальному состоянию. История и теория гражданского права и процесса показывает, что мировое соглашение не является отдельным видом гражданско-правового договора, его также нельзя отнести к виду примирительной процедуры. Автор придерживается комплексного подхода к правовой природе мирового соглашения и предлагает рассматривать его как фактический состав.

Ключевые слова: мировое соглашение, мировая сделка, правовая природа, примирительная процедура, примирение, фактический состав.

DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE ON THE LEGAL NATURE OF A SETTLEMENT AGREEMENT

Annotation: the article is devoted to the analysis of the development of scientific thought on the legal nature of a settlement agreement and its current status. The history and theory of civil law and proceedings shows that the settlement agreement is not a

separate type of civil law contract, it also cannot be attributed to the type of conciliation procedure. The author adheres to a comprehensive approach to the legal nature of a settlement agreement and proposes to consider it as a factual composition.

Key words: settlement agreement, settlement transaction, legal nature, conciliation procedure, conciliation, factual composition.

Учение о мировых сделках берет свое начало в римском праве, где данный институт рассматривался в плоскости материального права. Так, Ульпиан в 50-й книге «Комментариев к эдикту» пишет: «кто заключает мировую сделку, тот как бы вступает в соглашение о сомнительном деле и о находящемся в неопределенном положении и неоконченном споре» [1; с. 297].

Римская *transactio* (мировая сделка) понималась как отказ стороны от требования вследствие удовлетворения получением меньшего по сравнению со своими первоначальными притязаниями или взаимный частичный отказ от обязательств с целью избежания тяжбы [2; с. 257]. Первоначально она не признавалась самостоятельным договором и реализовывалась посредством других сделок, например, новации, но уже в юстиниановском праве исполнившей по мировой сделке стороне предоставлялась защита посредством *actio praescriptis verbis*, что означало включение *transactio* в разряд безыменных контрактов [2; с. 257].

Поскольку в науке до сих пор не утихают споры о том, подлежит ли отдельному урегулированию мировая сделка в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ), следует рассмотреть вопрос о том, является ли она отдельным видом договора. Например, Д.Л. Давыденко, основываясь по большей части на зарубежных источниках и политико-правовых мотивах, предлагает дополнить Раздел IV ГК РФ («Отдельные виды обязательств») главой «Мировое соглашение» [3; с. 162-166]. Так как подобные новеллы значительно отразятся на сущности судебных мировых сделок и процессуальной перестройке в данной

области, необходимо проанализировать юридическую обоснованность указанной позиции.

Действительно, в развитых континентальных правовых системах (Германия, Франция, Италия) гражданские кодексы (уложения) содержат нормы о мировых сделках. Кроме того, в Проекте Гражданского уложения Российской империи также присутствовала Глава XXV «Мировая сделка» [4; с. 599].

Как известно, названные правовые акты базируются на учениях римских юристов и (или) пандектистов. При этом стоит учитывать, что возведение того или иного типа соглашения в римском праве в категорию безымянных контрактов преследовало цель придания такому соглашению судебной (преторской) защиты [5; с. 606-610]. С одной стороны, в классическом римском праве *transactio* реализовалась посредством других сделок (например, стипуляции), с другой – значительной части мировых сделок присущи предоставления типа безымянных контрактов (*do ut des* и т.д.). Получается, что *transactio* могла быть как договором, так и безымянным контрактом.

Данная особенность не была учтена составителями кодификаций гражданского права, рассматривавшими мировую сделку как отдельный вид договора и, соответственно, обладающего самостоятельной *causa*. О фактически слепой рецепции свидетельствует и расположение глав о мировой сделке в актах кодификации: как и в Дигестах, они находятся в конце раздела об обязательствах.

Исследователи, поддерживающие наличие особой *causa* у мировой сделки, полагают, что ее основание заключается в желании сторон преобразовать существующие отношения из спорных в бесспорные [6; с. 12-13]. На этой же позиции стоял Д.Д. Grimm, считавший, что *поводами* совершения мировой сделки могут быть спорный характер отношения и неизвестность или неуверенность относительно его размера и фактической возможности реализации притязания, без которых сама мировая сделка невозможна (другими словами, мировая сделка без указанных атрибутов недействительна) [7; с. 361].

Стоит согласиться с Д.Д. Гриммом в том, что данные сомнения или спор лиц являются лишь *поводом* совершения мировой сделки. Иначе говоря, речь идет не о *causa* – основании сделки, ее правовой цели, а о *мотиве*. Мотив же, по общему правилу, не входит в юридический состав сделки, более того, «признать за мотивами такое значение, которыми обуславливалась бы действительность сделки, значило бы нанести непоправимый ущерб обеспеченности гражданского оборота» [8; с. 706-707]. Поэтому мировая сделка не является отдельным видом договора, но к ней применимы большинство общих положений об обязательствах и отдельных их видах Гражданского кодекса РФ, а также нормы Трудового кодекса РФ, Семейного кодекса РФ и т.д. в случае, если мировая сделка направлена на возникновение, изменение или прекращение иных субъективных прав, не относящихся к гражданским.

Переходя к центральному вопросу дискуссии – правовой природе судебных мировых сделок (мировых соглашений) – следует сделать оговорку о том, что отсутствие собственной *causa* мировой сделки (даже внесудебной) не умаляет ее материально-правовой составляющей.

Итак, традиционно выделяются четыре позиции:

1. Мировое соглашение – институт материального права.
2. Мировое соглашение – институт процессуального права.
3. Мировое соглашение – комплексный правовой институт.
4. Мировое соглашение – примирительная процедура.

1. Материально-правовая теория

К первой группе исследователей во многих работах, посвященных мировой сделке, относят дореволюционных ученых и, в первую очередь, И.Е. Энгельмана, который указывал, что «мировая сделка по существу своему – учреждение гражданского права, поэтому ее допустимость, условия, действительность и обязательность определяются по нормам гражданского права» [9; с. 446]. В то же время профессор разделял внесудебные и судебные

мировые сделки, при этом последние называл «процессуальными сделками». Кроме того, он указывал на их процессуальное значение: прекращение спора (процесса), невозможность предъявления тождественного иска, возникновение права на принудительное исполнение, которое, к слову, изначально не было предусмотрено Уставом гражданского судопроизводства 1864 г.

Аналогичным образом К.Н. Анненков в своей работе вначале заявляет о том, что учение о мировых сделках, поскольку они являются договорами, относится к сфере материального права, но далее дополняет, что заключение мирового соглашения влияет на производство по делу и в этой связи соприкасается с процессуальным правом [10; с. 225].

Пожалуй, действительно сторонниками материально-правовой теории судебной мировой сделки, практически не рассматривающими ее процессуальные последствия, можно признать немногих представителей науки. Так, например, А.Х. Гольмстен определял мировую сделку как «договор, в силу которого истец и ответчик в данном процессе соглашаются прекратить существующий между ними спор» и установить новое договорное отношение [11; с. 267-269].

2. Процессуально-правовая теория

Зарождение концепции мирового соглашения как института процессуального права, как заявляет М.А. Рожкова, прослеживается в работах советских процессуалистов ввиду «угасания интереса» к данному вопросу со стороны цивилистов [12; с. 428]. С другой стороны, приведенные ранее позиции ученых показывают, что мировое соглашение являлось объектом пристального внимания процессуалистов еще до революции.

Уже на начальном этапе строительства советского государства и правопорядка высказывалась мысль о том, что судебная и внесудебная мировые сделки по своему существу являются обычными договорами, если они дают лишь право на получение судебного приказа по ним; разница между ними

прослеживается лишь в том случае, если по мировому соглашению возможно непосредственное принудительное исполнение без обращения в суд [13; с. 381]. Представляется, что именно в зависимости от действующего процессуального законодательства, циклично (не)допускающего принудительное исполнение по судебным мировым сделкам, в доктрине преобладало распространение материальной или процессуальной концепций мировых соглашений.

Например, С.Н. Абрамов, объясняя сущность мирового соглашения, указывал на следующие его особенности: мировое соглашение влечет прекращение производства по делу, имеет силу судебного решения и может быть принудительно исполнено [14; с. 207]. Распространение такого понимания мирового соглашения в некоторой степени действительно сводилось к его научной «процессуализации».

Наибольшую известность получила дискуссия о соотношении процессуальных и материальных элементов мирового соглашения между М.А. Гурвичем и Р.Е. Гукасяном.

Так, по мнению М.А. Гурвича, в основе мирового соглашения фактически всегда лежит сделка, однако сущность его заключается в согласованных и одновременных обращениях сторон к суду [15; с. 105]. Р.Е. Гукасян, в свою очередь, считал, что мировое соглашение не всегда содержит акт распоряжения материальным правом, оно включает в себя акты реализации процессуальных прав обеими сторонами, посредством которых они отказываются от своего права на судебную защиту, и акты осуществления права на заключение мирового соглашения, а в целом является процессуально-правовым договором, влекущим юридические последствия только в случае вынесения соответствующего определения судом [16; с. 129-132]. Отвечая на данные доводы, М.А. Гурвич указывал, что мировое соглашение не относится к процессуальным договорам, оно представляет собой сложный юридический состав, состоящий из материально-правовой сделки и процессуальных элементов [17; с. 125].

Если понимать гражданский процесс как «нормированную законом деятельность» (динамическая концепция), то и конструкция процессуальных договоров не противоречит самой его сущности [18; с. 51]. Однако в данной статье мы будем опираться на понятие гражданского процесса как публично-правового правоотношения между судом и иными участниками процесса [19; с. 29-31], а потому рассмотрим мировое соглашение с точки зрения теории юридических фактов как двигателей гражданских процессуальных правоотношений.

Согласно действующему Гражданскому процессуальному кодексу РФ (далее – ГПК РФ), заключение мирового соглашения расценивается как право сторон [20; ст. 39, 46]. В доктрине данное право определяется как распорядительное (диспозитивное), поскольку оно «тесно связано с материальными правами, составляющими содержание спорных материальных правоотношений» [21; с. 357]. Указанному праву корреспондирует обязанность суда утвердить мировое соглашение, если оно не противоречит закону и не нарушает права третьих лиц. При этом само по себе соглашение сторон не является юридическим фактом, в силу которого у суда возникает обязанность утвердить его; она появляется только при наличии волеизъявлений сторон, обращенных к суду, и только вследствие утверждения судом мирового соглашения в форме принятия судебного акта и вступления его в законную силу наступают правовые последствия, к которым и стремились стороны [22; с. 182-183].

Политико-правовое объяснение этой системы заключается в том, что «обладателю субъективного гражданского права принадлежит автономия в распоряжении своим правом до процесса, но если он обратился к суду, то и должен считаться с организацией процесса <...> дальше уже дело государства организовать процесс наиболее целесообразно для охраны правопорядка» [23; с. 23].

Таким образом, для наступления последствий мирового соглашения необходимо совершение целого набора действий сторон и суда в определенной последовательности, то есть юридического состава (на что указывают и Р.Е. Гукасян, и М.А. Гурвич) – совокупности «потенциально-юридических» фактов, необходимых для наступления правовых последствий, предписанных нормой права [24; с. 67-68]. К этим фактам относятся:

1) заключение сторонами мирового соглашения (подписание договора);

Согласно позиции ВАС РФ, не утвержденное судом мировое соглашение не влечет правовых последствий по делу, так как выражает лишь намерение сторон на его заключение [25].

Действительно, такое соглашение не является основанием для прекращения производства по делу, однако стоит согласиться с С.В. Моисеевым в том, что в данном случае есть основания для квалификации подобного соглашения как договора материального права [26; с. 124], поскольку наличие процесса между сторонами само по себе не препятствует возникновению, изменению или прекращению прав и обязанностей между ними.

Так, если намерения сторон направлены на заключение договора вне зависимости от его утверждения судом (например, они начали исполнять его до утверждения судом), то указанный договор является юридическим фактом материального права. Во всех иных случаях не утвержденное мировое соглашение должно считаться незаключенным, поскольку подразумевается, что существенным условием мирового соглашения является утверждение его судом.

2) волеизъявление обеих сторон, обращенных к суду, с ходатайством об утверждении мирового соглашения;

По мысли О.А. Красавчикова, данное юридическое действие является сонаправленным, а не взаимным, поскольку адресатом волеизъявления всегда является третье лицо – суд, действие которого и приведет к окончательному правовому результату.

3) *вынесение определения об утверждении мирового соглашения и его вступление в законную силу.*

Накопление всех фактов юридического состава приводит к процессуально-правовым (например, прекращение производства по делу) и материально-правовым последствиям (например, новация обязательства). Вопреки доводам некоторых ученых [27; с. 15-16] о том, что мировое соглашение может не влечь материально-правовых последствий, подтверждение сторонами в мировом соглашении допроцессуальных прав и обязанностей не является юридическим фактом материального права только тогда, когда заявленное в суд требование изначально не было зрелым. В ином случае, утверждение мирового соглашения приведет к преобразованию правопритязания в право требования, которое станет активным только по истечении срока на добровольное исполнение мирового соглашения.

Стоит также согласиться с Р.Е. Гукасяном и практикой арбитражных судов [28; 29] в том, что, заключая мировое соглашение, стороны отказываются от судебной защиты своих прав, поскольку между сторонами больше нет спора о праве или правовой неопределенности, они урегулируют возникшие разногласия без помощи суда [30; с. 34]. Однако деятельность суда на этом не прекращается: судебная защита трансформируется в судебную охрану прав и интересов сторон и третьих лиц, которая заключается в исследовании фактических обстоятельств спора, оценке доказательств для проверки законности такого соглашения, вынесении определения и обеспечении его исполнения.

3. Комплексная теория

На современном этапе большинство исследователей придерживаются комплексной теории мирового соглашения. Так, например, Д.Б. Абушенко считает, что мировое соглашение имеет двойственную правовую природу: материально-правовой фундамент является предпосылкой для конструирования всего института [31; с. 22].

С другой стороны, как можно заметить, лишь незначительное количество ученых как дореволюционного, так и советского периода не рассматривали материальную или процессуальную стороны мирового соглашения.

Следовательно, история развития научной мысли показывает, что знания о комплексной теории мирового соглашения существовали на каждом этапе эволюции российского гражданского процессуального законодательства.

4. Мировое соглашение как примирительная процедура

Первоначальная редакция ч. 2 ст. 138 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) содержала следующую формулировку: «Стороны могут урегулировать спор, заключив *мировое соглашение или используя другие примирительные процедуры*, если это не противоречит федеральному закону» [32] (выделено нами – Д.Р.). Грамматически толкуя данную норму, представители доктрины рассматривали мировое соглашение как вид примирительной процедуры [33; с. 23-24]. Эта позиция поддерживалась и арбитражными судами:

«В силу ст. 138 АПК РФ мировое соглашение является примирительной процедурой и одним из способов прекращения судебного уже имеющегося спора, возникшего в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств ответчиком по какой-либо гражданско-правовой сделке» [34; 35].

Если рассматривать примирительную процедуру как процедуру урегулирования конфликта посредством принятия сторонами приемлемого решения и достижения ими определенного соглашения [36; с. 149-153], то мировое соглашение не может считаться такой процедурой. Роль мирового соглашения в примирении сторон состоит в том, что оно может стать его результатом, но не самим процессом примирения или отдельным видом примирительной процедуры. В противном случае мы можем прийти к такому абсурдному выводу, что стороны, достигнувшие компромисса, например, посредством переговоров, и оформившие свое решение мировым соглашением,

использовали для примирения две примирительные процедуры: сначала переговоры, а затем мировое соглашение.

Данную позицию поддержал и российский законодатель, вследствие чего в АПК РФ были внесены изменения: введенная ст. 138.6 теперь рассматривает мировое соглашение как один из возможных результатов примирения лиц, участвующих в деле.

Выводы

Мировая сделка не может признаваться отдельным видом договора, поскольку у нее отсутствует собственная кауза. Мировое соглашение как институт включает в себя процессуально- и материально-правовые элементы, что обосновывает разумность его комплексной правовой природы. Для реализации сторонами распорядительного права на заключение мирового соглашения необходимо накопление юридических фактов в определенном порядке – юридического состава, влекущего процессуальные и материальные последствия. Мировое соглашение не может рассматриваться как вид примирительной процедуры, поскольку оно является окончательным актом примирения, одним из его возможных результатов.

Список литературы:

1. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. М. 2008. – 584 с.
2. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник / под общ. ред. Д. В. Дождева; пер. с ит.: И.И. Маханькова. М. 2007. – 463 с.
3. Давыденко Д.Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран): дис. ... к.ю.н. М. 2004. – 257 с.
4. Гражданское Уложение: проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения: с объяснениями,

извлеченными из трудов Редакционной Комиссии. Т. I / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А. Л. Саатчиан. СПб. 1910. – 1215 с.

5. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. М. 2014. – 784 с.

6. Нефедьев Е.А. Склонение сторон к миру в гражданском процессе. Казань. 1890. – 93 с.

7. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Под ред. В.А. Томсинова. М. 2003. – 495 с.

8. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права: Часть общая. Т. I. СПб. 1911. – 780 с.

9. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев. 1912. – 632 с.

10. Анненков К.Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Том VI: 1. Мировой устав; 2. Мировые сделки и 3. Третейский суд. СПб. 1887. – 307 с.

11. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 5-е, исп. и доп. СПб. 1913. – 411 с.

12. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М. 2008. – 523 с.

13. Ратнер А.С. Мировые сделки в советском законодательстве // Вестник Советской Юстиции. Харьков. 1924. № 13. С. 380-382.

14. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. А.Ф. Клейнмана. М. 1940. – 352 с.

15. Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. Труды ВЮЗИ. М. 1965. Т. 3. С. 62-117.

16. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Отв. ред.: Викут М.А. Саратов. 1970. – 190 с.
17. Советский гражданский процесс. Учебник / Под ред.: Гурвич М.А. 2-е изд., испр. и доп. М. 1975. – 399 с.
18. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М. 2015. – 366 с.
19. Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / пер. с нем. Д.С. Ксенофонтовой; отв. ред. Д. Х. Валеев. М. 2019. – 240 с.
20. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. № 220. 20.11.2002.
21. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд., перераб. М. 2020. – 992 с.
22. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. 2-е изд., перераб. М. 1917. – 429 с.
23. Рязановский В.А. Единство процесса (Памяти А.А. Симолина). Иркутск. 1920. – 33 с.
24. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. 1958. – 183 с.
25. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.09.2009 № 17447/08 по делу № А56-45577/2007 // СПС «КонсультантПлюс».
26. Моисеев С.В. Принцип диспозитивности арбитражного процесса: дис. ... к.ю.н. М. 2001. – 152 с.
27. Абдрашитов А.М. Мировое соглашение как юридический факт и как фактический состав // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 2. С. 15-18.
28. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.02.2018 № Ф05-20499/2017 по делу № А40-59928/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2018 № 09АП-62851/2017 по делу № А40-119810/16 // СПС «КонсультантПлюс».
30. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М. 2014. – 782 с.
31. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе. Тверь. 2013. – 319 с.
32. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
33. Сахнова Т.В. О реформах цивилистического процесса 2018 - 2019 гг.: взгляд сверху // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 12-29.
34. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.03.2015 № Ф05-4073/2014 по делу № А41-18453/13 // СПС «КонсультантПлюс».
35. Постановление ФАС Московского округа от 28.03.2012 по делу № А41-2552/10 // СПС «КонсультантПлюс».
36. Кузбагаров А.Н. Примирение сторон по конфликтам частноправового характера. СПб. 2010. – 320 с.

УДК 347.921.3

Темникова Татьяна Николаевна
Российский государственный университет правосудия
Восточно- Сибирский филиал
Россия, Иркутск
temnikovatn@gmail.com
Temnikova Tatiana
Russian State University of Justice
East-Siberian branch
Russia, Irkutsk

ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация: актуальность выбранной темы заключается в том, что разбирательство гражданского дела в судах общей юрисдикции может затрагивать интересы не только лиц, непосредственно участвующих в процессе, но и тех, кто такого участия в нем не принимает- третьих лиц. Цель исследования: обозначить и раскрыть значение института третьих лиц в гражданском судопроизводстве. По результатам исследования были получены следующие выводы: привлечение третьих лиц способствует рассмотрению ситуации с различных ракурсов, выяснению всех обстоятельств дела и комплексной защите прав лиц, участвующих в деле, помимо этого, исключается возможность вынесения противоречивых решений в отношении одного и того же предмета спора.

Ключевые слова: лица, участвующие в деле, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, гражданский процесс, судопроизводство, процессуальная экономия.

THE IMPORTANCE OF THE PARTICIPATION OF THIRD PARTIES IN THE CIVIL PROCESS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Annotation: the relevance of the chosen topic lies in the fact that the civil proceedings in the courts of general jurisdiction may affect the interests of not only persons directly involved in the process, but also those who do not take such part in it - third parties. The purpose of the study is to identify and reveal the significance of the institution of third parties in civil proceedings. According to the results of the study, the following conclusions were obtained: the involvement of third parties contributes to the consideration of the situation from different angles, clarification of all the circumstances of the case and comprehensive protection of the rights of persons involved in the case, in addition, the possibility of making contradictory decisions regarding the same subject of dispute is excluded.

Key words: persons participating in the case, third parties making independent claims regarding the subject matter of the dispute, third parties not making independent claims regarding the subject matter of the dispute, civil procedure, legal proceedings, procedural economy.

Помимо спорящих сторон в гражданском процессе могут участвовать и иные лица, именуемые третьими лицами. Данное обстоятельство объясняется тем, что судебный процесс может отразиться не только на интересах истца и ответчика, но и на интересах тех лиц, кто непосредственного участия в нем не принимает. Зачастую, говоря про участников гражданского процесса, данной категории участников уделяется минимальное значение, т.к. все внимание на себя «перетягивают» стороны. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [1] (ГПК РФ) определяет третьих лиц, как лиц, чьи права и интересы могут быть затронуты данным судебным разбирательством, либо которые обладают важной для разрешения гражданского дела информацией о происходящих событиях. Еще до принятия судьей решения о необходимости включения в гражданский процесс третьего лица крайне важным является

установление факта его правовой связи со сторонами, отношения к имеющемуся спору, возможного наличия у лица информации, имеющей значение для правильного разрешения спора, а также рассмотрение вопроса о том, каким образом включение третьего лица способно повлиять на время рассмотрения дела (затягивание судебного разбирательства недопустимо) и итоги процесса.

Для участия в судебном разбирательстве третье лицо может заявить ходатайство самостоятельно либо быть привлеченным на основании ходатайства одной из сторон или по инициативе суда, в свою очередь, специфика отечественного законодательства заключается в особой важности подготовительной стадии судебного разбирательства. Установив отсутствие необходимости дальнейшего участия третьего лица в процессе, суд уже не имеет права исключить данного участника и в случае неверного принятия решения о его включении, такое лицо будет затягивать разбирательство [2, 193].

Процессуальное законодательство определяет две категории третьих лиц – это третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора - ст. 42 ГПК РФ и третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора - ст. 43 ГПК РФ.

Первая категория третьих лиц приравнивается по процессуальному положению к истцу. Данные участники гражданского процесса имеют схожие права и обязанности, отличие состоит в отсутствии обязанности у третьего лица предпринимать меры к досудебному урегулированию спора. Обозначить свои требования относительно предмета спора данный участник имеет право по собственной инициативе до вынесения судебного решения судом первой инстанции. Таким образом, принципиальным отличием в статусе истца и третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, является вступление последнего в уже начатый по инициативе истца судебный процесс. В соответствии с ГПК РФ и Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации «О подготовке гражданских дел к

судебному разбирательству» [3]: при вступлении в процесс третьего лица, рассмотрение дела в суде производится с самого начала.

Однако в научных кругах не сложилось единого мнения о том, в отношении кого третье лицо, может предъявить свои требования: в отношении истца, в отношении ответчика или в отношении как первого, так и второго. Исходя из анализа научной литературы, большинство ученых в данной отрасли права склонны к третьему варианту [4, 41]. Объясняется это тем, что независимо от того, к какой стороне третье лицо предъявляет свои требования, оно в любой ситуации влияет на сам предмет спора, тем самым затрагивает права и интересы всех участников спорного правоотношения. Интересы и истца, и ответчика противопоставляются интересам третьего лица, оспаривающего предмет возникшего спора и обе спорящие стороны выступают по отношению к третьему лицу ответной стороной. На практике это выглядит следующим образом: исходя из материалов дела, Карпова Е.Н. и Карпова В.Н. предъявили требования к администрации муниципального образования «Благовещенское» о признании права общей долевой собственности на жилой дом и земельный участок в порядке наследования. Третье лицо - Авская А.В. заявила самостоятельные требования относительно предмета спора, прося суд признать за ней в порядке наследования право собственности на 1/3 доли в праве общей долевой собственности на спорный земельный участок и жилой дом, в виду того, что ее мать, наследником которой она является, при жизни наравне с истцами фактически приняла перешедшее в порядке наследования имущество. Суд удовлетворил требования Карповой Е.Н. и Карповой В.Н. частично и признал за ними по 1/3 доли в праве общей долевой собственности на земельный участок и жилой дом. Требование Авской А.В. удовлетворил полностью и признал за ней в порядке наследования право собственности на 1/3 доли на каждый из перечисленных объектов [5].

Второй группой третьих лиц являются третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора. Данные участники гражданского процесса имеют интерес только в исходе рассматриваемого дела, что обуславливается возможностью предъявления регрессного иска. В отличие от первой группы третьих лиц, указанные лица могут вступать в уже в начатый гражданский процесс как по инициативе других лиц, участвующих в деле, так и по инициативе суда, но только на стороне истца или ответчика, т.е. на той стороне, с которой они имеют материально-правовую связь. Несмотря на данное обстоятельство, третьи лица наделены процессуальной самостоятельностью и не обязаны согласовывать свои действия со стороной, на которой выступают, но они не имеют право изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований, отказаться от иска, предъявить встречный иск, заключить мировое соглашение, требовать исполнения решения суда. Безусловно, самым важным отличием, закрепленным в наименовании данной группы третьих лиц, является отсутствие у последних притязаний относительно предмета спора. Эта группа третьих лиц имеет в научных кругах неоднозначную оценку, в частности, не утихает вопрос об ее практической значимости и необходимости выделения. Подкрепляется это тем, что привлечение третьих лиц затягивает процесс, т.к. является усложнением субъектного состава, требующим обеспечения должного участия данной категории третьих лиц в деле [5, 138]. Кроме того, сложность обеспечения такого участия заключается в невозможности точного определения круга лиц, привлечение которых необходимо в качестве третьих лиц без самостоятельных требований. В совокупности тезисов, указанная точка зрения сводится к выводу о том, что привлечение в процесс третьих лиц без самостоятельных притязаний на предмет спора создает препятствия для реализации принципа процессуальной экономии.

Оппонирует ей иная точка зрения, согласно которой основанием для участия третьих лиц без самостоятельных требований в процессе чаще всего является наличие регрессного обязательства, право на осуществление которого и подтверждает значимость участия данных субъектов. Обратимся к практике: согласно материалам дела 15.12.2020 ФИОЗ, управляя автомобилем, допустила наезд на пешехода. Гражданская ответственность собственника транспортного средства была застрахована в ПАО СК «Росгосстрах». Потерпевшее лицо (ФИО4) обратилась к последнему с заявлением о наступлении страхового события. Страховая выплата была произведена в размере 475 000 рублей. Однако, ввиду того, что в момент совершения дорожно-транспортного происшествия водитель ФИОЗ находилась в состоянии алкогольного опьянения, ПАО СК «Росгосстрах» в адрес последней была направлена претензия с предложением возместить причиненный ущерб в добровольном порядке. Оставление данной претензии без ответа и послужило поводом для обращения в суд. Определением суда к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, на стороне истца привлечена ФИО4. Требования ПАО СК «Росгосстрах» о взыскании с ФИОЗ в свою пользу суммы ущерба в порядке регресса в размере 475000 руб. были удовлетворены [6].

Еще одним примером может служить следующее дело с участием третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора. Пищальникова Т.И. обратилась с требованием к Администрации Чусовского городского округа Пермского края о признании за ней права собственности. Спорный объект недвижимости ранее принадлежал ее умершему отцу – «И», после смерти которого, ее мать – «М» совершила действия по фактическому принятию наследства. После смерти «М» истец также фактически приняла после нее наследство. Определением суда в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, привлечены Семенова Е.И. и Никова Т.И.,

которые подтвердили доводы истца об обстоятельствах фактического принятия наследства «И» и «М». Суд признал за Пищальниковой Т.И. право собственности на спорное имущество [7].

Таким образом, нельзя недооценивать значение участия третьих лиц в судебном процессе. Для реализации в полной мере принципов гражданского судопроизводства, привлечение третьих лиц обязательно, данное положение основывается на содержании пп.4 п.4 ст.330 ГПК РФ: «судебное решение может быть отменено, если оно затрагивает права и обязанности лиц, не привлеченных к участию в деле». Рассматривая приведённые примеры из судебной практики, можно сделать вывод о том, что именно привлечение третьих лиц способствует всестороннему объективному рассмотрению дела, выяснению всех его обстоятельств и комплексной защите прав лиц, участвующих в деле, помимо того, исключается возможность вынесения противоречивых решений в отношении одного и того же предмета спора. Институт третьих лиц в гражданском процессе является необходимым и значимым, как способствующий принятию судом законного и обоснованного решения.

Список литературы

1. Гражданский Процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 17.02.2023). // «Российская газета» от 20 ноября 2002 г. № 220.
2. Мирошниченко И.Р. Некоторые проблемные вопросы участия третьих лиц в гражданском судопроизводстве // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. №6(58). С. 193- 196.
3. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.06.2008 №2 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // «Бюллетень» Верховного Суда Российской Федерации, сентябрь 2008 г., № 9
4. Осипов А.В. Особенности участия третьих лиц в гражданском процессе // Нацразвитие. Наука и образование. 2021. №3. С. 39-41.

5. Виноградова С.Э. Практическая значимость участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора // Вестник науки. 2022. № 5 (50). Т.5. С. 136- 140.

6. Решение № 2-635/2020 2-635/2020М-616/2020 М-616/2020 от 29 сентября 2020 г. по делу № 2-635/2020 Вельский районный суд (Архангельская область)

7. Решение № 2-1274/2021 2-17/2022 2-17/2022(2-1274/2021;)-М-1426/2021 М-1426/2021 от 17 февраля 2022 г. по делу № 2-1274/2021 Шелеховский городской суд (Иркутская область).

8. Решение № 2-431/2021 2-431/2021М-235/2021 М-235/2021 от 23 марта 2021 г. по делу № 2-431/2021 Чусовской городской суд (Пермский край).

Яценко Анастасия Олеговна
Бесельман Илона Владимировна
Российский государственный университет правосудия
Крымский филиал
Россия, Симферополь
Yatsenkoao@mail.ru
ilonabeselman@mail.ru
Yatsenko Anastasia
Beselman Ilona
The Crimean branch of the FSBEIHE
The Russian State University of Justice
Russia, Simferopol

СВОЕВРЕМЕННОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема надлежащего и своевременного извещения участников гражданского судопроизводства. Значительное внимание авторы уделили способам извещения и проблемам в их реализации на практике. Выделяются и описываются характерные особенности несовершенства правового регулирования института судебных извещений и вызовов. На основании анализа авторы стремились продемонстрировать необходимость отдать предпочтение электронному оповещению участников судебного разбирательства, параллельно используя традиционные. Представлены авторские взгляды на новые средства связи и доставки процессуальной информации.

Ключевые слова: судебные извещения, вызовы, своевременное извещение, задачи гражданского судопроизводства, электронное правосудие, гражданский процесс.

TIMELY NOTIFICATION OF PARTICIPANTS IN CIVIL PROCEEDINGS: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation: this article deals with the problem of proper and timely notification of participants in civil proceedings. The authors paid considerable attention to notification methods and problems in their implementation in practice. The characteristic features of the imperfection of the legal regulation of the institution of judicial notices and challenges are highlighted and described. Based on the analysis, the authors sought to demonstrate the need to give preference to electronic notification of participants in the trial, simultaneously using traditional methods. The author's views on new means of communication and delivery of procedural information are presented.

Key words: court notices, challenges, timely notification, tasks of civil proceedings, electronic justice, civil procedure.

Процессуальный закон определяет временные границы для совершения определенных процессуальных действий, которые являются одной из проблем разрешения гражданских споров. Проблема срочности разрешения гражданских споров взаимосвязана со своевременным и надлежащим извещением участников гражданского судопроизводства в связи с чем, имеет подспорье для научных дискуссий и законодательных совершенствований.

Акцентируя внимание на статье 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ГПК РФ), подчеркнем, что несоблюдение задач гражданского судопроизводства приводит, во-первых, к существенному нарушению норм материального и процессуального права, а во-вторых, к изменению исхода дела и сложности в восстановлении нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников процесса [2].

Авторы обращают внимание, что практика Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 18-КГ18-74 отмечает «необходимость неукоснительного соблюдения, установленного гражданским

процессуальным законодательством, порядка извещения участвующих в деле лиц, причем в деле должны сохраняться необходимые доказательства, подтверждающие факт их надлежащего извещения» [4].

Суды должны выполнять процессуальные требования и, более того, принимать необходимые меры к правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. Вследствие сказанного, сложно утверждать, что на сегодняшний день существует налаженный механизм извещений и вызовов, причиной чему является изначально неверно сформулированная процессуальная норма.

Судебным извещениям и вызовам отведена глава 10 ГПК РФ. В части 1 статьи 113 ГПК РФ содержится положение о том, что лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату [2].

В целом законодатель не ограничил правоприменителя в выборе и иных информационных средств, например, СМС-извещения, однако в чем разница между извещением и вызовом? Авторы отмечают, что данная норма не дифференцирует понятия «извещение» и «вызов». Так, если вызов принуждает лиц явиться на судебное заседание в назначенное место и время, то извещение может быть проигнорировано субъектами сложившихся правоотношений.

Для устранения такой неопределенности было бы целесообразно внести изменения в статью 113 ГПК РФ, дав определения понятиям «извещение» и «вызов», например, следующего содержания:

«Судебное извещение – уведомление органами правосудия, облеченное в форму официального документа, юридически заинтересованных в исходе дела

лиц о времени и месте судебного заседания или совершении отдельных процессуальных действий»;

«Судебный вызов – требование органов правосудия, облеченное в форму официального документа и направляемое свидетелям, экспертам, специалистам и переводчикам для содействия в осуществлении правосудия под угрозой привлечения к установленной законодательством Российской Федерации ответственности».

Подобные дефиниции внесли бы ясность в деятельности правоприменителя. Кроме того, предусмотрев дефиниции, стоит задача во внесении изменений в иные нормативные правовые акты, в частности, не забывая об Инструкциях по судебному делопроизводству, призванные обеспечить нормальное функционирование документирования и документооборота судов судебной системы России.

Таким образом, установить факт о судебном заседании возможно посредством надлежащего направления, а также получения извещения или вызова адресатом. Как отмечается в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции», в подготовительной части судебного разбирательства надлежит устанавливать, извещены ли неявившиеся лица о времени и месте судебного заседания с соблюдением требований закона о необходимости вручения копий искового заявления ответчику и третьим лицам и извещений всем участвующим в деле лицам в срок, достаточный для своевременной явки в суд и подготовки к делу (статьи 113, 114 ГПК РФ) [6].

Соответственно, если суд надлежаще и своевременно не известит лиц, участвующих в деле, о месте и времени заседания, то нарушаются основные требования об извещениях и вызовах, установленные ГПК РФ, а также направленность судебного разбирательства, включая соблюдение принципов

состязательности и равноправия сторон, и процессуальные права на компетентную и эффективную судебную защиту, гарантированную каждому частью 1 статьи 46 Конституцией РФ [1].

В ходе анализа действующего законодательства следует отметить, что гражданское законодательство закрепляет различные формы (способы) извещения, однако, исходя из практики их применения, выделяются следующие проблемы реализации.

1. Извещение или вызов заказным письмом с уведомлением о вручении. С нашей точки зрения данный способ не зря указан первый, так как уведомление о вручении заказного письма с проставленной подписью адресата является достоверным доказательством его получения в судебном разбирательстве.

Название данного способа говорит само за себя, подчеркивает особую ценность и важность, утрата же такого письма непосредственно повлечет ряд неблагоприятных последствий как для отправителя и получателя, так и почтовой организации.

Однако заказное письмо с уведомлением о вручении так же, как и любой способ, может быть подвержен ненадлежащему или халатному исполнению работниками почтовых организаций своих функций, что повлечет утрату либо письма, либо уведомления.

В любой непредвиденной ситуации, особенно при отправке важной судебной документации, необходимо сохранить квитанцию об оплате почтовых услуг, единственная которая подтвердит отправление письма в судебном разбирательстве.

2. Извещение судебной повесткой с уведомлением о вручении. У данной формы извещения и вызова можно подчеркнуть рабочее действие, но не эффективность. Повестка заранее ставит истца в затруднительное положение ввиду того, что ответчик до последнего уклоняется в ее принятии. Тем самым,

ответчик чинит препятствия для осуществления правосудия и своим бездействием оттягивает наступление судебного разбирательства.

3. Извещение телефонограммой. При рассмотрении данного способа необходимо поставить вопрос о его допустимости. Не всегда лицо отвечает на незнакомые входящие номера телефонов, в особенности на звонки рекламного характера (спам-звонки), или не все добросовестные граждане перезванивают на пропущенный вызов. Более того, лицо в любое время может сменить номер телефона и тогда известить становится намного труднее. Главная проблема состоит в подтверждении получения входящего вызова адресатом.

На сегодняшний день необходимо урегулировать данный вопрос посредством ведения аудиозаписи со сохранением разговора на жесткий-диск, а также введением специального журнала телефонограмм с указанием даты и времени звонка, ФИО должностного лица и адресата.

4. Извещение телеграммой. Считаем, что данный способ уже устаревший и так же, как и судебная повестка, предполагает уклонение адресатом в ее принятии. Вместо телеграммы возможно использование СМС-извещения в различных мессенджерах с копиями подтверждения, например, скриншоты, которые можно считать электронными доказательствами по делу (электронные письма или сообщения, электронная переписка) даже, если они не заверены (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2) [5].

Однако в полной мере отказываться от такого способа извещения без надобности. Телеграмму стоит использовать для отдаленных территорий нашей страны, где мобильная связь или Интернет-связь недоступны, или слабо используются. При необходимости отправление важной информации через телеграмму и ее вручение становятся доказательствами по делу.

5. Извещение по факсимильной связи. Названный способ представляет интерес в сфере кибербезопасности в связи с тем, что факсимильные аппараты

обладают большей безопасностью в использовании, но меньшей оперативностью по сравнению с электронными письмами. При использовании факсимильной связи существует большая вероятность обеспечить конфиденциальность данных, но в тот же момент, сложность в идентификации личности отправителя, в особенности его подписи и соблюдения режима использования.

6. Извещение через иные средства связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату [8, с.191].

Следует обратить внимание, что одним из средств извещения лица возможно по месту его работы. Данный способ включает посредника, которым выступает работодатель. Именно на него возлагается обязанность оповестить своего работника о вызове в судебное заседание в обозначенное место и время. В целом способ оперативный, но в тот же момент, не все лица могут заниматься трудовой деятельностью в организациях, предприятиях, учреждениях. В современном обществе многие являются самозанятыми или свободными работниками (фрилансеры).

Еще одним способом являются СМС-извещения по номеру телефона, имеющие преимущества и недостатки. Наличие мобильных телефонов не является редкостью, поэтому отправка СМС-извещений так же не исключение сегодняшнего дня. Подобный способ оперативный (направление и получение сообщения в считанные доли секунды), экономный (сохранение бюджетных средств на почтовые и иные услуги), конфиденциальный (отсутствие посредников, если не считать кибератаки) и действенный (сокращение сроков рассмотрения и разрешения дел).

Однако, если лицо не давало согласие на оповещение его таким способом, то уведомить СМС-извещением попросту не получится. В иной ситуации, участник процесса дает расписку о согласии оповещения и обязательство по

мониторингу СМС в телефоне. Несмотря на вышеперечисленные преимущества, данный способ имеет существенный недостаток – ненадежность. Стоит задуматься о том, каким способом продублировать извещение, если лицо не читает сообщения? Скорее всего, в такой ситуации вступит в силу судебная повестка и последствия ее непринятия [7, с. 214].

Так же можно отметить, что существует извещение через курьера. В названном способе появляется посредник, на которого возлагается обязанность известить лицо о назначенном судебном разбирательстве и вручить повестку. Как и в иных случаях курьер должен взять с лица расписку, однако ответчик может так же отказаться в принятии повести или иной важной информации. Тогда именно курьер выступит в подтверждение того, что ответчик надлежаще проинформирован, то есть будет допрошен, как свидетель по соответствующему делу.

Авторы указывают, что среди иных средств связи и доставки следует выделить извещение через истца. Ответчик может быть уведомлен истцом о судебном заседании, однако может отказать принимать ту же повестку или давать расписку, как и в остальных случаях. Наличие конфликта и материально-правового требования к ответчику отталкивают в принятии важных документов. Заинтересованность в большей степени имеется со стороны истца, желающий мирно и эффективно разрешить конфликт.

Таким образом, авторы считают необходимым постепенный переход на электронные условия существования процесса при сохранении традиционного (бумажного) документооборота. Наличие современных информационно-телекоммуникационных технологий вынуждают внедрить их в практику в качестве определенной альтернативы. Общество и правосудие должны развиваться одновременно с технологиями сегодняшнего дня [11, с. 5].

Учитывая тот факт, что субъекты гражданского судопроизводства могут для защиты своих прав и законных интересов так же подать документы

процессуального характера различными способами, например, через «Электронное правосудие» подсистемы «Интернет-портал» Государственной автоматизированной системы РФ, а также электронную почту и Интернет-сайт суда, однако в целях идентификации личности, важно предоставить электронную подпись. Только в таком случае документы, подтверждающие тот же факт принятия извещения, будет рассмотрен и принят к производству.

Следует обратить внимание, что существует презумпция, предлагающая следующее: если лицо знает о наличии судебного разбирательства, то оно надлежаще извещено, что подтверждается частью 1 статьи 117 ГПК РФ [2]. Ни для кого не секрет, что арбитражный процесс и делопроизводство на несколько лет вперед ушли в своем развитии нежели гражданское судопроизводство.

Авторы полагают, что развитие гражданского законодательства в исследуемом направлении началось с принятия Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором законодатель ввел в оборот действенный Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (портал «Госуслуги») или систему электронного документооборота участника процесса [3]. Указанные функционалы стоит развивать, как способы извещения субъектов судопроизводства, разработав надлежащий механизм работы в рамках извещений о возбуждении производства по делу.

В законодательстве закреплена еще одна альтернатива электронного оповещения сторон по размещению на официальном сайте суда в сети «Интернет» информации, которая учитывает данные о номере дела, времени его слушания и месте проведения, а также судьи, рассматривающий дело. Такой способ должен использоваться не только при наличии технических средств связи, но и как реальность электронного оповещения, согласно пункту 10 главы 2 Обзора изменений, внесенных в ГПК РФ Федеральным законом от 28.11.2018

№ 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12].

Решение проблемы ненадлежащего уведомления предлагают Олюнин М.А. и Гринь Е.А. посредством создания специализированного органа по вопросам судебных извещений [10, с. 100]. Соответственно, деятельность ФГУП «Почта России» исключается и появляется орган с должностными лицами и четко прописанными трудовыми обязанностями. Однако возникают справедливые вопросы о том, кто профинансирует создание отдельного уполномоченного органа в сфере судебных оповещений, а также должны ли сотрудники и должностные лица пройти обучение и обладать компетенцией в выбранном направлении деятельности?

Малинский Ю.В. предлагает разработать мобильное приложение «Российское судопроизводство». Данное приложение будет направлено как для отслеживания самого хода процесса, поддержания связи с судом, так и для новостей, касающихся изменений в судебной системе, законодательстве, поддержания межведомственного взаимодействия и т.д. [9, с. 27].

Так же можем отметить, что альтернатива в данном вопросе уже найдена и она заключается в использовании информационно-телекоммуникационных технологий: портал «Госуслуги», размещение информации на сайте суда, электронная почта. Каждая технология имеет и положительные, и отрицательные стороны, однако внесение изменений в гражданское законодательство посредством указания на номера телефонов, адреса электронной почты и иные способы электронного уведомления оправдают себя, так как судебная система в России развивается с каждым днем, где судебная реформа и цифровизация общественной жизни тому подтверждение.

Для гражданского процесса портал «Госуслуги» выступает оперативной и удобной формой оповещения. Спустя некоторое время данная форма оправдает

свое введение на практике и будет развита на уровне электронного функционала арбитражного процесса.

Таким образом, авторы приходят к выводу, что электронное правосудие кардинально влияет на институт судебных извещений и вызовов, и всеми силами старается предпринять меры по его усовершенствованию в гражданском процессе. Касаемо недопущения злоупотребления процессуальными правами, законодателю стоит отдавать предпочтение электронному оповещению участников судебного разбирательства, а именно функционалу портала «Госуслуги», параллельно используя традиционные.

Приведенные нововведения и предложения будут направлены на борьбу со злоупотреблениями процессуальными правами, а, значит, количеством обжалований судебных решений, их пересмотром и отмены, и, более того, сокращением сроков судебных разбирательств и затягиванием процесса.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46 ст. 4532.

3. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2022 г. № 1 (часть I) ст. 9.

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 18-КГ18-74. [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29052018-n-18-kg18-74/>.

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2. [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07022023-n-5-kg22-144-k2/>.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции». // Российская газета от 2 июля 2008 г. № 140.

7. Круглова, В. С. СМС - извещение в гражданском процессе / В. С. Круглова, Е. Г. Белова // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 12. – С. 213-215.

8. Лошкарев, А. В. Проблема извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве / А. В. Лошкарев, А. В. Фадеев, А. Г. Федякина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 1-2(40). – С. 190-193.

9. Малинский, Ю. В. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в институт извещения и уведомления в сфере судопроизводства / Ю.В. Малинский // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – №1. – С. 25-32.

10. Олюнин, М. А. К вопросу об институте надлежащего извещения участников гражданского процесса / М. А. Олюнин, Е. А. Гринь // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 73-5. – С. 98-100.

11. Саврасова Л.Н., Мешалкина А.В. Извещение участников гражданского судопроизводства с применением информационных технологий // Международный студенческий научный вестник. – 2017. – № 6. [Электронный ресурс] // URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=17941>.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

12. Обзор изменений, внесенных в ГПК РФ Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/77563968/>.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 343.1

Фам За Хюи

Волгоградская академия МВД Российской Федерации

Факультет подготовки иностранных специалистов

Россия, Волгоград

huyphamhnbk@gmail.com

Фам Ньы Хан

Академия народной безопасности

Кафедры профессионального фундаментального

Вьетнам, Ханой

nik.fam.89@mail.ru

Pham Gia Нуу

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Faculty of training foreign specialists

Russia, Volgograd

Pham Nhu Хан

People's security academy

Department of professional fundamentals

Vietnam, Hanoi

**СБОР ЭЛЕКТРОННЫХ СЛЕДОВ С МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ В
ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВО ВЬЕТНАМЕ**

Аннотация: в последние годы в мире, а также во Вьетнаме, наряду с непрерывным развитием технологий, все большее развитие получают мобильные телефоны, которые становятся основным средством общения и работы людей. Вместе с появлением многофункциональных смартфонов увеличилось и количество дел, связанных с мобильными телефонами. Во многих случаях мобильные телефоны используются в качестве криминального оружия.

Преступники могут использовать телефоны для сохранения личной информации, обмена письмами, чата, доступа к социальным сетям, сайтам ставок на футбол, игре в онлайн-лотерею. В данной статье рассматривается проблема сбор следов с мобильных устройств для расследования преступлений.

Ключевые слова: след, сбор, преступник, уголовное дело, мобильный телефон, криминальный.

COLLECTING ELECTRONIC TRACES FROM MOBILE DEVICES DURING CRIME INVESTIGATION IN VIETNAM

Annotation: In recent years in the world, and also in Vietnam, along with the continuous development of technology, mobile phones have become increasingly developed and are becoming the main means of communication and work for people. Along with the emergence of multifunctional smartphones, the number of cases involving mobile phones has also increased. In many cases, mobile phones are used as a criminal weapon. Criminals may use phones to store personal information, exchange emails, chat, access social media, football betting sites, play online lotteries... This article discusses the problem of collecting traces from mobile devices for the investigation of crimes.

Key words: trace, collection, criminal, criminal case, mobile phone, criminal.

Во Вьетнаме, в некоторых случаях, при сборе и использовании информации с мобильных устройств, можно найти много важных доказательств, которые невозможно получить традиционными методами расследования. Поэтому понимание того, как хранятся данные и их используются операционные системы в современных телефонах, поможет в сборе данных и управлении ими, тем самым повышая эффективность борьбы с преступностью.

В настоящее время электронные данные в телефонах очень разнообразны, поэтому существует множество критериев классификации для улучшения сбора

и анализа данных для расследования. Одна из популярных классификаций заключается в том, что на основе операционной системы телефона можно классифицировать типы телефонов, использующих операционную систему, такие как IOS, ANDROID, WINDOWPHONE, BLACKBERRY, FUNTOUCH... Или может быть основаны на расположении хранения данных, которые можно разделить на внутренней памяти, на SIM-карте, в картах памяти, либо основаны на форме существования телефонных данных, которые делятся на данные в виде символов, изображений, звуков... Кроме того, существует множество других классификаций, основанных на конкретных критериях, таких как: на основе типа извлекаемых и восстанавливаемых данных (сообщения, изображения, местоположения, история звонков...); на основе статуса электронных данных (скрытые, удаленные, существующие) или также могут быть основаны на цели использования данных (данные передаваемые, данные получаемые).

Статья 99 Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама 2015 г. (в дальнейшем - УПК Вьетнама 2015 г.) гласит: Электронные данные - как источник доказательств, определяемые как «символы, буквы, числа, изображения, звуки или аналогичные форматы, созданные, сохраненные; переданных или полученных с помощью электронными средств» [1]. Это положение демонстрирует последовательность и конкретизирует понятие «данные» в Законе об электронных сделках 2006 года: «Данные — это информация в виде символов, букв, цифр, изображений, звуков и т. д. в штриховом или аналогичном формате» [2]. Однако только после выхода УПК Вьетнама 2015 г. электронные данные были узаконены в качестве одного из источников доказательств.

Так что можно сказать, что информационные на телефонах как один из источников доказательств и должны собираться в соответствии с ст. 107 и ст.196 УПК Вьетнама 2015 г., во время расследования уголовного дела.

Статья 107 УПК Вьетнама 2015 г. — «Сбор электронных средств и электронных данных». В пункте 1 этой статьи еще раз гласит: «Электронные носители должны быть изъяты своевременно и в полном объеме, с точным описанием фактического положения и опломбированы сразу же после изъятия. Опломбирование и снятие пломб осуществляются в соответствии с законодательством.

Статья 196 УПК Вьетнама 2015 г., регулирует изъятие электронных носителей и электронных данных следующим образом: «Изъятие электронных средств и электронных данных производится лицом, компетентным в ведении процессуальных действий, и может быть предметом судебного разбирательства...».

Следственные органы должны собирать данные, полученные с мобильных телефонов, записаны в протоколе, и сразу опечатаны [3, с. 20].

По сути, электронные данные — это символы, буквы, изображения, звуки и тому подобное, которые создаются, сохраняются, передаются или получают с помощью электронных средств, включая данные, которые были удалены, перезаписаны, скрыты, зашифрованы и сделаны читаемыми, видимыми, перезаписываемыми для использования в качестве доказательств [4, с.124].

Поэтому для повышения эффективности обнаружения и сбора электронных данных с мобильных телефонов, необходимо понять механизм формирования и характеристики электронных данных на мобильных телефонах.

Механизм формирования электронных данных на телефоне формируется из взаимодействия между физическими объектами, которые является результатом операций на телефоне программного обеспечения обработки ввода пользователя.

Основные стадии совершения преступления с использованием мобильных телефонов:

- Приготовление к преступлению: это период получения информации извне в мобильный телефон с помощью клавиатуры, камеры, микрофона и т.д. Большинство электронных следов правонарушений формируется в этот период.

- Обеспечения обработки данных: на этом периоде программное обеспечение может создавать свои собственные данные для хранения данных во время обработки и в тоже время может записывать промежуточные результаты или записывать обработку. Этот шаг формирует электронные следы, о которых пользователь может не знать. Окончанием этого периода является сохранение обработанных данных в электронной памяти телефона или их передача [5, с.43].

- Покушение на преступление: это период, на котором электронные данные передаются с одного телефона на другой телефон или другое электронное устройство через телекоммуникационную сеть или Интернет. На этом периоде злоумышленники могут использовать различные методы и уловки для незаконного доступа к телефону, искажения данных, искажения управляющих программ и передачи вирусов в систему.

- Оконченное преступление: данные, хранящиеся в памяти, могут быть преобразованы в читаемую, понятную форму. На этом периоде саботажа мало, но как только данные будут украдены, злоумышленники могут получить ценную информацию при отображении или печати.

Из изучения механизма формирования видно, что электронные данные на телефоне имеют такую характеристику, что не существуют в обычном физическом виде, а существуют в виде электронной информации и хранятся в памяти телефона. Кроме того, электронные данные имеют динамический характеристики. Динамический характер электронных данных выражаются в способности копировать, перемещаться из одного места в другое, с одного телефона на другой телефон или устройство, из одного формата в другой...

В уголовных и оперативных расследованиях розыск электронных данных с телефона обычно начинается с личной проверки изъятого телефона преступника,

чтобы найти файлы, которые содержат значимую информацию, доказывающую истинность дела. Особое внимание следует уделить документам, таблицам, изображениям, информации, электронным письмам, чатам, отражающим размещение и загрузку объектов. Это могут быть ценными доказательствами в борьбе с преступниками [6, с.31].

Сбор данных — это использование всей информации на телефоне, включая сохраненную информацию и удаленную информацию. Телефонная сим-карта также является устройством, которое хранит много информации. На сим-карте часто сохраняются MMS-сообщения, контакты... Поэтому в процессе интеллектуального анализа данных на сим-карте также является важным шагом. Интеллектуальный анализ данных на сим-карте может проводиться непосредственно через телефон или подключиться к компьютеру с помощью устройства чтения сим-карты [7]. У каждого типа телефона будет свой метод интеллектуального анализа данных, в зависимости от типа полученного телефона, который технические специалисты решат, какой метод использовать.

На практике, для эффективной работы все методы должны следовать следующей последовательности:

Шаг 1: Арестуйте телефон в соответствии с законом, чтобы избежать потери информации на телефоне и обеспечить правильную юридическую процедуру.

Шаг 2: когда телефон находится в режиме энергосбережения, кажется, что выключен, но на самом деле телефон включен. Нажмёте любую кнопку на телефоне, чтобы проверить ее статус.

Шаг 3: Проверьте, есть ли в телефоне сим-карта. Если телефон использует сим-карту, перейдите к процедуре интеллектуального анализа данных сим-карты. Если телефон использует технологию CDMA, интеллектуальный анализ данных проводится только на телефоне.

Шаг 4: включите питание и перейдите к следующим шагам, чтобы использовать информацию на телефоне.

Шаг 5: Проверьте характеристики телефона, изучите спецификации, чтобы придумать разумный метод сбора данных. Этот шаг требует от технического специалиста обладать знаниями и пониманием типов телефонов и их характеристик.

Шаг 6: Составьте план анализа.

Шаг 7: Проверьте, поддерживает ли телефон подключение к компьютеру? Какие инструменты интеллектуального анализа данных можно использовать?

Шаг 8: Используйте инструменты для сбора, анализа и восстановления данных на телефоне. В зависимости от данных, которые будут использоваться, выберите правильный инструмент для сбора, чтобы достичь максимальной эффективности.

Шаг 9: Используйте методы интеллектуального анализа данных для выполнения процесса интеллектуального анализа данных на мобильных телефонах.

Шаг 10: после использования всей информации на устройстве выключите питание и извлеките сим-карту из устройства, чтобы переключиться на процесс оценку сим-карты.

При создании электронной копии трассировки для анализа необходимо использовать зашифрованные хэш-значения (MD5, SHA). Целью хеш-значения является проверка подлинности и целостности данных в качестве точной копии исходных данных [8]. Значение хэша очень важно, особенно когда оно используется в качестве доказательства в суде, потому что изменение даже самого маленького бита данных создает совершенно новое значение хэша.

Таким образом, мобильные телефоны содержат много ценной информации для следственной деятельности. Однако это данные, которые легко потерять, много данных просто отключают питание, данные больше не существуют.

Поэтому процесс проведения оперативно-розыскных, таких как: осмотр места, обыск, сбор электронных данных... требует тщательной подготовки кадров и технических средств; Процесс резервного копирования должен полностью резервировать содержимое, такое как: Объекты для резервного копирования, объекты хранения, методы резервного копирования и присваивать значения хэша для резервного копирования. Любой недостаток в процессе сбора и хранения, может вызвать юридические проблемы.

В целях повышения эффективности расследования и разрешения дел необходимо полностью и более подробно дополнить порядок извлечения и оценки источников доказательств, указанные в статьях 87, 88, 99, 107 УПК Вьетнама 2015 г.

Список литературы

1. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 101/2015/QH13 ngày 27.11.2015 /Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №101/2015/QH13 27 ноября 2015 г. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx> (Дата обращения: 18.07.2023)

2. Luật Giao dịch điện tử nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam Số: 51/2005/QH11 ngày 29 tháng 11 năm 2005/ Законе об электронных сделках Социалистической Республики Вьетнам №51/2005/QH11, 29 ноября 2005 года. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thuong-mai/Luat-Giao-dich-dien-tu-2005-51-2005-QH11-6922.aspx> (Дата обращения: 17.07.2023)

3. Nguyễn Quang Lộc, Các biện pháp điều tra tố tụng đặc biệt quy định trong BLTTHS 2015, Tạp chí Tòa án nhân dân, số 21/2017, tr. 20. / Нгуен Куанг Лок, Специальные следственные и процессуальные меры, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом 2015 года, Журнал народного суда, № 21/2017, с.20.

4. Nguyễn Văn Huyền, Lê Lan Chi, Bình luận khoa học BLTTHS 2015, Nxb Lao động 2016, tr.124. / Нгуен Ван Хуен, Ле Лан Чи, Научный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу 2015 г., Издательство труда, 2016 г., с.124.

5. Phạm Minh Tuyên, Thu thập, kiểm tra, đánh giá và nguyên tắc sử dụng chứng cứ trong tố tụng hình sự, Tạp chí kiểm sát số 21/2017, tr.43./ Фам Минь Туен, Сбор, исследование, оценка и принципы использования доказательств в уголовном процессе, Журнал прокуратуры № 21/2017, с. 43.

6. Bùi Việt Hùng, Chứng minh và chứng cứ trong Bộ luật tố tụng hình sự 2015, Tạp chí kiểm sát số 5/2018, tr.31/ Буй Вьет Хунг, Доказательства в Уголовно-процессуальном кодексе 2015 года, Журнал прокуратуры № 5/2018, с.31.

7. Một số vấn đề về sử dụng chứng cứ trong luật tố tụng hình sự Việt Nam [Электронный ресурс] URL: <http://luatsuquangthai.vn/mot-so-van-de-ve-su-dung-chung-cu-trong-luat-to-tung-hinh-su-viet-nam-129-a3id> (Дата обращения: 10.07.2023)

8. Hash Là Gì Và Hash Dùng Để Làm Gì? [Электронный ресурс] URL: <https://codelearn.io/sharing/hash-la-gi-va-hash-dung-de-lam-gi> (Дата обращения: 18.07.2023)